

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

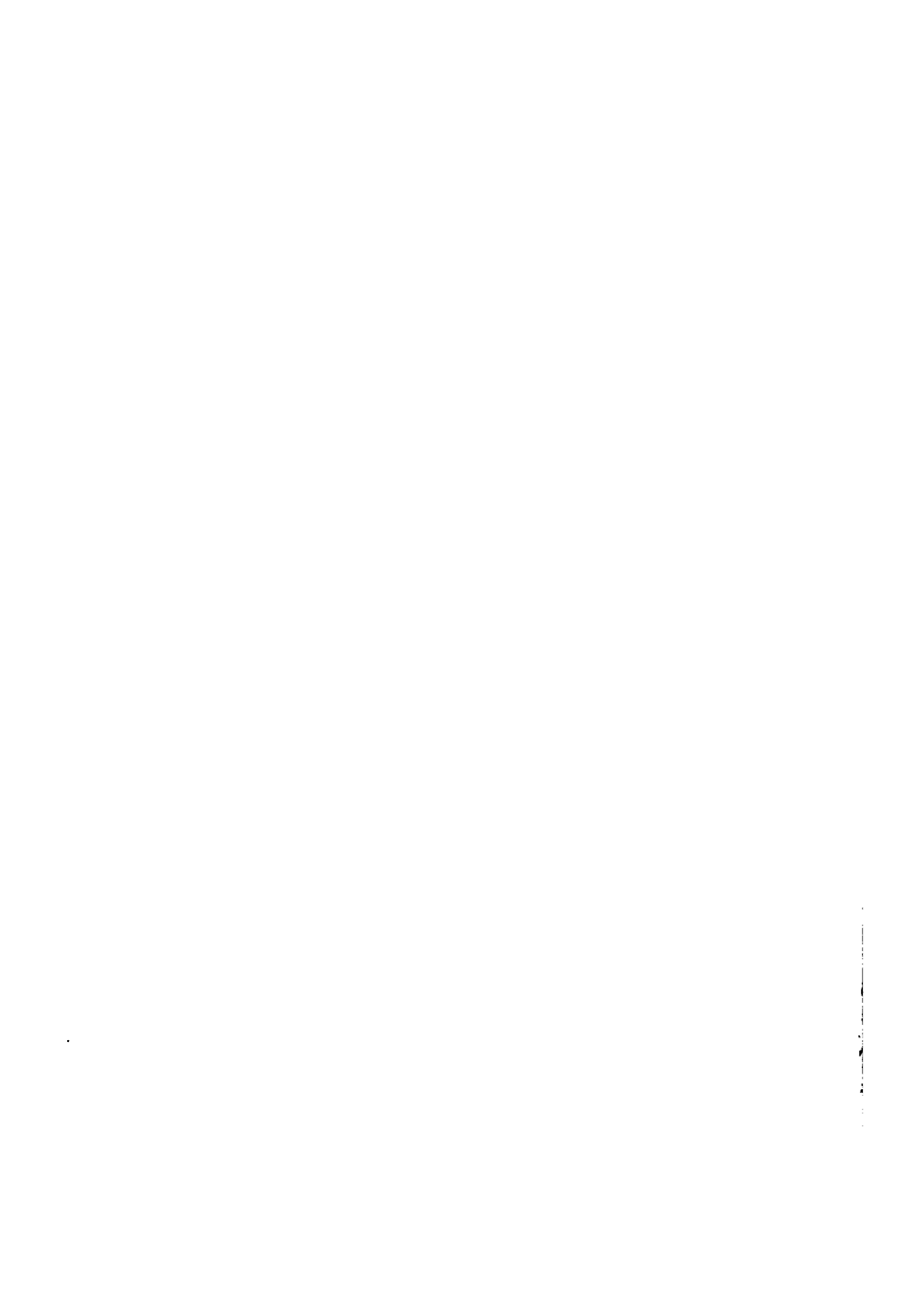
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries.*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

ДѢЛА И ЛЮДИ ВЪКА.

ГРЯВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

Мартыанов, Петр Кузьмич

П. К. МАРТЪЯНОВА.

X 83294
ор 28539

118

561

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Р. Р. ГОЛІКЕ. СПАСКАЯ УЛ. № 17.

— 3V AT.Front
1896.

7

AC
65
.M38
v.3

548531-172

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25. D. C.

Март'яновъ, Р. в. Куз'мичъ

ДѢЛА И ЛЮДИ ВЪКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

П. К. МАРТЪЯНОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

№ 3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1896.

ОТЪ АВТОРА.

Съ 1863 года статьи мои по нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ и отрывки изъ старой записной книжки появлялись въ спеціальныхъ, историческихъ и литературныхъ журналахъ и газетахъ. Въ нихъ затрогивались, освѣщались и уяснялись нѣкоторые факты, имѣвшіе непосредственную связь съ движеніемъ общественной жизни, или касавшіеся извѣстныхъ событій и дѣятелей. Эскизы и наброски эти, не смотря на ихъ краткость, сжатость и отрывочность, не чужды значенія, въ особенности по отношенію къ будущему, какъ отклики и отголоски жизни и дѣятельности кипучаго и полнаго всевозможныхъ интересовъ XIX вѣка. Собрать ихъ воедино и зареестровать въ особомъ изданіи, казалось мнѣ—дѣломъ не только полезнымъ, но и необходимымъ, такъ какъ у насъ вообще не мало статей, имѣющихъ историческое значеніе, погребается въ періодическихъ изданіяхъ, а статьи эти, съ теченіемъ времени, по трудности отысканія ихъ, забываются и остаются для публики совершенно неизвѣстными. Никто, конечно, не будетъ оспаривать той святой истины, что все мы живемъ не исключительно для себя, а для того, чтобы, по мѣрѣ силъ и способностей, быть полезными другимъ. По завѣтамъ Евангелія, никто не долженъ заковырять въ землю дашнаго ему Господомъ Богомъ, хотя бы и самаго малаго и ничтожнаго таланта, иначе онъ отнимется отъ него. Руководясь подобными воззрѣніями, я приступилъ къ изданію сборника какъ

попавшихся въ печати статей и отрывковъ изъ старой записной книжки моей, такъ и непечатанныхъ еще матеріаловъ, подъ общимъ заглавіемъ: **«Дѣла и люди вѣка»**. Въ первой половинѣ 1893 года мною выпущены въ свѣтъ—**первый, а во второй—второй томъ** этого сборника. Конечно, они не получили еще всеобщей, или, по крайней мѣрѣ, должной извѣстности; но я не считаю возможнымъ и претендовать на это: всякая книга у насъ, за исключеніемъ **легконкрылыхъ**, идетъ туго, по образу вѣснаго хожденія, и слава Богу, если она когда нибудь добредетъ до своей конечной цѣли. Для пріямѣра можно указать хотя бы на сочиненія недавно скончавшагося критика, эстетика и философа **Н. И. Страхова**; первое изданіе ихъ лежало десяткомъ экземпляровъ лѣтъ нераскупленнымъ. **«Подожди, подожди, подожди, золотые вѣка вперед!»** говоритъ нашъ извѣстный поэтъ **Н. О. Щербина**; значить, нужно подождать, — ну, и подождать: еще не нынче умираемъ!...

Впрочемъ, я, лично на особенное забвеніе жаловаться не могу. Тѣ лица, которые удостоили прочтенія первые два тома упомянутого выше моего изданія, отзывались о нихъ съ похвалою. Но что особенно порадовало меня, скажу даже болѣе—восхитило душу мою, какъ автора, это—то, что сказанные 1-й и 2-й томы моего Сборника **«Дѣла и люди вѣка»**, вмѣстѣ съ изданнымъ одновременно съ ними въ третьемъ изданіи **«Словаремъ-альбомомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка»** удостоились поднесенія Государю Императору Александру Александровичу, были Его Императорскимъ Величествомъ милостиво приняты, и мнѣ объявлена Монаршая благодарность. Высочайшая милость эта передана мнѣ, чрезъ наше посольство въ Парижѣ, въ отношеніи командующаго императорскою главною квартирою, генералъ-адъютанта Рихтера (по канцеляріи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ) отъ 10 Декабря 1893 года, за № 41506, нижеслѣдующаго содержанія:

«Отставной полковникъ .Петръ Мартыановъ симъ извѣщается, что Государь Императоръ, удостоивъ принять составленныя имъ, Мартыановымъ, книги, подъ заглавіемъ: «Словарь-альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка» и «Дѣла и люди вѣка», Всемилостивѣйше повелѣтъ соизвоилъ: «благодарить его, Мартыанова, за означенныя подношенія».

Всѣхъ за симъ я удостоился получить благосклонные отзывы и увѣдомленія и отъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ то: бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря П. П. Дурново, министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря, графа П. Д. Делянова, бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника, генералъ-лейтенанта В. В. фонъ-Валя и многихъ другихъ.

Такое милостивое вниманіе къ трудамъ малозвѣстнаго писателя ободрило меня и подвигнуло рѣшиться продолжать начатое мною изданіе. Результатомъ рѣшимости этой является настоящій третій томъ моего сборника **«Дѣла и люди вѣка»**. Но такъ какъ матеріалы, собранныя мною, въ «Старой записной книжкѣ», далеко еще не исчерпаны, то я лично себя надеждою современемъ, если средства позволятъ, выпустить въ свѣтъ еще нѣсколько томовъ сказаннаго сборника.

Петръ Мартыановъ.

С.-Петербургъ.
Апрѣль 1896 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ III ТОМА

	стр.
Мартыновскія бумаги	1
Слуга поэта Лермонтова Христофоръ Саникидзе и его рассказы о немъ	23
Какъ былъ погребенъ поэтъ М. Ю. Лермонтовъ	28
Вискоматовскій списокъ поэмы Лермонтова «Демонъ» въ Им- ператорской публичной библиотекѣ	43
Кто виноваты: В. В. Крестовскій, Д. Д. Мининъ или П. С. Лёс- ковъ?	94
Г.г. Погодина и газета «Минанъ»	108
Ружелюты	142
Письмо къ генералу Фонсека	152

Обозрѣніе художественныхъ сокровищъ въ Петербургѣ:

а) На академической выставкѣ 1886 года	161
б) На передвижной выставкѣ 1886 года	165
в) На академической выставкѣ 1887 года	168
г) На передвижной выставкѣ 1887 года	171
д) На академической выставкѣ 1888 года	173
е) На передвижной выставкѣ 1888 года	176
ж) На академической выставкѣ 1889 года	179
з) На передвижной выставкѣ 1889 года	182
и) На академической выставкѣ 1890 года	192
і) На передвижной выставкѣ 1890 года	189
к) На академической выставкѣ 1891 года	192
л) На передвижной выставкѣ 1891 года	196
м) На академической выставкѣ 1893 года	198
н) На передвижной выставкѣ 1893 года	201
о) На академической выставкѣ 1894 года	204
п) На передвижной выставкѣ 1894 года	208
р) На выставкѣ картинъ въ пользу бѣдныхъ художниковъ	201

На частных выставках:

	СТР.
е) Передъ картиной Сухоронскаго «Магдалина»	210
т) На выставкѣ скульптуры Лансере и Обера	211
у) На выставкѣ картинъ Айвазовскаго	212
ф) Передъ картиной Клевера «Мѣсной царь»	213
х) Передъ картиной Вейса «Влюбленный левъ»	213
ц) Передъ картиной Рѣпина и Айвазовскаго «А. С. Пушкинъ на берегу моря»	214
ч) Передъ картиной Семирадскаго «Фрина»	214
ш) На выставкѣ картинъ Франца Жмурко	214
щ) Передъ картиной Сухоронскаго «Въ пльну»	215
ъ) На выставкѣ скульптуры Антокольскаго	215
Первый концертъ А. Г. Рубинштейна	217
Въ переломѣ вѣка: I Гардомарини	220
» II Морички	245

Изъ запаса памяти.

Императоръ Николай I на пароходѣ «Камчатка»	285
Государи цесаревичъ Александръ Николаевичъ и кадеты I ка- детскаго корпуса	286
Императоръ Александръ II и. Ожель	290
На вечерѣ въ Анничковскомъ дворцѣ	291
Большій князь Николай Николаевичъ и генераль Сиворцовъ	292
Графъ Аракчеевъ и реинвортъ	293
Декабристъ Вольфъ и поручикъ Ивановъ	293
Генераль фонъ-деръ Лауницъ	294
Генераль, графъ Никитинъ	296
Генералы Тришатилай и Станковичъ	298
Генераль Тренонъ и купецъ Палкинъ	299
Генераль фонъ-Клауфманъ	300
Генераль Величко	300
Купецъ Фирсановъ	301
Генераль Ванновскій	301
Юнкера Журново и Кривошеинъ	302
Князь Долгоруковъ	303
Митрополитъ Филаретъ	304

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строки</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
1	18	суда	и суда
9	12	Лормонтопскомъ	Лермонтовскомъ
23	11	времяпрпровожденія	времяпровожденія
64	27	1851 года	1841 года
97	15	знакокомиться	знакомиться.
100	20	компата	компанія
109	16	вы уже	вы же
126	24	разговоры	разговоры
127	12	состопніе	состояніе
148	26	подобран	подобная

МАРТИНОВСКІЯ БУМАГИ.

АКОНЕЦЪ, въ № 8 «Русскаго Архива, за 1893 годъ, появились «Мартыновскія бумаги», объ оставленіи которыхъ покойнымъ Николаемъ Соломоновичемъ Мартыновымъ такъ шумно возгвѣстили «Московскія» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ 1876 году ¹⁾, и прочтенія которыхъ въ свое время не могли добиться ни редакторъ «Русской Старины» М. Н. Семеvскій, ни біографъ поэта Лермонтова—П. А. Висковатовъ.

Находясь зиму 1893—1894 годовъ за границей, я не имѣлъ возможности прочесть появившуюся въ печати пресловутую рукопись и оцѣнить ее своевременно. Нынѣ же, возвратясь въ отчизну, спѣшу сдѣлать это, такъ какъ разсмотрѣніемъ и безпристрастной оцѣнкой рукописи и приложений къ ней будетъ положенъ конецъ разномыслию о причинахъ дуэли поэта Лермонтова съ Мартыновымъ.

Мартыновскія бумаги состоятъ изъ: а) отрывковъ изъ его автобіографическихъ записокъ; б) копій съ показаній и частной переписки во время слѣдствія суда; в) выдержекъ изъ семейныхъ писемъ, и г) послѣсловія князя Д. Д. Оболенскаго.

Отрывковъ изъ автобіографическихъ записокъ Мартынова напечатано три: Вступленіе, Исповѣдь и Описаніе экспедиціи дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году.

Къ начертанію своихъ «Записокъ» Мартыновъ приступилъ въ 1869 году, въ виду появившагося въ печати приглашенія вокальсья посредствомъ нескренняго разсказа объ отношеніяхъ къ убитому имъ поэту.

¹⁾ №№ 44 и 51.

«Это приглашеніе,—пишетъ онъ въ «Вступленіи къ запискамъ»,— навело меня на мысль, что со смертію моею, по всей вѣроятности, явится въ печати и не одна статья въ обвиненіе мое, въ укоръ памяти моей. Чтобы дать возможность дѣтямъ своимъ защитить память отца отъ незаслуженнаго укора, я рѣшился оставить записки. При чемъ будутъ приложены подлинныя документы слѣдственной коммисіи, потомъ суда и вся подсудная переписка съ секундантами, которая никогда свѣта не видала, но способна сама пролить свѣтъ на темныя стороны дѣла».

Намѣреніе исполнѣть похвальное, если бы оно, конечно, было исполнено. Но въ дѣйствительности гораздо легче давать обѣщанія, нежели исполнять ихъ: въ напечатанныхъ отрывкахъ «Записокъ» ничего въ оправданіе памяти ихъ автора не оказалось.

Но перейдемъ къ сущности дѣла.

«Съ чего начать,—восклицаетъ автобіографъ въ «Вступленіи»:— вѣроятно, читателямъ будетъ необыкновенно познакомиться съ характеромъ Лермонтова, какъ я понималъ его, и прослѣдить наши сношенія съ нимъ. Общаю говорить какъ можно меньше о себѣ и рассказать все, что только принимаю о Лермонтовѣ».

И онъ обрисовываетъ наружность и особенности характера Михаила Юрьевича, во время совместнаго ихъ пребыванія въ юнкерской школѣ, въ слѣдующемъ очеркѣ.

«Наружность его весьма неизрочна: маленькій ростомъ, кривоногій, съ большою головою и непомѣрно широкимъ туловищемъ, но выстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное, обыкновенное выраженіе глазъ въ покой — нѣсколько томное, но козь скоро онъ воодушевлялся, какъ, напримѣръ, проказами или школьничествомъ, глаза его начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа налево, и эта безостановочная работа съ одного человѣка на другого производилась иногда по нѣскольку минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ не видалъ. Глаза устаютъ гоняться за его взглядомъ, который ни на секунду не останавливался ни на одномъ предметѣ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ общемъ впечатлѣніи этого неумоимаго взгляда, сравнить его можно только съ механикой на картинахъ волебнаго фонаря, гдѣ такимъ образомъ передвигаются глаза у звѣрей. Волосы у него были темныя, но довольно рѣдкіе, съ свѣтлою прядью немного

повыше лба, виски и лобъ весьма открытые, зубы превосходные бѣлые и ровные какъ жемчугъ. Какъ я уже говорилъ, онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади, но какъ въ наше время преимущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно, — не могъ быть красивъ на лошади; поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школу не слыли и на ординарцы его не посылали... По пѣшему фронту Лермонтовъ былъ очень плохъ, тѣ же причины, какъ и въ конномъ строю, но еще усугубленныя, потому что пѣшкомъ его фигура еще менѣе выносима критику... По пятницамъ у насъ учили фехтованію, классъ этотъ обязательнъ для всѣхъ юнкеровъ, и оставались на выборъ каждому рапира или эспадронъ. Я гораздо охотнѣе дрался на сабляхъ. Въ числѣ моихъ товарищей только двое умѣли и любили такъ же, какъ и я, это занятіе: то были Моллеръ и Лермонтовъ. Танцевалъ онъ ловко и хорошо. Умственное развитіе его было на столько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ школу уже человѣкомъ, много читалъ, много передумалъ, тогда какъ другіе еще взглядынались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и возрѣніями на людей далеко оставлялъ ихъ за собою. Изъ наукъ Лермонтовъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался русскою словесностью и исторіей. Вообще онъ имѣлъ способности весьма хорошія, но съ любовью относился только къ этимъ двумъ предметамъ».

На этомъ начатый очеркъ пріостановленъ, и слѣдующій отрывокъ имѣетъ уже заглавіе «Исповѣдь» и помѣту: 15 Іюля 1871 года.

«Сегодня минуло ровно 30 лѣтъ,—начинаетъ свою «Исповѣдь» Николай Соломоновичъ, — какъ я стрѣлялся съ Лермонтовымъ на дуэли. Трудно повѣрить! 30 лѣтъ — это почти цѣлая жизнь человѣческая, и мнѣ памятнымъ малѣйшія подробности этого дня, какъ будто происшествіе случилось вчера. Углубляясь въ себя, переносясь мысленно за 30 лѣтъ назадъ и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена, и остатокъ дней моихъ сочтешь, я чувствую желаніе высказаться, потребность облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ заветныхъ помысловъ моихъ и движеній сердца по поводу этого несчастнаго событія».

Благое намѣреніе высказалъ автобіографъ, но, къ сожалѣнію, оно такъ и осталось только благимъ намѣреніемъ.

Изъ «Исповѣди» мы узнаемъ только, что Михаилъ Юрьевичъ былъ добрый человѣкъ отъ природы, но свѣтъ его испортилъ, такъ что всѣ хорошія движенія сердца, всякій порывъ нѣжнаго чувства онъ старался также тщательно въ себѣ заглушать и скрывать отъ другихъ, какъ другіе стараются скрывать свои гнусные пороки. Въ доказательство сказаннаго Мартыновъ ссылается на отношенія поэта къ женщинамъ. Лермонтовъ, по его словамъ, считалъ постыднымъ признаться, что любилъ какую-нибудь женщину, что приносилъ какія-нибудь жертвы для этой любви, что сохранилъ уваженіе къ любимой женщинѣ: въ его глазахъ все это было романтизмъ, напускная экзальтація, которая не выдерживаетъ ни малѣйшаго анализа. Къ этому онъ прибавлялъ, что Лермонтовъ въ юнкерской школѣ былъ школяромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Чтобы охарактеризовать его съ этой стороны, Николай Соломоновичъ привелъ слѣдующій случай. Среди юнкеровъ существовалъ обычай подвергать различнымъ испытаніямъ, порою даже весьма чувствительнымъ, всѣхъ вновь поступившихъ въ школу новичковъ, и Лермонтовъ былъ самымъ яркимъ послѣдователемъ этого обычая. Онъ давалъ новичкамъ насмѣшливыя прозвища, преслѣдовалъ ихъ сарказмами и не давалъ имъ покоя по ночамъ. Но его инициативѣ, въ силѣхъ старшихъ юнкеровъ, была сформирована для проказа особая «Нумидійскій эскадронъ». Юнкера этого эскадрона, по вечерамъ, когда новички были въ постеляхъ, вдругъ всѣ вставали, садились одинъ на другого верхомъ, накрывались простынями и, набравъ въ стаканы воды, по командѣ: «съ правой ноги въ галонъ!», мчались въ спальни новичковъ и спавшихъ обливали водой.

На этомъ свѣдѣніи о Лермонтовѣ въ «Исповѣди» обрываются.

Въ слѣдующемъ затѣмъ «Описаніи экспедиціи дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году» мы находимъ только, что Мартыновъ, отправившись въ апрѣлѣ того года на Кавказъ, постигъ проездомъ Москву, гдѣ въ то время жили его родители и сестры, и прогостилъ у нихъ болѣе двухъ недѣль, и что въ это время прѣхала также въ Москву и Михаилъ Юрьевичъ, съ которымъ онъ тамъ, до своего отъѣзда въ концѣ апрѣля, видѣлся почти каждый день, завтракалъ вмѣстѣ у Яра, но въ свѣтъ они показывались мало.

Вотъ все, что Н. С. Мартыновъ нашелъ возможнымъ сказать въ своихъ «Запискахъ» объ убитомъ имъ poetѣ. Оказалась ли шапка автобіографа не по головѣ красавца-кавалериста, или заявленная имъ

программа «Записокъ» — высказаться, облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ и движеній сердца по поводу несчастной дуэли, на столько противорѣчила его лживымъ о причинахъ дуэли рассказамъ въ извѣстныхъ кружкахъ лицъ, что могла бы повредить ему въ свѣтъ, или же внезапно вспыхнувшее чувство порядочности не позволило ему повторить печатно то, что онъ рассказывалъ близкимъ людямъ, — мы не знаемъ. Но только «Записки» неожиданно прерываются въ самомъ началѣ, и въ результатѣ получилось одно: гора родила мышь.

Къ «Запискамъ» приложены слѣдующія бумаги: 1) вопросные пункты, данные Н. С. Мартынову слѣдственной комиссіей, и его на нихъ отвѣты; 2) нѣсколько записокъ и писемъ самого Мартынова, его секундантовъ и другихъ лицъ во время производства слѣдствія по дѣлу дуэли; и 3) вопросные пункты, данные Мартынову пятигорскимъ окружнымъ судомъ, и его на нихъ отвѣты.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ бумагъ, необходимо пояснить слѣдующее. Военно-слѣдственная комиссія по дѣлу о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ была учреждена по предписанію мѣстнаго начальства. А такъ какъ Мартыновъ находился въ отставкѣ, то, по распоряженію этого начальства, съ окончаніемъ слѣдствія, его долженъ былъ судить пятигорскій окружной, т. е. гражданскій судъ. Но въ Петербургѣ взглянули на дѣло иначе и предписали предать его, вмѣстѣ съ прочими участниками дуэли, военному суду. Показанія, данныя имъ въ слѣдственной комиссіи, такимъ образомъ были представлены вмѣстѣ съ дѣломъ въ военный судъ и послужили основаніемъ къ сужденію. Что же касается показаній, данныхъ пятигорскому окружному суду, то они остались безъ послѣдствій. Но мы, въ видахъ выясненія спорныхъ вопросовъ о причинахъ дуэли, о секундантахъ и др., приведемъ также и нѣкоторыя показанія, данныя Мартыновымъ окружному суду.

Сущность показаній Николая Соломоновича заключается въ слѣдующемъ. На вопросы комиссіи онъ заявилъ: а) что причиной дуэли были шутки, остроты и неспріятныя выходки со стороны Лермонтова, разгнѣвившіяся острымъ объясненіемъ на вечерѣ у Верзилиныхъ, и что вражды и ссоры у нихъ прежде никакой не было; б) что секундантами находились: у него — Габбровъ, а у Лермонтова — князь Васильчиковъ; в) что выѣхалъ онъ на мѣсто дуэли изъ своей квартиры верхомъ, а бѣговыя дрожки далъ Габ-

бону, Лермонтовъ же съ кн. Васильчиковымъ догнали его уже на дорогѣ, выйдявъ изъ дому тоже верхомъ; г) что никого, кромѣ ска-
занныхъ лицъ, на мѣстѣ дуэли не было; и никто рѣшительно не
зналъ объ ней; и д) что стрѣлялись на лѣвой сторонѣ горы, по
дорогѣ, ведущей въ колонію, вблизи кустарника, для чего былъ
отмѣренъ барьеръ въ 15 шаговъ и отъ него въ каждую сторону
еще по десяти, что каждый изъ стрѣлявшихся имѣлъ право стрѣ-
лять, когда ему издумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру,
и что онъ первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени
выстрѣла Лермонтова, потомъ спустил курокъ. Въ отбѣтахъ же
окружающему суду онъ, кромѣ того, сказалъ, что злобы къ Лермон-
тову никогда не питалъ и ссориться съ нимъ не задумывалъ. По-
сѣлинокъ былъ совершенно случайный, и въ справедливости ска-
заннаго согласенъ на секундантовъ. Что же касается вопроса: не
остался ли Лермонтовъ на мѣстѣ живъ и не говорилъ ли чего при
процѣсѣ, Мартыновъ показалъ, что отъ сдѣланнаго имъ выстрѣла
противникъ упалъ, и хотя признаки жизни еще были видны въ
немъ, но онъ уже не говорилъ, и что онъ поцѣловалъ его и тот-
часъ же отправился домой. О взятіи тѣла убитаго отозвался въ
комиссіи незнающій, такъ какъ, возвратясь домой, онъ послалъ
человѣка за оставшеюся на мѣстѣ прощешствія черкесской, чтобы
явиться въ ней къ коменданту, и объ остальномъ ничего не знаетъ.

Выше мы упомянули, что Мартыновъ по «Ветупленію» сказалъ,
что къ его «Запискамъ» будетъ приложена «Подсудная перенеска
съ секундантами», которая способна пролить свѣтъ на темныя сто-
роны дуэли. Дѣйствительно «Подсудная перенеска» эта прило-
жена. Она весьма характеристична, такъ какъ даетъ возможность
судить, на сколько данныя Мартыновымъ показанія обстоятельны,
точны и правдивы. Но мы не будемъ касаться всей перенески,
не имѣющей въ данномъ случаѣ интереса, приведемъ только тѣ
записки кн. Васильчикова и Глѣбова, которыя писаны ими къ
Мартынову, во время нахождения его подъ арестомъ, съ цѣлю —
заставить его давать показанія, не исполнѣ согласныя съ истиной,
но могущія ослабить суровую отвѣтственность за совершенное пре-
ступленіе.

Вотъ что писали они:

«Посылаю тебѣ брѣвонъ 8 ст., ты къ нему можешь приба-
вить по твоему разумію, но это сущность нашего отбѣта. Про-
чіе отбѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая

того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной (Глѣбовымъ). Ты такъ и скажи. Лермонтовъ же поѣхалъ на моей лошади—такъ мы и пишемъ. Сегодня Траскинъ еще разъ гонорилъ, чтобы мы писали, что до насъ относится четыредѣль: двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ».

«Признаемся тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно. Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но и потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю, и советуемъ не тому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь. Въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не подходилъ на себя, бросился къ Лермонтову, какъ онъ упалъ, и простился съ нимъ. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Трубенцаго и Столыпина, которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ».

«Надѣмся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣмъ средствами уговаривали. Придя на барьеръ, ты написши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова. Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждалъ тому три недѣли, чтобы тотъ не шутилъ на твоей счетъ. О неселостяхъ Кисловодска писать нечего. Я долженъ же сказать, что уговаривали тебя на условія болѣе легкія, если будешь запросъ. Теперь покажется не упоминай объ условіи трехъ выстрѣловъ; если же позже будетъ о томъ запросъ, тогда дѣлать нечего, надо будетъ сказать всю правду».

Черновыя отвѣты (бруаюны) были приложены при запискахъ слѣдующія:

«Отвѣтъ на 8 ст. Вслѣдствіе словъ Лермонтова: «вмѣсто пустыхъ угрозъ и пр.», которые уже были нѣкоторымъ вызовомъ, я на другой день требовалъ отъ него формальнаго удовлетворенія. Васильчиковъ и Глѣбовъ старались меня примирить съ Лермонтовымъ, но я отвѣчалъ, что: 1) предупреждалъ Лермонтова не сѣяться надо мною; 2) что слова Лермонтова уже были вызовъ; особенно настаивая на эти слова Лермонтова, которыя въ самомъ дѣлѣ тебя ставили въ необходимость его вызвать, или, лучше сказать, были уже вызовъ. Вотъ краткіе бруаюны, обдѣлай по этому плану».

«Отвѣтъ на 4-й вопросъ. Глѣбовъ ѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ, Васильчиковъ—верхомъ».

«Въ 6-мъ вопросѣ: вмѣсто «въ домѣ Верзилиныхъ», написать: «въ одномъ частномъ домѣ».

Изъ этихъ выписокъ видно, что показанія Мартынова и его соучастниковъ на слѣдствіи и судѣ не были обстоятельны, точны и правдивы. Не будемъ, однако, удивляться этому, постараемся лучше объяснить данный случай имѣющимися на лицо фактами.

Дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ по тому времени являлась событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, даже на Кавказѣ, гдѣ бои и смерть были явленіями самыми обыденными. Лермонтовъ, какъ поэтъ-преемникъ Пушкина, какъ гвардеецъ, переведенный для выслуги въ армію, или же, наконецъ, какъ лицо, извѣстное въ высшихъ сферахъ Петербурга и только что возвратившееся оттуда съ усиленными рекомендаціями обратить на него особенное начальническое вниманіе, — волей неволей обращалъ на себя взоры всего официального и неофициального міра. Смерть его перенесла всѣхъ. Начальника войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, генерала графа Граббе, въ то время въ Ставрополѣ не было: онъ выступилъ съ отрядомъ за Кубань. Обязанности его временно исполнялъ начальникъ штаба, флигель-адъютантъ Траскинъ²⁾, давшій лично Лермонтову, при возвращеніи послѣдняго изъ Петербурга, позволеніе ѣхать, вмѣсто отряда, на воды въ Пятигорскъ. Конечно, онъ перетрусился болѣе всѣхъ и впопыхахъ прискакалъ въ Пятигорскъ, для того, чтобы разузнать причины дуэли, степень виновности прикосновенныхъ къ ней лицъ, распорядиться производствомъ формальнаго разслѣдованія дѣла коммиссіею, какъ можно важнѣе, и чтобы личнымъ своимъ вниманіемъ предупредить могущія возникнуть въ разнородномъ на водахъ обществѣ недовольство и порицаніе, и дать извѣстное направленіе общественной мысли по поводу смерти поэта и ея послѣдствій. Это былъ лѣтний, гордый, надменный и самолюбивый человекъ, любившій пожить, пожуировать, поволочиться³⁾, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень дорожилъ собственной персоной. Ему необходимо было, чтобы смерть Лермонтова не возбудила въ Петербургѣ неудовольствія ни по поводу событія, ни въ отношеніи дѣйствій мѣстныхъ властей.

---

²⁾ Впослѣдствіи начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

³⁾ Записки М. И. Ольшескаго («Русская Старина», 1893 годъ, № 6).

Съ этой цѣлью имъ былъ назначенъ въ слѣдственную комиссію, учрежденную пятигорскимъ комендантомъ, для вѣщаго наблюденія и руководства, — «свой глазъ», жандармскій подполковникъ Кувшинниковъ (засѣдавшій потомъ и въ судѣ). Затѣмъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше записокъ секундантовъ, онъ вносилъ въ непосредственные переговоры съ участниками дуэли, опредѣлялъ и указывалъ имъ: что и какъ должны они показывать на слѣдствіи и судѣ. При такой постановкѣ дѣла слѣдствіе и судъ велись чрезвычайно быстро. Все дѣлопроизводство ихъ, какъ мы имѣли возможность убѣдиться изъ подлиннаго слѣдственнаго и военно-суднаго дѣла о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ, находящихся въ Лермонтовскомъ музѣе, ограничивалось снятіемъ съ привлеченныхъ къ отвѣственности лицъ по одному показанію, составленному по заранѣ данному руководителемъ брѣвону. Никакихъ передопросовъ или очныхъ ставокъ имъ сдѣлано не было. никто изъ постороннихъ не допрашивался, и въ концѣ концовъ получился желаемый выводъ, что всему виною былъ самъ убитый. Быть можетъ, все это имѣло свою хорошую сторону: слѣдователи и судьи работали безъ большого обремененія, масса свидущихъ лицъ оставлены въ покоѣ, Мартыновъ получалъ внушеніе, оба секунданта оправданы, и, главное, начальство не волновалось... Но для потомства стало ясно, что показанія, на которыхъ зиждется приговоръ суда, были если не всё, то въ большей части ложны...

Любопытнымъ можетъ показаться нѣкоторымъ читателямъ вопросъ: почему Глѣбовъ, этотъ другъ и секундантъ Михаила Юрьевича, послѣ смерти его тотчасъ подпалъ подъ вліяніе его противниковъ и былъ на судѣ и слѣдствіи солидаренъ съ ними?

Въ его пользу мы можемъ привести слышанный нами въ 1892 году отзывъ о немъ Дмитрія Аркадьевича Столыпина, товарища и родственника М. Ю. Лермонтова ¹⁾.

Это былъ, — приводитъ только общіе штрихи разсказа, — честный, прямой и благородный человѣкъ, съ открытымъ, мягкимъ и добро-

¹⁾ Умершаго въ 1893 году. Въ біографіи его, появившейся въ газетѣ «Новое Время», заявлено, что онъ находился секундантомъ на дуэли Лермонтова. Но это не вѣрно. Секундантомъ на первой дуэли Лермонтова съ барономъ де-Варантомъ былъ, какъ извѣстно, Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, родной братъ Дмитрія Аркадьевича.

душнымъ характеромъ; но онъ былъ тогда еще очень молодъ, въ немъ таилась какая-то дѣвчья застычивость, такъ что товарищи, съ легкой руки Михаила Юрьевича, звали его «баронессой». Никакой выдающейся роли въ своемъ кружкѣ онъ не игралъ и легко удовлетворялся тѣмъ, что друзья и сослуживцы любили его и уважали. При жизни Лермонтова Глѣбовъ стоялъ къ нему близко, увлекался его умомъ, силой воли и характера, и какъ многіе другіе, тѣснившіеся вокругъ поэта, друзья и почитатели его таланта, подчинялся его авторитету. Но едва поэтъ смежилъ свои очи, его друзьями овладѣлъ страхъ. Въ средѣ ихъ не оказалось никого другого, кто бы замѣнилъ убитого, и кружокъ распался. Поразилъ Богъ пастыря, и овцы разбѣжались. Каждому, въ виду внезапно нагрянувшего сѣдства и суда, пришлось позаботиться о спасеніи собственной личности. Глѣбовъ оказался въ положеніи челоѣка, ущемленнаго несчастіемъ. Дѣйствовать одному прогивъ цѣлой плеяды антагонистовъ убитого — было ему не по силамъ, тѣмъ болѣе, что за нимъ стояло и начальство. Изъ поставленной ему дилеммы: идти противъ — нести отвѣтственность, идти совмѣстно — ждать милости, онъ избралъ послѣднее, по совѣту его товарища по несчастію, князя Васильчикова. Дѣйствія послѣдняго, какъ секунданта-руководителя до роковаго исхода дуэли, уже были описаны. Прибавимъ къ тому, что ему не трудно было овладѣть душою Глѣбова. Его отецъ находился въ Петербургѣ у источника власти и считался большой силой. Поэтому не только Глѣбовъ, но и начальство, съ Траскинымъ во главѣ, смотрѣли на него, какъ на залогъ счастливаго исхода изъ несчастной случайности, и сѣбѣшли помогать ему во всемъ, что онъ находилъ тогда нужнымъ сдѣлать.

Конечно, съ точки зрѣнія идеи правды и чести, Глѣбовъ поступилъ опрометчиво, но родственники убитого поэта свисходительно отнеслись къ нему и дружественныхъ отношеній съ нимъ не прерывали. По словамъ Д. А. Столыпина, онъ въ скорости послѣ дуэли получилъ отъ Глѣбова два письма: одно о положеніи и ходѣ дѣла, хлопотахъ, затрудненіяхъ, боязни и съ десяткомъ разныхъ просьбъ, другое съ описаніемъ дуэли, ея причинъ и послѣдствій. Послѣднее было написано для представленія вліятельнымъ лицамъ въ Петербургѣ и, конечно, какъ официальное, искренностью не отличалось. Оно, по просьбѣ Глѣбова, передано Столыпиннымъ генералъ-адъютанту Философову, чрезъ котораго и получило дальнѣйшій ходъ. «По всей вѣроятности, — сказалъ Дмитрій Аркадьевичъ

въ заключеніе:—оно и понынѣ хранится гдѣ-нибудь въ архивѣ и современнѣе будетъ найдено».

Но возвратимся къ показаніямъ Мартынова и укажемъ на тѣ, которыя наиболѣе не согласны съ истиной.

По всѣмъ изслѣдованіямъ и свидѣтельствамъ постороннихъ лицъ, собраннымъ въ біографіи поэта, составленной П. А. Впсковатовымъ, и въ статьѣ нашей «Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова» ⁵⁾ установлено, что отношенія Мартынова къ Михаилу Юрьевичу какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе дни были дружественныя, и если какое-нибудь житейское обстоятельство, въ родѣ совмѣстнаго ухода, напримѣръ, за дѣвницей Верзиллиной, вызывали иногда между друзьями вспышки и пикировки, то это не нарушало крѣпкихъ старыхъ товарищескихъ связей, и противники враждовали только на почвѣ любви. Самъ редакторъ «Русскаго Архива», П. П. Бартеневъ, подтвердилъ намъ это весной 1892 года, говоря, что Мартыновъ друженъ былъ съ Лермонтовымъ до послѣдняго столкновенія, никогда и никому никакихъ жалобъ на него не заявлялъ, уважалъ въ немъ умъ, силу воли и мужественный характеръ. Въ доказательство этого онъ привелъ тотъ фактъ, что Лермонтовъ, какъ рассказывалъ ему впоследствии самъ Мартыновъ, не задолго до дуэли пріѣзжалъ къ Николаю Соломоновичу въ степь, гдѣ у него въ недалекомъ разстояніи отъ Пятигорска стоялъ шатеръ въ родѣ калмыцкаго улуса, и провелъ тамъ цѣлый день, жалуясь на духоту окружающей ихъ на водахъ общественной атмосферы. Это—истина, какъ и то, что «досужіе люди», которымъ гений Лермонтова былъ острый ножъ, поссорили ихъ и поставили на барьеръ. Поэтому показанія Мартынова на слѣдствіи и судѣ, что предлогомъ къ ссорѣ никакихъ прежде не имѣлъ, и что поединокъ этотъ вышелъ совершенно случайно, въ виду шутокъ, остротъ и колкостей со стороны Лермонтова, — въ сущности справедливы и подтверждены какъ секундантами, такъ и другими лицами, какъ это видно изъ данныхъ, приведенныхъ въ вышеназванныхъ біографіи и статьѣ.

Но показаніе его, что вызовъ на дуэль послѣдовалъ вслѣдствіе систематичности насмѣшекъ и преслѣдованій его Лермонтовымъ, и что онъ неоднократно поставлялъ на видъ своему антагонисту, что онъ не намѣренъ служить мишенью для его остроу-

---

⁵⁾ «Историческій Вѣстникъ 1892 года, №№ 2, 3 и 4.

мѣя и просилъ его прекратить ихъ,—неверно, такъ какъ изъ приведенной выше записки секундантовъ видно, что это ему подсказано съ цѣлью усилить виновность убитаго.

Далѣе, показаніе, что секундантами были: у Мартынова—Глѣбовъ, а у Лермонтова — князь Васильчиковъ, ложно. Въ дѣйствительности было наоборотъ: у Лермонтова — Глѣбовъ, а у Мартынова — князь Васильчиковъ. Ложное показаніе это дано на свидѣствіи и судѣ только Мартыновымъ, Глѣбовъ же и кн. Васильчиковъ показывали, что они были секундантами, но кто у кого — умалчали. Дѣйствительность нахожденія Глѣбова секундантомъ у Лермонтова удостоверить: Д. А. Столыпинъ, В. П. Чилевъ, П. П. Раевскій и др. Самъ князь Васильчиковъ, этотъ редакторъ Мартыновскихъ показаній на судѣ,—на вопросъ П. А. Висковатова: кто собственно былъ секундантомъ Лермонтова? — отвѣтилъ, что собственно не было определено, кто чей секундантъ. Прежде всего Мартыновъ просилъ Глѣбова, съ коня жила, быть его секундантомъ, а потомъ какъ-то случилось, что Глѣбовъ былъ какъ бы со стороны Лермонтова *).

Гранично и показаніе Мартынова, что онъ выѣхалъ изъ своей квартиры на мѣсто дуэли верхомъ, а бѣговныя дрожки далъ Глѣбову и что Лермонтовъ и князь Васильчиковъ догнали его на дорогѣ, не выѣсть и тѣни правды. Лермонтовъ, какъ извѣстно, еще за два дня до дуэли отпирался въ Желѣзнодорожскъ и возвратился оттуда 15 іюля, Глѣбовъ же встрѣтилъ его въ колоніи Каррасъ, гдѣ они съ дамами обѣдали, и послѣ обѣда поскакали на мѣсто дуэли верхомъ. Что же касается Мартынова и кн. Васильчикова, то они прѣѣхали на мѣсто дуэли на бѣговыхъ дрожкахъ Мартынова. Это удостовѣрено В. П. Чилевымъ, П. П. Раевскимъ и др.

Относительно условій дуэли и о самой дуэли точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Мы знаемъ только то, что случилось. Условія, говорить, были слѣдующія: стрѣляться на пистолетахъ, дистанція 30 шаговъ, но сходитьса на 10-ти шагахъ; Мартынову, какъ обиженному, стрѣлять первому. Глѣбовъ отырилъ дистанцію и бросилъ шапку, а кн. Васильчиковъ оттолкнулъ ее еще на нѣсколько шаговъ. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только растегнулъ сюртукъ. Когда они встали на мѣста, Глѣбовъ подаль пистолетъ Мартынову, а кн. Васильчиковъ — Лермонтову. Послѣдній остался

*) Биографія Лермонтова, стр. 423.

неподвиженъ, и, изведя курокъ, поднятъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ дуэлиста. Когда Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, Мартыновъ подошелъ стремительно къ барьеру и сталъ цѣлять ⁷⁾). Онъ цѣлилъ такъ долго, что Глѣбовъ долженъ былъ крикнуть: «Стрѣляйте..., или я разведу пастъ!... Раздался выстрѣлъ, и поэтъ опустился на землю безъ слова и крика. На слѣдствіи и судѣ показывали секунданты, какъ видно изъ ихъ записокъ, и въ обществѣ объясняли, что выстрѣлъ этотъ — дѣло несчастнаго случая, и что Мартыновъ не хотѣлъ пролить крови. Но это не такъ. Изъ записки секундантовъ мы видимъ, что условлено было произвести, въ случаѣ неудачи, до трехъ выстрѣловъ. Значить, если бы первый выстрѣлъ былъ неудаченъ (Лермонтовъ отказался отъ выстрѣла и стоялъ съ пистолетомъ, поднятымъ дуломъ къверху), Мартыновъ могъ бы стрѣлять второй и третій разы. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, должна была быть если не смерть, то рана и кровь. Секунданты болѣе всего опасались, чтобы объ этомъ не спросили ихъ въ комиссіи, тогда они рѣшили сказать правду. Ложи показаній здѣсь вполне очевидны, это подтверждается даже словами князя Васильчикова, го-горинничаго П. А. Висковатова: «мы дали тогда другъ другу слово молчать и не говорить никому ничего другого, кромѣ того, что будетъ нами показано на формальномъ слѣдствіи» ⁸⁾). На этомъ основаніи онъ и въ послѣдствіи не хотѣлъ возстановить факты въ настоящемъ ихъ значеніи, такъ что и донынѣ подробности смерти поэта остаются невыясненными...

Не будемъ останавливаться на вопросѣ: въ какомъ порядкѣ возвратились лица, участвовавшія въ дуэли; извѣстно и подтверждено, что прежде всѣхъ поскакала Глѣбовъ и явился съ донесеніемъ къ коменданту, а Мартыновъ съ княземъ Васильчиковымъ возвратился на бытовыхъ дрожжахъ. Обратимъ вниманіе на показаніе Мартынова, что Лермонтовъ не былъ убитъ его выстрѣломъ, но только раненъ, и что признаки жизни еще были видны въ немъ, хотя онъ не говорилъ. Значить, ходившіе затѣмъ въ Пятигорскъ слухи, что поэтъ брошенъ былъ на мѣстѣ жинной и скончался спустя послѣ того нѣсколько часовъ, когда его возили въ городъ отъ коменданта

⁷⁾ Показаніе Мартынова, что онъ пришелъ на барьеръ и ждалъ выстрѣла Лермонтова, подсказано запиской секундантовъ.

⁸⁾ Биографія поэта, стр. 423.

на гауптвахту, отъ гауптвахты къ церкви и отъ церкви домой, на квартиру—не лишены основанія. Если это, какъ и многое другое, сказано должно, для уменьшенія ответственности, такъ какъ въ свѣдѣтельствѣ доктора Барклая-де-Толли, производившемся только 17 июля, написано, что Лермонтовъ отъ раны мгновенно на мѣстѣ поединка умеръ. — то да будетъ прощено это участникамъ дуэли. Въ противномъ случаѣ, оставленіе тяжело раненаго на мѣстѣ есть просто преступленіе, такъ какъ они имѣли возможность, для медицинской помощи, отвезти его въ городъ на тѣхъ быговыхъ дрожкахъ, на которыхъ уѣхали сами. Это темное обстоятельство доказываетъ только одно, что противники поэта не считали нужнымъ съ ними церемониться. Чтобы не показаться пристрастными, сошлемся на слѣдующій фактъ: Мартыновъ, какъ видно изъ его показанія, тотчасъ по возвращеніи домой, приказалъ своему человѣку отправиться на мѣсто дуэли, но не для помощи или успокоенія раненаго, а для того, чтобы онъ принесъ оставленную имъ тамъ въопылахъ черкеску. Человѣкъ этотъ, однако, участвовалъ и въ перевозкѣ Лермонтова, но это уже было исполнено имъ по распоряженію мѣстныхъ властей.

Этимъ мы оканчиваемъ разсмотрѣніе историческихъ данныхъ и перейдемъ къ слѣдующимъ, подъ которыми никакой почвы не имѣется. Мы разумеамъ тутъ, конечно: «Выписки изъ семейныхъ писемъ» и «Послѣсловіе князя Д. Д. Оболенскаго». Это не горькое слезоточивое повѣствованіе Николая Соломоновича, имѣвшее задачей — высказаться, облегчить совѣсть откровеннымъ признаніемъ и т. п., а старая, опровергнутая и давно забытая фанфаронада о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ, влѣдствіе непердачи первымъ послѣднему конверта съ письмами или дневниками его сестры.

Въ числѣ семейной переписки напечатаны тѣ три выписки изъ писемъ Мартынова къ отцу, отъ 5 октября 1837 г., и его матери къ нему, отъ 25 мая и 6 ноября, того же года, которая уже были воспроизведены княземъ Д. Д. Оболенскимъ въ № 5754 «Новаго Времени» 1892 года, о посылкѣ съ Лермонтовымъ конверта, въ которомъ находились, между прочимъ, деньги 300 р., и о полученіи Мартыновымъ только денегъ, такъ какъ конвертъ во время пути у Лермонтова былъ украденъ вмѣстѣ со всеми вещами, находившимися въ его чемоданѣ. Историческаго значенія эти письма никакого не имѣютъ, такъ какъ посылка конверта состоялась въ 1837 году, и непердача Лермонтовымъ писемъ или дневниковъ

сестерь Мартынова не могла быть причиною дуэли въ 1841 году. Но легенда создана, и благодаря недобросовѣстности автора и услужливости друзей его, эта злобная и бессмысленная клевета уже болѣе 50 лѣтъ носится надъ могилою безвременно погибшаго поэта.

Но чтобы не показаться голословнымъ, прослѣдимъ ходъ появленія и распространенія въ обществѣ Мартыновской клеветы.

Первый слухъ о письмахъ, какъ причинѣ дуэли, сообщенъ Н. И. Костенецкимъ *) со словъ Мартынова, котораго онъ встрѣтилъ въ концѣ октября 1841 г., когда тотъ, въ ожиданіи рѣшенія своей участи по приговору военнаго суда, находился въ Желѣзнодорожскѣ. Изъ разсказа бывшаго московскаго полицеймейстера Н. И. Огарева, со словъ тоже Николая Соломоновича, мы знаемъ ¹⁰⁾, что на подобное заявленіе натолкнулъ его одинъ изъ находившихся въ 1841 г. въ Пятигорскѣ жандармскихъ офицеровъ ¹¹⁾, который сдѣлалъ нѣчто подобное и въ донесеніи своемъ генералу Дубельту. Выходка эта будетъ вполне понятна, если мы припомнимъ, что генералъ Дубельтъ былъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а графъ Бенкендорфъ, командиръ корпуса, какъ извѣстно, преслѣдовалъ въ послѣднее время поэта и ему, вѣроятно, нужны были подобныя свѣдѣнія для какихъ-нибудь цѣлей.

Но такъ какъ эта ложь никакой почвы подъ собою не имѣла, то она, промелькнувъ, много лѣтъ была предана забвенію. Возобновеніе ея мы видимъ уже послѣ 1870 года, когда появились въ печати первыя предположенія о загадочности смерти поэта. Чтобы отиѣчать на нихъ, князь А. Н. Васильчиковъ принялся за перо, а Н. С. Мартыновъ, по собственнѣйшему ему манеру, сталъ посвящать въ подробности не только друзей, но и постороннихъ лицъ, интересовавшихся событіемъ, своими интимными разсказами. Такъ, мы имѣемъ повѣствованія о письмахъ отъ друзей и почитателей Мартынова, напримѣръ, Н. И. Вартенева ¹²⁾; а затѣмъ и отъ совершенно постороннихъ людей, встрѣтившихся съ Мартыновымъ совершенно случайно, г. Беглинга и доктора Пирожкова ¹³⁾.

*) Его Воспоминанія: «Русскія Старина», 1885 г., № 9 и «Русскій Архивъ», 1887 г., № 1.

¹⁰⁾ Статьи «Новыя свѣдѣнія о Лермонтовѣ»: «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 11.

¹¹⁾ Вѣроятно, «глава Траскина» — Кувшиникъ.

¹²⁾ «Русскій Архивъ», 1887 г., № 1.

¹³⁾ «Шина», 1885 г., № 27.

Такимъ образомъ, мы можемъ установить тотъ фактъ, что измышленіе клеветы неслѣдо принадежитъ злому генію поэта — Н. С. Мартынову, и какъ подобная басня ни бессмысленна, но у нея, какъ у всякой лжи, къ несчастію, найдлись распространители. Оспаривать вновь эту ложь мы не считаемъ нужнымъ, такъ какъ она уже получила должное возмездіе, но для нѣкоторыхъ читателей, быть можетъ, интересно было бы уяснить, почему именно Мартыновъ прибѣгнулъ къ такому неопознательному средству. Злой геній поэта, по словамъ Н. А. Арсеньева ¹⁴⁾, былъ человѣкъ безхарактерный и поэтому всегда находился подъ чьимъ либо постороннимъ влияніемъ. Увлеченному на лживыя показанія на свѣдѣніи и судѣ своими секундантами, ему уже не была тягостна новая ложь, имѣвшая для него характеръ свѣтской сплетни. А разъ человѣкъ сошелъ на стезю неправды, ему уже ничего не стоило повторять разъ пущенную въ обращеніе клевету. Друзья Николая Соломоновича находили характеръ его загадочнымъ. Князь А. П. Васильчиковъ въ послѣднихъ годахъ говорилъ Н. А. Висковатову, что «изъ источниковъ, близкихъ Мартынову, неходятъ разсказы, несогласные съ дѣйствительностью» ¹⁵⁾, а подобный отзывъ близкаго къ дѣлу человѣка — уже приговоръ...

Но за всѣмъ тѣмъ по отношенію Николая Соломоновича общественная совѣсть, можетъ быть, допустить еще какія-нибудь смягчающія обстоятельства: онъ совершилъ убійство — и, говорятъ, страдалъ; въ глазахъ людей, которые казались ему болѣе строгими, ему хотѣлось чѣмъ-нибудь оправдаться; въ годовщину дуэли онъ цѣлый день неспазалъ себя молитвой и постомъ, сожалѣя о смерти поэта отъ его руки. Свѣдомательно, онъ можетъ казаться жалкимъ, но по всякомъ случаѣ достойнъ сожалѣнія...

Пожалуй, можно допустить, что неспазательная молитва обусловливалась не сожалѣніемъ о смерти поэта: тотъ кто не протянулъ руки примиренія передъ дуэлью, не смотря на представленія секундантовъ и просьбы всѣхъ друзей поэта, и жаждалъ кроваваго удовольствія, кто, пріявъ на барьеръ, цѣлилъ въ противника, не желавшаго даже стрѣлять, такъ долго, что секундантъ долженъ былъ сказать: «стрѣляйте! или я разведу вѣсь!»... ¹⁶⁾, кто не изля

¹⁴⁾ «Нива», 1886 г., № 27.

¹⁵⁾ Биографія поэта, стр. 442. Примѣчаніе.

¹⁶⁾ Кстати необходимо оговориться: въ запискѣ секундантовъ.

смертельно раненаго противника на свои дрожки и уѣхалъ домой, оставя его умереть одного въ полѣ, кто послѣ смерти распустилъ о немъ недобрые слухи,—тотъ едва ли будетъ сожалѣть о его смерти (корѣй всего, на душѣ его лежала тяжелая тайна—предназначенность, тайна, такъ тщательно соучастниками укрытая, и она-то, можетъ быть, заставляла его лить слезы и возносить молитвы о прощеніи содѣяннаго. Но такъ или иначе общественная совѣсть, повторяемъ, еще можетъ допустить по отношенію Николая Соломоновича нѣкоторые смягчающіе обстоятельства...

Но что сказать въ оправданіе людей, продолжающихъ донынѣ разносить по бѣлу свѣту реставрированныя ими, какъ нѣчто стоящее вниманія, старыя басни. Не зная ни сути дѣла, ни его литературы, ни результатовъ многолѣтнихъ изслѣдованій, они, прочитавъ случайно какую-нибудь статью, дополняющую изслѣдованія, вдругъ припоминаютъ что-то слышанное въ дѣтствѣ, чуть не отъ няньки, просятъся, впадаютъ въ экстазъ и, схвативъ перо, принимаются выкладывать на бумагу весь старшій хламъ своей памяти. Они смѣло восклицаютъ, что все, писанное прежде, ходила только «около» сути дѣла, что вся ихъ работа—нуль, и что только имъ, однимъ, извѣстна истина. Но эта истина оказывается, однако, давно извѣстной всѣмъ сказкой «о конвертѣ съ дневниками сестеръ Мартынова и деньгами 300 р.». Имъ представляютъ, что конвертъ съ дневниками—одно, а дуэль—другое, что между ними нѣтъ ничего общаго, что конвертъ не могъ быть причиной дуэли, такъ какъ исторія съ нимъ случилась за четыре года, а дружба въ это время между поэтомъ и Мартыновымъ не нарушалась, и что, наконецъ, пропавша чехмодана съ вещами, гдѣ хранился конвертъ, свидущими людьми удостовѣрена. Они съ задоромъ отбѣчаютъ: «ну, чтожъ! если времени между исторіей писемъ и поединкомъ прошло много, то, быть можетъ, были еще и другія причины»... и беззащитно заносятъ на страницы историческаго журнала старую опровергнутую критикой басню. Но уразумѣемъ суть намека, что, «быть можетъ, были еще и другія причины»...

съ брелюнами упоминается, что Мартыновъ третій разъ въ жизни стрѣлялъ изъ пистолета на дуэли съ Державинымъ, но этотъ свѣтъ выстрѣловъ относится къ числу его выстрѣловъ на дуэлихъ; вообще же Николай Соломоновичъ обучался стрѣльбѣ въ николь и считался хорошимъ стрѣлькомъ.

т. е. причины дуэли, кромя конверта. Намекъ этотъ вульгаренъ и не чистъ. Опя, нужно думать, относится къ увлеченію Лермонтова сестрой Мартыновой, Наталіей Соломоновной. Намъ говорить о визитѣ къ ней Михаила Юрьевича и намѣтъникъ надъ ея сентиментальностью, о томъ, что она, пернувшись съ Кавказа въ 1837 году, бредила Лермонтовымъ, рассказывала, что она изображена въ романѣ «Герой нашего времени», и красовалась въ знаменитой красной шали, которую такъ любилъ будто бы поэтъ. Въ свое время розказни эти были также опровергнуты: съ одной стороны, указаніемъ на то, что знакомство Лермонтова съ дѣвщинами Мартыновыми относится къ ранней его юности, чему могутъ служить доказательствомъ стихи его Н. С. Мартыновой, написанные въ 1830 году¹⁷⁾, и что впоследствии, при случайныхъ встрѣчахъ въ 1837 или 1839 годахъ, знакомство это ограничивалось одними визитами; съ другой же стороны, что всѣ сердечныя увлеченія поэта извѣстны, но объ ухаживаніи его за Наталіей Соломоновной, кромя нея самой, никто ничего не слышалъ. Въ дополненіе къ этому прибавимъ, что пернувшаяся въ 1837 году съ Кавказа сестра Мартынова (да и были-ли вообще Мартыновы въ этомъ году на Кавказѣ—еще проблема) не могла рассказывать, что она изображена въ романѣ «Герой нашего времени», и рисоваться въ красной шали, потому что романъ этотъ былъ написанъ въ 1838—1839 годахъ и появился въ печати только въ 1840 году. Очевидно, что всѣ подобныя сердечныя откровенія сентиментальной дѣвицы, такъ усердно распространенныя нынѣ досужими разсѣвателями старыхъ басенъ, есть ни что иное, какъ *pia desideria* влюбленной барышни, принявшее въ ея головкѣ форму факта, по всей вѣроятности, гораздо позднѣе, когда поэта, бытъ

¹⁷⁾ Вотъ это стихотвореніе:

Когда поспорить намъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ,
И что другое все забудетъ.

Можно ли пойти въ этомъ стихотвореніи хотя какой-либо намекъ на сердечныя отношенія? А споры съ дѣвщинами, какъ бы опя и были умны, не особенно привлекали къ нимъ поэта.

можетъ, ужъ не было въ живыхъ, и для фантазій явилось широкое поле. Но для чего, поставимъ вопросъ, изыскать все это изъ мрака, плъсени и забвенія, и кому это нужно?

Князь Д. Д. Оболенскій въ «Послѣсловіи» своемъ обрушивается на насъ по поводу статей нашихъ, появившихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 года. Не будемъ напрасно горячиться и ломать копій изъ-за пустяковъ: «Послѣсловіе» почтеннаго автора не достаточно серьезно для серьезныхъ споровъ и препирательствъ. Скажемъ въ отвѣтъ только нѣсколько словъ, могущихъ возстановить истину, неоправданную послѣднимъ поклонникомъ Мартынова.

«Меня поразилъ,—пишетъ авторъ «Послѣсловія»:—тонъ и безцеремонный пріемъ челоука, пишущаго чрезъ подвѣта о людяхъ, совершенно незнакомыхъ, и по справкамъ, собраннымъ во время отъ 30 до 50 лѣтъ послѣ поединка. И что онъ могъ узнать? Старикъ Чиланевъ очень вѣрно отвѣтилъ, что ничего не помнить и за давностью все забыть».

Благодаримъ князя Д. Д. Оболенскаго за то, что онъ призналъ въ трудѣ нашемъ изслѣдованіе «по справкамъ» за полѣтка. Мы сами въ концѣ статьи нашей: «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова», заявили, что разобраться въ нагроможденіи лжи на ложь, клеветы на клевету и извѣстовъ на извѣсты, и возстановить во всей чистотѣ и блескѣ гениальную личность автора «Демона» и «Героя нашего времени»—дѣло будущаго историка жизни Михаила Юрьевича. Мы же, съ своей стороны, даемъ только матеріалы, факты и свѣдѣнія, собранные нами съ цѣлію содѣйствія будущему историкѣ въ дѣлѣ выясненія истины. Программой этой мы руководимся и ныне, и не стыдимся того, что собираемъ и вносимъ въ исторію одні только презрѣнныя «справки». О времени же, за которое собраны нами «справки», позволимъ себѣ замѣтить, что Шекспиръ жилъ 300 сличкомъ лѣтъ до насъ, но о немъ до сихъ поръ еще нишуть, и подъ часъ новая какая-нибудь ничтожная «справка» проливаетъ свѣтъ на жизнь или дѣятельность великаго челоука. Почему же подобный масштабъ не можетъ быть примѣненъ и по отношенію М. Ю. Лермонтова? Истинные почитатели его таланта радуются появленію каждой новой строки, могущей обрисовать загадочный характеръ поэта, его взгляды и стремленія, или его борьбу за жизнь и принципы. И что бы ни восклицали о «справкахъ» мартиновцы, мы убѣждены, что о Михаилѣ Юрьевичѣ будутъ писать у насъ не 30—50 лѣтъ, а столько же, сколько и о Шекспирѣ.

Профессоръ В. М. Модестовъ, дѣлая изслѣдованіе о Тациѣ, говоритъ: «читать его, писать о немъ, переводить его, и снова, снова писать о немъ—ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе... Полюбить великаго писателя, сродниться съ нимъ, сжиться съ нимъ—какое это, въ самомъ дѣлѣ, великое благо для мыслящаго человека»... Мы тоже можемъ повторить и относительно М. Ю. Лермонтова, добавивъ еще къ тому, что писать о немъ тѣмъ болѣе пріятно, что приходится защищать память его отъ тенденціозныхъ нареканій и ложныхъ извѣстовъ, отъ которыхъ, не смотря на всю несообразность и каррикатурность ихъ, не только не хотѣтъ отказываться друзья погѣдователи безпринципнаго противника поэта, но еще съ болышей настойчивостью и зазоромъ продолжаютъ повторять ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Но возвратимся къ отвѣту автору «Послѣловія».

Въ статьѣ нашей, на которую нападаетъ кн. Д. Д. Оболенскій, мы только собрали матеріалы, или, если князю такъ болѣе нравится, «справки» о жизни поэта въ 1841 году въ Пятигорскѣ и сдѣлали изъ нихъ соотвѣтственный, или казавшійся намъ соотвѣтственнымъ, выводъ. Мы старались указать на неточности, вкрапившіяся въ біографію поэта, изданныя по случаю 50-тилѣтія со дня его смерти, приняли во вниманіе новыя свѣдѣнія, не бывшія въ рукахъ редакторовъ сказанныхъ біографій, какъ, напримѣръ, дѣла и замѣтки В. П. Чилева, рассказы Н. Н. Раевского, слуги Лермонтова Саникидзе и др., и такимъ образомъ выяснили многое, что казалось прежде неяснымъ, темнымъ, или совершенно чуждымъ характеру или принципамъ поэта.

Напрасно авторъ «Послѣловія» восклицаетъ: что мы могли узнать, въ особенности отъ В. П. Чилева, который самъ отрицалъ, что ничего не помнитъ и все забылъ! Изъ дальнѣйшихъ объясненій князя Д. Д. Оболенскаго мы убѣждаемся, что онъ удостоилъ прочтенія только «часть сказаній нашихъ». А это не дѣлаетъ ему чести: нельзя оплодотворять на сочиненіе, не зная его вполнѣ. Если бы почтенный нашъ антагонистъ потрудился прочитать статью нашу до конца, то онъ бы, можетъ быть, не ратовалъ противъ насъ, или, по крайней мѣрѣ, не изрекалъ бы такихъ несообразныхъ заключеній, что всѣ писаніе о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ «ходятъ околомъ, но никто еще не узналъ и не высказалъ дѣйствительной причины»... Не написалъ бы онъ, вѣроятно, и своего отзыва о старикѣ Чилевѣ. Онъ увидалъ бы, что этотъ почтенный человекъ

отозвался запечатываніемъ только о мѣстѣ бывшей могилы поэта въ Пятигорскѣ, и то потому, что часть кладбища отошла подъ вновь воздвигнутый храмъ. Во всемъ остальномъ указанія его неопѣненны, такъ какъ пропали свѣтъ на многія темныя стороны роковой кончины поэта, и мы смѣло можемъ выразить увѣренность, что современемъ тайна эта будетъ выяснена окончательно. Достоверность Чилевскихъ свѣдѣній нельзя уничтожить однимъ взмахомъ пера: онъ, дескать, все забылъ и ничего не помнить; ибо онъ не рассказывалъ о событіяхъ спустя 30 лѣтъ послѣ дуэли, какъ утѣряетъ князь Оболенскій; онъ передалъ намъ замѣтки, сдѣланныя имъ—въ 1841-мъ году, и передалъ подлинныя дѣла. А что онъ зналъ дѣла, даже болѣе, чѣмъ сами участники дуэли,—будетъ очевидно, если мы припомнимъ, что онъ не былъ лицомъ заинтересованнымъ и, следовательно, перетолковывать и искажать факты надобности не имѣлъ, и что свѣдѣнія, даже интимныя, могли быть ему извѣстны болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, такъ какъ онъ въ 1841 году исполнялъ должность плацъ-адъютанта комендантскаго управленія и въ секреты службы, равно какъ и въ секреты обычаевъскіе, былъ, конечно, посвященъ.

Далѣе князь Д. Д. Оболенскій принимаетъ подъ свое покровительство князя Васильчикова. Въ статьѣ нашей появились отзвѣвы объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ, не понравившіеся автору «Послѣсловія», и онъ съ гордостью говоритъ, что взялся за перо, съ цѣлю защитить память князя отъ нареканій. Отъ какихъ нареканій—конечно, не объяснено; говорится въ общихъ фразахъ, что роль князя не подтверждается нигдѣ, и въ доказательство незнакомства нашего съ дѣломъ указано, что мы даже не знали, кто у кого изъ противниковъ былъ секундантомъ на дуэли, такъ какъ въ показаніяхъ Мартынова князь Васильчиковъ былъ названъ секундантомъ Лермонтова. Не чувствуя ни малѣйшей охоты поспорить съ мелницами, мы замѣтимъ только, что лично отъ себя никакихъ ролей князю Васильчикову не давали, а если изъ замѣтокъ В. П. Чилева и некоторыхъ дѣйствій Васильчикова разоблачались и получили надлежащее освѣщеніе, то мы тутъ не причемъ. Мы только, по словамъ самого автора «Послѣсловія», собрали «справки». А что эти «справки» нигдѣ не подтверждаются, то подобное заключеніе можно сдѣлать по прошествіи извѣстнаго времени, а не тотчасъ послѣ появленія статьи, и даже не статьи, а только части статьи. Что же касается ссылки на секундантство князя Васильчикова у

Лермонтова, то вопросъ объ этомъ выясненъ намъ выше и можетъ считаться поконченнымъ.

Входить въ полемику о личностяхъ, о клеветѣ, о неумѣнн Мартынова стрѣлять, о драгоцѣнности оставленныхъ имъ бумагъ—мы не считаемъ себя вправѣ, такъ какъ подобная полемика нисколько не разъясняетъ истины, и если что позволимъ себѣ выразить, то это удивленіе, зачѣмъ понадобилось князю Д. Д. Оболенскому еще разъ печатать разсказъ свой о посылкѣ сестрами Мартынова съ Лермонтовымъ, для передачи брату своему, конверта съ дневниками и деньгами, о влюбленности Натальи Соломоновны въ Лермонтова, ея бредѣ о немъ и щегольствѣ красной шалью. Неужели онъ предполагаетъ, что можетъ найтись человекъ, который заинтересуется подобными свѣдѣніями? Все это произошло уже черезъ критику и признано баснями. Для чего же было повторять ихъ? Кому это нужно?

15 Іюня 1894 года
г. С.-Петербургъ.

СЛУГА ПОЭТА ЛЕРМОНТОВА ХРИСТОФОРЪ САНИКИДЗЕ И ЕГО РАЗСКАЗЫ О НЕМЪ.

В ТИФЛИСѢ донынѣ проживаетъ гурійскій уроженецъ Христофоръ Дмитріевъ Саникидзе, находившійся въ услуженіи у поэта М. Ю. Лермонтова, во время пребыванія его въ Пятигорскѣ въ 1841 году. По словамъ лицъ, видѣвшихъ его, это уже старикъ лѣтъ 70-ти слѣшкомъ, но еще бодрый и словоохотливый. Разказы его о службѣ у Лермонтова записаны В. О. Эрикардтомъ и напечатаны въ газетѣ «Кавказъ», 1891 года, № 185. Многое, конечно, оказалось въ нихъ не точнымъ, такъ какъ память старика измѣняла, но оказалось и нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о частной жизни, привычкахъ и временипрепровожденія поэта. Наибольше интересными изъ нихъ мы воспользовались и включили ихъ въ статью: «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова», напечатанную во 2-мъ томѣ настоящаго изданія «Дѣла и люди въѣха». Велѣдъ за тѣмъ, лѣтомъ 1894 г., въ редакцію «Историческаго Вѣстника» доставленъ портретъ Саникидзе и «окрость» его о жизни и смерти поэта, сдѣланный г. А. Эйсеромъ. Редакція просила насъ просмотрѣть эту рукопись и выбрать изъ нея то, что въ ней представляется правдивымъ и имѣющимъ какое-либо значеніе для біографіи Лермонтова. Въ сущности, все разказанное Саникидзе г. Эйсеру и записанное послѣднимъ есть ни что иное, какъ перифразъ того же самаго разказа, который напечатанъ В. О. Эрикардтомъ въ газетѣ «Кавказъ»; но мѣстами попадаются въ немъ и новыя, не лишеныя интереса, свѣдѣнія.

Опросъ Саникидзе записанъ въ формѣ монолога старика-слуги, трактующаго простымъ, вульгарнымъ языкомъ «восточнаго чело-вѣка» о жизни барина, безъ всякой связи и послѣдовательности

въ разсказѣ, такъ, какъ онъ былъ изъ устъ разсказчика. Появиться въ такомъ видѣ въ печати опросъ этотъ, конечно, не можеть; тѣмъ болѣе, что г. Эйсперъ, очевидно, по незнанію сути дѣла и его литературы, не потрудился даже, посредствомъ переспроса и указанія источниковъ и пропусковъ, выяснить и дополнить записанные имъ факты. Но за всеѣмъ тѣмъ было бы ошибкой, если бы мы, въ интересахъ всесторонняго изслѣдованія жизни великаго поэта, не отмѣтили въ опросѣ Саникидзе тѣхъ строкъ, въ которыхъ разсказано имъ нѣчто новое о занятіяхъ Михаила Юрьевича, его кончинѣ и уничтоженіи оставшихся послѣ его смерти бумагъ.

Саникидзе говорить между прочимъ: а) что Лермонтовъ умѣлъ играть на флейтѣ и забавлялся этой игрой изрѣдка; б) что характеръ у него былъ добрый, но вспыльчивый. Много говорить онъ не любилъ. Обыкновеннымъ времяпровожденіемъ у него было ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ. Писалъ онъ болѣе по ночамъ, или рано утромъ, но писалъ и урывками днемъ, присядеть къ столу, попишетъ и уйдетъ. Писалъ онъ всегда въ кабинетъ, но писалъ, случалось, и за часомъ на балконѣ, гдѣ проводилъ иногда цѣлые часы, слушая пѣніе птицекъ; в) что при перевозкѣ Лермонтова съ мѣста поединка его съ Мартыновымъ въ Пятигорскъ (при чемъ Саникидзе находился) Михаилъ Юрьевичъ былъ еще живъ, стоялъ и едва слышно прошепталъ: «умираю»; но на полъ-дорогѣ стонать пересталъ и умеръ спокойно; г) что по привозѣ тѣла домой его внесли въ залъ и положили сперва на диванъ, а потомъ на столъ; когда же пришелъ художникъ г. Шведе, для снятія портрета, тѣло подняли и посадили на подушкахъ къ стѣнѣ, «будто живой сидитъ и дремлетъ»; д) что оставшіяся послѣ смерти поэта бумаги дядька его (бывшій при немъ камердинеромъ) уничтожилъ, «бралъ со стола и жегъ, чтобы никому не достались»; е) что сюртукъ Лермонтова, въ которомъ онъ дрался на дуэли, Саникидзе сжегъ, такъ какъ онъ былъ весь въ крови и грязи и прострѣленъ пулею; а нѣкоторыя вещи, трубки и какіе-то стихи были имъ взяты и положены въ сундукъ, который онъ отдалъ на сохраненіе одному знакомому казаку, но воспользоваться укрытымъ добромъ не могъ, такъ какъ у казака все это добро пропало.

Самымъ существеннымъ изъ этихъ краткихъ сказаній является, безъ сомнѣнія, то, что Лермонтовъ, когда перевозили его

слуги съ мѣста дуэли въ городъ, быть еще живъ, стоналъ и шепталъ, и что онъ прилохъ и умеръ на полдорогѣ.

До сихъ поръ моментъ смерти великаго поэта не былъ еще опредѣленъ съ надлежащей точностью.

Но изслѣдованіямъ и біографіямъ поэта, существовали дѣйствительно: одна, официальная, основанная на показаніяхъ секундантовъ Глѣбова и князя Васильчикова и подтвержденная удостовѣреніемъ врача, вскрывавшаго тѣло, что Михаилъ Юрьевичъ скончался на мѣстѣ поединка, тотчасъ послѣ выстрѣла, сдѣланнаго противникомъ; и другая, народная, что онъ умеръ дорогою, во время перевезенія въ городъ, и чуть ли даже не въ самомъ городѣ, когда его возили отъ комендантскаго управленія на гауптвахту, отъ гауптвахты къ церкви и отъ церкви домой. Хотя извѣстная пословица и говоритъ: «гласъ народа—гласъ Бога», но такъ какъ гласъ этотъ болѣе полустолѣтія никакими достовѣрными свидѣтельствами не подтверждался, то и значеніе его было не болѣе гласа, вопіющаго въ пустынь. Въ настоящее время представляется возможнымъ установить факты, подтверждающіе достовѣрность послѣдней версіи. Изъ прежнихъ свѣдѣній, появившихся въ печати, было извѣстно только: а) что Лермонтовъ, раненый пулею навзлѣтъ, упалъ на землю и, когда Глѣбовъ подошелъ къ нему, сказалъ: «Миша, я умираю»....¹⁾, значить, онъ не былъ пораженъ на мѣстѣ моментально, но упалъ живой и могъ еще говорить, и б) что Глѣбовъ, являсь къ коменданту, доложилъ ему только о состоявшейся дуэли, на которой Лермонтовъ раненъ смертельно²⁾; фраза же въ официальном донесеніи «отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ» появилась по сдѣланному за тѣмъ секундантамъ опросу, когда тѣло поэта было привезено уже въ городъ. Нынѣ, изъ такъ называемыхъ «Мартыновскихъ бумагъ»³⁾, мы видимъ, что Н. С. Мартыновъ на вопросъ пятигорскаго окружнаго суда: не остался ли Лермонтовъ живъ и не говорилъ ли чего при прощаньи, показавъ, что отъ сдѣланнаго имъ выстрѣла противникъ упалъ, но признаки жизни еще были видны въ немъ, хотя онъ ничего уже не говорилъ. Затѣмъ Христофоръ Саинкидзе, участвовавшій въ перевозкѣ Лермонтова съ мѣста поединка въ городъ, въ приведенномъ выше

¹⁾ Разсказъ Раевского, со словъ Глѣбова («Нива», 1885 г., № 8).

²⁾ Разсказъ Чиллени («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

³⁾ Мартыновскія бумаги. («Русскій Архивъ», 1893 г., № 8).

опросъ, положительно говорить, что поэтъ поднять былъ еще живъ, дорогою стоналъ и шепталъ, и что онъ замолкъ, т. е. умеръ, на подорогѣ. Все это, взятое въ совокупности, въ глазахъ изслѣдователя нѣтъ уже вѣсь и дать право высказаться за вѣроятность послѣдней версіи. Но, приходя къ подобному выводу, мы должны рассмотреть также вопросъ: могли ли противники и секунданты, эти ближайшіе друзья поэта, оставить его, если онъ былъ живъ, на мѣстѣ поединка, гдѣ онъ пролежалъ, безъ всякой помощи и ухода, съ 6^{1/2} до 9-ти часовъ вечера, пока присланные пятигорскими комендантами съ телѣгою люди не подняли его и не повезли въ городъ? Очевидно, участники дуэли, такъ печально разыгравшейся, на первыхъ порахъ были поражены ея исходомъ и такъ потерялись и перепугались, что забыли о раненомъ, о необходимости подать ему первоначальную помощь, о возможности перевезти его въ городъ на Мартыновскихъ бѣговыхъ дрожжахъ, которые можно было вѣтвями, росшихъ по близости кустовъ, удлинить и приспособить къ перевозкѣ, и думали только о себѣ. Тяжелая рана, нанесенная поэту, дала имъ, вѣроятно, поводъ сдѣлать заключеніе, что Лермонтовъ — поднять ли его и перевезти, или оставить на мѣстѣ, — все равно умретъ; а разразившаяся въ то время гроза и проливной дождь ускорили ихъ рѣшимость оставить поэта на мѣстѣ и немедленно отправиться въ городъ. Изъ показаній Мартынова мы знаемъ, что онъ по окончаніи поединка простился съ Лермонтовымъ и тотчасъ же поѣхалъ домой. Князь Васильчиковъ ⁴⁾ отправился вмѣстѣ съ нимъ на его бѣговыхъ дрожжахъ, ⁵⁾ а Глѣбовъ, набросивъ на раненаго шинель, для защиты отъ дождя, поскакалъ верхомъ къ коменданту съ докладомъ о дуэли. Вотъ факты, которые свидѣтельствуютъ, что поэтъ, только что высказавшій Глѣбову мысль о близости смерти, но не умершій, былъ оставленъ друзьями одиноко и безпомощно истекать кровью подъ страшнымъ ливнемъ и раздиравшей небо на части грозою. Конечно, нѣкоторымъ оправданіемъ для нихъ можетъ служить то обстоятельство, что они отправились на мѣсто дуэли, не имѣя въ виду кровавой развязки, какъ она

⁴⁾ Рассказъ Раевского («Нива, 1885 г., № 8).

⁵⁾ Въ рассказѣ его въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 г., № 1, о поѣздкѣ за докторомъ, свидѣніи у тѣла и проводахъ его въ городъ оказались, какъ извѣстно ложными («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

слуги съ мѣста дуэли въ городъ, былъ еще живъ, стоналъ и шепталъ, и что онъ примолкъ и умеръ на подорогѣ.

До сихъ поръ моментъ смерти великаго поэта не былъ еще опредѣленъ съ надлежащей точностью.

По изслѣдованіямъ и біографіямъ поэта, существовали двѣ версіи: одна, официальная, основанная на показаніяхъ секундантавъ Глѣбова и князя Васильчикова и подтвержденная удостовѣреніемъ врача, вскрывавшаго тѣло, что Михаилъ Юрьевичъ скончался на мѣстѣ поединка, тотчасъ послѣ выстрѣла, сдѣланнаго противникомъ; и другая, народная, что онъ умеръ дорогою, во время перевезенія въ городъ, и чуть ли даже не въ самомъ городѣ, когда его возили отъ комендантскаго управленія на гауптвахту, отъ гауптвахты къ церкви и отъ церкви домой. Хотя извѣстная пословица и говоритъ: «гласъ народа—гласъ Бога», но такъ какъ гласъ этотъ болѣе полустолѣтія никакими достовѣрными свидѣтельствами не подтверждался, то и значеніе его было не болѣе гласа, вопіющаго въ пустынь. Въ настоящее время представляется возможнымъ установить факты, подтверждающіе достовѣрность послѣдней версіи. Изъ прежнихъ свѣдѣній, появившихся въ печати, было извѣстно только: а) что Лермонтовъ, раненый пулею навзлѣтъ, упалъ на землю и, когда Глѣбовъ подошелъ къ нему, сказалъ: «Миша, я умираю»....¹⁾, значить, онъ не былъ пораженъ на мѣстѣ моментально, но упалъ живой и могъ еще говорить, и б) что Глѣбовъ, являсь къ коменданту, доложилъ ему только о состоявшейся дуэли, на которой Лермонтовъ раненъ смертельно²⁾; фраза же въ официальном донесеніи «отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ» появилась по сдѣланному за тѣмъ секундантамъ опросу, когда тѣло поэта было привезено уже въ городъ. Нимѣ, изъ такъ называемыхъ «Мартыновскихъ бумагъ»³⁾, мы видимъ, что Н. С. Мартыновъ на вопросъ пятигорскаго окружнаго суда: не остался ли Лермонтовъ живъ и не говорилъ ли чего при прощаньи, показалъ, что отъ сдѣланнаго имъ выстрѣла противникъ упалъ, но признаки жизни еще были видны въ немъ, хотя онъ ничего уже не говорилъ. Затѣмъ Христофоръ Санкидзе, участвовавшій въ перевозкѣ Лермонтова съ мѣста поединка въ городъ, въ приведенномъ выше

¹⁾ Разсказъ Раевского, со словъ Глѣбова («Нива», 1885 г., № 8).

²⁾ Разсказъ Чиліева («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

³⁾ Мартыновскія бумаги. («Русскій Архивъ», 1893 г., № 8).

опросъ, положительно говорить, что поэтъ поднять былъ еще живою, дорогою стоналъ и шепталъ, и что онъ замолкъ, т. е. умеръ, на подорожъ. Все это, взятое въ совокупности, въ глазахъ изслѣдователя имѣетъ уже вѣсъ и даетъ право высказаться за вѣроятность послѣдней версiи. Но, приходя къ подобному выводу, мы должны рассмотреть также вопросъ: могли ли противникъ и секунданты, эти ближайшіе друзья поэта, оставить его, если онъ былъ живъ, на мѣстѣ поединка, гдѣ онъ пролежалъ, безъ всякой помощи и ухода, съ 6½ до 9-ти часовъ вечера, пока присланные пятигорскимъ комендантомъ съ телѣгою люди не подняли его и не повезли въ городъ? Очевидно, участники дуэли, такъ печально разыгравшейся, на первыхъ порахъ были поражены ея исходомъ и такъ потерялись и перепугались, что забыли о раненомъ, о необходимости подать ему первоначальную помощь, о возможности перевезти его въ городъ на Мартыновскихъ бѣговыхъ дрожжахъ, которые можно было вѣтвями, росшихъ по близости кустовъ, удлинить и приспособить къ перевозкѣ, и думали только о себѣ. Тяжелая рана, нанесенная поэту, дала имъ, вѣроятно, поводъ сдѣлать заключеніе, что Лермонтовъ — поднять ли его и перевезти, или оставить на мѣстѣ, — все равно умереть; а разразившаяся въ то время гроза и проливной дождь ускорили ихъ рѣшимость оставить поэта на мѣстѣ и немедленно отправиться въ городъ. Изъ показаній Мартынова мы знаемъ, что онъ по окончаніи поединка простился съ Лермонтовымъ и тотчасъ же поѣхалъ домой. Князь Васильчиковъ ⁴⁾ отправился вмѣстѣ съ нимъ на его бѣговыхъ дрожжахъ, ⁵⁾ а Глѣбовъ, набросивъ на раненаго шинель, для защиты отъ дождя, поскакалъ верхомъ къ коменданту съ докладомъ о дуэли. Вотъ факты, которые свидѣтельствуютъ, что поэтъ, только что высказавшій Глѣбову мысль о близости смерти, но не умершій, былъ оставленъ друзьями одиноко и безпомощно истекать кровію подъ страшнымъ ливнемъ и раздиравшей небо на части грозою. Конечно, нѣкоторымъ оправданіемъ для нихъ можетъ служить то обстоятельство, что они отправились на мѣсто дуэли, не имѣя въ виду кровавой развязки, какъ она

⁴⁾ Разсказъ Раевского («Нива, 1885 г., № 8).

⁵⁾ Въ разсказѣ его въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 г., № 1, о поѣздкѣ за докторомъ, сидѣніи у тѣла и проводахъ его въ городъ описаны, какъ извѣстно ложными («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

разыгралась. Ъхали только для того, чтобы «разрядить заряженные пистолеты», почему и не пригласили врача и не взяли на случай экипажа, и что, увидя печальный результат поединка, растерялись и не знали, что дѣлать. Но, за всѣмъ тѣмъ, допущенное ими по отношенію поэта безчеловѣчіе и жестокость нисколько отъ того не уменьшаются. Съ смертельной раной въ груди, на почвѣ, превратившейся подъ проливнымъ дождемъ въ грязь, лежалъ онъ болѣе двухъ часовъ, задыхаясь подъ наброшенною на него и промокшею насквозь шинелью и не имѣя силъ отбросить ее, чтобы осѣлѣжить притокомъ свѣжаго воздуха пылавшую огнемъ внутренность; а жизни, между тѣмъ, съ каждой упавшей на землю изъ раны каплей крови угасала... Эти часы мукъ и страданій поэта должны были быть ужасны; но твердость его духа равнялась силѣ его генія. Твердость эта выразилась: и въ улыбка презрѣнія, застывшей по словамъ Н. А. Висковатова, на устахъ опочившаго безвременно поэта, и въ томъ безмолвіи, съ которымъ онъ встрѣтилъ вѣстину смерти — пулю, такъ вѣроломно разбившую ему грудь, и боролся со смертію до конца. Ни одного слова, ни одного упрека не высказалъ онъ въ послѣднія минуты своей жизни. Все, что слышали отъ него секунданты, когда онъ упалъ смертельно раненый, и что слышали потомъ перевозившіе его съ мѣста дуэли въ городъ слуги,—было одно слово: «я умираю». Но знаменовало ли это слово скорбь объ отнятой у него насильно жизни, или радость о наступившемъ, наконецъ, освобожденіи отъ нея, — загадка, которая едва ли когда нибудь будетъ разрѣшена...

Вторымъ существеннымъ сказаніемъ Христофора Саннидзе нужно считать указаніе на сожженіе бумагъ, оставшихся послѣ смерти Михаила Юрьевича, и сокрытіе нѣкоторыхъ вещей его. Теперь становится яснымъ, почему при описи вещей покойнаго пятигорскими властями никакихъ рукописей, черновыхъ набросковъ или бумагъ, кромѣ одной записной книжки, данной М. Ю. Лермонтову при прощаніи княземъ В. Ф. Одоевскимъ, не оказалось. Друзья поэта не позаботились о сохраненіи его послѣднихъ твореній, и ретивый слуга, бывшій вѣстунъ его, по своему порыву о славу барина: онъ сжегъ его бумаги, «чтобы никому не достались».

Январь. 1895 года.
С.-Петербургъ.

КАКЪ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ ПОЭТЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

СПРОСЪ о томъ, погребенъ ли поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по христіанскому обряду, до настоящаго времени еще не выясненъ окончательно. Немногія, появившіяся въ печати, заявленія объ этомъ свидѣтеляхъ событія противорѣчны и сбивчивы, такъ что точнаго положительнаго вывода изъ нихъ сдѣлать было не возможно, и біографіи поэта наполнились ошибками.

Но потъ въ февральской книжкѣ «Русскаго обозрѣнія» 1895 г., въ числѣ «Матеріаловъ для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей», помѣщено дѣло ставропольской духовной консисторіи «по репорту Питигорской Скорбященской церкви священника Василя Эрастова о погребеніи той церкви протоіереемъ Павломъ Александронскимъ тѣла напавшаго убитаго пулей на дуэли поручика Лермонтова», и мы имѣемъ возможность проверить извѣстныя уже намъ по разсказамъ очевидцевъ факты и подвести имъ итогъ.

Начнемъ съ документовъ, находящихся въ упомянутомъ выше консисторскомъ дѣлѣ ¹⁾.

Священникъ Эрастовъ, отъ 5 декабря 1841 года, донесъ преосвященнѣйшему Анастасію, архіепископу новочеркасскому и георгіевскому, что протоіерей Александронскій, погребши честнѣ, въ іюль мѣсяцъ того года, тѣло убитаго на дуэли Лермонтова, въ статью

¹⁾ Мы опускаемъ пункты показаній, касающихся взаимныхъ пререканій священниковъ о неточностяхъ, доходахъ и проч., а также переписку объ устраненіи слѣдователей и другія излишнія бумаги, и беремъ изъ дѣла только то, что непосредственно относится до преданія землѣ тѣла Лермонтова.

метрических за 1841 годъ книгъ его не вписаль, и данные, какъ видно изъ приложеннаго письма чиновника Рощиновскаго, 200 рублей ассигнаціями въ доходную кружку причта не внесъ.

По резолюціи преосвященнаго, консисторія предписала произвести надлежащее по сему дѣлу разслѣдованіе.

На сдѣланный слѣдователями запросъ, протоіерей Александровскій, отъ 11 октября 1842 года, респондовалъ, что, по просьбѣ князей Васильчикова и Трубецкаго и капитана Столыпина, онъ былъ въ квартиру умершаго для сопровожденія тѣла до склепа. къ церемоніи этой приглашался и священникъ Эрастовъ, но онъ не только отказался присутствовать при томъ, но съ намѣреніемъ, вѣроятно, скрылся изъ квартиры своей, спряталъ отъ церкви ключъ, дабы не возможно было взять ризницы, и тѣмъ заставилъ ожидать всѣхъ собравшихся присутствовать при церемоніи около двухъ часовъ. Погребеніе по Лермонтовѣ отправляемо не было, а по началѣ до самаго склепа тѣло пропѣдимо было съ пропѣтіемъ «Святый Боже», и въ метрическую книгу Пятигорской церкви Лермонтовъ записаннымъ значится. За провожаніе присутствовавшему духовенству было пожертвовано Столыпиннымъ 50 рублей ассигнаціями, изъ коихъ удовлетворены діаконъ—депозитнымъ билетомъ въ 3 рубля серебромъ и три причетника—двадцатью рублями ассигнаціями, остальные-же поступили ему, Александровскому.

Діаконъ Мадритовъ отъ 11 того же октября доноситъ, что, по отправленіи въ церкви вечерней службы, которую совершалъ священникъ Эрастовъ, онъ пошелъ въ квартиру Лермонтова, тѣло котораго только что выносили изъ комнаты, и облачась въ стихарь, пропѣдлъ тѣло, съ пропѣтіемъ «Святый Боже». Погребеніе же пѣто не было. Что за провожаніе тѣла дано протоіереемъ—онъ не знаетъ, но ему данъ былъ только трехъ-рублевый депозитный билетъ.

Причетники—дьячокъ Остроумовъ и пономарь Вессловскій, 12 октября, показали, что при сопровожденіи тѣла Лермонтова находились, но ни прежде, ни послѣ не отправлялось надъ нимъ христіанскаго погребенія, и только для угожденія начальству пѣли надъ нимъ «Святый Боже». Что взято за проводы—не знаютъ, но сами получили на всѣхъ причетниковъ двадцать рублей ассигнаціями, которые и раздѣляли.

Коллежскій секретарь Рощиновскій объясняетъ: 1) что, находясь, на дворѣ дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ, онъ видѣлъ отца протоіерея не въ дальнѣмъ отъ крыльца дома разстояніи, возлагающаго на

себя интрахиль, и пришедшаго въ то же время діакона, который тутъ же облачился и принялъ кадило. Послѣ этого духовенство со-обща начало пѣніе погребальнымъ гласомъ: «Святѣй Боже, Святѣй Крѣпкій, Святѣй Безсмертный, помилуй нас!» и съ сими выѣстъ стало выходить медленно изъ двора, а вслѣдъ за ними было не-сено изъ комнатъ тѣло усопшаго поручика Лермонтова. Такимъ образомъ процессія достигла приготовленной могилы, въ которую и былъ опущенъ гробъ безъ отправления по закону христіанскаго обряда. 2) Отъ капитана Столынина дѣйствительно слышалъ, что духовенству пожертвовано за это 200 рублей, но, лично сего не на-дѣвши, удостоверить не можетъ. Слышалъ же объ этомъ въ общемъ разговорѣ о смерти Лермонтова.

Показанія эти представлены духовному правленію 15 октября 1842 года, съ поясненіемъ, что нѣкоторыхъ лицъ, конхъ бы нужно было спросить, за выѣстомъ, слѣдователи оставили неспрошенными, и буде правленіе найдетъ нужнымъ спросить ихъ, то само бы распо-рядилось по сему предмету. Но правленіе сочло нужнымъ только переспросить доносителя священника Эрастова и протоіерея Але-ксандровскаго. Изъ постороннихъ же лицъ обратилось съ запросомъ, чрезъ с.-петербургскую управу благочинія только къ капитану Столынину.

Священникъ Эрастовъ отъ 22 марта 1843 года донесъ правле-нію: 1) что если Лермонтовъ оказывается записаннымъ по метри-камъ 1841 года въ числѣ умершихъ по госпиталю, то записъ эта учинена не въ своемъ мѣстѣ и не въ свое время; ибо Лермонтовъ, будучи въ добромъ здравіи, въ госпиталь не состоялъ. И такъ какъ записъ умирающихъ по госпиталю производится и произведена по окончаніи уже общей годичной записи умершихъ по городу, то Лер-монтовъ и внести въ метрическую книгу, хотя и за 1841 годъ, но отнюдь не прежде первыхъ чиселъ января 1842 года; 2) что вышеозначенный дуэлистъ Лермонтовъ дѣйствительно погребенъ честно, ибо для погребенія, или, по выраженію протоіерея Алексан-дровскаго, хотя неточному, препровожденія тѣла его, были братья изъ церкви подсобники, кадильница, ризница, словомъ все, по-требное для погребенія. Протоіерей въ священномъ облаченіи пред-шествовалъ гробу, діаконъ, подсобившій отъ вечера и пріемшій благословеніе для облаченія у воротъ квартиры покойнаго, въ сти-харь и съ кадильницей въ рукѣ сошествовалъ, и клиръ, слѣдуя въ стройномъ чинѣ, по началѣ отъ протоіерея, воспѣвалъ ангельскую

пѣсни: «Спятыи Боже». Погребенъ Лермонтовъ отнюдь не въ кладбища, но на кладбищѣ. Можно ли и послѣ одного сего выразиться иначе, какъ не такъ, что тѣло Лермонтова погребено честно? Надъ тѣломъ Лермонтова предпринятельно производилось причетниками двое, если не всѣ три сутокъ, непрерывно чтеніе святой «Псалтири». Въ деснищѣ Лермонтова имѣется разрѣшительная молитва, и, наконецъ, протоіерей принялъ приношеніе или порученіе раздать по душѣ Лермонтова милостыню нищимъ и бѣднаго состоянія людямъ, и сію исполнилъ снито. Благочестивый же обычай раздавать милостыню по усопшимъ, христіански и честно погребеннымъ, весьма древенъ и похвально свѣтлыми отцами. Перенеска протоіерей достаточно показывать, что дѣло шло отнюдь не о препровожденіи тѣла Лермонтова, а о погребеніи его. Чиновникъ (Дмитревскій), приглашавшій меня къ погребенію, а не къ препровожденію, на мою отговорку за недостаткомъ времени, представлялъ мнѣ, что теперь по позднему времени уже не будетъ вносить въ церковь. Слѣдовательно имѣлось даже согласіе протоіерей сдѣлать честь Лермонтову внесеніемъ тѣла его въ церковь. Ктитору и причетники, дѣланію послѣ литургіи приготовленія для сего, могли бы подтвердить это, если бы не составляли одной партіи, и только онъ. Эрастовъ, впрочемъ, нисколько не намѣренно, унеся съ собою ключъ отъ церкви и будучи на тотъ разъ занятъ, какъ чередной по приходу,—учинилъ тому препятствіе. Впрочемъ, протоіерей дѣластъ очевидныя изпороты и намѣренныя недосказанія, ибо не упоминаетъ даже и объ обычномъ отпустѣ по усопшемъ, хотя объ началѣ произнесалъ. Но въ порядкѣ ли было бы по началѣ не учинить отпуста? Это было бы противно обычаю церкви, и вѣрно протоіерей не поступилъ вопреки постановленію.

Протоіерей Александровскій отвѣчалъ на это: поручикъ Лермонтовъ состоялъ на службѣ въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку. Праздно жить въ Пятигорскѣ при водахъ, по всей вѣроятности, онъ не могъ, какъ только для пользованія отъ бодѣзни онымъ; въ противномъ случаѣ мѣстное начальство не потеряло бы продерживать уклоняющагося отъ службы... Свидѣтельство, данное ординаторомъ пятигорскаго военнаго госпиталя, лѣкаремъ Барлаамъ-де-Толли, удостовѣрило меня, что Лермонтовъ долженъ былъ числиться въ госпиталь, и потому записать въ свое время въ имѣющуюся особую тетрадь умирающихъ тамъ... По свидѣтельству лѣкаря, что Лермонтовъ застрѣленъ противникомъ, и по просьбѣ кня-

лей Васильчикова и Трубецкого и капитана Столыпина прислать причетниковъ для чтенія псалтиря, на основаніи правилъ кормчей книги, посылалъ я съ предвареніемъ по тщательномъ отъ нихъ развѣданіи объ умершемъ.—читать по приглашенію... Прибывъ въ 5 часовъ по полудни въ квартиру Столыпина, для препровожденія тѣла Лермонтова до склена, при имѣвшейся ожидающей церемоніи гг. чиновниковъ, по началѣ изъ квартиры до самаго склена проводилъ съ прощтіемъ пѣсни «Святый Боже», и потому слово «а по началѣ», толкуемое спященникомъ по его понятіямъ, оны, Александровскій, разумѣлъ не начальныи возгласъ, а съ начала, то-есть поднітія гроба въ квартиру до принесенія къ склену. Слѣдовательно, какъ не было начальнаго возгласа, такъ и конечнаго, все предполагаемаго нѣтъ отпуста быть не могло, и слѣдовательно, ни очевидныхъ изворотовъ, ни вѣтренныхъ недосказаній не имѣлось въ объясненіи къ слѣдователямъ... Дана-ли ли въ десницу Лермонтова молитва? Но крайней мѣрѣ, нѣтъ, Александровскимъ, читана и вручаема не была... Но истиннѣ, остается сожалѣть, чѣмъ пастырь душъ занимается...

Капитана Столыпина, по увѣдомленію с.-петербургской управы благочинія, отъ 26 Апрѣля 1843 года, на жительствѣ въ Петербургѣ не оказалось. Въ такомъ видѣ слѣдственное дѣло поступило на разсмотрѣніе канцелярской духовной консисторіи.

Въ засѣданіи, состоявшемся 28 іюля 1843 г., она заслушала его.

Принятъ во вниманіе: справку изъ метрической книги Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 годъ, въ 3-й части которой подъ № 38-мъ, значится такая записъ: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевъ Лермонтовъ, 27 лѣтъ, убитъ на дуэли 15 іюля, а 17 погребенъ. Погребеніе нѣто не было», и имѣя въ виду: а) что Кормчей книги, 1 части, въ 14 правилъ Тимоѣя, архіепископа Александрійскаго, изображено: «аще убо кто самъ або убіесть, или заколетъ, или удавитъ, приношеніе не приносится за него, токмо аще не будетъ во истину умъ погубилъ; полюбаетъ бо ихъ причастникамъ испытывати о семъ со истязаніемъ»; б) что XIII т., Уст. Врачебн., ст. 370 опредѣлено: «тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать»; и в) что XV т. Угол. Зак. въ ст. 347 говорится: «самоубійца лишается христіанскаго погребенія, если доказано будетъ, что онъ лишилъ себя жизни не въ безуміи и безпамятствѣ»; консисторія постановила слѣдующее опредѣленіе:

Изъ дѣла видно: 1) что христіанскаго погребенія надъ тѣломъ напавшаго убитаго пулею на дуэли поручика Лермонтова протоіереемъ Александровскимъ отправляемо не было; но только, съ удостовѣренія какъ самого Александровскаго, такъ діакона Мадритова, причетниковъ Остроумова и Веседаевскаго, и коллежскаго секретаря Рощинскаго, тѣло его провожаемо было съ квартиры до сѣна съ прощаніемъ «Унятый Боже», 2) погребеніе его, Лермонтова, въ метрическую книгу внесено по-надлежащему; 3) по объясненію протоіереемъ Александровскимъ, за провожаніе тѣла Лермонтова пожертвовано было капитаномъ Столыпиннымъ не 200 рублей, но только 50 рублей ассигнаціями, изъ коихъ выдано: діакону—депозитный билетъ въ 3 рубля серебромъ, а причетникамъ—20 рублей ассигнаціями. Хотя протоіерей Александровскій настоящаго погребенія христіанскаго надъ тѣломъ поручика Лермонтова и не совершилъ, но не слѣдовало и провожать его, яко добровольнаго самоубійцу, въ церковномъ облаченіи и съ подобающею честью, въ противность вышеприведенныхъ узаконеній, а потому за сей поступокъ, вѣроятно, больше изъ интереса пропешедшій, нежели отъ неистѣвшаго закона, изыскать съ него, Александровскаго, въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія 25 рублей ассигнаціями, а причтъ, съ нимъ участвовавшій и яко имъ самимъ въ сей поступокъ привлеченный, отъ изысканія освободить. Затѣмъ обязать ихъ всѣхъ подпискою съ подтвержденіемъ впредь подобныхъ самоубійцъ церковной чести не сподоблять. Доносителю же, священнику Эрастону, не участвовавшему въ выносѣ тѣла Лермонтова, вѣроятно, съ намыреніемъ изъ опасенія отвѣтственности, въ части доходовъ, при семъ случаѣ протоіереемъ Александровскимъ полученныхъ, отказать, тѣмъ болѣе, что участвовавшій причтъ онымъ удовольствованъ, и Александровскій за свой проступокъ подвергнутъ изысканію.

Преосвященный новочеркасскій и георгіевскій утвердилъ постановленіе консисторіи, но приказалъ: «кромя изыскиваемыхъ съ протоіереев, изыскать съ него и съ прочихъ на тотъ же предметъ за проводъ какъ стяжаніе несправедное.»

Такимъ образомъ, впервые послѣ 50-ти сѣмьдесятъ лѣтъ послѣ смерти М. Ю. Лермонтова, устанавливается фактъ, что тѣло его было лишено христіанскаго погребенія по обряду православной церкви, и что ему оказана церковнымъ причтомъ только честь выноса и проводовъ до могилы. Но вышеприведенное сѣдственное дѣло не полно. Оно не коснулось вопроса: были ли совершены духовен-

ствомъ, какія-либо службы надъ тѣломъ усопшаго до выноса его на кладбище? Восполнить этотъ пробѣлъ по рассказамъ очевидцевъ событія, въ интересахъ возстановленія истины, необходимо, тѣмъ болѣе, что выѣстъ съ тѣмъ могутъ быть выяснены и тѣ случайности, которыми обусловились проводы тѣла поэта духовенствомъ съ церемонією, но безъ исполненія обряда погребенія.

Въ біографіи поэта, составленной Н. А. Висковатовымъ ²⁾, мы находимъ слѣдующее (стр. 430): Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно напхидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Ординаторъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барсклаиде-Толли выдалъ свидѣтельство, въ коемъ гонорилось, что Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ М. Ю. Лермонтовъ застрѣленъ на полѣ, близъ горы Мамука, 15 числа іюля, и по свидѣтельствovanіи имъ, тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду. Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшился этого сдѣлать. Нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили Лермонтова за его неадаптированность никакому юмору, старались помѣшать и на коменданта, и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху ядовитаго покойника, какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Они говорили, что убитый на дуэли—тотъ же самоубійца, и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянуть начальство снисходительно ³⁾. Противъ этихъ интригъ стали дѣйствовать друзья поэта. Они уговаривали протоіерея... Но онъ колебался.. Пляшенико (комендантъ), на котораго напирали съ двухъ противоположныхъ сторонъ, самъ не зная, какъ поступить, и колебался категорически разрѣшить протоіерею предать землѣ убитаго по обряду церковному. На формальный запросъ протоіерея онъ прямо не отвѣчалъ, а, желая отъ себя отстранить всякую отвѣтственность, уведомилъ плацъ-маіора, пол-

²⁾ Томъ 6 «Сочиненій М. Ю. Лермонтова», изданіе Рихтера, 1891 года.

³⁾ Да, это мы слышали въ 1870 году отъ священника Василія Эрастова, который, кромѣ этого, говорилъ намъ, что сопровождалъ тѣло поэта въ послѣднее жилище и совершалъ погребеніе протоіерей Александровскій. Онъ же, отецъ Василій, участвовать не могъ, такъ какъ выносы тѣла назначены были въ 4 часа по полудни, когда въ церкви обыкновенно служили вечерню. («Всемирный Трудъ», 1870 года, № 10).

ковника Утилова, 16-же іюля, чтобы тотъ сообщалъ духовенству, возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла поручика Лермонтова. Что сдѣлалъ Утиловъ, неизвѣстно; но надо полагать, что дѣло о погребеніи рѣшено не было ⁴⁾. Тѣмъ же временемъ въ Пятигорскъ прибылъ начальникъ штаба, флигель-адъютантъ Траскинъ. Ему сообщили о затрудненіяхъ относительно похоронъ поэта, и что духовенство упрямствуеъ, утверждая, что человѣкъ, убитый на поединкѣ — тотъ же самоубійца. Полковникъ Траскинъ авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день — 17 іюля, около 6 часовъ вечера. Друзья, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было ⁵⁾. На плечахъ товарищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи.

І. П. Тарасенко-Отрѣшниковъ сообщалъ слѣдующее ⁶⁾. Тотчасъ отправились мы на квартиру Лермонтова. Хатка, которую онъ занималъ, была на дворѣ, въ концѣ улицы, идущей къ горѣ, противъ Машука, со стороны рѣки Подкумокъ. Немногіе, бывшіе тамъ,

⁴⁾ Въ числѣ бумагъ, представленныхъ протоіереемъ Александровскимъ слѣдствителямъ въ свое оправданіе, находится и отношеніе подполковника Утилова и прочихъ членовъ состоявшей подъ его предсѣдательствомъ слѣдственной комиссіи о дуэли, отъ 17-го іюля 1841 года, на № 55, слѣдующаго содержанія: «Велѣдствіе предписанія пятигорскаго коменданта, окружнаго начальника, подполковника и капитана Ильиненко, отъ 16 іюля, № 1307, имѣеетъ честь извѣдомить ваше высокопреподобіе, что Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ на дуэли, 15-го числа, убитъ отставнымъ майоромъ Мартыновымъ, и потому мы полагаемъ бы, что приключившаяся Лермонтову смерть не должна быть причислена къ самоубійству, лишающему христіанскаго погребенія. Не имѣя въ виду законоположенія, противнагося погребенію поручика Лермонтова, мы полагаемъ бы возможнымъ предать тѣло его землѣ такъ точно, какъ въ подобномъ случаѣ камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ отиѣтъ былъ въ церкви комошентъ императорскаго двора, въ присутствіи всего народа.

⁵⁾ Это не вѣрно. Отказалъ въ паридѣ команды на похороны комендантъ. Но когда прибылъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба Траскинъ, нарядъ по его разрѣшенію, былъ сдѣланъ отъ 2-го кавказскаго линейнаго баталіона; трубачи же приглашены были частно (разсказъ В. П. Чилиева).

⁶⁾ Разсказъ князя П. П. Голицына. Приложение XII къ запискамъ Е. А. Хвостовой. Изданіе 2-е, 1870—1871.

сидѣли молча, и когда братъ мой (камеръ-юнкеръ Н. Тарасенко-Отрѣшниковъ) спросилъ: живъ ли и гдѣ Лермонтовъ? ему кто-то отвѣтилъ: лежить убитый у себя въ комнатѣ. У порога этой комнаты стоялъ какой-то солдатъ, приставленный въ видѣ караула. Зеркало было заперѣно. На кровати, въ красной шелковой рубашкѣ, лежалъ блѣдный, истекшій кровью Лермонтовъ... Грудь была прострѣлена навывѣтъ и лужа крови на простынѣ. Съ открытыми глазами, съ улыбкою презрѣнія, онъ казался какъ бы живой, съ выраженіемъ лица — какъ бы разгадавша невѣдомую ему замогильную тайну. Онъ, который былъ такъ невзраченъ, въ этотъ моментъ казался прекраснымъ. Друзья его стали хлопотать, чтобы добиться позволенія похоронить его съ приличной обстановкой... Священникъ обѣщалъ предать тѣло его землѣ по христіанскому обряду; но когда передъ вечеромъ собирались нести покойника, то пришли сказать, что священникъ не рѣшается приступить къ похоронамъ... Пришлось идти его уговаривать... Разсказъ кончается словами: человекъ 12 — 14 его пріятелей, вооруженные въ мундирахъ, невооруженные во фракахъ, понесли гробъ на могилу. Надъ гробомъ священникъ прочиталъ молитву. Оказалось, что гробъ не могъ войти въ боковую пещеру, сдѣланную на днѣ могилы; тогда какой-то стоявшій вблизи черкесъ прыгнулъ туда и книжкой пообилъ землю.

Наиболѣе подробнымъ оказывается разсказъ Н. Н. Раевского¹⁾; но мы возьмемъ изъ него только то, что относится къ дѣлу. Часовъ въ 11-ть, — говоритъ онъ, — пріѣхалъ къ намъ Пляшненко, сказалъ, что гробъ онъ уже заказалъ, и велѣлъ намъ завтра пойти священника попросить. Мы и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта Е. А. Арсеньева — женщина очень богомольная и никогда бы не утѣшилась, если бы ее внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ... На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику единственной въ то время православной церкви въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала она о нашемъ несчастіи, поплакала, тутъ-же прибавила, что батюшки нѣтъ, и что вернется онъ только къ пещеру. Мы стали ее просить, цѣловали у ней ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обрядъ совершить. Она намъ обѣщала свое содѣйствіе, а мы, чтобы ужъ не могла на понятный пойти,

¹⁾ «Ивива» 1886 г. № 8.

тутъ же ей и подарочекъ прислали, разныхъ шелковъ тогдашнихъ, и о цѣнѣ не спрашивали *). Вернулись домой, а народу много набралось... Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ глазомъ обили. Мы ужъ собрались тѣло въ него класть, когда кто-то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ взять святой воды достать? Посоветовали намъ на свободуку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть святая вода въ пузырькъ за образомъ; да у кого-то изъ прислуги нашлось. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и пропѣли всѣ хоромъ «Святый Боже», и покрестились, даромъ что не христіане были, но полагали, что этого недостаточно, и очень безпокоились объ отсутствіи священника... На другой день опять мы со Столыпнымъ пошли къ священнику. Матушка-то его предупредила, но онъ все же не сразу согласился, и пришлось Столыпину ему, вмѣсто 50 рублей, 200 рублей, пообѣщать... Однако, батюшка все настаивалъ на томъ, что, по такой-то де главѣ Стоглава, дуэлисты причтены къ самоубійцамъ, и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается, и хоронить его слѣдуетъ не въ кладбища. Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали было утѣрять его, что архіерей не узнаетъ, а онъ тутъ и говоритъ: «потъ, если бы комендантъ далъ мнѣ записку, что въ своемъ домесніи онъ обо мнѣ не упоминаетъ, я былъ бы спокоенъ». Мы попробовали у Пляшненко эту записочку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнаютъ, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить. Сказали мы это батюшкѣ, а онъ опять заорчался. Однако, когда ему еще и икону обѣщали въ церковь дать, онъ обѣщался прійти. А икона была богатая, въ серебряной ризѣ и съ камнями драгоценными, — одна изъ тѣхъ, которыхъ бабушка Михаила Юрьевича ему цѣлый иконостасъ подарила. Мы вернулись съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу — море цѣлое. Всѣ ждутъ, а священника все нѣтъ. Какъ тутъ быть?

*) Вдова протоіерея Александровскаго, письмомъ, помѣщеннымъ въ «Нивѣ», 1885 г., № 20, протестовала противъ «цѣлованія ручекъ» и «разныхъ шелковъ». Но и самъ отецъ Павелъ отрицалъ передъ слѣдователями получение 200 рублей, говори, что онъ получилъ только 50 рублей, тогда какъ, кромѣ показанія на слѣдствіи о 200 рубляхъ чиновника Рондиновскаго, выдачу этой суммы подтверждаетъ также и Н. П. Раевскій.

Вдругъ изъ публики католическій священъ, спасибо ему, вызвался. «Онъ боится, говоритъ, а я не боюсь, и понимаю, что такого человека, какъ собаку, не хоронятъ. Дайте-ка я литію и обѣдню отслужу». Мы къ этому были привычны, такъ какъ въ походѣ съ нами ходили по очереди то католическій, то православный священникъ, поэтому съ радостью согласились. Когда онъ отслужилъ, то и лютеранскій священникъ, тутъ бывшій, гробъ благословилъ, рѣчь сказалъ и по-своему сталъ служить. Одного только православнаго батюшки при семъ не было. Уже народъ сталъ расходиться, когда онъ пришелъ и, узнавши, что священнослужители другихъ вѣроисповѣданій служили прежде него, отказался служить, такъ какъ намелъ, что этого довольно. Насилу мы его убѣдили, что на похоронахъ человека грекороссійскаго вѣроисповѣданія полагается и служеніе православное. При выносѣ же тѣла, когда увидѣлъ нашъ батюшка музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался. «Уберите трубачей, говоритъ, нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили». Пришлось хоть на время спрятать музыку. Похороны вышли торжественныя... Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ... Тогда же Столыпинъ отдалъ батюшкѣ и деньги, и икону.

Э. А. Шанъ-Гирей напечатала два разсказа о похоронахъ поэта⁷⁾. Въ первомъ она говоритъ: 16 іюля (не 16, 17-го), всѣ знакомыя дамы, исключая Быхонецъ съ кузиной, которая была изъ Желѣзнодорожскъ, собрались на панихиду и погребеніе; долго ждали священника. Тогда былъ протоіерейскій отецъ Панаевъ, всѣми любимый и уважаемый, добрейшій священникъ. По уставу, онъ не имѣлъ права хоронить убитаго на дуэли; уступилъ же неотвязной просьбѣ товарищей Михаила Юрьевича, съ условіемъ, чтобы не было никакого народа, и когда пріѣхалъ и увидѣлъ на дворѣ музыку, тотчасъ повернулъ назадъ. Конечно, музыку сейчасъ выпроводили, но уже стояло большого труда уговорить его вторично. Все же, наконецъ, онъ согласился и хоронилъ Лермонтова, какъ слѣдуетъ, по правиламъ православной церкви... Въ второмъ же, нѣсколько точнѣе опредѣлено понятіе о похоронахъ «по правиламъ православной церкви». На другой день,—говоритъ она,—когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ

⁷⁾ «Нива», 1885 года, № 27, и «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

просьбамъ князя Васильчикова и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого народа. Наконецъ, прѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ. Музыку мгновенно отправили, но за то много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище...

Такимъ образомъ, изъ послѣдняго разсказа г-жи Шанъ-Гирей видно, что похороны «по правиламъ православной церкви» заключались въ отправленіи надъ тѣломъ почившаго отцомъ Павломъ панихиды и проводахъ гроба до кладбища. То же, нужно думать, подразумѣвала и біографъ поэта П. А. Висковатовъ, говоря ¹⁰⁾, что гробъ Михаила Юрьевича былъ донесенъ до кладбища и похороненъ по истѣмъ правиламъ православной религіи. Нельзя же предположить, что подобное опредѣленіе относится только къ одной церемоніи проводовъ гроба и постановки его въ склепъ. Во всякомъ случаѣ, мы, въ статьѣ своей (Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова ¹¹⁾), не имѣя точныхъ данныхъ о погребеніи его въ установленномъ порядкѣ, ограничились заявленіемъ такого рода: въ тотъ же день (т. е. 17 іюля), вечеромъ хоронили и тѣло Лермонтова. Много усилій нужно было употребить, чтобы склонить мѣстное духовенство къ исполненію надъ нимъ послѣднихъ молитвословій по христіанскому обряду. Правда, мы слышали еще въ Пятигорскѣ, въ 1870 году, о грустномъ фактѣ, что поэтъ былъ лишенъ обычнаго христіанскаго погребенія по уставу нашей церкви; но, признаться, отнеслись къ подобному слуху недобѣрииво, тѣмъ болѣе, что священникъ Эрстовъ удостоивалъ насъ въ совершенно противоположн., и поэтому ничего о немъ въ печати не заявляли.

Скажемъ болѣе. Тогда же въ Пятигорскѣ мы узнали о другомъ, если не болѣе ужасномъ, то болѣе позмутительномъ фактѣ. В. П. Чилиевъ, подъ честнымъ словомъ, передалъ намъ, что въ то время, когда друзья поэта употребляли всѣ усилія, чтобы добиться разрѣшенія похоронить тѣло Михаила Юрьевича по христіанскому обряду, противная, враждебная сторона предъявляла коменданту требованіе о тайномъ ночномъ погребеніи праха поэта,

¹⁰⁾ «Біографія М. Ю. Лермонтова», стр. 434.

¹¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 4.

какъ самоубійцы, въ оврагъ за рѣкой Подкукомъ, и не иначе, какъ посредствомъ профоса, и что старикъ Пляшешко имѣлъ твердость отказать ей въ этомъ. При всемъ довѣріи къ словамъ почтеннѣйшаго Василія Ивановича, намъ казалось невѣроятнымъ подобное, чудовищное по способу безобразію, требованіе хотя бы даже личнымъ врагомъ покойнаго, и мы также умолчали о немъ какъ и о слухѣ о лишеніи поэта погребенія. Но теперь, видя изъ приведеннаго выше слѣдственнаго дѣла, что существовавшимъ тогда закономъ (370 ст. XIII т.) опредѣлялось: тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ погребти въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать,—мы должны принять во вниманіе, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и требованіе о погребеніи тѣла поэта ночью въ оврагъ, профосомъ, могло имѣть смыслъ, цѣль и мѣсто.

Но возвратимся къ сути дѣла.

Итакъ фактъ лишенія тѣла поэта погребенія по правиламъ православной церкви въ настоящее время установленъ. Но значеніе этого печальнаго факта до нѣкоторой степени смягчается: во-первыхъ, тѣмъ, что по усомненію, какъ показали на слѣдствіи оба священника, причетниками церкви читалась двое, если не всѣ три сукки, св. Псалтирь; а, во-вторыхъ, тѣмъ, что до выноса гроба въ склепъ, надъ прахомъ почивнаго, въ квартиру его, были отслужены панихиды духовенствомъ всѣхъ религій: какъ католическимъ епископомъ и лютеранскимъ настоятелемъ, такъ и православнымъ священникомъ, съ возженіемъ вокругъ гроба свѣчей въ большихъ церковныхъ подсвѣчникахъ.

Самое погребеніе тѣла поэта по правиламъ православной церкви должно было состояться, такъ какъ протоіерей Александровскій, подвигнутый просьбами друзей поэта, полученіемъ свидѣтельствъ врача и предсѣдателя слѣдственной комиссіи, а главное авторитетнымъ настоятелемъ прибывшаго въ Пятигорскъ въ день похоронъ начальника штаба, флигель-адъютанта Траскина, рѣшившаго, было, совершить его по церковнымъ уставамъ. Приготовленія къ отпѣванію тѣла въ церкви послѣ литургіи, какъ видно изъ заявленія священника Эрастова духовному правленію, были начаты ктиторомъ церкви и причетниками; но исполнить сего не удалось, потому что онъ, Эрастовъ, тому воспрепятствовалъ тѣмъ, что, отслуживъ литургію, какъ чередной, заперъ церковь и унесъ ключи съ собою. Гдѣ онъ былъ со времени окончанія литургіи до начала вечера — не извѣстно; но только его, какъ видно изъ показанія

отца Павла, нигдѣ отыскать не могли. Послѣ же вечерни, конечно, отиѣвать тѣло было нельзя. А такъ какъ тѣло оставаться долѣе въ квартирѣ не могло—погода стояла жаркая, нарядъ солдатъ былъ сдѣланъ и выносъ назначенъ, то людей-леводей пришлось похоронить великаго почившаго безъ отиѣванія, положеннаго уставами церкви. Неразысканіемъ отца Василія объясняются и долгое непрібытіе протоіерей въ квартиру усопшаго, и его возвратъ при видѣ хора музыки, и неѣ его колебанія. Поставленный въ ложное положеніе и сожалея, что не могъ исполнить даннаго обѣщанія, онъ ждалъ, медлялъ, изыскивалъ предлоги для оправданія и въ концѣ-концовъ ничего не могъ сдѣлать...

Но пойдемъ далѣе.

Священникъ Эрастовъ также былъ приглашаемъ чиновникомъ Дмитревскимъ участвовать въ погребеніи, выносѣ и сопровожденіи останковъ поэта до могилы, но отказался подъ предлогомъ неимѣнія времени, а слѣдователямъ показалъ, что изъ боязни отиѣтственности. Въ сущности же тутъ были причины другія. Въ объясненіи духовному прадсенію онъ упомянулъ, между прочимъ, что протоіерей Александровскій, діаконъ Мадритовъ, причетники и ктитори церкви составляютъ одну партію... Если эти лица составляли одну партію, то, конечно, ту партію, которая признавала возможнымъ похоронить убитаго на дуэли «честитъ»; а онъ, Эрастовъ, какъ стоявшій внѣ этой партіи, значитъ, примыкалъ къ другой, т. е. противоположной, и, слѣдовательно, дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Воспрепятствованіе имъ выносу тѣла поэта въ церковь для отиѣванія вполне подтверждаетъ подобное предположеніе.

Тѣ «влиятельныя личности», не любившія Лермонтова за его «не щадившій никого юморъ», о которыхъ упомянуто выше и которыя не считали предосудительнымъ требовать у коменданта погребенія тѣла поэта ночью въ оврагѣ и не иначе, какъ руками профоса, по словамъ В. И. Чиліева, были люди богатые и ловкіе... Исчезновеніе 17 іюля отца Василія съ церковными ключами, продолжавшееся съ окончанія имъ литургіи до начала вечера, было не что иное, какъ ихъ мастерской шахматный ходъ въ послѣдней снѣбѣ на турнирѣ съ друзьями поэта. И что же?—партія оказалась ими выигранной: прахъ автора молитвъ: «Я, Матерь Божія», и «Се обвиняй меня, Всесильный», былъ лишенъ послѣднихъ напутственныхъ молитвъ церкви въ жизнь вѣчную...

Но справедливость, — позволимъ себѣ сказать въ заключеніе, —
въ мірѣ существуетъ! Тамъ, гдѣ совершилось такое недоброе дѣло,
нынѣ воздвигнутъ поэту памятникъ, и духовенство священнодѣй-
ствовало при его открытіи и возглашало: «вѣчную память рабу
Божію Михаилу»...

15 Апрѣля 1895 года
г. С.-Петербургъ.

Висковатовскій списокъ поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ“ въ Императорской публичной библіотекѣ.

1.

Въ 1895 году, вышелъ въ свѣтъ отпечатанный отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1892 годъ, изъ котораго видно, что библіотекѣ этой принесены въ даръ бывшимъ профессоромъ Дерптскаго университета П. А. Висковатовымъ нѣсколько рукописей поэмы М. Ю. Лермонтова «Демонъ», частію въ подлинникахъ, частію въ спискахъ, посвященіе къ поэмѣ и два письма къ г. Висковатову: графини Берольдингенъ и протоіерея Базарова.

Относительно принесенныхъ въ даръ библіотекѣ бумагъ, въ отчетѣ сказано:

а) Очеркъ «Демона» 1838 года. Рукопись въ листъ на 19 листахъ. Писана писарскимъ почеркомъ. Заглавіе поэмы и дата на первомъ листѣ (1838 г. Сентября 8 дня) сдѣланы самимъ Лермонтовымъ, въ текстѣ поэмы нѣ въписаны цѣлые стихи, сдѣлано пять подстрочныхъ примѣчаній и нѣсколько поправокъ отдѣльныхъ словъ. Его же рукою написано и посвященіе В. А. Бахметевой. Эту рукопись, подаренную Лермонтовымъ В. А. Бахметевой, рожденной Лопухиной, П. А. Висковатовъ получилъ отъ Е. Д. Лопухиной, рожденной Голохвастовой, снوخъ пріятеля Лермонтова, Алексѣя Александровича Лопухина.

б) Рукопись «Демона», писанная въ 1840 или 1841 году, (въ датѣ на листѣ 31-мъ, ясно читается три первыхъ цифры 184..., послѣдняя же цифра стерлась), въ 4-ю долю листа, 31 листъ. Рукопись писана на синей бумагѣ, (съ водянымъ знакомъ 1823 или 1825 года), вся рукою писца, схожею съ тою, которой написано

уцѣлѣвшее въ бумагахъ баронессы А. М. Гюгель, рожденной Верещагиной, посвященіе къ «Демону». Немногочисленные пометки и поправки, сдѣланныя въ текстъ рукописи, отъ времени въ значительной степени стерлись и отъ покрытія ихъ впоследствии лакомъ, съ трудомъ могутъ быть прочтены; но, на сколько видны, представляють сходство съ черкомъ послѣднихъ по времени собственно русскихъ рукописей поэта. Редакція, помѣщенная въ настоящей рукописи, должна быть признана за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ переработку этой поэмы самимъ поэтомъ. Подробности объ этой рукописи «Демона», а также о предыдущемъ очеркѣ этой поэмы 1838 года см. въ статьѣ Висковатова «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова и ея окончательная вновь найденная обработка», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 года, Мартъ; въ замѣчаніяхъ Висковатова по поводу «Демона», напечатанныхъ въ III томѣ изданныхъ подъ его редакціей сочиненій Лермонтова (Москва, 1891 г.); и протоколъ вѣстреннаго засѣданія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, 8 февраля 1892 года. (Сбор. этого отдѣленія, т. 53).

в) Посвященіе къ «Демону», сопровождавшее послѣднюю редакцію этой поэмы, посланную В. А. Бахметеной, (рожденной Лопухиной), и найденное въ бумагахъ баронессы А. М. Гюгель (рожденной Верещагиной). Это посвященіе писано тою же рукою, какъ предшествовавшая рукопись «Демона» 184... года.

г) Два письма къ Н. А. Висковатову, по поводу находившейся у А. М. Верещагиной рукописи «Демона» протоіерея І. І. Базарова, изъ Штутгарда, отъ 2го 14 Апрѣля 1889 года, и графини Берольдингенъ (дочери А. М. Верещагиной), отъ 3 іюля 1884 года.

Съ бумагами этими мы, благодаря любезности и вниманію директора Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, А. О. Вычкова и обязательному содѣйствію и предупредительности консерватора отдѣленія рукописей Н. А. Вычкова, ознакомляясь, тщательно ихъ изслѣдовали, свѣрили съ другими лермонтовскими рукописями и приняли къ слѣдующимъ выводамъ.

Рукопись «Демона» съ пометкою: 1838 года Сентября 8 дн., прибрѣтенная г. Висковатовымъ отъ Е. Д. Лопухиной,—документъ подлинный и сомнѣній никакихъ онъ не возбуждаетъ, чего нельзя сказать относительно другихъ двухъ документовъ, т. е. списка «Демона», относясимаго къ 1840—41 годамъ, и посвященія. О рукописи же 1838 года мы замѣтимъ только, что хотя въ отчетѣ публичной

библиотеки и заявлено, что рукою Лермонтова на ней написано и посвящение В. А. Бахметевой, но въ рукописи написано только посвящение, а кому оно предназначается — не сказано.

Второй список «Демона», аттестованный за несомненно последнюю изъ числа известныхъ до сихъ поръ переработку этой поэмы самимъ поэтомъ, — представляетъ дѣйствительно последнюю переработку поэмы, но только не самимъ поэтомъ, а кѣмъ-то изъ его двойниковъ, еще неизвестныхъ, но славныхъ... Это — манускриптъ замѣчательный и любопытный, всестороннему разсмотрѣнію и оцѣнкѣ котораго по достоинству мы настоящую статью и посвящаемъ.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изслѣдованію, намъ предстоитъ ознакомиться съ третьимъ документомъ, на сходствѣ почерка котораго со спискомъ «Демона» 1840 — 41 годовъ основана подлинность послѣдняго. Документъ этотъ — посвященіе къ poemъ «Демонъ», найденное будто-бы въ бумагахъ А. М. Гюгеля. Оно написано на отдѣльномъ листѣ грубой канцелярской полубѣлой бумаги, крупнымъ писарскимъ почеркомъ съ инициалами лица, кому посвящено, именно: В. А. Б. Последняя буква нѣсколько разъ карандашомъ перечеркнута и замѣнена буквою Л. Дата и подпись подъ посвященіемъ оторваны. Уцѣлѣла только верхняя часть одной изъ заглавныхъ буквъ подписи, похожая на верхушку буквы П, или Т, но никакъ не М и Л. Содержаніе посвященія тоже, что и въ рукописи поэмы «Демонъ» 1838 года, но съ добавлением, въ видѣ эпиграфа, четырехъ стиховъ изъ посвященія 1831 года. Въ надписи на обложкѣ посвященія, г. Висковатовъ говоритъ, что оно сопровождало послѣднюю передѣлку поэмы «Демонъ», посланную В. А. Бахметевой, въ 1840 или 1841 году, и писано однимъ почеркомъ со спискомъ этой передѣлки, найденнымъ имъ въ Петербургѣ. Въ надписи же на самомъ посвященіи сказано только, что оно взято изъ бумагъ А. М. Верещагиной. Прямого, непосредственнаго значенія сему документу г. Висковатовъ не придаетъ, но охъ приписывать ему значеніе косвенное, т. е. тождество почерка, которымъ будто-бы написано какъ это посвященіе, такъ и списокъ послѣдней переработки поэмы «Демонъ», найденный имъ въ Петербургѣ случайно. Въ отчетѣ публичной библиотеки за 1892 годъ, заявлено: въ описаніи рукописи «Демона», относимой къ 1840—41 годамъ, — что рукопись эта писана рукою писца, *схожесю* съ тою, которою написано посвященіе, а въ описаніи посвященія — что оно писано *тою же* рукою, какъ рукопись «Демона» 1840—41 года.

Нужно думать, что подобное удостоверение сдѣлано со словъ г. Висковатова, но схожесть почерка, признаваемая въ одномъ документѣ, не можетъ въ тоже время представлять его полнымъ тождества въ другомъ. Слѣдовательно, удостоверение это не имѣетъ надлежащей силы. Но внимательномъ разсмотрѣніи и сравненіи почерковъ этихъ манускриптовъ, мы нашли нѣкоторыя общія черты сходства въ характерѣ ихъ письма, замѣчавшя обыкновенно въ писарскихъ почеркахъ одной школы; но признать ихъ за почеркъ одного лица, писавшаго оба документа, — ни въ какомъ случаѣ не считаемъ возможнымъ. Разница въ стилѣ буквъ и строкъ письма слѣпкомъ замѣтна. Такъ, напр. заглавныя буквы въ Посвященіи имѣютъ широкій размахъ, большую округлость и росчеркъ съ петлями; а въ поэмѣ — онѣ болѣе просты, прямы и угловаты, такъ что не только полного тождества, но и рельефной родственной схожести почерка признать за ними нельзя. Независимо этого, представленное въ публичную бібліотеку Посвященіе возбуждаетъ еще сомнѣніе и въ томъ отношеніи, что оно никогда въ рукахъ В. А. Вахметевой, отъ которой его, по словамъ г. Висковатова, получила г-жа Гюгель, не было и быть не могло. Предположеніе это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) Посвященіе написано на такой бумагѣ, на какой великосвѣтскимъ дамамъ поэты посвященій не преподносятъ. б) Въ немъ не обозначено: кому оно преподнесено, а выставлены только одни инициалы имени, отчества и фамиліи г-жи Вахметевой; причемъ послѣдняя буква *В* нѣсколько разъ перерисована карандашемъ и сверхъ помарокъ написано размашистое *Л*. Подобнаго отношенія къ «своей Мадоннѣ» не могъ себѣ позволить Лермонтовъ, гвардейскій офицеръ и поэтъ-дворянинъ. Инициалы обыкновенно ставятся, когда стихи предназначаются въ другія руки, или же для печати. Но когда они преподносятся лицу, которому посвящены, то пишется имя, отчество и фамилія этого лица, или же посвященіе пишется въ автографъ безъ обозначенія, кому оно принадлежитъ. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить то, что на рукописи поэмы «Демонъ», съ датой: 1838 г. Сентября 8 дня, преподанной Лермонтовымъ то же В. А. Вахметевой, посвященіе написано поэтомъ въ концѣ рукописи собственноручно, но ни имени, отчества и фамиліи лица, кому посвященіе предназначается, ни инициаловъ ихъ не сдѣлано. и в) Подпись посвященія, или другое что, чѣмъ оно было закончено, — оторвано. Обстоятельство это, само по себѣ совершенно ничтожное, наводитъ, однако, на мысль, что на

оторванномъ лоскутѣ бумаги были какіе-нибудь признаки совершенно иного происхожденія сего документа. Очень можетъ быть, что г. Висковатовъ, при массѣ собранныхъ имъ матеріаловъ, относившихся къ поэмѣ «Демонъ», перемѣнялъ ихъ и представлялъ въ публичную бібліотеку, по ошибкѣ, не бахметевское посвященіе, а другой, какой-либо съ него списокъ. Но такъ или иначе, только документъ этотъ не имѣетъ того значенія, какое ему приписывается.

Покончивъ съ посвященіемъ, перейдемъ къ самой рукописи поэмы, относимой, по времени приписываемаго ей происхожденія къ 1840 или 1841 годамъ.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе на ея извѣстность и представительность, чтобы опредѣлить признаки дѣйствительнаго ея достоинства. Въ подлинныя рукописи сочиненій Лермонтова, хранящіяся въ Императорской публичной бібліотекѣ, какъ напр.: «Книгиня Лиговская», «Бояринъ Орша», «Черкесы», «Герой нашего времени», «Люди и страсти» и др. писаны на тетрадяхъ листового формата, бѣлой, полубѣлой или сѣрой бумаги, безъ перенумеровки страницъ и подлин. Даже преподнесенная въ 1838 году г-жѣ Бахметевой рукопись поэмы «Демонъ» подлин. поэта не имѣетъ. Настоящій же манускриптъ представляетъ явленіе совершенно противоположнаго свойства. Это—тетрадь, и даже не тетрадь, а только отрывокъ отъ какой-то другой большой тетради: что свидѣлствуютъ картонная съ небольшимъ загнѣтомъ на корешокъ обложка, оклеенная мраморной бумагой, — съ одной только стороны и впадинъ съ другой обрывочки веревочекъ, на которыхъ большая тетрадь была переплетена. Бумага въ ней грязная, синяя, съ водяными знаками 1823 или 1825 года. Форматъ—согнутого вдвое полулиста, или, точнѣе сказать,—въ четвертку листа. Обернута она въ полудлиніи бѣлой бумаги, приклеенный къ послѣднему листу той стороны тетради, гдѣ нѣтъ картошной мраморной обложки. Страницы ея перенумерованы: до конца поэмы (съ 1 до 60-й)—карандашемъ, а далѣе (61—69) — чернилами. При первомъ взглядѣ на этотъ обрывокъ тетради получается впечатлѣніе, что онъ оторванъ отъ какой-нибудь, изобиловавшей въ концѣ не писанными листами, большой, старой архивной тетради, и оторванъ не съ лицевой стороны, а съ противоположной, т. е. задней, гдѣ нѣлись неписанныя страницы, перевернуть справа на лѣво, и затѣмъ уже на обращенныхъ въ лицевыя заднихъ страницахъ этого обрывка тетради написана поэма «Демонъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ поэмы имѣетъ

карандашные поправки, а подъ послѣднюю строфу выставлена дата и сдѣлана подпись, тоже карандашомъ «Лермонтовъ». Вся эта карандашная работа полустерта, испачкана и покрыта лакомъ. Вотъ какой видъ представляеть изъ себя пресловутая рукопись, имѣвшая, по словамъ г. Висковатова, назначеніе—быть посланной г-жѣ Бахметевой, но, въ виду ошибки писаря, вызвавшихъ карандашные исправленія, замѣченная вновь переписанной. Одинъ бѣглый, вѣстный обзоръ этой рукописи возбуждаеть уже сомнѣніе въ принадлежности ея поэту: нѣтъ онъ такихъ обрывковъ отъ тетрадей для своихъ работъ не употреблялъ, а тѣмъ болѣе не могъ взять для отправки къ г-жѣ Бахметевой, черновыхъ рукописей не подписывать и дать на нихъ не ставилъ. Самъ г. Висковатовъ признавалъ это и въ Послѣсловіи своемъ, написанномъ на послѣднихъ страничкахъ рукописи, задаясь вопросомъ: почему Лермонтовъ выбралъ такую бумагу (съ поднятыми знаками 1823 года), и тетрадь со столь плохими переплетомъ? Но вопросъ этотъ остался открытымъ: глубокомысленный профессоръ ограничился только восклицаніемъ: не было ли здѣсь какого-либо юношескаго воспоминанія, связаннаго съ годами перваго знакомства съ Варенькой?!?.. Не выходя изъ разсмотрѣнія подобнаго игриваго предположенія профессора, мы, однако, не можемъ не замѣтить, что Лермонтову въ 1823 году было только 8 лѣтъ отъ роду и амурнымишалостями онъ тогда еще не занимался, что первая любовь его въ 1825 году была не Варенька, а какая то дѣвочка на Кавказѣ, и что любовью къ Варенькѣ поэтъ восплалялъ только въ концѣ 1830 года. Впрочемъ, одно уже безпокойство, выказанное г. Висковатовымъ при сопоставленіи имени поэта и этой грязной архивной тетради, должно служить подтвержденіемъ нашего предположенія, что тетрадь эта въ рукахъ поэта быть не могла.

Но пойдемъ въ нашемъ изслѣдованіи далѣе.

Первая страница (бывшая, вѣроятно, въ большой архивной тетради послѣдней), представляеть изъ себя только узкую оторванную по длинѣ страницы полоску, остальная же часть ея, нужно думать, вслѣдствіе бывшихъ на ней еще въ старой тетради какихъ-либо надписей, оторвана. На оторванномъ концѣ страницы сдѣланы надписи о принадлежности тетради профессору Висковатову и о передачѣ ея въ Императорскую публичную бібліотеку въ февралѣ 1892 года. Со слѣдующей 2-й страницы начинается поэма «Демонъ». Она занимаетъ 60 страницъ. Писана поэма крупнымъ писарскимъ

почеркомъ, но такими чернилами, какія для письма вообще не употребляются. Это было какое-то особо приготовленное съ извѣстной цѣлью снадобѣ. Строки, имъ написанныя, не смотря на сохранившуюся мѣстами черноту и блескъ, пожелтѣли, расплылись и образовали изъ себя широкія водянистыя полосы. Г. Висковатовъ, въ своемъ послѣдованіи, написанномъ на послѣднихъ страницахъ тетради, говорить: «Меня всегда поражали эти чернила. Приходило даже на мысль, не вѣсть-ли былъ въ нихъ укусъ, для приданія имъ вида выцѣпнаго. И мнѣ многократно приходила мысль, что это — подѣланная рукопись, но обстоятельства, при которыхъ я приобрѣлъ, дѣлали это невѣроятнымъ. Я спесъ рукопись въ химическую лабораторію Дерптскаго университета, и мнѣ сказали, что въ чернилахъ много раствора адекаго камня... На синей бумагѣ произонесъ процессъ химическій, отчего она побѣлѣла, и, вѣроятно, это стало тотчасъ замѣтнымъ, почему вторая копія, отъ коей сохранилось посвященіе въ бумагахъ Верещагина (Гюгеля), уже писана другими чернилами, но, очевидно, тою же рукою».

Приостановимся на мнѣніе на этихъ откровенныхъ, но несомнѣтельныхъ измѣненіяхъ профессора.

Заявленіе его о томъ, что онъ сознавалъ, что найденная имъ рукопись подѣлана, весьма характерно—при стремленіи доказать ея достовѣрность. Но мы отмѣтимъ только подобную непоследовательность профессора, и займемся вопросомъ: могли ли обстоятельства, при которыхъ приобретена рукопись, сдѣлать предположеніе о подѣлкѣ ея невѣроятнымъ. Изъ статьи г. Висковатова «Демонъ, поэма М. Ю. Лермонтова, и ея окончательная, вновь найденная обработка», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 3, видно, что приобретение этой рукописи совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

«Въ началѣ 1880-хъ годовъ.—пишетъ профессоръ:—я работалъ въ архивѣ одного изъ нашихъ правительственныхъ учреждений. Мнѣ было разрѣшено просморгнуть секретное дѣло о Лермонтовѣ. Старикъ-писарь дѣлалъ мнѣ выписки. Какъ-то разъ онъ сказалъ мнѣ:

— Вы вотъ изволите заниматься Лермонтовымъ, а у меня есть его сочиненіе «Демонъ».

— Принесите.

И когда на другой день старикъ принесъ мнѣ поэму, я былъ удивленъ цвѣтомъ бумаги и чернилахъ, свидѣтельствовавшихъ о

давности рукописи. Занятый прочтеніемъ секретнаго дѣла, я только перелистовалъ нѣсколько страницъ и увидѣлъ знакомый текстъ, раздѣленный на главы.

— Откуда вы получили эту тетрадь?

— Отъ свояка. Онъ говорилъ, что переписывалъ ее офицеру, тетрадь у меня давно. Прежде ее у меня переписывали, а нынче все уже напечатано.

Я приобрѣлъ тетрадь и сложилъ ее съ другими до времени общаго разбора. Когда въ 1887 году, я, наконецъ, принялся за дѣло, то этотъ списокъ, къ моей радости, оказался давно желаннымъ и разыскиваемымъ спискомъ.

Вотъ исторія приобретенія г. Висковатовымъ пресловутой рукописи послѣдней якобы обработки поэмы. Но гдѣ тутъ обстоятельства, которыя могли-бы сдѣлать предположеніе о подѣлкѣ ея нечестнымъ? Напротивъ, все: обстановка, источникъ и самая процедура купли рукописи, — говорить не въ пользу рукописи. Профессоръ такъ обрадовался приобретенію, какъ онъ выразился, «давно желаннаго и разыскиваемаго» списка, что не считая нужнымъ распросить писаря: кто такой былъ своякъ его, который переписывалъ списокъ, когда онъ его переписывалъ, какому офицеру и гдѣ? Онъ даже не указалъ въ статьѣ своей: въ какомъ учрежденіи и отъ какого писаря приобретенъ былъ списокъ, чтобы желающіе могли проверить сообщенные имъ факты. Тѣмъ и тайна облекаютъ всѣ эти профессорскія сказанія и, конечно, ничего не говорятъ въ ихъ пользу.

Принятая профессоромъ система удостовѣренія своего списка заключается въ привлеченіи и толкованіи въ ея пользу всякихъ, нейдущихъ даже къ дѣлу, подробностей и постороннихъ обстоятельствъ, игнорированіи всего, говорящаго противъ списка, уклоненіи въ сферу догадокъ и предположеній, ни на чемъ не основанныхъ, и, наконецъ, въ изысканіи такихъ доказательствъ, которыя, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, доказываютъ совершенно противоположное. Все это, конечно, нарушаетъ правильность и стройность нашего изслѣдованія; но что дѣлать, мы должны идти по слѣдамъ профессорскаго мышленія и опровергать замѣчаемая неточности и несправильныя толкованія, иначе нашъ трудъ былъ бы не полезенъ. Оговорившись такимъ образомъ, мы перейдемъ ко второму пункту вышеприведенной выписки изъ Послѣсловія г. Висковатова.

Профессоръ говоритъ, что въ синей бумагѣ произошелъ про-

цесей химическій, отчего она побѣлѣла и, вѣроятно, это стало
точнѣе, т. е. по написаніи рукописи, замѣтнѣе, почему вторая
копія, отъ коей сохранилось Посвященіе въ бумагахъ Гюгеля, уже
писана другими чернилами, но, очевидно, тою же рукою. Относи-
тельно разсужденія о чернилахъ замѣтнѣе, что если-бы висконо-
товская рукопись была написана растворомъ адекаго камня въ
началѣ сороковыхъ годовъ и тогда-же стала выцвѣтати, то къ
нашему времени, т. е. къ десятилетиямъ годичъ, въ ней едва-ли-бы
что нибудь можно было разобрать изъ написаннаго: строки текста,
написаннаго растворомъ адекаго камня, превратились-бы въ сплош-
ныя, желтыя, поднистыя полосы. Между тѣмъ писмо рукописи,
не смотря на лежаніе ея у профессора въ сыромъ погребѣ и раз-
ные эксперименты, на видъ довольно свѣжо и въ желтыхъ поло-
сахъ, окаймляющихъ строки, ясно видны нѣтъ, вѣстями даже чер-
ныя и блестящія, буквы, которыми написанъ текстъ поэмы.

Взматриваясь въ это толстое, жирное, еще досидающееся кое-гдѣ
писмо, невольно убѣждаешься, что перевернутый задомъ напередъ
отрывокъ старой архивной тетради обогатился текстомъ много обра-
ботанной поэмы не полѣтка слитникомъ тому назадъ, какъ увѣрилъ
профессоръ, а много, много, если лѣтъ десять, а то такъ и меньше
того. Что-же касается замеченія г. Висковатова о томъ, что вторая
копія, отъ коей сохранилось Посвященіе въ бумагахъ Гюгеля, уже
написана другими чернилами, но, очевидно, тою же рукою,—мы
можемъ положительно сказать, что никакой копіи съ найденнаго
профессоромъ текста поэмы «Демонъ» въ рукахъ В. А. Бахметевой
не было, и сказаніе объ этомъ есть ничто иное, какъ догадка
профессора.

Въ статьѣ «Демонъ и пр.», напечатанной въ «Русскомъ Вѣ-
стникѣ» 1889 г., № 3, г. Висковатовъ говоритъ: «Между бума-
гами А. М. Верещагиной (Гюгель), присланными мнѣ изъ-за гра-
ницы, находился и листъ съ Посвященіемъ къ «Демону», писанный
тѣмъ-же почеркомъ, какъ и рукопись, о которой идетъ рѣчь. Оче-
видно, этотъ листъ составляетъ отдѣльное Посвященіе къ поэмѣ,
посланной въ новую обработку къ В. А. Б. Онь уцѣлѣлъ, а руко-
пись «Демона», какъ писала дочь Верещагиной, пропала. Тожде-
ственность почерка списка «Демона» съ уцѣлѣвшимъ въ бумагахъ
Верещагиной посвященіемъ къ утраченному экземпляру поэмы,
ранно какъ и пометка на нашей рукописи «переписать»,—побуж-
даетъ насъ сдѣлать слѣдующее предположеніе. Въ 1840 или 1841 г.,

Лермонтовъ въ бытность свою въ Петербургѣ, приказалъ снять копию со вновь пересмотрѣннаго и передѣланнаго текста «Демона», чтобы послать его, какъ и прежде, В. А. Б. Первая копія была сдѣлана не удачно, и поэтъ, испрививъ промахи, да вписать карандашомъ то, что переписчикъ не сумѣлъ разобрать, приказалъ сдѣлать еще списокъ, который и высылалъ В. А. Б.;—первая-же неудачная копія осталась въ рукахъ переписчика». Выводъ, конечно, оригинальный, но онъ высказанъ въ видѣ предположенія, и только впоследствии профессоръ въ своихъ статьяхъ, въ академическомъ рефератѣ и въ послѣсловіи къ поэмы сталъ говорить о немъ, какъ о совершившемся фактѣ. Пріемъ слишкомъ утрированный и смѣлый. Но у г. Висковатова, какъ оказывается, свои принципы, взгляды и правила по отношенію къ пропагандѣ найденнаго имъ списка. Чтобы опровергнуть въ самомъ корнѣ вышесказанное предположеніе профессора, возведенное имъ впоследствии на степень факта, мы приведемъ нижеслѣдующія доказательства. Найденный г. Висковатовымъ списокъ поэмы «Демонъ», по его словамъ, есть ничто иное, какъ первая копія съ исправленной поэмою рукописи, предназначенная для отсылки къ В. А. Б., но не посланная вслѣдствіе дурной ся переписки. Этого не могло быть потому, что копія эта написана на обрывкѣ отъ старой архивной тетради изъ грубой и грязной, синей бумаги, съ одной половиною картонной обложки, и, слѣдовательно, не могла быть предназначена къ поднесенію великосвѣтской дамѣ, которую такъ возвышенно и самоотверженно любилъ поэтъ. Не могъ онъ также послать ей и второй копіи съ этого исправленнаго карандашомъ списка, потому, что Лермонтовымъ былъ посланъ В. А. Бахметевой, въ 1841 году, изъ Петербурга, не этотъ списокъ, а другой — подлинный, съ котораго печаталось (сдѣланъ былъ первый наборъ) рѣдчайшее нынѣ Карlsruзское изданіе поэмы «Демонъ» 1856 года. Фактъ этотъ будетъ разсказанъ нами ниже, а пока, въ подтвержденіе его, мы приведемъ нижеслѣдующую выдержку изъ письма протоіерея І. І. Базарова, написаннаго къ Н. А. Висковатову, изъ Штутгарта, ²/₁₄ Іюня 1889 года, и принесеннаго послѣднимъ въ даръ императорской публичной бібліотекѣ. Вотъ что писалъ отецъ протоіерей: «Въ статьѣ нашей «Демонъ», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», говоря объ изданіи этой поэмы въ Карlsruзѣ, въ 1857 году, г-нъ Ф—тъ, вы выражаете сожалѣніе, что не могли напасть на слѣды издателя. Позвольте мнѣ, если это васъ интересуетъ, какъ лично

участвовавшему въ этомъ изданіи, пояснить вамъ, что г. Ф—въ, былъ никто иной, какъ генералъ Алексѣй Паладіоновичъ Философовъ, бывшій воспитателемъ великаго князя Михаила Николаевича и состоявшій при немъ въ 1859 году, когда великій князь сдѣлался женихомъ баденской принцессы Цециліи, затѣмъ великой княгини Ольги Осодоровны, и въ дѣтствѣ этого весьма часто прѣзжавшій съ великими князьями въ Карлсруэ. Здѣсь, по моему предложенію, онъ обратился къ Гасперу, у котораго тогда печаталась моя «Библейская исторія», а прежде «Алексинскъ» Рейфа и «Одиссея» Жуковскаго съ предисловіемъ, съ предложеніемъ напечатать «Демона» Лермонтова, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ поднесенъ былъ и мнѣ, но теперь неизвестно кѣмъ зачитанъ. *Рукопись-же, съ которой была издаваема эта поэма Философовымъ, была доставлена ему, какъ вы уже знаете, Александромъ Михайловичемъ Гюгелемъ, съ которой Алексѣй Паладіоновичъ былъ въ родствѣ, по женѣ своей Столыпиной, и мать г-жи Гюгель, Верещагина, была тоже Столыпина. Куда дѣвалась самая рукопись—до сихъ поръ трудно сказать. Если она не осталась забытой въ типографіи Гаспера, то еще можно поискать и у наследниковъ А. П. Философова...* Такимъ образомъ, констатируется фактъ, что съ присланнаго поштомъ В. А. Бахметевой, въ 1841 году, списка «Демона», переданнаго ею А. М. Гюгелемъ, печаталось первое Карлсруэское изданіе поэмы 1856 года, и если-бы ей былъ присланъ текстъ висковатовскаго списка, то онъ и былъ-бы напечатанъ. Но напечатанъ—подлинный текстъ поэмы.

Возвращаясь за сѣмъ къ изслѣдованію писемъ висковатовскаго списка, мы остановимся на сдѣланныхъ въ немъ карандашныхъ исправленіяхъ и подписи поэмы, г. Висковатовъ, въ статьѣ «Демонъ и пр.» («Русск. Вѣстникъ», 1889 г., № 3), удостовѣряетъ, что поэтъ собственноручно исправилъ и подписалъ сказанный списокъ. «Для меня, говоритъ онъ, разбравшаго большое количество рукописей Лермонтова, не подлежитъ сомнѣнію, что исправленія и подписи сдѣланы рукой поэта, желая предохранить его поправки отъ дальнейшей порчи, я покрылъ ихъ лакомъ. Для болѣе-же наглядности на поляхъ выставилъ карандашомъ трудно читающіяся слова». Но испугавшись такого категорическаго опредѣленія, тутъ-же, нѣсколько далѣе дѣлаетъ оговорку: «правда, карандашъ отъ времени постерся и поэтому трудно утверждать съ достовѣрностію, что это написалъ самъ поэтъ; но сходство почерка не подлежитъ сомнѣнію». Въ

Послѣловин же къ поэмѣ, на послѣднихъ листахъ тетради, профессоръ вновь удостовѣряетъ, что карандашныя пометки принадлежатъ поэту, и за снѣгъ уже во всѣхъ другихъ заявленіяхъ высказывается за несомнѣнность почерка поэта. Весьма характеристично при этомъ то обстоятельство, что при всякомъ случаѣ, когда не можетъ встрѣтиться возраженій, г. Висковатовъ высказывается за достовѣрность почерка. Но если встрѣчается оппонентъ, возражающій противъ этого, какъ напр. въ полемикѣ съ А. С. Сувориннымъ, профессоръ бѣжитъ отъ боя и, вмѣсто щита, выставляетъ свою оговорку. («Новости» 1891 г., № 296). Но это все только къ слову. Мы тщательно изслѣдовали упомянутыя выше карандашныя упражненія, сопоставили ихъ съ предоставленными въ наше распоряженіе начальствомъ публичной библіотеки, другими, подлинными Лермонтовскими рукописями и письмами, и пришли къ тому заключенію, что всѣ эти упражненія приписаны Лермонтову по недоразумѣнію или заблужденію. Въ дѣйствительности-же, по изслѣдованіи карандашныхъ работъ, получились совершенно иные результаты, а именно: а) на стр. 2-й, передъ началомъ посвященія Кавказу, находится большое, какъ-бы нарочно затертое пятно, покрытое лакомъ, изъ подъ котораго у лѣваго края пятна виднѣется росчеркъ крышки какой-то начальной буквы, дажде, къ срединѣ, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, находятся двѣ черты, какъ-бы палочки буквы р и въ концѣ правой стороны пятна—широкій откидной къверху росчеркъ буквы ъ. Эти чуть замѣтные слѣды какой-то надписи, по сдѣланному тутъ-же г. Висковатовымъ истолкованію, слѣдуетъ принимать за бывшее будто-бы тутъ слово: «перенести». Не обладая даромъ предвидѣнія, ниспосланнаго профессору сныне, мы не станемъ опровергать его предположенія о томъ, что тутъ было написано. Но по сохранившимся чертамъ бывшей пометки можемъ утвердительно сказать, что пометка эта не могла быть писана рукой поэта. Во первыхъ потому, что занятое ею мѣсто, отъ заглавной до послѣдней буквы, по сличенію и сдѣланному нами обмѣру циркулемъ, заключаетъ въ себѣ почти вдвое болѣе пространства, чѣмъ занимать обыкновенно поэтъ въ своихъ рукописяхъ для такихъ-же десятибуквенныхъ словъ, какъ слово «перенести». Во вторыхъ потому, что росчеркъ крышки начальной буквы бывшей надписи и широкій далекій отбросъ широко росчерка послѣдней буквы ъ противорѣчатъ общему характеру почерка поэта, въ особенности—послѣдній росчеркъ. Лермонтовъ никогда не писалъ буквы ъ съ большимъ тор-

горизонтальнымъ откидомъ верха росчерка вправо. Въ его *з* въ подлинныхъ рукописяхъ имѣютъ выбросъ кверху прямой, или-же съ небольшимъ загибомъ крючка—наѣно, къ началу строки. б) На стр. 3, противу зачеркнутой строфы, стоитъ покрытое лакомъ слово: «*надо*». Оно написано размашисто и занимаетъ большее мѣсто, чѣмъ въ подлинныхъ рукописяхъ поэта занимаютъ обыкновенно слова въ четыре буквы. При чемъ и самый строй буквъ не нормаленъ и разнится въ основныхъ чертахъ письма отъ подлиннаго почерка поэта. Такъ, букву *и* Лермонтовъ писалъ обыкновенно похожею на *и*, т. е. поперечинка ея начиналась въ нижнемъ концѣ первой палочки и подымалась въ диагональномъ направленіи кверху другой палочки; а въ висковатовскомъ спискѣ перекладинка начала отъ середины первой палочки. Буква *о* далеко отставлена отъ *и* и загнута въ выбросъ кверху низко и широко, тогда какъ крючекъ буквы *о* въ подлинныхъ рукописяхъ поднимается надъ строкою выше и загибается уже и круче. Буква *о* написана съ отбросомъ росчерка вправо, а Лермонтовъ обыкновенно писалъ *о* въ концѣ слова круглое. в) На стр. 5, слово «*въ пространство*» написано такими низенькими, подобными волнообразной чертѣ, буквами, что оно и не напоминаетъ даже дѣйствительнаго почерка поэта. г) На стр. 8, слово «*пылкой*» такъ же, какъ и слова на первыхъ страницахъ, написано разгонистымъ почеркомъ, поэту несвойственнымъ, а краткій знакъ надъ буквой *и* изображенъ длинной чертой съ большимъ отбросомъ вправо, между тѣмъ какъ Лермонтовъ писалъ его: или коротенькой черточкой, или же круглымъ крючкомъ. д) На стр. 11, въ покрытомъ лакомъ пятнѣ что-то начертано, г. Висковатовъ опредѣляетъ это словомъ: «*алмазны*», можетъ быть опредѣленіе это и правильно, только буквы, которыми оно начертано, чужды почерку поэта. е) На стр. 12, въ словѣ «*узорчатый*» буква *з* изображена почти безъ загиба въ серединѣ и не похожа на лермонтовское *з* съ большимъ загибомъ крючка; краткое же надъ *и* въ концѣ слова сдѣлано, какъ и на стр. 8 тетради, длинной чертою съ отбросомъ, что вообще несвойственно почерку поэта. ж) На стр. 13, надъ зачеркнутымъ словомъ «*катилися*» виднѣется какая-то волнообразная черта съ одной начальной буквой *а*; по такого рода письма мы въ рукописяхъ поэта не встрѣчали: почеркъ его вообще отличается ясностью и отчетливостью написаннаго, и з) Направление прочихъ словъ въ текстѣ списка, какъ напр., на стр. 13, — «*думой*», на стр. 15 — «*обоедена*» и «*ушиями*», на стр. 16 — «*удалой*», на стр. 17 — «*въ*

тишишь» и «чуть слышно», на стр. 50—«вндъ» и др., имѣтъ тѣже основныя черты, какъ указано нами выше, поэтому мы говоримъ о нихъ, т. е. повторять уже сказанное, не будемъ и перенесемъ прямо къ датѣ и подписи. Сдѣланная на 60-й страницѣ, подъ послѣдней строфой поэмы, карандашомъ дата «18....» и подпись «Лермонтовъ» положительно чужды почерку поэта. Цифру 1 онъ писалъ съ почеркомъ, и нѣкоторымъ уклономъ вправо, а здѣсь стоитъ прямая палочка и безъ почерка. Цифру 8, написанную напр. въ датѣ лонхунисскаго списка «Демонъ» три раза (1838 г. Сентября 8), мы видимъ начертанную слѣва съ загибомъ верхняго ея крючка на право, а здѣсь какъ разъ наоборотъ, она зачата справа и крючекъ выведенъ въ лѣвую сторону цифры. Третьей цифры, по мнѣнію г. Висковатова, изображающей 4 и положенной имъ въ основаніе предположенія, что списокъ исправлялся въ 1840 или 1841 годахъ, — въ дѣйствительности не существуетъ. Рядомъ съ цифрой 8, красуется подъ закономъ темное, какъ будто нарочно затертое, пятно, въ которомъ видѣть цифру 4 можетъ только одно пыльное всевидящее воображеніе профессора. Что же касается сдѣланной подъ строфами поэмы подписи, то несообразность ея становится ясной при первомъ же внимательномъ на нее изглядѣ. Начальная буква Л выведена въ ней съ закругленіемъ вверху, тогда какъ поэтъ писалъ ее всегда въ верхнемъ концѣ остро. Буква р въ длинной палочкѣ коротка, а въ стигѣ росчеркъ приподнять, что противорѣчитъ общему характеру стиля лермонтовскаго почерка. Остальныя буквы, послѣ слишкомъ расширеннаго м, безформенно прочерчены съ небольшимъ крючкомъ вмѣсто росчерка въ концѣ. Между тѣмъ поэтъ, какъ извѣстно, когда подписывался полной фамиліей, выписывалъ четко всѣ буквы, среди которыхъ особенно было замѣтно а, съ выброшенной изъ строки сверху петлей, и хорошо написанный з съ большимъ круглымъ росчеркомъ въ завиткахъ внизу подписи. Но что болѣе всего поражаетъ въ этой подписи — это сама подпись. Зачѣмъ она поставлена подъ спискомъ, оставленнымъ, какъ заявили самъ профессоръ, послѣ его переписки, въ рукахъ писаря? Поэтъ вообще не подписывалъ своихъ черновыхъ рукописей, для чего же ему нужно было подписать списокъ, брошенный у переписчика?

Вотъ факты, которые мы добыли, и выводы, къ которымъ пришли при внимательномъ осмотрѣ и изслѣдованіи найденнаго г. Висковатымъ и принесеннаго имъ въ даръ Императорской публичной

библіотекъ, списка поэмы «Демонъ». Не будемъ распространяться о нихъ. Они очевидны всякому и сами собою краснорѣчиво говорятъ противу его достовѣрности, какъ списка послѣдней редакціи, исправленнаго поэтомъ собственноручно. Илліакую роль чужака-самозванца играть онъ въ собраніи автографовъ, геніальнаго поэта, находящихся въ великомъ нашемъ національномъ книгохранилищѣ, и, глядя на него, невольно удивляешься тому непонятному ослабленію, съ которымъ онъ профессоромъ принятъ, пропагандированъ и сданъ въ библіотеку за подлинную рукопись поэта.

Но не смотря на это, мы не считаемъ себя вправе ограничить ся однимъ только вышнимъ осмотромъ и изслѣдованіемъ сказаннаго списка. Для полноты предпринятаго нами труда, намъ предстоитъ еще рассмотреть доводы, которые приведены г. Висковатовымъ въ пользу его принятія и разрѣшить вопросъ: соответствуютъ ли замыслу и мировоззрѣнію поэта та идея, которая, по словамъ профессора, будто бы придана Лермонтовымъ поэму, при ея преследутой «послѣдней переработкѣ».

II.

Доводы, объясненія и разсужденія г. Висковатова относительно подлинности найденнаго имъ списка, изложены: а) въ статьѣ «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова и ея окончательная, вновь найденная обработка», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 3; въ «Предисловіи» и нѣсколькихъ словахъ по поводу поэмы «Демонъ», напечатанныхъ въ III томѣ «Сочиненій М. Ю. Лермонтова», изд. Рихтера, 1891 года; и б) въ докладѣ отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, въ экстренномъ засѣданіи его 8 Февраля 1892 года, напечатанномъ въ «Сборникѣ этого отдѣленія», 1892 года, томъ 53. Сущность сихъ документовъ одинакова, они отличаются другъ отъ друга только въ силѣ, полнотѣ и убѣдительности изложенія. По основаніемъ духу послѣднихъ служить первая статья. Во всякомъ случаѣ мы начнемъ разсмотрѣніе поставленныхъ г. Висковатовымъ тезисовъ съ академическаго его доклада, и только въ случаѣ пропуска въ немъ

каких-нибудь рога^{ты}х подробностей, (безъ чего дѣло, конечно, не обошлось), мы будемъ тревожить и тексты упомянутыхъ выше статей. Такимъ образомъ, мы надѣемся, намъ не встрѣтится затруднений обнять, изучить и осмыслить свѣдомъ истинны казуистическую тѣму, наполняющую статьи и докладъ профессора.

Рефератъ г. Висковатова въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующее.

При жизни Лермонтова, поэма его «Демонъ» не появлялась въ печати ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ. Впервые отрывки изъ нея появились въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года, но полностью она сдѣлалась извѣстной публикѣ еще при жизни поэта изъ рукописныхъ списковъ, ходившихъ по рукамъ, особенно среди молодежи. Только въ собраніи сочиненій Лермонтова, вышедшемъ подъ редакціей С. С. Дудышкина вполнѣ напечатанъ полный текстъ «Демона». Затѣмъ онъ перепечатывается безъ всякихъ измѣненій, хотя и съ замѣнами однихъ мѣстъ другими и перестановками, въ цѣломъ рядѣ изданій «Собранія сочиненій поэта», выходившихъ подъ редакціей П. А. Ефремова. Текстъ поэмы постоянно видоизмѣнялся съ каждымъ новымъ изданіемъ, но вообще его печатали съ разныхъ списковъ, не поэта рукою писанныхъ, и допускались произвольныя исправленія и добавленія. Какъ первый издатель сочиненій Лермонтова Дудышкинъ, такъ и продолжатель его дѣла г. Ефремовъ не считали нужнымъ упоминать о самой рукописи, изъ которой они извлекали для своихъ изданій основной текстъ поэмы. Только въ послѣднихъ изданіяхъ собранія сочиненій Лермонтова, начиная съ 1880 года, г. Ефремовъ сталъ указывать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ тексту поэмы, что дѣлалъ исправленія текста по рукописи, принадлежащей О. П. Кнису, поправленной самимъ Лермонтовымъ въ 1840 году. Но означенный списокъ поэмы совсѣмъ не исправленъ самимъ поэтомъ и поправки въ немъ сдѣланы уже черезъ третью руку. Да и въ немъ г. Ефремовъ допускалъ произвольныя измѣненія. Такимъ образомъ *текстъ поэмы*, печатавшійся въ Россіи вплоть до 1891 года, *не можетъ считаться достовернымъ*. Еще въ болѣе^й степени можно сказать это объ изданіяхъ, появившихся за границею, изданіяхъ весьма неточныхъ, ошибочныхъ и спутанныхъ. Исключенія представляютъ лишь изданія 1856 и 1857 годовъ, вышедшія въ Карлсруэ и Берлинѣ. (Г. Висковатовъ ошибается: оба эти изданія вышли въ Карлсруэ), послужившія основаніемъ и для большинства изданій, появившихся въ

1891 году въ Россіи. Но какъ было доказано, (объ этихъ доказательствахъ въ рефератъ профессора ничего не гонорится, но мы приведемъ ихъ, какъ курьезъ, и опровергнемъ ниже), и это издание, сдѣланное будто бы съ «своеручной рукописи» Лермонтова, не заслуживаетъ доверія. Сами редакторы новыхъ изданій, признавая текстъ изданія, вышедшаго въ Карлсруэ точнымъ, не слѣдуютъ ему безусловно, а видоизмѣняютъ его. Указанъ на несогласность текстовъ въ изданіяхъ Маркса, Кунцерева и Прангинникова, Гербока и другихъ, (указанія эти мы приведемъ и опровергнемъ ниже), профессоръ представлялъ объясненія, какъ составлялись списки поэмы перенесенниками и любителями поэзіи. Лермонтовъ работалъ надъ поэмою съ 1829 года и до самой своей смерти. Она нѣсколько разъ переделывалась имъ. Любители, истрѣчая списки разныхъ лѣтъ и различныхъ ступеней художество обработки, по своему вкусу соединяли ихъ и часто ставили рядомъ то, что являлось только переделкою и должно было замѣнить прежнее. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Висковатова, въ рукахъ издателей сочиненій Лермонтова находились только подобныя любительскіе списки, да первые, писанные рукою поэта, юношескіе очерки поэмы 1829—1833 годовъ. Послѣднихъ же подлинныхъ рукописей поэмы у нихъ не было, и поэтому тексты «Демона» во всемъ рядѣ изданій, начиная съ 1860 года и кончая изданіями въ 1891 году, грѣшатъ промахами.

Но это не такъ, совсѣмъ, совсѣмъ не такъ! Исторія поэмы «Демонъ» такова.

Поэтъ, вопреки мнѣнію профессора, работалъ надъ текстомъ поэмы сравнительно очень не много времени. Въ 1829 году у него появилась первая мысль создать поэму, и онъ, какъ художникъ, въ теченіи первыхъ 3—4-хъ лѣтъ сдѣлалъ нѣсколько пробныхъ эскизовъ, которые его, конечно, не удовлетворили и были имъ оставлены, какъ многое, надъ чѣмъ останавливалась въ юности его творческая мысль и, по неудовлетворительности первыхъ штриховъ набросанныхъ эскизовъ, имъ было до поры, до времени отложено. Около пяти лѣтъ «Демонъ» лежалъ въ портфелѣ, Лермонтовъ совсѣмъ не занимался имъ, трудясь надъ другими, менѣе сложными произведеніями и дѣлая первые шаги въ жизни и свѣтѣ. Только Кавказъ, куда онъ сосланъ былъ въ 1837 году, вновь воодушевилъ его воззвать къ жизни этотъ грандіозный образъ врага всего свѣтлаго и чистаго во вселенной, и онъ создалъ его въ 1838 году. До-

казательствомъ этому можетъ служить находящійся въ публичной библіотекѣ донухинскій списокъ поэмы, съ собственноручной датой поэта: «1838 г. Сентября 8 дня». Но и въ этомъ году Лермонтовъ не много времени могъ посвятить «Демону», такъ какъ задумалъ и началъ «Героя нашего времени» и написалъ «Думу», «Взгляда», «Кинжалъ» и другія стихотворенія. Окончательную же редакцію поэмѣ Михаилъ Юрьевичъ далъ въ 1840 году и привезъ ее оконченную и собственноручно переписанную въ Петербургъ, въ началѣ 1841 года. Здѣсь «Демонъ» былъ переданъ А. А. Красекому, для напечатанія въ «Отечественныхъ Запискахъ», изъ типографіи котораго поэма поступила въ цензурный комитетъ и получила разрѣшеніе на напечатаніе ея съ большими, впрочемъ, куніорами ¹⁾. Засимъ она поступила въ наборъ и набрана, но напечатана въ журналѣ не была, не «по причинамъ отъ редакціи независимымъ», какъ заявилъ А. А. Красевскій въ январской книжкѣ 1842 года, а потому, что рукопись поэмы была взята изъ типографіи обратно. Причиной же востребованія рукописи была та, что нѣкоторые высшіе особы пожелали ознакомиться съ поэмой, и Михаилъ Юрьевичъ счелъ нужнымъ еще разъ пересмотрѣть ее, сдѣлавъ въ ней нѣкоторые измѣненія ²⁾, отдать исправленную поэму переписать каллиграфу, и переписанный имъ списокъ представилъ ко двору чрезъ генерала (тогда, кажется, еще только флигель-адъютанта) А. Н. Филоسوфа. По прошествіи нѣкотораго времени, списокъ, удостоившійся прочтенія высшихъ особъ, былъ возвращенъ поэту, и за симъ «Демонъ» никакимъ уже дальнѣйшимъ измѣненіямъ не подвергался. На вторичную просьбу А. А. Красевского дозволить тогда же напечатать поэму въ «Отечественныхъ Запискахъ», Лер-

¹⁾ Что рукопись «Демона», вопреки утвержденіямъ г. Висковатова, была пропущена въ 1841 году цензурой,—удостоверяется: а) разсказомъ Д. А. Столыпина; б) замѣчаніемъ А. Н. Шант-Гирей (статья его «М. Ю. Лермонтовъ», въ «Русск. Обзорѣ», 1890 г. № 8) и т. д. Что рукопись, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, не могла поступить въ наборъ безъ разрѣшенія цензуры, но она была набрана, доказательствомъ чему служатъ корректурные листы, хранящіеся въ Лермонтовскомъ музеѣ, слѣдовательно разрѣшеніе было дано.

²⁾ Измѣненія: VI и VIII строфы 1 части, I, V, IX и X строфа 2 части и нѣсколько стиховъ въ другихъ строфахъ. Причемъ въ списокъ не помѣщенъ и діалогъ Тамары съ Демономъ: «зачѣмъ мнѣ ахать твои печали», какъ цензурный по тому времени.

монтовъ согласія не изъявляя, но просьбѣ бабушки своей Е. А. Арсеньевой, которая находила софиты и настояннѣ А. П. Муравьева приостановиться печатаніемъ «Демона», по нѣкоторымъ соображеніямъ, несбыточными. При послѣднемъ отъѣздѣ своемъ на Кавказъ, 2 Мая 1841 года, Лермонтовъ никакихъ рукописей съ собою не взялъ; но нѣтъ бумаги, въ томъ числѣ и поэму «Демонъ» въ двухъ экземплярахъ,—собственноручную рукопись, со сдѣланными въ ней въ Петербургѣ, въ 1841 году, измѣненіями, и возвращенный, по прочтеніи высокими особами, списокъ,—оставилъ у А. П. Шанъ-Гирей. Послѣ смерти Михаила Юрьевича, первый экземпляръ поэмы, т. е. собственноручную рукопись, г. Шанъ-Гирей передалъ ближайшему родственнику поэта съ матерней стороны и его личному другу, Дмитрію Аркадьевичу Столыпину, (брату сопровождавшаго поэта на Кавказъ Алексея Аркадьевича Столыпина; а второй, т. е. списокъ, послалъ г. Алопеусу, чрезъ товарища своего по артиллерійскому училищу Обухова, (отъ этого Обухова получалъ копію списка и О. П. Кнютъ, достоверность которой такъ неосновательно выхватываетъ въ своихъ статьяхъ г. Виековатовъ). Кромѣ находившихся у Шанъ-Гирей двухъ подлинныхъ автографовъ «Демона», послѣ смерти поэта, остались еще: а) копія со списка, представленнаго высокимъ особамъ, поднесенная Лермонтовымъ бабушкѣ Е. А. Арсеньевой и увезенная ею въ с. Тарханы; б) копія съ того-же списка, посланная поэтомъ В. А. Бахметевой, которая подарила эту копію, вмѣстѣ съ прочими лермонтовскими бумагами, пріятельницѣ своей А. М. Верещагиной (Гюгель), а сія послѣдняя передала ее въ 1856 году генералу А. П. Философому, отпечатавшему «Демона» въ Карлсруэ, и в) списокъ и корректурные листы, оставшіеся у А. А. Краевскаго. Изъ всѣхъ сихъ документовъ самымъ полнымъ и точнымъ была собственноручная рукопись поэта, переданная г. Шанъ-Гиреемъ Д. А. Столыпину. Списокъ, врученный Обухову, для передачи Алопеусу, и снятыя съ него копіи для Е. А. Арсеньевой и В. А. Бахметевой, нѣсколько сокращены противу первой собственноручной рукописи поэта, такъ, напр., по цензурнымъ условіямъ того времени, изъ него исключены діалогъ Тамары съ Демономъ: «зачѣмъ мнѣ знать твои печали?» и нѣкоторые стихи сжаты.

³⁾ Статья г. Шанъ-Гирей «М. Ю. Лермонтовъ» въ «Русск. Обозрѣніи», 1890 г., № 8.

А оставшіеся въ рукахъ А. А. Краевского списокъ и корректурные листы, (принесенные имъ впоследствии въ даръ Лермонтовскому музею), есть ничто иное, какъ воспроизведеніе текста, привезеннаго потомъ съ Кавказа, и набраннаго въ типографіи издателя «Отечественныхъ Записокъ» еще до посланнаго исправленія его въ Петербургъ, въ 1841 году, по случаю представленія поэмы для прочтенія высокимъ особамъ. Вотъ въ чемъ заключается разница въ дошедшихъ до издателей текстахъ подлинной рукописи «Демона». Но изъ того, что въ текстахъ существуетъ разница, нельзя еще заключать, какъ это дѣлаетъ г. Висковатовъ въ своихъ статьяхъ и рефератъ, что подлинной рукописи въ рукахъ издателей не было, что всѣ изданія въ Россіи напечатаны съ любительскихъ сборныхъ списковъ и поэтому «достоверными» признаны быть не могутъ. Прослѣдимъ, однако, до конца обстоятельства, сопровождавшія появленіе текста подлинной рукописи въ печати и его распространеніе, и уяснимъ себѣ на сколько заявленія профессора справедливы? Послѣ смерти Лермонтова, «Демонъ», какъ произведеніе опальнаго поэта, полностью къ печати не дозволенъ, отрывки изъ него появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ концѣ 1842 года. Они напечатаны по оставшимся у Краевского корректурнымъ листамъ. Въ такихъ же отрывкахъ поэма появилась и въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій М. Ю. Лермонтова, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1857 году. Путь въ виду, что поэма въ полномъ объемѣ, по цензурнымъ условіямъ, въ русской печати появиться не можетъ, генералъ-адъютантъ Алексѣй Паларіоновичъ Философовъ, бывшій воспитателемъ великаго князя Михаила Николаевича и находившійся съ нимъ за границей, возымѣлъ намѣреніе издать «Демона» полностью въ Карлсруэ. Баронесса А. М. Гюгелъ, (урожденная Верещагина)—этотъ старый испытанный другъ поэта, въ гостиницѣ которой возникла первая мысль объ изданіи «Демона» за границей, предложила г. Философову находившійся у нея бахметевскій списокъ поэмы, и изданіе ея, при содѣйствіи протоіерея І. І. Базарова, было начато съ этого списка у придворнаго типографа Баденскаго двора Гаснера. За сими Алексѣй Паларіоновичъ обратился къ Д. А. Столышину съ просьбою о высылкѣ къ нему, въ Карлсруэ, находившейся у него подлинной полной рукописи «Демона», что имъ и было исполнено. Такимъ образомъ, великое произведеніе русскаго поэта въ первый разъ узрѣло свѣтъ въ Карлсруэ, въ 1856 году. Оно набиралось съ бахметевского списка и потомъ дополнено выносками и прокорректировано

съ высланной Д. А. Столыпинным рукописи. Это издание, называвшееся впоследствии первым Карлсруэским изданием, вышло въ небольшомъ числѣ экземпляровъ «для избранныхъ» и было преподнесено высокимъ особамъ, подъ покровительствомъ которыхъ оно могло быть допущено въ Россію. Второе изданіе «Демона», по одобреніи перваго, состоялось тоже въ Карлсруэ, въ слѣдующемъ 1857 году. Въ немъ, какъ немыслимемъ уже спеціального назначенія, издатель воспроизвелъ присланную Д. А. Столыпиннымъ собственноручную рукопись поэта во всей ея неприкосновенности. Вслѣдствіе сего, между этими двумя основными изданіями поэмы произошла нѣкоторая разница въ текстѣ ¹⁾, и кромя того, въ первомъ изданіи, скорректированномъ нѣмцами-корректорами, не исполнѣн владѣннымъ русскимъ языкомъ, оказались опечатки и неточная передача нѣкоторыхъ словъ ²⁾. Все это дало поводъ къ отрицанію г. Висковатовымъ подлинности изданія и игнорированію его существованія. Заключенія его по сему предмету мы рассмотримъ и опровергнемъ ниже. А въ подтвержденіе того, что второе Карлсруэское изданіе поэмы печаталось съ подлинной собственноручной рукописи поэта приведемъ слѣдующее удостовѣреніе. На одномъ изъ экземпляровъ карлсруэскаго изданія, именно втораго изданія 1857 года, Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинный сдѣлала такую надпись: «Рукопись эта, передавшая мнѣ А. П. Шанъ-Гиреемъ, написана рукой Лермонтова, въ чемъ можно удостовѣриться по статьѣ Акіма Павловича, помѣ-

¹⁾ Разница эта показана выше. (См. примѣч. 2, на стр. 60).

²⁾ Такъ, напр., въ 1 изданіи было напечатано: части 1, въ строфѣ IX, — «*спризракъ*», вмѣсто: «*спризнакъ*»; въ стр. XII, — «*напскалоу*», вмѣсто: «*сподъ скалоу*»; части 2, въ стр. III, — «*сприничимъ*», вмѣсто: «*спиничимъ*»; въ стр. X, — «*смушимъ*», вмѣсто: «*смуллинъ*»; въ строфѣ — «*плицамъ*» вмѣсто «*сплестамъ*» и др. Въ виду этихъ опечатокъ и недосмотровъ, второе изданіе поэмы «Демонъ» 1857 года, редактировано уже протоіереемъ Вазаровымъ, и въ немъ, кромя немыслимыхъ неравобранныхъ въ рукописи словъ, о чемъ въ выноскахъ подъ текстомъ сдѣланы указанія, всѣ допущенныя нѣмцами-корректорами недосмотры и опечатки устранены. Исключеніе составляетъ одна лишь неточность, допущенная редакторомъ по недоразумѣнію. Это — пресловутое слово: «*спринимъ*», которымъ отецъ Вазаровъ замѣнилъ бывшее въ рукописи и напечатанное въ первомъ изданіи правильно слово: «*спринимъ*». Такимъ образомъ, второе Карлсруэское изданіе поэмы 1857 года, является, за исключеніемъ одной случайной неточности, дословнымъ воспроизведеніемъ собственноручной полной рукописи поэта.

щенной въ журналъ «Русское Обозрѣніе» за Августъ мѣсяцъ 1890 года. Рукопись эту попросилъ у меня генералъ-адъютантъ Алексѣй Иларіоновичъ Философовъ, по жени Аннѣ Григорьевнѣ, рожденной Столыпиной, приходившіея родетвенникомъ Лермонтову, и напечаталъ ее въ Карлеруэ». И такъ какъ рукопись поэта и бахметевскій списокъ, съ которыхъ печатались Карлеруэскія изданія поэмы утратились, то удостоивренный подписью Д. А. Столыпина экземпляръ изданія поэмы «Демонъ» и представлень имъ для храненія въ лермонтовскій музей.

Въ Россіи поэма «Демонъ» въ первый разъ напечатана полностью въ собраніи сочиненій поэта, вышедшемъ подъ редакціей С. С. Дудышкина, въ 1860 году. Это было дословное воспроизведеніе карлеруэскаго изданія, даже съ тѣми же недосмотрами и опечатками, какія допущены въ немъ корректорами Гаснера. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ Глазуновскихъ изданіяхъ сочиненій поэта, въ 1873, 1880, 1882 и 1887 годахъ, поэма «Демонъ» перепечатывалась съ перваго полного изданія въ 1860 году съ весьма незначительными исправленіями Н. А. Ефремовымъ корректорскихъ ошибокъ карлеруэскаго изданія по списку, подаренному Обуховымъ О. П. Кнису, и въ такомъ видѣ перешла затѣмъ во всѣ изданія, вышедшія въ 1891 году кромѣ нѣкоторыхъ, какъ напр. Маркса, Кушнерова и Пришвинкова, Гербека и другихъ, вновь проѣвившихъ текстъ поэмы по карлеруэскому изданію.

Вотъ исторія «Демона». Изложивъ ее, мы можемъ констатировать фактъ, что всѣ вышедшія въ Россіи изданія этой поэмы печатались съ подлинной рукописи, привезенной поэтомъ въ февралѣ 1851 года съ Кавказа и окончательно исправленной имъ весною того же года въ Петербургѣ. Конечно, можно спорить о нѣкоторыхъ стихахъ поэмы, появившихся въ карлеруэскомъ изданіи—этой пражматери всѣхъ списковъ, но неразборчивости почерка поэта или по незнанію корректорами русскаго языка, въ неправильномъ изложеніи: или же о томъ, наконецъ, которое изъ карлеруэскихъ изданій—первое или второе—болѣе совершенно. Но говорить, прилетая къ дѣлу первые юпошескіе наброски поэмы или чуждые изданіямъ любительскіе списки, говорить бездоказательно, что *текстъ поэмы печатавшіеся въ Россіи изданія не можетъ считаться достовѣрнымъ*,—значить, покушаться на истину, топтать ее въ грязь и дѣлать редакторовъ этихъ изданій людьми, дѣла незнающими.

Карлеруэскому изданію г. Висковатовъ не только не дѣлаетъ над-

лежащей оцѣнки, но даже не удостоиваетъ его и должнаго вниманія. Въ академическомъ докладѣ онъ сказалъ только, что изданія 1856 и 1857 годовъ, вышедшія въ Карлсруэ и Берлинѣ, (онъ не зная даже, что оба изданія вышли въ Карлсруэ!) — *какъ имъ доказано*, не заслуживаютъ довѣрія. Но гдѣ это *какъ доказано* и чѣмъ? Обращаемся къ статьямъ его «Демонъ и пр.» (Русскій Вѣстникъ», 1889 г. № 3) и «Нѣсколько словъ по поводу поэмы «Демонъ», (т. III соч. Лермонтова, 1891 года изд. Рихтера) и находимъ такое доказательство. «Однимъ изъ самыхъ полныхъ текстовъ — пишетъ профессоръ: — считается, да и считается еще текстъ отдѣльнаго изданія поэмы «Демонъ», вышедшаго въ Карлсруэ, въ 1857 году. Это изданіе представляетъ большую бібліографическую рѣдкость. Лермонтовскій музей тщетно старался приобрести экземпляръ. Въ публичной бібліотекѣ онъ находится подъ витриною между рѣдчайшими изданіями. Издатели и имъ пользовались (т. е. вмѣстѣ съ любительскими списками). На заглавномъ листѣ этого изданія значится: «Переписана съ первой своеручной рукописи, съ означеніемъ сдѣланныхъ на оной перемарокъ, исправленій и измѣненій. Оригинальная рукопись такъ чиста, что передѣлывая оную, подумалось, что она писана подъ диктовку или списана съ другой». Уже эта замѣтка показываетъ, что издатель плохо зналъ, какъ Лермонтовъ трудился надъ «Демономъ», и что первая рукопись (1829 или даже 1830—31 годовъ) имѣла совершенно иной видъ. Самое курьезное то, что на рукописи помѣчено: Сентября 13, 1841 года. Лермонтовъ скончался 15 Іюля 1841 года, и такъ рукопись была имъ разсмотрѣна и исправлена черезъ мѣсяцъ (не черезъ два-ли?) послѣ кончины!»... Вотъ все, что профессоръ счелъ нужнымъ сказать въ доказательство негодности изданія. Но какое-же это доказательство? Видъ это только замѣтка по поводу надписи на заглавномъ листѣ изданія, но о самой поэмѣ въ этой замѣткѣ ни одного слова не сказано; а если о поэмѣ въ этой замѣткѣ ни одного слова не сказано, то почему же она признана негодной, т. е. незаслуживающею довѣрія? Мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе и истолкованіе значенія подобной аргументаціи профессора, такъ какъ это слишкомъ очевидно каждому. Но мы не можемъ не возразить по существу висковатовской замѣтки: разъясненіе сути дѣла, въ интересахъ истины, необходимо. Въ надписи на изданіи говорится: «*съ первой своеручной рукописи*», но не *съ первою очерка поэмы*, находящагося въ нѣсколькихъ тетрадяхъ поэта и рукописи

никогда не составлявшего. Доказательствомъ чему можетъ служить текстъ рукописи, при первомъ взглядѣ на который легко убѣдиться, что между этимъ текстомъ и первымъ очеркомъ поэмы ничего общаго не имѣется. *Первою рукописью* поэма названа въ надписи издателемъ потому, что послѣ смерти Лермонтова, осталось двѣ рукописи за его подписью, переданныя имъ при отъѣздѣ на Кавказъ г. Шанъ-Гирею: одна—собственноручная, которой дано названіе: *первая*, а другая—каллиграфически переписанная для прочтенія высокихъ особъ и называвшаяся: *второю*. Помѣта же: «13 Сентября 1841 года» не означала времени послѣднiго разсмотрѣнія поэмы авторомъ, но опредѣляла время, когда она, по смерти поэта, была передана А. П. Шанъ-Гирею законному наслѣднику поэта Д. А. Столыпину.

Сужденія г. Висковатова и объ изданіяхъ, вышедшихъ въ Россіи, также тенденціозны. Ему нужно, во что бы то ни стало, ихъ дискредитировать, и онъ идетъ къ намѣченной цѣли стремительно и прямолинейно. Указывая на первоначальныя изданія поэмы подъ редакціей гг. Дудышкина, Ефремова и другихъ, профессоръ умалчиваетъ о проневожденіи этихъ изданій, т. е. о томъ, что они печатались съ подлинной рукописи поэта, вышедшей въ свѣтъ въ Карлсруэ, и обрушивается на редакторовъ за то, что они пользовались юношескими очерками поэмы и любительскими списками, что годы, къ которымъ они относили время окончательной обработки поэмы, показаны неточно, или что списокъ О. П. Книста, съ котораго П. А. Ефремовъ сдѣлалъ исправленія нѣкоторыхъ словъ въ поэмѣ, недостаточно, такъ какъ г. Книстъ, хотя и отмѣтилъ на обложкѣ своего списка, что это копія съ оригинала, исправленного рукой Лермонтова, но могъ ли онъ, будучи на школьной скамьѣ въ 1840—41 гг. знать, что исправленія принесенной ему тетради дѣйствительно сдѣланы рукой поэта? Откуда зналъ онъ его почеркъ? Зналъ ли этотъ почеркъ товарищъ его, Обуховъ, получившій рукопись тоже еще отъ другого лица? Вѣсь эти замѣчанія казуистичны и злы, но несомнѣтельно или ложны. Они витають и посягають надъ поверхностью сути дѣла, затрогивають мелочи и детали, но самой поэмы не касаются. А по деталямъ, хотя бы онъ и оказался не вполне соответственнымъ, нельзя дѣлать заключеній о существѣ предмета. Допустимъ, что редакторы датировали въ своихъ изданіяхъ поэму неправильно (г. Ефремовъ напр. поставилъ 1834 годъ, вмѣсто 1838), а нѣкоторые слова въ нихъ напечатали неточно, — но чтожъ изъ этого?

Поэма подлинная, написанная и исправленная поэтомъ собственно-ручно — такою же поэмою и остается, и уничтоженію, кажется, не подлежитъ. На какомъ же основаніи профессоръ, не коснувшись значенія поэмы, сдѣлалъ выводъ, что текстъ печатавшихся въ Россіи изданій ея не можетъ считаться достовернымъ? Вѣтъ высказаніе имъ, по поводу деталей и желочей, изглады весьма эфемерны и ничтожны, такъ что надежнымъ основаніемъ ничему служить не могутъ; даты, на которыя онъ ссылается, не имѣютъ того значенія, какое онъ желалъ бы имъ придать: «составленіе списковъ» могло существовать въ рукописяхъ, находившихся въ рукахъ любителей, но такихъ рукописей въ рукахъ С. С. Дудышкина, П. А. Ефремова и другихъ редакторовъ собраній сочиненій поэта не было. Что же касается списка О. П. Книста, по которому г. Ефремовъ сдѣлалъ исправленіе нѣкоторыхъ словъ въ изданіи поэмы 1880 г., то онъ имѣетъ за собою несомнѣнную достоверность, такъ какъ г. Книстъ получалъ его отъ брата г. Обухова, которому, какъ выше сказано, каллиграфически написанный для прочтенія высокими особъ списокъ былъ врученъ А. П. Шанъ-Гирсеемъ для передачи г. Алопеуеу.

Сужденія и выводы г. Висконатова о послѣднихъ изданіяхъ поэмы въ 1891 году такъ же своеобразны и тенденціозны, какъ и выше приведенные. Вѣтъ ея изданія, безо всякихъ стѣсненій, отнесены имъ къ числу «недостоверныхъ». Но почему? А вотъ почему... «Сами редакторы новыхъ изданій, говоритъ профессоръ въ академическомъ докладѣ, признавая текстъ изданія, вышедшаго въ Карлсруэ, точнымъ, не слѣдуютъ ему безусловно, а видоизмѣняютъ его». Какія же такіа ужасныя и злонамеренныя измѣненія открылъ въ нихъ г. Висконатонъ? А вотъ какія.

а) Въ изданіи Маркеа, вышедшемъ подъ редакціей А. П. Введенскаго, редакторъ заявилъ, что многое въ изданіи въ Карлсруэ, 1856 года, было плохо разобрано, а въ изданіи 1857 года введены уже добавленія, а потому онъ и позволялъ себѣ исправить эти неточности. Вотъ причина, почему изданіе это опорочено. Но основательно ли это? Разница въ текстѣ карлсруэскихъ изданій, какъ мы говорили выше, произошла потому, что первое изданіе печталось, съ цѣлю преподнесенія его нѣкоторымъ высокимъ особамъ, по бахметевскому списку, нѣсколько сокращенному самимъ поэтомъ, а второе изданіе воспроизвело уже полную подлинную рукопись. Допустимъ, что г. Введенскому объ этомъ извѣстно не было и онъ счелъ нужнымъ оговориться по поводу истрѣченного имъ разногла-

сія и исправить неточности, допущенныя въ изданіи пѣмцами-корректорами. Но изъ-за этихъ исправленій, возстановлявшихъ достоинство изданія, развѣ возможно дискредитировать поэму и относить изданіе къ числу недостоверныхъ? Кажется, нельзя. Но у г. Висковатова своя мѣрка: цѣль оправдываетъ средства.

б) Изданіе Кушнерева и Прянишникова, редактированное П. А. Ефремовымъ и П. Н. Буковскимъ, профессоръ громитъ за напечатаніе стиха: «*столтообразныя ранны*», а не «*руины*», какъ напечатано въ карlsruэскомъ изданіи, и упрекаетъ г. Ефремова въ томъ, что онъ стоялъ прежде за форму «*руины*». Между тѣмъ, въ томъ же академическомъ докладѣ, при восхваленіи текста своего списка, г. Висковатовъ стоитъ за слово «*ранны*», и говоритъ, что оно введено въ кушнеревское изданіе изъ книстовскаго списка. По разсужденіе это доказывать только то, что профессоръ недостаточно знакомъ съ рукописями поэмы. Въ собственноручной рукописи поэта 1841 года, съ которой снятъ и бахметевскій списокъ 1841 года, въ лопухинскомъ списокѣ 1838 года и въ списокѣ В. Г. Бѣлинскаго 1846 года — вездѣ стоитъ слово: «*ранны*». Въ карlsruэскомъ изданіи поэмы 1856 года также было напечатано «*столтообразныя ранны*». Но при вынукѣ въ свѣтъ втораго изданія 1857 года, протоіерей Базаровъ, редактировавшій сіе послѣднее изданіе, усомнился въ правильномъ употребленіи термина: «*ранны*» и замѣнилъ его болѣе понятнымъ ему словомъ: «*руины*». Въ такомъ видѣ оно перешло потомъ и въ печатавшіеся у насъ изданія. Если же правильность слова: «*ранны*» въ кушнеревскомъ изданіи нѣмѣ возстановлена, то это произошло не потому, что стихъ исправленъ по книстовскому списку, а потому, что редакторы сказаннаго изданія перепечатали цѣликомъ текстъ карlsruэскаго изданія, но не послѣдній, болѣе совершенный и полный 1857 года, а сокращенный 1856 года. Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ умозаключеніямъ и толкованіямъ г. Висковатова. Редакторы кушнеревского изданія, не ограничиваясь перепечаткой карlsruэскаго изданія, сличили его съ находящимся въ Румянцевскомъ музеѣ спискомъ В. Г. Бѣлинскаго и заявили о полномъ тождествѣ ихъ. Чтобы разрушить обаяніе подобнаго заявленія, профессоръ обратилъ свои удары на списокъ Бѣлинскаго. «Въ немъ, заявилъ онъ, встрѣчаются невозможные варианты» и привелъ слѣдующій примѣръ: вмѣсто стиха: «но если ты обманъ тая», у Бѣлинскаго значится: «но если ты обманъ — то я»... Открытіе, конечно, ужасное!.. На основаніи одного этого

стиха можно было бы порѣшить со спискомъ; но профессоръ идетъ далѣе и находитъ въ списокѣ Бѣлинскаго примѣчаніе такого рода: «такъ какъ поэма эта была авторомъ переправляема, то въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней болѣе или менѣе разнятся между собою. Здѣсь прилагаются всѣ такія мѣста». Примѣчаніе это вызываетъ у профессора вполне оригинальное замѣчаніе: «если бы Бѣлинскій списывалъ текстъ свой съ автографа Лермонтова, онъ бы это высказалъ, а не говорилъ о различныхъ спискахъ, которые, очевидно, имѣлъ передъ собою»... И онъ авторитетно закончилъ его восклицаніемъ: *«Такимъ образомъ и редакція кушнеревского изданія поэмы не выдерживаетъ критики»*. Изумительная нривость мысли! Кому придется въ голову подобный выводъ? Но профессору онъ кажется вполне логичнымъ и плесобразнымъ. Попытаемся, однако, взглянуть на дѣло болѣе здраво. Въ стихѣ: «но если ты—обманъ, то я»... никакого варианта, не только «невозможнаго» нѣтъ. Это, вѣроятно, простая описка, происшедшая вслѣдствіе неразборчивости почерка текста, съ котораго списокъ былъ списанъ. Что рукопись Бѣлинскаго списана съ автографа Лермонтова — доказывается тѣмъ, что она тождественна съ текстомъ карлсруэскаго изданія поэмы, перепечатаннымъ въ кушнеревскомъ изданіи. Слова Бѣлинскаго о томъ, что поэма была авторомъ исправляема и что въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней разнятся между собою, — имѣютъ смыслъ не тотъ смыслъ, который имъ придавъ профессоромъ: Бѣлинскій мотивировалъ ими приложение къ своему списку другихъ, извѣстныхъ ему вариантовъ нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы. Но этого г. Висковатову не угодно было видѣть и онъ сдѣлалъ совершенно противоположное предположеніе и заключеніе.

в) Объ изданіи Гербeka, вышедшемъ подъ редакціей г. Болдакова, г. профессоръ отзывался, что оно представляетъ изъ себя болѣе другихъ совершенное возсозданіе карлсруэскаго изданія; но такъ какъ редакторъ заявилъ, что онъ принялъ въ нѣкоторыхъ очень немногихъ стихахъ чтеніе того или другаго изъ сопоставленныхъ имъ списковъ сказаннаго изданія, 1856 и 1857 годовъ; то и въ изданіи Гербeka г. Висковатовъ ничего другаго не усмотрѣлъ, какъ только *«произволь личнаго вкуса и соображеній»*. Объ остальныхъ затѣмъ изданіяхъ поэмы въ 1891 году, между которыми находятся и солидныя изданія, какъ напр., вышедшія подѣ

редакціей А. М. Скабичевскаго, П. В. Быкова и др., профессоръ никакнхъ отзыовъ не далъ, такъ какъ всѣ они, по его словамъ, оказались ничѣмъ инымъ, какъ только перепечатками прежнихъ изданій. Нужно ли что либо говорить о подобныхъ критическихъ приемахъ!

Изъ этихъ фактовъ и указаній становится вполне яснымъ, что стремленія профессора къ низведенію всѣхъ вышедшихъ, со времени смерти поэта, изданій «Демона» на степень сомнительныхъ и недостовѣрныхъ, — ничего, кромѣ улыбки сожалѣнія, не возбуждаютъ. Онъ поставилъ себѣ задачей — доказать, что въ теченіе 50 лѣтъ послѣ смерти Лермонтова, Россія не только не знала и не имѣла поэмы «Демонъ», но и не интересовалась ею, дозволяя какимъ-то: Дудышкинымъ, Ефремовымъ, Пынымъ, Введенскимъ, Скабичевскимъ, Быковымъ, Буковскимъ, Болдаковымъ и другимъ, невѣдомымъ ей людямъ, не имѣвшимъ никакого понятія о предпринимаемыхъ ими изданіяхъ, брать первые юношескіе очерки поэмы, сдабривать ихъ извлеченными изъ разныхъ любительскихъ списковъ, искалченными и обезображенными вариантами, и преподносить ей весь этотъ изюжененный ими демоническій фаршъ за самовѣрный текстъ поэмы, за послѣднее слово творчества великаго поэта. Доказать это ему было необходимо для того, чтобы дать ходъ темному, Богъ знаетъ гдѣ отыскаанному имъ списку «послѣдней обработки» поэмы. И вотъ, преслѣдуя подобную цѣль, онъ ополчается на всѣ изданія сочиненій Лермонтова, старается дискредитировать подлинную рукопись поэмы, блуждая по поговоркѣ: «вкругъ ея да около», — и въ результатъ... впрочемъ, о результатѣ мы распространяться не будемъ: онъ очевиденъ всякому.

Слѣдующимъ, подлежащимъ нашему обсужденію, вопросомъ является—культъ и апофеозъ, воздвигнутые профессоромъ своему «Лжедемону».

III.

Повѣствованіе г. Висковатова о чудномъ обрѣтеніи списка «послѣдней обработки» поэмы разсказано нами выше. Гдѣ и отъ кого пріобрѣтенъ покупкою этотъ списокъ — профессоръ не счелъ нужнымъ сообщить. Таинственно, какъ мать сѣдой, онъ повѣдалъ

только, что драгоценное сокровище это приобретено имъ отъ писаря въ архивъ... Источникъ, съ точки зрѣнія ученаго изслѣдователя, конечно, весьма почтенный и солидный. Но въ такомъ важномъ и серьезномъ дѣлѣ, какъ находка собственноручнаго автографа Лермонтова, за который выдаетъ профессоръ своего случайнаго найденныша, для вящей его доказательности, слѣдовало бы обставить достовѣрность его долговременнаго храненія и чудеснаго обнаруженія всѣми возможными способами, какими только располагаетъ свѣтъ и гласность. Но профессоръ, напротивъ, предпочелъ тѣмноту и тайну. Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою — дитя, вполне достойное своего происхожденія. Оставляя въ сторонѣ легенду о чудѣ его появленія въ свѣтъ, такъ какъ никакихъ данныхъ для проверки этой легенды у насъ не имѣется, мы, поневолѣ, должны приступить прямо къ разсмотрѣнью и оцѣнкѣ культа пресловутаго найденныша. Начнемъ *ab ovo*, съ опредѣленій профессора о зачатіи и развитіи идеи, положенной въ основаніе поэмы авторомъ, и затѣмъ универсально имъ будто бы разработанной въ его (т. е. висковатовскомъ) спискѣ.

«Все, написанное Лермонтовымъ, говоритъ г. Висковатовъ, пережито имъ самимъ, и въ этомъ отношеніи онъ можетъ считаться поэтомъ въ высшей степени субъективнымъ. Только въ послѣдній годъ передъ кончиной, когда талантъ его сталъ крѣпнуть, замѣтенъ поворотъ къ болѣе спокойному, объективному творчеству. Но чѣмъ юнѣе былъ поэтъ, тѣмъ болѣе его произведенія носятъ чисто автобіографическій характеръ. Первый очеркъ «Демона» поэтомъ сдѣлалъ, когда ему было 15 лѣтъ, и этотъ очеркъ, и ближайшіе къ нему изъ послѣдовавшихъ имѣють вполне автобіографическое значеніе. Поэтому и необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя событія изъ жизни поэта. Между дѣвчанами, окружавшими Михаила Юрьевича въ юности, наиболѣе сильное и прочное впечатлѣніе произвела на него Варенька Лопухинич, и онъ увлекся ею. Между тѣмъ отъ одной изъ бабушекъ (Хостатовой), пріѣзжавшей съ Кавказа, Лермонтовъ наслушался разказовъ о жизни и вѣрованіяхъ горцевъ. Его умъ поразило нѣчто о томъ, что духъ зла можетъ вернуться къ добру, если будетъ любимъ непорочною дѣвой». И вотъ подъ вліяніемъ будто бы этой любви и бабушкиныхъ разказовъ, поэтомъ написаны первые очерки «Демона». Это говорится въ статьѣ «По поводу «Демона», (т. III, соч. поэта, изд. Рихтера, 1891 г.), а въ біографіи поэта (т. VI того же изд.), профессоръ поясняетъ: «поэма «Демонъ»,

особенно въ первыхъ очеркахъ, вся проникнута изображеніемъ душевныхъ бурь поэта и его любви къ чудной дѣвушкѣ, отъ коей онъ ждалъ спасенія, въ коей видѣлъ для себя оплотъ отъ мрачныхъ думъ и настроеній души. Въ себѣ видѣлъ поэтъ демона, въ Варенькѣ—ясное, безгрѣшное существо, которое одно можетъ вернуть его къ небесамъ, т. е. къ правдѣ и добру... Самую поэмѣ, вновь и вновь передѣлывая, онъ посвящаетъ Варенькѣ уже со втораго очерка 1830 года. Удаляясь воображеніемъ въ страну предковъ своихъ—въ Испанію, (не Испанія, а Шотландія была страной предковъ Лермонтова!) Михаилъ Юрьевичъ и мѣсто дѣйствія «Демона» переноситъ туда же; женщина же, которую любилъ Демонъ, является въ образѣ испанки-монахини». Далѣе, въ статьѣ «По поводу «Демона», говорится, что ссылка въ 1837 году вновь познакомила Лермонтова съ красотами Кавказа, съ его жизнью, сказаніями и вѣрованіями, и что все это вмѣстѣ пробудило въ поэтѣ воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ и рассказы бабушки, и поэтъ рѣшается вновь передѣлать поэмѣ и перенести мѣсто дѣйствія изъ Испаніи на Кавказъ. Только теперь испанская монахиня обращена была въ грузинку Тамару; но весь замыселъ хранить еще на себѣ автобіографическія черты. Въ такомъ видѣ Лермонтовъ въ Сентябрѣ 1838 года, передаетъ рукопись «Демона» съ новымъ къ нему посвященіемъ Варварѣ Александровнѣ. Но уже творчество его начинаетъ получать иной характеръ, У поэта проявляется склонность къ эническому объективному творчеству. Доказательствомъ чего можетъ служить посвященіе къ поэмѣ 1840 года, относящееся уже къ Кавказу, а не къ любимой женщинѣ, которой были посвящены прежніе субъективныя очерки. За тѣмъ въ такъ называемомъ самомъ полномъ текстѣ «Демона» явились слѣды позднѣйшей обработки. Тутъ прибавилась клятва Демона въ томъ, что онъ отрекся отъ зла и встрѣчается весьма характерное обращеніе къ нему Тамары, указывающее на знакомство ея съ преданіемъ о возможности для Демона возратиться къ добру, какъ только онъ полюбитъ и будетъ любимъ непорочнымъ существомъ.

Этимъ оканчиваются опредѣленія профессора о зачатіи и первоначальномъ развитіи идеи «Демона». Рассказы его о томъ, какъ онъ томился и прозрѣвалъ сознаніемъ, что еще должна быть обработка сюжета, гдѣ субъективный, личный элементъ первыхъ набросковъ уступилъ мѣсто эническому элементу, какъ онъ, подъ влияніемъ этого сознанія, сталъ настоячно искать автографа или не-

управленной самимъ поэтомъ переработки поэмы, и какъ онъ приобрѣлъ массу всевозможныхъ списковъ въ собственность, однимъ словомъ всю эту великую эпопею отысканія «Демона» — мы опустимъ и перейдемъ прямо къ воссозданію профессоромъ культа и апофеоза своему случайному найденію. Идея «Демона» въ висковатовскомъ списокѣ не переработана, а искажена до неузнаваемости; но это-то, по убѣренію профессора, и составляетъ сея особенную прелесть. «Въѣсто строфы, говоритъ онъ, изображающихъ волненія земной страсти, появляется изображеніе души Тамары, волнуемой мыслями, среди коихъ все болѣе и болѣе пробивается мечта о слышанномъ въ дѣтствѣ преданіи, что непорочная дѣва можетъ вернуть къ добру злаго духа. Она то рыдаетъ и молится въ душевномъ волненіи, то се охватываетъ радостная дума. Былое встаетъ изъ мрака забвенія. Душа полна неясныхъ сновъ. Воспоминанія дѣтства и преданія старины охватываютъ ее. Къ нему летятъ ея мысли. Онъ стоитъ передъ нею съ разбитаннымъ челомъ, отъ нея ждетъ спасенія, не смѣя любить и ибровать. Если вспомнить, что Демонъ не смѣетъ войти въ святую обитель, что онъ, «наскучилъ зломъ» и «вспоминаетъ прежнихъ братій», что онъ, впервые увидя Тамару, ощутилъ опять любовь, то понятно, что мысль о Тамарѣ является въ Демонѣ связанною не съ желаніемъ дѣлать зло, а съ желаніемъ перрродиться и подъ ея защитою вернуться къ добру... Демонъ въ глубокой тоскѣ стоитъ у порога и чуя, вѣяніе Бога, какъ бы ожидая свершенія судьбы, не рѣшается поднять головы. Наконецъ, поднявъ взоръ, видитъ ангела и борьба его получаетъ иной видъ и значеніе, — не то, что читается въ печати, гдѣ ангелъ играетъ жалкую роль — роль испуганнаго бѣглеца, уступающаго Демону мѣсто боя, по первому его слову: «она моя!» Въ новомъ списокѣ иначе. Ангелъ знаетъ о древнемъ преданіи и, предоставляя судъ Богу, на котораго ссылается Демонъ, удаляется. Онъ уступаетъ мѣсто не злему духу, а надшему своему собрату, ссылающемуся на волю Божию. Новая строфа открывается описаніемъ, какъ Тамара прислушивается къ гордой рѣчи Демона въ отвѣтъ на слова Херувима, какъ она охвачена чуднымъ страхомъ и, вспоминая преданіе, не знаетъ, принять-ли гордую рѣчь за оскорбленіе неба, или за непоиленіе вмененныхъ предначертаній его. Когда-же она, наконецъ, убѣрилась въ искренности словъ Демона, что она «къ добру и небесамъ могла-бы его вернуть словомъ», потребовала отъ него клятвы въ отреченіи отъ зла и Демонъ клянется. Эпизодъ объясняется, по-

чему душа умершей Тамары уносится ангеломъ на небо: она пала жертвою заблужденія, а не порочныхъ началъ. Ее, на ряду съ личною любовью, увлекали мечты добра и любви къ благу, и небо простило ей ради этой общей любви къ міру, ради ея страданій изъ-за чистыхъ, хоть и обманчивыхъ увлеченій.

Относительно Демона профессоръ говоритъ, что онъ отнюдь не является Сатаной, т. е. главнымъ владыкою и повелителемъ тьмы и зла. Въ доказательство этой мысли г. Висковатовъ приводитъ два стиха изъ очерка 1830—31 годовъ:

Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ Сатаной...

и

Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздразнилъ...

и дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе своего найденныша: «это—духъ, въ коемъ еще мерцаютъ свѣтлыя стороны, онъ еще не забылъ дней существованія «въ жилищѣ свѣта» и зло ему порою наскучаетъ, онъ уже давно «сѣсть его безъ наслажденія». Въ такомъ Демонъ возможно и появленіе желанія вернуться къ источнику свѣта. Его, чуткаго къ красотѣ, Тамара поражаетъ сходствомъ съ прежними собратьями. Тогда-то вдругъ охватывается его любовь, и вмѣстѣ съ нею порывъ къ добру и небесамъ... Но въ самый сильный, важный моментъ порыва любви, когда, кажется, онъ достигаетъ желаннаго счастья и касается райскихъ дверей, одѣтыхъ святымъ покровомъ любви Тамары, онъ, въ силу свойствъ своего необузданнаго темперамента, необходимо долженъ очутиться далеко—далеко отъ нѣмъ. Тутъ-то и высказывается, какъ не сродны ему стали чувства его братій, выясняется, что всѣ мечты его о сближеніи и возвратѣ къ прежнему должны остаться только мечтами—не болѣе. Это необходимо вытекаетъ изъ всего прошлаго, изъ всего совершившагося съ нимъ отъ вѣка и до встрѣчи съ Тамарой. Возврата нѣтъ! Любовь, которая Тамарѣ открыла райскія двери, не могла привести Демона къ счастью и спасенію».

Красиво, сильно и увлекательно сочинилъ г. Висковатовъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи указать на то впечатлѣніе, которое производитъ помпезность, сила и красота профессорскихъ разлаговствованій на общественное мнѣніе. Такъ, напр. литера-

турное общество, въ которомъ профессоръ читалъ свой докладъ въ мѣ 1888 года, признало, что предъявленный имъ измѣненія въ текстѣ «Демона» не представляютъ ни по содержанію, ни по формѣ, ничего такого, что слѣдовало-бы предпочесть печатному (т. е. подлинному Лермонтовскому) тексту, и не могутъ служить доказательствомъ правильности воззрѣнія докладчика на этотъ новый вариантъ. (Отчетъ о засѣданіи председателя общества Писакова. «Новое Время» 1888 г. № 4378). Между тѣмъ отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, въ экстренной засѣданіи своемъ 8 февраля 1892 года, высказалось совершенно въ противномъ духѣ. Присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи лица, какъ видно изъ протокола засѣданія, признали достовѣрность вновь найденнаго списка. Причемъ, однако, ими выражено сожалѣніе, что всѣ карандашныя поправки въ немъ совершенно исчезли влѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ могли-бы служить подкрѣпленіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ была исправлена. Но признавая напечатанную г. Висковатовымъ за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до-сихъ поръ и притомъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, указывающую на совершенно новую конценцію сюжета, не только намѣченную, но частію и выполненную, присутствовавшіе въ засѣданіи лица пришли къ заключенію, что если-бы продолжалась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился-бы и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился бы на передѣлку или выправку поэмы. Приводя оба эти противоположныя мнѣнія, въ интересахъ свободы слова и истины, мы, однако, стѣсняться ими не намѣрены, какъ не намѣрены и касаться ихъ. Каждый можетъ судить объ извѣстныхъ предметахъ по своему. Но никакія мнѣнія и рѣшенія, хотя-бы даже цѣлыхъ корпорацій извѣстныхъ дѣятелей, не должны мѣшать правильному теченію предпринятаго нами изслѣдованія о значеніи висковатовскаго списка поэмы. По этому, мы пойдемъ своей дорогой до конца. Выше мы привели доводы профессора въ пользу идеи и культа «Лжедемона», а теперь—разсмотримъ и оцѣнимъ ихъ основательность и солидность по достоинству.

Начнемъ съ того, что ни первые наброски «Демона», ни окончательнаго отдѣланные потомъ строфы поэмы не имѣли никакого біографическаго значенія и личныхъ отношеній поэта къ Валуеву. Замѣчанія Лопухиной не касались. Заявленіе профессора, что Лермонтовъ — поэтъ субъективный, и только лишь въ послѣдній годъ

передъ кончиной, когда талантъ его сталъ крѣпнуть, въ немъ сталъ замѣтенъ поворотъ къ болѣе спокойному объективному творчеству, — поверхностно и не точно. По мелкимъ стихотвореніямъ, стихотвореніямъ шалости и каприза чувства, нельзя опредѣлять значенія поэта, для этого нужно брать болѣе серьезныя его произведенія. Напримѣръ, кому не извѣстно, что одновременно съ первоначальными тремя очерками поэмы «Демонъ», набросанными въ 1829—1833 годахъ, Михаилъ Юрьевичъ написалъ поэмы: «Литвинка», «Ауль Бастунджи», «Измаиль-Бей», «Каллы», «Хаджи Абрекъ» и «Бояринъ Орша». Слѣдовательно, и въ эти годы, т. е. въ годы юности, онъ не ограничивался цикломъ субъективныхъ исповѣній, но обнималъ творческой мыслью всю сферу безконечнаго и избиралъ для своихъ поэмы и драмы сюжеты эпические. Даже въ мелкихъ его стихотвореніяхъ начала тридцатыхъ годовъ находятся шессы объективныя, какъ-то: «Поле Бородина», «Опять вы, гордые, позстали», «По небу полуночи ангелъ летѣлъ», «Бѣлѣтъ нарусь одинокій», «Ты могъ быть лучшимъ королемъ», «Два великана» и др. Но г. Висковатовъ все это игнорируетъ и низводитъ поэта исключительно на степень пѣвца любви и скорби личной. Гдѣ-же тутъ логика? У всѣхъ великихъ поэтовъ, какому-бы времени и народу они ни принадлежали, доминирующею темой ихъ лучшихъ произведеній была, есть и будетъ—любовь. Но изъ этого нельзя дѣлать заключенія, что во всѣхъ этихъ произведеніяхъ воспѣты личные чувства и увлеченія поэтовъ. Тѣмъ менѣе это можетъ быть допущено въ отношеніи Лермонтова. Во первыхъ потому, что любовь его къ Варенькѣ Лопухиной ничего общаго съ соблазнами Демонами Тамары не имѣетъ: любовь Лермонтова была слишкомъ идеальна. А во вторыхъ и потому, что «Демонъ» задуманъ поэтомъ и очерченъ не подъ вліяніемъ любви къ Варенькѣ, какъ утверждаетъ профессоръ, а гораздо ранѣе. Первый очеркъ «Демона» сдѣланъ въ 1829 году, а увлеченіе Варенькой началось у поэта въ концѣ 1830 года. Въ 1829 году поэтъ былъ влюбленъ въ Анну Столыпину, которой въ этомъ году написано стихотвореніе «Не привлекай меня красой», а познѣе—«Дереву». Лѣтомъ 1830 года онъ ухаживалъ за Катенькой Сущковой, и только осенью этого года Михаилъ Юрьевичъ увлекся Варенькой Лопухиной. (Въ 1835 г. вышла замужъ за Бахметева). Къ первому очерку «Демона» сдѣлано посвященіе: «Я буду пѣть, пока поется», и только второй очеркъ 1830—31 годовъ посвященъ поэтомъ «Своей Мадоннѣ». По

въ каждомъ посвященіи нужно отличать риторическія трою и фигуры отъ цѣли и сущности. Цѣль и сущность посвященія Варенікъ «Демона» совершенно не тѣ, которыя приданы имъ профессоромъ. Они опредѣляются стихомъ: «Прійми мой даръ, моя Мадонна!» Лермонтовъ приносилъ ей въ даръ лучшее произведеніе своего творчества и хотѣлъ одного — чтобы она признала въ немъ поэта, а не подобіе Демона... Вотъ этой простоты-то профессоръ и не уразумѣлъ... Далѣе г. Висконатовъ говоритъ, что въ первоначальныхъ очеркахъ поэмы, мѣсто дѣйствія было въ Испаніи, и монахиня изображена испанкой, и только въ очеркѣ 1838 года сцена перенесена на Кавказъ и испанская монахиня обращена въ грузинку Тамару. Но въ первыхъ очеркахъ нѣтъ никакихъ указаній, что происхожденія Демона происходятъ въ Испаніи и монахиня — испанка. Говорится только, что мрачнейшій искуситель вступилъ въ обитель подлѣ горою близъ сѣдой равнины моря, но Кавказъ лежитъ между двумя морями. Говорится, что монахиня сидѣла въ кельѣ «*съ испанской лютицею въ рукахъ*»; но сидѣть съ испанской лютицей еще не значитъ быть испанкой или въ Испаніи: испанская лютица можетъ быть вездѣ — и въ Бразиліи, и въ Польшѣ, и въ Виржіи, и на Кавказѣ. Первые очерки поэмы нельзя разсматривать какъ законченное произведеніе. Это — детальныя эскизы для задуманнаго поэтомъ сюжета большой поэтической картины, и въ эскизахъ этихъ не было даже нацѣпочности изображать мѣсто дѣйствія, дѣлались только общія штрихи концепціи поэмы. Перенести сцену въ Испанію — могло придти въ голову только г. Висконатову, но Лермонтовъ объ этомъ никогда и не думалъ. Съ дѣтства его душой пламѣлъ Кавказъ, доказательствомъ чему могутъ служить начатыя имъ еще въ юности поэмы: «Ауля Бастунджи», «Измалъ-Бей», «Каллы» и «Хаджи Абрекъ». Къ Кавказу стремился весь его мысли и «Демонъ» долженъ былъ апофозировать его суровыя картины. Но все это стремленіе и приязниность къ Кавказу возникли отнюдь не съ бабункиныхъ сказокъ (бабушки Хостатовой), какъ разсказываетъ сказки профессоръ, а потому, что поэтъ еще въ дѣтствѣ, именно въ 1825 году, былъ на Кавказѣ и полюбилъ его, а двукратная ссылка его туда, сроднила его съ нимъ душою. Могла-ли тутъ быть рѣчь объ Испаніи и испанской монахинѣ?... Идея «Демона», положенная въ основу очерка 1829 года, и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ измѣненій, развитая въ такой грандіозный образъ «злого духа», какимъ мы его видимъ въ послѣдней редакціи поэмы, окончательно исправленной въ 1841 г.,

(Карлеруэское издание), совершенно противоположна тому, что напязано ему въ лицѣ «Лжедемона», т. е. этой нелѣпой и до крайности смѣшной тенденціи обладанія красавицей-грузинкой не съ желаніемъ увлечь ее на путь грѣха, а съ цѣлю нравственно переродиться и, подъ вгнѣдомъ любви невинной дѣвушки, вернуться къ добру и небесамъ. Вотъ какъ опредѣляетъ эту идею самъ Лермонтовъ въ своихъ замѣткахъ для памяти между строфами стиховъ перваго очерка: а) «Демонъ узнаеть, что ангелъ любить одну смертную. Демонъ узнаеть и обольщаетъ ее, такъ какъ она покидаеть ангела, но скоро умираеть и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольстиль ее, рассказывая, что Богъ несправедливъ и прочую свою исторію», и б) *Демонъ влюбляется въ смертную (монахиню), и она, наконецъ, его любитъ; но Демонъ видить ея ангела-хранителя и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее. Она умираеть. Душа ея улетаетъ въ адъ, и Демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой*. Такиѣ образы, обольщеніе и пагуба монахини Демона въ были положены въ основу еще перваго очерка поэмы и проведены поэтомъ до конца. Правда, набрасывая эскизы предположеннаго грандіознаго облика злаго духа, въ одномъ изъ первыхъ очерковъ, Лермонтовъ сдѣлалъ попытку зачертить Демона болѣе симпатичнымъ и допустить возможность возврата его къ добру и полученія имъ отъ небесъ прощенія. Онъ написалъ:

Какъ жадко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенія возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ быть,
Внушилъ бы Демонъ сожалѣнье,
И благодарное прощенье
Ему бы случилось получить.
Но поздно . . . . .
Ужъ зло зло укоренилось
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось бы въ ней,
Его признать, имъ гордиться
Не могъ бы Демонъ никогда.

Но это ни что иное, какъ эскизъ, зачерченный между прочимъ и впоследствии оставленный, какъ несоотвѣтствующій задуманному поэтомъ типу. Въ очеркѣ 1838 года и послѣдовавшей затѣмъ окон-

чательной редакціи поэмы. Демонъ является уже во всемъ своемъ величїи зла и мести небу, убійцей жениха Тамары и ея обольстителей въ монастырѣ. Онъ овладѣваетъ наивной дѣвушкой, напечатывая ей слова обмана, что она можетъ позвратить его добру и небесамъ, и что, одѣтый свѣтымъ покровомъ любви, онъ представитъ тамъ какъ ангелъ новый въ блескъ новомъ. Все: полныя соблазна и коварства рѣчи, обѣщанія и клятвы — пушено въ ходъ и злой духъ торжествуетъ. Въ подлинномъ текстѣ поэмы ничего не говорится ни о горькихъ повѣрьяхъ, ни о легендѣ, Тамара пала какъ жертва наивности и довѣрія. Но профессору нѣтъ до этого никакого дѣла. Его похищаетъ отброшенный поэтомъ эскизъ, — эта мгновенно блеснувшая и потухшая въ умѣ поэта искра вдохновенія, и онъ предается ей душою. Выбирая изъ отброшенныхъ Лермонтовымъ строкъ и живыхъ клятвъ и увѣреній Демона, нѣсколько отдѣльных, имѣющихъ каждый свое, совершенно иное значеніе, стиховъ, онъ сопоставляетъ ихъ и рисуетъ въ своихъ статьяхъ и рефератѣ, комичный въ высшей степени образъ собирающагося показаться дьявола. Это, говоритъ г. Висковатовъ, — духъ, который не забылъ ни прежнихъ братій, ни дшей бывшихъ въ жилищахъ свѣта, духъ, которому зло наскучило, и если онъ съѣтъ его, то съѣтъ безъ наслажденія. Его, чуткаго къ высшей женской красотѣ, Тамара поражаетъ сходствомъ съ прежними собратьями; онъ вдругъ оцѣпляетъ любви и вмѣстѣ съ нею, порываетъ къ добру и небесамъ, желанье вернуться къ источнику свѣта... Конечно, вся эта дехониза сѣтлина и нелѣпа до пошлости, но она выдается за «последнюю обработку» поэмы, за окончательное слово эпического творчества, и на людей, недостаточно знакомыхъ съ идеей, положенной въ основаніе подлинной поэмы, не можетъ не произвести извѣстнаго впечатлѣнія. Какъ же не пожалѣть объ этомъ!.. Далѣе г. Висковатовъ, желая, вѣроятно, порисоваться еще большей оригинальностью излага, говоритъ, что Демонъ отнюдь не является пладыкой и повелителемъ тьмы и зла, а только подвластнымъ Сатанѣ и его служителемъ, и въ доказательство приводитъ два стиха изъ первыхъ очерковъ поэмы:

Когда блистающій Сіопъ
Оставилъ съ гордымъ Сатанюю...

и

Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бедныя радражилъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію профессора, Демонъ является — дьяволою низшаго разряда, мелкимъ бѣсомъ, вертящимся передъ заутрешей... Но такъ ли это? Приведенные профессоромъ стихи были написаны въ томъ эскизѣ, о которомъ мы говорили выше, и впоследствии поэтомъ отброшены, слѣдовательно они никакого значенія не имѣютъ. Мало ли что художникъ можетъ чертить въ первоначальныхъ эскизахъ, но не по эскизамъ составляется сужденіе о картинѣ, а по тому окончательному рисунку, который воспроизведенъ въ ней. Эпиграфомъ къ поэмѣ, въ одномъ изъ первыхъ очерковъ ея, поэтъ взялъ нѣсколько строкъ изъ бесѣды Каина съ Люциферомъ, («Каинъ» поэма Байрона), и С. С. Дудышкинъ, редактировавшій первое, съ полнымъ текстомъ «Демона», изданіе сочиненій Лермонтова, въ 1860 году, говоритъ въ предисловіи къ нему, что идеаль «Демона» заимствованъ поэтомъ у Байрона. Описание Люцифера у Байрона и Демона у Лермонтова сходно до мелочей, точно такъ, какъ Люциферъ Байрона есть ничто иное, какъ двойникъ Сатаны Милтона. На Люцифера, по словамъ Дудышкина, нельзя смотрѣть безъ удовольствія, сѣмнаннаго со страхомъ, его нельзя убѣгать, въ его взглядѣ есть какая-то неодолимая притягаемость, онъ ужасаетъ и прельщаетъ въ одно и тоже время. Онъ похожъ на прозрачную ночь съ безчисленными звѣздами, и звѣзды эти влекутъ къ себѣ незамѣтно. Онъ не ослѣпляютъ, но на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глазами, полными слезъ. Таковъ и Люциферъ. Онъ всегда кажется несчастливымъ. Для его дѣйствій не существуетъ времени: онъ можетъ вѣчность вмѣстить въ одну часть и часть сдѣлать вѣчностью. «Для меня лишь существуетъ полное знаніе», — говоритъ онъ гордо. Чтобы понять Люцифера — этотъ прототипъ Демона, мы приведемъ слѣдующій небольшой діалогъ изъ «Каина».

Каинъ. Духъ гордый, ты говоришь дерзко. И надъ тобой, какъ ни величество, ты каешься, есть власть.

Люциферъ. Итъ! Клянусь небомъ, гдѣ царствуетъ начало добра, бездной и неизмѣримою міровъ и жизни, гдѣ мы дѣлимъ власть съ нимъ, — итъ! У меня есть побѣдитель, правда, но итъ высшего надо мной. Ему поклоняются всѣ, но не я. Я до сихъ поръ сражаюсь съ нимъ, какъ сражался въ небесахъ. Виродолженіе всей вѣчности, въ непроницаемыхъ безднахъ смерти, въ безграничныхъ царствахъ пространства, въ безконечности вѣковъ, — все, все я буду оснаивать у него. Міръ за міромъ, звѣзда за звѣздой, все-

ленная за вселенной будутъ колебаться въ своемъ равновѣсїи до тѣхъ поръ, пока эта борьба не прекратится, что только послѣдуетъ, когда одинъ изъ насъ погибнетъ. А кто можетъ уничтожить наше безсмертіе или нашу непримиримую ненависть?

Вотъ идея и духъ, положенные въ основу характера и дѣйствій Демона нашимъ гениальнымъ поэтомъ. Это — титанъ, всевластный князь тьмы и вождь нечистыхъ силъ, а не дьяволъ низшаго разряда, не сатанинскій вершникъ, не мелкій клоуноу-бѣсъ, вертящійся передъ заутреней, котораго подставляютъ на его мѣсто г. Висковатовъ. Въ доказательство правильности сдѣланнаго нами опредѣленія, мы можемъ сослаться на слова, положенныя поэтомъ въ уста Демона:

Что бавъ тебя мнѣ эта нѣчность?
Моихъ владѣній безакопечность?..

или:

Толпу духовъ моихъ служебныхъ.
Я приведу къ твоимъ стопамъ...

или:

Клянуся сомнамъ духовъ,
Судьбою братьѣ мнѣ подвластныхъ...

Похоже ли это на тѣ штрихи, блики и очертанія, которыми профессоръ обрисовываетъ намъ своего найденныя? Вообще строфы подлинной рукописи поэмы, какъ извѣстно, отличаются стройностью мысли, грандіозностью образовъ и художественностью сочетанія деталей съ основной идеей концепціи. Ничего подобнаго висковатовскій списокъ не представляетъ изъ себя. Это — ничто иное, какъ жалкая компилляція изъ разныхъ списковъ дивной поэмы. Большинство строкъ его, составляющія фонъ картины или описаніе персонажей и обстановки, хотя и сохранены, но всѣ тѣ строфы или отдѣльные стихи, которые противорѣчатъ проводимой въ немъ идѣ куртизанства Демона съ цѣлю якобы возврата къ добру и небесамъ, — или подобраны изъ прежнихъ, отброшенныхъ поэтомъ, очерковъ «Демона», или же подогнаны составителемъ списка. Какъ примѣръ подобной доскутной подборки и сметки, приведемъ выдержки изъ VII и VIII строкъ 2 части этого пресловутаго списка.

Строфа VII.

И входитъ онъ, любить готовый,
 Съ душой открытой для добра,
 И мыслить онъ, что жизни поною
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепетъ ожиданья,
 Страхъ неопытности пѣмой,
 Какъ будто въ перное свиданье
 Спознались съ гордою душой.
 Минутъ образъ озабоченный,
 Проникнулъ въ желѣю смущенный
 Духъ отверженія и аза;
 И сталъ недвижимъ у порога,
 И чужъ вѣянію Бога,
 Не смѣя приходить чела,
 На грудь склонился головою,
 Тохимъ пенѣмой тоскою.

Взято изъ списка 1838
года.

Взято изъ списка 1831
года.

Взято изъ списка 1833
года.

Изъ списка 1833 года.

Подсочиненъ состави-
телемъ списка.

Изъ списка 1833 года.

Подсочинены состави-
телемъ списка.

Строфа VIII.

Новизоръ онъ подиялъ—ангелъ пѣжный,
 Въ одеждѣ легкой бѣлоспѣжной,
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
 Хранитель схишницы прекрасной
 И отъ врага съ улыбкой ясной
 Пріоспѣлъ ее крыломъ.
 Они невинны, чисты оба!
 Онъ смотритъ—пенаність и злоба
 Мгновенно пробудили страсть,
 Исчезнулъ ясный рой мечтаній,
 Вѣка вражды, вѣка страданій
 Надъ нимъ свою явили власть.

Подсочиненъ.

Изъ списка 1830 года

Изъ списка 1838 года.

Изъ списка 1830 года.

Подсочинены.

Изъ списка 1829 года.

Подсочиненъ.

Херувимъ.

Духъ беспокойный, духъ порочный,
Кто являлъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не думало здѣсь помышлѣть!
Къ моей любви, къ моей святинѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!

Изъ списка 1838 года.

Демонъ.

Остань се. Межъ ней и мною
Не становись, она моя!

Мы связаны судьбой одною.

И ей, какъ мнѣ, не ты судья.

Подъ чарой ясной благостыни
И счастье лучшихъ дней ловлю,
Здѣсь больше нѣтъ твоей святости,
Здѣсь я владѣю, я люблю.

Передѣлка списка 1838
года.

Подсочиненъ.

Передѣлка списка 1838
года.

Подсочинены.

Изъ списка 1838 года

Г. Висковатовъ пользуется этой рыночной мозаикой и рекомендуетъ намъ прослѣдить, какъ работала поэтъ... Но почтенный профессоръ, вѣроятно, не вполне основательно изучилъ творчество поэта, или же по обыкновенію рассчитываетъ на простоту и наивность читателя. Михаилъ Юрьевичъ былъ поэтъ въ полномъ значеніи этого слова, а не жалкій стихокропатель. Никогда онъ не прибѣгалъ къ отбросамъ, съ цѣлю выудить изъ нихъ подходящій стихокъ для замятия не вполне удовлетворявшаго его, никогда не унывалъ до сметки цѣлыхъ строкъ изъ доскутокъ старья. Если что-либо изъ написаннаго имъ ему не нравилось, онъ это передѣлывалъ, но, какъ истинный поэтъ, вмѣсто неудовлетворявшихъ его строкъ, писалъ новыя. Для примѣра приведемъ XVI строфу 2 части поэмы «Демонъ». Первоначально она начиналась стихомъ: «Едва послѣдній стихъ прочли надъ прахомъ дочери Гудала». Ее смѣнила строфа, имѣвшая вначалѣ: «Едва на жесткую постель Тамару съ пѣньемъ опустили»; а сію послѣднюю замѣстила строфа: «Въ пространствѣ снлаго эфира, одинъ изъ ан-

геловъ святыхъ летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ». Вотъ какъ работать поэтъ! Мы можемъ отвѣтить г. Висковатову, а не такъ, какъ онъ рекомендовалъ намъ. Авторъ «Юанна Грознаго», графъ А. К. Толстой, въ одномъ изъ писемъ своихъ, говоритъ, что главная заслуга художника, въ какомъ-бы то ни было искусствѣ, состоитъ не въ томъ, чтобы создавать, а въ томъ, чтобы зачеркивать. По его словамъ, нужно умѣть понимать, что сдѣлалъ хорошаго, и быть неумолимымъ для остального, уничтожать, зачеркивать все, что по совѣсти не считаешь хорошимъ. Такимъ-то именно поэтомъ-художникомъ и былъ Лермонтовъ. Онъ понималъ, что выходило изъ-подъ его пера хорошимъ, а менѣе удовлетворительное зачеркивалъ и уничтожалъ безъ сожалѣнія. Что-же касается отбросовъ, то онъ на нихъ никогда не возвращался.

Оканчивая на этомъ разсмотрѣніе висковатовскаго списка съ точки зрѣнія его культа и апофеоза, мы приходимъ къ заключенію, что списокъ этотъ никогда въ рукахъ Лермонтова не былъ и ему не принадлежалъ. По всей вѣроятности, онъ составленъ досужими людьми съ какими-нибудь особенными цѣлями въ недавнемъ времени. Приведенныя въ его пользу, въ статьяхъ и рефератѣ профессора, данныя слишкомъ ярки и тенденціозны, и свидѣлствуютъ только объ одномъ—что профессоръ былъ увлеченъ найденною имъ рукописью до самозабвенія. Конечно, мы не допускаемъ мысли, что рукопись «Ижедемона» могла увидѣть свѣтъ инымъ путемъ, кромѣ удостовѣреннаго профессоромъ; но вѣдь и самъ профессоръ въ данномъ случаѣ могъ быть жертвою обмана со стороны фальсификаторовъ рукописи. Въ статьяхъ своихъ «Демонъ и пр.», и «По поводу Демона», г. Висковатовъ сознается, что долго и настойчиво искалъ или подлиннаго автографа поэмы, или исправленной самимъ поэтомъ переработки ея, что въ рукахъ его перебывало много десятковъ списковъ и что онъ пріобрѣталъ большое количество ихъ въ собственность. Подобный усиленный спросъ на списки «Демона» и неустанное розыскиваніе подлиннаго автографа, конечно, не могло не вызвать въ досужихъ людяхъ соображенія, и они воспользовались имъ въ своихъ интересахъ. При знакомствѣ съ писарями архивовъ присутственныхъ мѣстъ, имъ не трудно было отыскать въ архивныхъ дѣлахъ какую-нибудь старую тетрадь изъ бумаги двадцатыхъ годовъ, оторвать отъ нея заднюю половину или треть, съ остаткомъ чистыхъ неписанныхъ страницъ и картонной задней обложкой, перевернуть этотъ отрывокъ отъ тетради задомъ—напередъ,

начертать въ немъ расплывчатыми изъ адскаго камня (какъ удостоверяетъ профессоръ о своей тетради) чернилами и крупнымъ писарскимъ почеркомъ, исправленный «рукою мастера» текстъ поэмы. Затѣмъ продержавъ смастеренную такимъ образомъ рукопись нѣсколько времени въ сыромъ погребѣ или подвалѣ, чтобы чернила расплылись и пожелтели, и сдѣлавъ въ ней карандашные поправки,—предложить такой драгоценный манускриптъ, чрезъ услужливаго писарька, жаждущему «подлиннаго автографа» профессору. Комбинатія вполне возможная, и г. Висковатовъ, какъ собиратель списковъ «Демона», могъ сдѣлаться жертвой ловкой продѣлки. Что подобныя продѣлки у насъ существуютъ, мы можемъ привести въ примѣръ подѣлку однимъ досуажимъ шутникомъ нѣсколькихъ главъ изъ 2-й части «Мертвыхъ душъ» Н. В. Гоголя, которые, подъ видомъ вновь найденныхъ, были присланы въ редакцію журнала «Русской Старины» и тамъ признаны за настоящія и напечатаны такимъ знатокомъ русской литературы, каковымъ былъ покойный М. Н. Семеновскій. Поэтому и приобрѣтеніе рукописи «Ижедемона» не можетъ быть поставлено въ вину почтенному профессору: ошибка свойственна всякому человѣку. Но мы не можемъ сказать того-же относительно увлеченія профессора приобрѣтенною имъ изъ сомнительнаго источника рукописью, принятія ея, безъ надлежащей проверки и удостовѣренія,—за списокъ послѣдней переработки поэмы, собственноручно исправленный поэтомъ, и, наконецъ, пропаганды и апофеозирования его всѣми возможными и невозможными способами, въ ущербъ истинѣ и достоинства напечатанной въ Карлсруэ, подлинной рукописи поэмы, по отношенію которой онъ не соблюлъ даже долгаго безпристрастія. Все это должно пасть на отвѣтственность профессора. Вѣдь, по словамъ великаго нашего поэта:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво.

На этомъ мы могли-бы и кончить, такъ какъ общій выводъ изъ всего нами сообщеннаго совершенно нагляденъ и ясенъ, и въ комментаріяхъ не нуждается. Но у насъ есть еще въ запасѣ, (кромя приведенныхъ выше) нѣсколько, величественныхъ интереса, замѣчаній и указаній Дмитрія Аркадьевича Столыпина, которые мы и считаемъ долгомъ привести прежде, нежели поставимъ къ принятому нами изслѣдованію, неизбежную для каждаго дѣла точку.

IV.

Д. А. Столыпинъ, какъ близкій родственникъ и товарищъ Михаила Юрьевича, частенько дѣлилъ съ нимъ досуги въ послѣдній прїѣздъ его съ Кавказа въ Петербургъ, въ 1841 году, и вотъ что онъ говорилъ намъ весною 1892 года, въ Москвѣ, относительно рукописи «Демона» и нѣкоторыхъ сопряженныхъ съ ней вопросовъ.

Рукопись «Демона» переписана начисто Лермонтовымъ собственноручно еще на Кавказѣ. Это была тетрадь большого листового формата, сшитая изъ десяти обыкновенной бѣлой писчей бумаги и перегнутая сверху до-низу на-двое. Текстъ поэмы написанъ четко и разборчиво, безъ малѣйшихъ поправокъ и перемарокъ на правой сторонѣ листа, а лѣвая оставалась чистою. Автографъ этотъ поэтъ приготовилъ и привезъ съ собою въ Петербургъ, въ началѣ 1841 г., для доставленія удовольствія бабушкѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Арсеньевой прочитатъ «Демона» лично, за что она и сдѣлала предупредительному внуку хорошій денежный подарокъ. «Демонъ» читался неоднократно въ гостиной бабушки, въ интимномъ кружкѣ ея друзей, и въ немъ тутъ-же, когда поэтъ собирался отвезти рукопись къ А. А. Краевскому, для снятія копій и набора въ типографію, по настоянію А. Н. Муравьева, отмѣченъ былъ чертою сбоку, какъ неотиѣчающій цензурнымъ условіямъ тогдашняго времени, діалогъ Тамары съ Демономъ: «зачѣмъ мнѣ знать твои печали»? Рукопись «Демона» поэтъ еще разъ просмотрѣлъ и исправилъ, когда ее потребовали для прочтенія ко двору. Сдѣланныя поэтомъ исправленія были написаны на лѣвой чистой сторонѣ тетради, а замятенныя мѣста въ текстѣ зачеркнуты. Діалогъ Тамары съ Демономъ, и послѣ послѣдняго исправленія, поэтомъ замаранъ не былъ, и хотя изъ копій, представленной для прочтенія высокимъ особамъ, исключены, но въ рукописи остался незамараннымъ, и напечатанъ въ Карлсруэскомъ изданіи поэмы 1857 года, слѣдовательно къ числу отбросовъ, какъ увѣряетъ г. Висковатовъ, отнесенъ быть не можетъ. У Краевского «Демона» читалъ поэтъ самъ, но не всю поэму, а только нѣкоторые эпизоды, вѣроятно, вновь написанные. При чтеніи присутствовало нѣсколько литераторовъ и поэму приняли во-

сторженно. Но относительно напечатанія ея поэтъ и журналистъ высказались противоположно. Лермонтовъ требовалъ напечатать всю поэму сразу, а Краевскій совѣтовалъ напечатать эпизодами въ нѣсколькихъ книжкахъ. Лермонтовъ говорилъ, что поэма, разбитая на отрывки, надлежащаго впечатлѣнія не произведетъ, а Краевскій возражалъ, что она за то пройдетъ полнѣе. Рѣшили послать въ цензуру всю поэму, которая, при посредствѣ разныхъ влiяній, хотя и съ большими помарками, но была къ печати дозволена. (Почему рукопись взята отъ Краевского и не пошла въ печать при жизни поэта—говорилось выше). Поэму не одобрили В. А. Жуковскій и П. А. Плетневъ, какъ говорили, потому, что поэтъ не былъ у нихъ на поклонѣ. Князь-же Вяземскій, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, Бѣлинскій и многіе другіе литераторы хвалили поэму и предсказывали ей большой успѣхъ. Въ обществѣ слава поэмы распространилась, когда списокъ съ нея былъ представленъ, чрезъ А. П. Филофова, ко двору. Ее стали читать въ салонахъ великосвѣтскихъ дамъ и въ кабинетахъ сановныхъ меценатовъ, гдѣ она до высмысли поета на Кавказъ и пользовалась большимъ фаворомъ. Не даромъ еще Шиллеръ говорилъ: «искусство—роскошный цвѣтокъ, растущій для людскаго блага и счастья».

Изъ тогдашнихъ разговоровъ и отзывовъ о поэмѣ Дмитрій Аркадьевичъ припоминалъ слѣдующіе:

— Скажите, Михаилъ Юрьевичъ, спросилъ поэта князь В. О. Одоевскій, съ кого вы списали вашего Демона?

— Съ самаго себя, князь, отиѣчалъ шутливо поэтъ, неужели вы не узнали?

— Но вы не похожи на такого страшнаго протестанта и мрачнаго соблазителя, возразилъ князь недоумчиво.

— Понѣрите, князь, разсѣялся поэтъ, я еще хуже моего Демона. И такимъ отиѣтомъ поставилъ князя въ недоумѣніе: вѣрнѣе ли его словамъ, или-же смѣяться его проничному отиѣту. Шутка эта кончилась, однако, всеобщимъ смѣхомъ. Но она дала поводъ говорить впослѣдствіи, что поэма «Демонъ» имѣетъ автобіографическій характеръ. И потъ эту салонную шутку нынѣ г. Висковатовъ выдаетъ за самостоятельное историческое изслѣдованіе!...

Княгиня М. А. Щербатона, послѣ чтенія у ней поэмы, сказала Лермонтову:

— Мнѣ вашъ Демонъ нравится: я бы хотѣла съ нимъ опуститься на дно морское и полетѣть за облака.

А красавица М. П. Саломирская, танцующая съ поэтомъ на одномъ изъ баловъ, говорила:

— Знаете-ли, Лермонтовъ, я вашимъ Демономъ увлекаюсь.... Его клятвы обаятельны до восторга... Мнѣ кажется, я бы могла полюбить такое могучее, властное и гордое существо, вѣра отъ души, что въ любви, какъ въ злобѣ, онъ былъ бы дѣйствительно неизмѣненъ и великъ.

Вотъ какъ встрѣчалъ свѣтъ не кающагося «грѣшника, а протестанта и соблазителя «Демона». Но при дворѣ «Демонъ» не стяжалъ особой благосклонности. По словамъ А. П. Философова, высокія особы, которыя удостоили поэму прочтенія, отзывались такъ: «поэма—словъ нѣтъ, хороша, но сюжетъ ея не особенно пріятенъ. Отчего Лермонтовъ не пишетъ въ стилѣ «Бородина» или «Ильши про царя Ивана Васильевича»?... Великій-же князь Михаилъ Павловичъ, отличавшійся, какъ извѣстно, остроуміемъ, позиралъ поэму, сказалъ:

— Были у насъ итальянскій Вельзевулъ, англійскій Люциферъ, нѣмецкій Мефистофель, теперѣ явился русскій Демонъ, значитъ нечистой силы прибыло. Я только никакъ не пойму, кто кого создалъ: Лермонтовъ-ли—духа зла, или-же духъ зла—Лермонтова?

Во все продолженіе времени, которое Михаилъ Юрьевичъ прожилъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1841 года, всего около трехъ мѣсяцевъ, онъ былъ предметомъ самыхъ заботливыхъ попеченій о немъ со стороны друзей, которые группировались вокругъ него, и онъ, въ отвѣтъ на это, дарилъ ихъ своимъ довѣріемъ и братской откровенностью.

— Мы—говорилъ Дмитрій Аркадьевичъ:—его близкіе родственники и друзья интимные, знали всѣ его шаги въ свѣтѣ, всѣ слабости и увлеченія, знали каждый день его жизни: гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ и даже съ кѣмъ и что говорилъ онъ. Михаилъ Юрьевичъ сообщалъ намъ свои мысли и предположенія, дѣлился съ нами своимъ горемъ, тревогами и сомнѣніями, все, написанное имъ въ это время, мы читали у него прежде, чѣмъ онъ выносилъ изъ дому автографъ свой. Поэтому, могли-ли мы не знать, если-бы онъ задумалъ передѣлать фавбулу «Демона» такъ, какъ представляетъ теперь ее профессоръ Висковатовъ, а тѣмъ болѣе, если-бы онъ привелъ подобную мысль въ исполненіе? Но я смѣло утверждаю, что ничего подобнаго не только поэтомъ не сдѣлано, но и въ головѣ у него не было. Допустить даже мысль, что мы, т. е. ин-

тихий кружокъ друзей поэта, не знали о томъ, что Михаилъ Юрьевичъ переделывалъ сюжетъ поэмы. Но какъ-же это могло укрыться отъ литературнаго кружка, въ которомъ поэтъ вращался? Литературные друзья поэта интересовались всѣми его работами, следовательно его переделка поэмы не могла-бы пройти или не замѣтною. Или-же переделка совершена тайно отъ всѣхъ? Но для чего нужна была такая тайна? Въдѣ если-бы поэтъ нашелъ-бы почему-либо нужнымъ переделать Демона—этого титана тѣмы и злобы, издателя соблазна и грѣха, въ какого-то грѣшника онъ-бы прежде всего сообщилъ объ этомъ своимъ друзьямъ, чтобы приготовить къ задуманной имъ переделкѣ общественное мнѣніе и обезпечить ей успѣхъ въ свѣтѣ. И мы, его друзья и живые свидѣтели тѣхъ немногихъ ясныхъ дней, когда Михаилъ Юрьевичъ озарялъ и наполнялъ собою общество, и всѣ тѣ кружки, среди которыхъ онъ вращался, конечно, поддержали-бы въ свѣтѣ новую концепцію его поэмы. Но ничего подобнаго, повторю, тогда не было, и никто нигдѣ не слышалъ объ этомъ. Какимъ-же образомъ теперь могъ появиться неизвѣстный въ то время списокъ кающагося «Демона»? Неужели поэтъ переделывалъ поэму для того только, чтобы послать ее для прочтенія г-жѣ Бахметевой, а черновую рукопись бросить у переписчика? Но у Варвары Александровны находился списокъ съ настоящей рукописи, который, какъ извѣстно, легъ въ основаніе Карлсруэскаго изданія «Демона». Следовательно, всѣ разглагольствованія на подобную тему не имѣютъ никакого основанія. А между тѣмъ имъ вѣрить даже ученые люди. Г. Висковатовъ имѣетъ особый даръ: онъ беззастѣно улекается самъ и другихъ улекаетъ за собою.

Когда рѣчь зашла о признаніи отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ висковатовскаго списка достовѣрнымъ, Дмитрій Аркадьевичъ съ особеннымъ оживленіемъ сдѣлалъ слѣдующія, весьма характеристичныя замѣчанія:

— Какъ послѣдній, оставшійся въ живыхъ представитель правъ поэта, какъ личный его другъ, товарищъ и близкій родственникъ, и, наконецъ, какъ человѣкъ, къ которому перешла послѣ смерти Михаила Юрьевича подлинная рукопись «Демона», я, при всемъ моемъ уваженіи къ ученымъ трудамъ и заслугамъ Я. К. Грота и его товарищей, не могу признать правильными: ни принятаго ими способа разсмотрѣнія и оцѣнки достоинства найденнаго профессоромъ Висковатовымъ списка, ни ихъ изумительнаго рѣшенія. Засѣданіе,

какъ видно изъ протокола, продолжалось только два часа и оно все было посвящено слушанію тенденціознаго доклада референта. Г. Гротъ, какъ филологъ, рассмотрѣлъ только значеніе двухъ словъ «чара» и «руины», но изслѣдованія представленной рукописи никакого сдѣлано не было. Да и какое изслѣдованіе можно произвести въ два часа въ общемъ собраніи, гдѣ предъявлено было десятка полтора различныхъ рукописей! Для этого слѣдовало бы назначить особую комиссію, вызвать экспертовъ, поручить составить докладъ лицу, незаинтересованному въ дѣлѣ, и, наконецъ, допустить публичность засѣданія, гдѣ свѣдующіе люди не изъ числа академиковъ могли бы оппонировать референту. Между тѣмъ Н. К. Гротъ ничего подобнаго не считая нужнымъ допустить, хотя дѣло шло о лучшемъ произведеніи нашего великаго поэта, которое требовало болѣе серьезнаго къ себѣ отношенія, а не двухъ-трехъ поверхностныхъ словъ. Вопросъ о подлинности висковатовскаго списка и собственноручномъ исправленіи его поэтомъ въ засѣданіи не дебатировался вовсе, а рѣшеніе постановлено, что достовѣрность его признана. На какомъ основаніи достовѣрность признана—ничѣмъ не мотивировано. Между тѣмъ, вслѣдъ за признаніемъ достовѣрности списка, въ протоколѣ выражено сожалѣніе, что почти всѣ карандашныя поправки въ списокъ исчезли, вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ, по словамъ протокола, могли бы служить подтвержденіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ исправлена. Что же это такое? Карандашныя пометки, которыя должны служить подтвержденіемъ предположенія, что рукопись была въ рукахъ поэта и имъ исправлена,—совершенно исчезли, а рукопись признается достовѣрною: на какомъ же основаніи? Дальнѣйшее изложеніе рѣшенія гг. академиковъ еще болѣе изумительно. Говорится, что напечатанный профессоромъ Висковатовымъ списокъ признается за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ и при томъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, (это при стертыхъ-то карандашныхъ пометкахъ!), но если бы продолжалась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился бы, и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился-бы на передѣлку или выправку поэмы. Что-же это значить? Это значить, что представленная на рассмотрѣніе академиковъ «послѣдняя лучшая переработка поэмы» изъ сущности никуда не годится. Затѣмъ, какимъ образомъ Н. К. Гротъ и товарищи могли признавать, что поэтъ, если бы остался живымъ, еще разъ передѣлалъ-бы поэму? Это входитъ скорѣе въ об-

ласть метафизических предположений, а не научных исследований и выводов. Как же это так?—рѣшительно недоумѣваю, тѣмъ болѣе, что мнѣ положительно извѣстно, что у Михаила Юрьевича такого намѣренія никогда не было. Во всякомъ случаѣ, я думаю—да иначе думать и не могу, что академики поторопились съ подобнымъ заключеніемъ и впади въ ошибку. Ошибки человечеству свойственны, и свойственны не только единичнымъ людямъ, но и цѣлымъ корпораціямъ. Развѣ доктора, не исключая даже самыхъ искусныхъ и знаменитыхъ, не ошибаются при діагнозѣ болѣзней и назначеніи больнымъ лекарствъ? Развѣ суды не постановляютъ несправедливыхъ приговоровъ? Много разныхъ апелляціонныхъ и кассационныхъ судилищъ устроено, чтобы исправлять несправедливые приговоры, и не смотря на то, сколько человеческихъ жизней принесено въ жертву судебскимъ увлеченіямъ и ошибкамъ, не говоря уже о разореніи и позорѣ сотенъ тысячъ людей. Почему же академики должны быть исключеніемъ и считаться непогрѣшимыми? Вѣдь они—тоже люди, и подъ вліяніемъ тенденціознаго доклада заинтересованнаго въ дѣлѣ референта могли увлечься и уклониться съ пути истины. А Павелъ Александровичъ—великій магъ и волшебникъ, обойти и увлечь каждаго сумѣетъ.

— Отчего же вы, какъ наслѣдникъ правъ поэта и живой свѣдѣтель событій, не возвысите своего голоса въ защиту подлинной рукописи «Демона»? спросили мы взволнованнаго Дмитрія Аркадьевича.

— Да оттого, отвѣчалъ онъ, указавъ глазами на свои, укутанныя пладомъ, ноги, что я уже не тотъ, что былъ прежде. Сейчас я думаю, собираюсь что-нибудь сдѣлать, а черезъ часъ—лежу, стоною и охаю, гдѣ-же тутъ хлопотать, въ особенности по такому мучающему меня вопросу. Чтобы написать что-нибудь, нужно собрать мысли, сосредоточиться, воскресить въ памяти многое, уже угасшее, нужно спокойствіе, миръ души, а этого-то вотъ и нѣтъ!.. Но я не отчаиваюсь. При первой возможности, я соберусь и сдѣлаю все, что нужно. Главное, я хочу изложить все это дѣло въ томъ видѣ, какъ оно происходило, подкрѣпить его ссылками и документами, и передать предсѣдателя общества любителей россійской словесности, профессору Тихонравову, для прочтенія въ одномъ изъ засѣданій этого общества. Но этимъ я не хотѣлъ бы ограничиться. Я желалъ бы пожертвовать особый капиталъ на предметъ составленія при этомъ обществѣ особой комиссіи изъ лицъ, редактировав-

шихъ собранія сочиненій Лермонтова и другихъ знатоковъ дѣла, для изслѣдованія и установленія вполнѣ правильнаго текста поэмы «Демонъ». Поясню,—улыбнулся Дмитрій Аркадьевичъ, замѣтивъ выразившееся на моемъ лицѣ недоумѣнiе: — въ Карлсруэ отпечатано было А. П. Филосовымъ два изданія «Демона»: въ 1856 году— для высокихъ особъ, съ исключенiемъ нѣкоторыхъ строфъ въ поэмѣ, и въ 1857 году — для всеобщаго употребленiя, полнымъ текстомъ по собственноручной рукописи поэта. Первое корректировали нѣмцы, а второе—редактировали протоіереи Базаровъ. Между этими двумя изданiями есть разница, во-первыхъ, въ самомъ текстѣ, а во-вторыхъ, вкравшiйся въ нихъ, по недосмотру опечатки. При выходѣ въ свѣтъ въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50-ти лѣтiя со дня смерти поэта, новыхъ полныхъ собранiй его сочиненiй, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Кюшиерена и Прииминикова, текстъ «Демона» напечатанъ по карлсруэскому изданiю 1856 года, а дополненiя и исправленiя, вошедшiя въ изданiе 1857 года, указаны въ примѣчанiяхъ; тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать наоборотъ, т. е. напечатать текстъ изданiя 1857 года, а исключенiя показать въ примѣчанiяхъ. Изданiя Маркса, Гербека и др. также допустили уклоненiя отъ карлсруэскаго изданiя 1857 года. Этими воспользовался г. Висковатовъ, и въ докладъ своему въ отдѣленiи русскаго языка и словесности академiи наукъ опорочилъ всѣ изданiя 1891 года, единственно потому, что текстъ «Демона» у нихъ напечатанъ не одинаково и не у всѣхъ правильно исправлены опечатки. Дабы устранить на будущее время всякій поводъ къ повторенiю подобныхъ опорочиванiй подлиннаго текста «Демона», необходимо, чтобы коммисiя, о которой я упомянулъ вамъ, подъ руководствомъ предсѣдателя общества любителей руссiйской словесности, рассмотрѣла всѣ изданiя и выработала одинъ правильный текстъ поэмы «Демонъ», согласно карлсруэскаго изданiя 1857 года, напечатаннаго, какъ я за то ручаюсь, съ единственнаго, оставшагося послѣ смерти Лермонтова и находившагося до 1856 года у меня, подлиннаго автографа поэмы, написаннаго поэтомъ на Кавказѣ въ 1840 году и въ послѣднiй разъ исправленнаго имъ въ Петербургѣ, въ 1841 году, и тѣми исправленiями, которыя коммисiя признастъ нужными сдѣлать въ разъясненiе вкравшихъ въ карлсруэское изданiе недосмотровъ и опечатокъ. О такомъ исправленiи долженъ быть составленъ протоколъ съ подробнымъ указанiемъ сдѣланныхъ въ текстѣ поэмы исправленiй и источниковъ, послужившихъ тому ос-

нованіемъ. Вотъ моя цѣль, осуществить которую я желалъ бы, хотя бы съ затратой извѣстнаго капитала. Я унаслѣдовалъ послѣ кончины великаго русскаго поэта автографъ поэмы «Демонъ» и на мнѣ лежитъ обязанность передать потомству указанія: что именно и гдѣ сохранилось изъ этого автографа; а если обстоятельства неблагопріятствуютъ, то и возсоздать его въ той цѣлости и совокупности, въ какой я его унаслѣдовалъ.

На этомъ разговоръ нашъ прекратился, и мы разстались. Болѣе за тѣмъ намъ встрѣтиться не пришлось. Д. А. Столыпинъ въ 1893 году скончался *). Сдѣлалъ ли онъ что-нибудь для осуществленія своей идеи—намъ неизвѣстно. Но мы—тоже люди сороковыхъ годовъ и тоже ждемъ своей очереди. Поэтому считаемъ долгомъ предать гласности все, что мы слышали отъ почившаго, и думаемъ, что идея его о возстановленіи во всей полнотѣ и достовѣрности подлиннаго текста поэмы «Демонъ» вполне основательна и резонна. Она, намъ кажется, могла бы осуществиться при содѣйствіи нашего литературнаго общества или общества любителей россійской словесности. Вѣдь не можетъ же быть, чтобы на святой Руси никому не было дѣла до того, имѣемъ ли мы подлинный подлинный и достовѣрный текстъ лучшаго изъ произведеній великаго нашего поэта, или же не имѣемъ...

Январь, 1896 года,
г. С.-Петербургъ.

---

*) Считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующую поправку. Въ «Ист. Вѣстникѣ», 1894 г., № 2, въ некрологѣ Д. А. Столыпина, сказано, что онъ участвовалъ въ качествѣ секунданта въ роковой дуэли, которая была гибельна для Лермонтова, это не вѣрно. Ни въ какихъ Лермонтовскихъ дуэляхъ Дмитрій Аркадьевичъ не участвовалъ. Въ одной изъ этихъ дуэлей, именно съ барономъ де-Барраптомъ, участвовалъ братъ его—Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ.

Кто виноватъ: В. В. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ или Н. С. Лѣсковъ?

МЕРТЬ романиста Крестовскаго въ 1895 году вновь возбудила въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати вопросъ о плагиатѣ его романа «Петербургскія трущобы». Въ другое время подобный вопросъ, самъ по себѣ уже праздный, ничего другого, кромѣ смѣха, и возбудить не могъ бы, такъ какъ права В. В. Крестовскаго на авторство «книгъ сытыхъ и голодныхъ» неоспоримы. Но въ дни мелкихъ общественныхъ интересовъ, съ утомительной скукой нами переживаемыхъ обществомъ радо всякому, хотя бы даже и курьезному факту, дающему возможность посчитаться съ прошлымъ, болѣе жизненнымъ и разнообразнымъ. Друзья покойнаго автора пресловутаго романа придали вновь всплывшему на волнахъ современной жизни вопросу о плагиатѣ «Трущобъ» серьезное значеніе. Всѣмъ сомнѣющимся своимъ они возстали въ защиту правъ В. В. Крестовскаго, появились письма, фельетонныя замѣтки и глубокомысленныя истолкованія, пошли въ ходъ интервьюеры. Ситѣжный комъ всевозможныхъ мифовъ, изслѣдованій и опросовъ катился, какъ упавшая съ горы лавина; и, разрастаясь въ паденіи, погребала въ себѣ не только возбуждителей вопроса, но и людей, очутившихся подъ нимъ совершенно случайно. Въ числѣ послѣднихъ оказался и покойный поэтъ-сатирикъ Д. Д. Минаевъ, о которомъ извѣстный беллетристъ Н. С. Лѣсковъ, по словамъ интервьюера, будто бы сказалъ, что онъ въ бесѣдѣ съ нимъ съ глазу-на-глазъ сознался; что слѣдствія о плагиатѣ «Петербургскихъ трущобъ» распространена имъ, по личнымъ его съ Крестовскимъ счетамъ. Много на памяти нашего Ювенала лежитъ упрековъ и на-

реканій, но званья шептуна и сплетника онъ удостоился въ первый разъ. Но такъ-ли это? Столкнуть съ утеса камень въ море — можетъ даже мальчикъ, но вытащить его не такъ легко...

Фельетонистъ газеты «Новости» В. О. Михневичъ, въ № 64 этой газеты за 1895 годъ, опровергаетъ вышеприведенное заявленіе автора «Чертовыхъ кукокъ» и «Фефѣль». Онъ говоритъ, что «обличительный поэтъ» былъ человѣкъ дурно-воспитанный, взбалмошный и — въ возбужденномъ состояніи — задорный, но, по натурѣ, добродушный, мягкій и на сплетни неспособный. Отношеніе его къ Крестовскому хотя и не были дружественными, — онъ частенько высмѣивалъ романиста и однажды даже имѣлъ съ нимъ несприятное столкновеніе въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ, — но онъ никогда ничего не говорилъ о плагиатѣ «Петербургскихъ трущобъ». Д. Д. Минаевъ, по словамъ г. Михневича, разошелся съ Лѣсковымъ гораздо ранѣе, чѣмъ съ Крестовскимъ и до восьмидесятыхъ годовъ они находились во враждебныхъ между собой отношеніяхъ. Сомнѣсь они послѣ этого, когда оба проживали одно лѣто на дачахъ въ Шуваловѣ. Но и тогда поэтъ-сатирикъ едва-ли могъ сказать что-нибудь Лѣскову о сочиненіи и распространеніи имъ сплетенъ по поводу плагиата «Петербургскихъ трущобъ», такъ какъ Владиміръ Осиповичъ верѣдко нѣзвѣжалъ въ Шувалово, бывалъ у нихъ на дачахъ и, какъ находившійся съ ними обоими въ хорошихъ отношеніяхъ, тогда же бы могъ узнать объ этомъ. Но онъ ни отъ того, ни отъ другаго ничего не слышалъ, и поэтому, взведенное на Минаева Лѣсковымъ обвиненіе считаетъ «темнымъ, недосказаннымъ, или — еще вѣрнѣе — напрасно наобумъ сказаннымъ».

Я также былъ знакомъ съ поэтомъ-сатирикомъ много лѣтъ, зналъ его коротко, дружилъ съ нимъ, ссорился, расходился, и вновь сходилъ и дружилъ. Тайнъ у него отъ меня не было и я, мнѣ кажется, могу привести нѣкогорыя соображенія въ разъясненіе «темнаго, недосказаннаго, или напрасно на обумъ сказаннаго» обвиненія.

Личность Д. Д. Минаева — этого замѣчательнаго русскаго самородка, о которомъ въ нашей прессѣ или злокозненно молчатъ, или говорить одно дурное, — заслуживаетъ болѣе сочувственнаго къ себѣ отношенія. Какъ человѣкъ, это была натура простая, кинучая, дѣятельная и честная, съ большимъ умомъ и недоожкиными способностями и добрымъ сердцемъ. Какъ дѣятель, это былъ одинъ изъ выдающихся писателей шестидесятыхъ годовъ, котораго нельзя ни замолчать, ни затереть, — прѣмьа поставить его на предлежащее ему мѣсто.

Послѣдователь и продолжатель Добролюбова, Чернышевскаго, Писсарова и другихъ представителей либеральныхъ вѣяній освободительной эпохи, онъ такъ же, какъ и названные передовые пропагандисты новыхъ идей, считалъ себя призваннымъ руководить общественнымъ мнѣніемъ и бичевать людскіе пороки, слабости и несправедливость, гдѣ бы они ни въ комъ бы не встрѣчались. Былъ ли онъ подготовленъ къ подобной миссіи воспитаніемъ — вопросъ другой. Но онъ считалъ себя призваннымъ къ тому призванію, и это составляло стимулъ его дѣятельности. Умъ его, по природѣ, былъ острый и блестящій, какъ алмазъ, въ граняхъ котораго каждый предметъ мысленнаго горѣла и отражался своимъ искристо-яркимъ блескомъ, и поэтому большинство его шутокъ, экзепромтовъ и выходовъ были особое по тому времени значеніе и жѣтко достигали цѣли. Правда, порою онъ, по свойственной ему прямолинейности, увлекался и переступалъ за грань дозволеннаго; но это его не останавливало, онъ шелъ до конца, бравировалъ и держалъ въ силѣ убѣжденія въ необходимости не всегда и вѣсѣмъ безъ различія рѣзать правду-матку, не спрашиваясь: правится ли это людямъ, или ихъ коробитъ отъ этого. Въ личныхъ сношеніяхъ Дмитрій Дмитриевичъ былъ таковъ же, какъ и въ своихъ сказаньяхъ и писаньяхъ. Онъ смѣялся и высмѣивалъ людей, считая себя, по уму и развитію, вышею противу другихъ силой, дѣлалъ это безо всякихъ стѣпеній, открыто, прямо и добродушно; ему казалось, что своею откровенностью и рѣзкимъ обличеніемъ онъ ничего другого людямъ не приноситъ, кромѣ одной пользы. Злоба и метительность были ему чужды. Наговорить, силебенъ и неправду онъ не терпѣлъ, считая это все дѣломъ низкихъ и писателя недостойнымъ. Когда же близъ учительства ему надоѣдала, онъ явился простымъ сердечнымъ человѣкомъ, добродушнѣйшимъ изъ добродушныхъ добряковъ, и самъ первый готовъ былъ смѣяться надъ своимъ призваніемъ — смѣяться по призванію.

Могъ ли подобный человѣкъ имѣть «личные счета» съ В. В. Крестовскимъ? Едва ли. Скорѣе у Крестовскаго могли быть «счета» съ Минаевымъ. Но прежде чѣмъ коснуться этого вопроса, послушаюнаго будто-бы, по словамъ Н. С. Лѣскова, причиной къ силебннхъ о плагиатѣ «Петербургскихъ трущобъ», необходимо выяснитъ: въ чемъ заключается суть сказаннаго инцидента и на сколько справедливо самое предположеніе о томъ?

Сущность инцидента заключается въ томъ, что Н. Г. Помяловскій будто-бы раньше В. В. Крестовскаго постигаль трущобы отребья

петербургскаго насленія на Стѣной и написала романъ изъ жизни этого люда, и что Крестовскій, по смерти Помяловскаго, присвоилъ рукопись написаннаго имъ романа и выдалъ романъ за свое сочиненіе. Конечно, нушенный объ этомъ слухъ былъ ничто иное, какъ злая шутка, брошенная въ публику недоброжелателями автора «книжки о сытыхъ и голодныхъ», полнымъ опроверженіемъ которой могутъ служить нижеслѣдующіе выписки изъ біографіи Н. Г. Помяловскаго, составленной его другомъ Н. А. Благовѣщенскимъ. ¹⁾

«И сталъ онъ (Помяловскій) пропадать по цѣлымъ недѣлямъ,—говорится въ біографіи:—и гдѣ пропадали онъ—не знали никто... Оказалось, что онъ все это время проживалъ гдѣ-то на Стѣной, въ самомъ центрѣ безчувственнаго разврата и нищеты нескондаиной. Безвыходно жилъ онъ тамъ въ кабакахъ, грязныхъ харчевняхъ, публичныхъ домахъ, въ какихъ-то отвратительныхъ катакомбахъ, при одномъ разсказѣ о которыхъ вчужѣ ужасъ беретъ. Онъ знакомился и кутилъ съ этими лицами, изучалъ ихъ съ психологической точки зрѣнія, выискивалъ у нихъ прошлое; тамъ у него появились пріятеля, съ которыми вмѣстѣ онъ гулялъ и попадалъ даже на съѣзжую... «Вотъ ужъ—объясняетъ Н. Г. Помяловскій свои походы на Стѣной автору біографіи:—я выставляю эти картинки на показъ нашему обществу, пусть полюбуется»... Дѣйствительно, продолжая біографію, онъ тогда задумывалъ новый романъ, еще немыслимѣйшей, непринятѣйшей опредѣленной формы, но въ которомъ, между прочимъ, предполагалъ описать эти наблюденія надъ падшимъ человѣчествомъ»... Далѣе въ біографіи говорится: «Но, кажется, онъ жилъ на Стѣной и искалъ приключеній съ простой цѣлю развлеченія чѣмъ-нибудь отъ какой-то гнетущей его тоски»... ²⁾ Въ примѣчаніяхъ же къ роману Помяловскаго «Братья и сестра» находится слѣдующая оговорка Благовѣщенскаго: «судя по разсказамъ покойнаго объ идее романа, въ рукописи очень многого не достасть, такъ, напримеръ, во второй части романа онъ хотѣлъ въ картинахъ выставить жизнь публичныхъ домовъ, нравы над-

¹⁾ См. полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго.

²⁾ Изъ письма М. В. Шенякова, напечатаннаго въ газетѣ «Новое Время», № 6803, видно, что Помяловскаго перѣдко можно было встрѣтить въ трупобитыхъ кабакахъ и распивочныхъ, но онъ являлся въ этихъ мѣстахъ вовсе не вѣдѣль, чтобы «наблюдать», а исключительно по влеченію къ спиртнымъ напиткамъ.

пныхъ женщинъ и вообще не въ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ походовъ на Сѣнои, но этихъ картинъ въ рукописи нѣтъ».

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ становится яснымъ, что Н. Г. Помяловскій никогда не писалъ романа изъ жизни обывателей Петербургскихъ трущобъ, что онъ его только задумывалъ написать, но мысль объ этомъ никакой реальной формы не приняла и о появленіи ея сохранилось только одно пріятное воспоминаніе у его почтеннаго біографа. Слѣдовательно не остроумныя предположенія и рассказы о томъ, что В. В. Крестовскій воспользовался помяловскою рукописью и выдалъ ее за свое сочиненіе не имѣютъ никакого основанія и составляютъ ничто иное, какъ праздный вымыселъ.

Но откуда, быть можетъ, поинтересуется читатель, возникло подобное неаппетитное сказаніе, находящее себѣ откликъ даже въ наше время, т. е. спустя тридцать сличкомъ лѣтъ послѣ его возникновенія?

Поконный писатель Н. В. Успенскій, въ 1865 году, горючилъ, что «вон-потъ» о плагиатѣ «Петербургскихъ трущобъ» выдѣтъ изъ редакціи «Современника». Когда романъ этотъ появился въ 1864 году на страницахъ «Отечественныхъ записокъ» А. А. Краевского, супруга Н. Н. Панаева, Александра Иконникова, была отъ него въ восторгѣ. На похвалы ея роману, Н. А. Некрасовъ, не особенно благоволившій тогда къ В. В. Крестовскому, съ усмѣшкой отозвался, что основная мысль романа принадлежитъ не ему, а Н. Г. Помяловскому, который, можетъ быть, не чуждъ также и красотъ ея разсказа. Отзывъ этотъ былъ подхваченъ присѣщниками, которыхъ вездѣ находится не мало, преувеличенъ и разросся, наконецъ, до обвиненія Крестовскаго въ плагиатѣ рукописи романа. Разсказъ Успенскаго подтвердилъ и извѣстный беллетристъ В. А. Сѣминовъ, на одномъ изъ вечеровъ въ собраніи художниковъ, гдѣ онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ ставилъ спектакли. Разговоръ вышелъ какъ-то случайно за ужинномъ, въ присутствіи художника Н. Ф. Доса, автора «Тарантаса» графа В. А. Соллогуба, актера Н. Н. Монахова и другихъ лицъ. Послѣдній принялъ сторону Крестовскаго и горячо сказалъ Сѣминову:

— Мало ли что вы тамъ выдумаете съ Некрасовымъ, а мы вамъ и должны вѣрить!.. Нѣтъ, мы не такіе легковѣрные... Можетъ быть, и вашъ Помяловскій задумывалъ писать что-нибудь изъ трущобной жизни; но онъ ничего не написалъ... А то, что напи-

сая Крестовскій, исключительно принадлежить ему, т. е. его замыслу, труду и наблюденіямъ. Я это знаю хорошо отъ самаго Крестовскаго.

Вотъ источникъ происхожденія неосновательныхъ слуховъ, послужившихъ къ такимъ невыгоднымъ для репутаціи Крестовскаго заключеніямъ, указать на который, я возвращусь къ Д. Д. Минаеву и постараюсь, по возможности, уяснить отношенія его къ автору «книги о сытыхъ и голодныхъ».

Въ литературѣ В. В. Крестовскій и Д. Д. Минаевъ появились почти одновременно въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Первый работалъ въ «Библиотекѣ для чтенія», «Свѣточѣ», «Русскомъ Мірѣ», «Отечественныхъ запискахъ» (періода); а послѣдній — въ «Современникѣ», «Искрѣ», «Русскомъ словѣ» и другихъ журналахъ. Какъ представители различныхъ направленій, они общаго между собой ничего не имѣли, но въ обществѣ встрѣчались, обмѣнивались мыслями и взглядами, и порой даже покучивали выѣтъ. Но поэты-сатирики, по свойственной ему натурѣ, не упустили, конечно, случая поинтересоваться юнца-беллетриста, посягнувшимъ надѣ ними и, какъ болѣе сильный диалектикъ и остроумецъ, пообидѣли его. Съ теченіемъ же времени, когда реализмъ и позитивизмъ заняли въ прессѣ господствующее положеніе, онъ началъ относиться къ нему, при встрѣчахъ, иначе, какъ съ улыбкой снисходительности и въ веселой компаніи позволялъ себѣ, подшучивая надъ нимъ, щедро разряжать свой неистощимый запасъ острыхъ каламбуровъ и колкихъ эпиграммъ³⁾; романистъ-же или скромно отшучивался, или бралъ шанку и уходилъ. Такъ продолжалось лѣтъ десять. Вдругъ авторъ «По дорожѣ», «Петербургскихъ трущобъ» и другихъ замѣчательныхъ произведеній, имѣя почти 30-ть лѣтъ отъ роду, задумалъ поступить въ военную службу, и въ 1868 году былъ принятъ юнкеромъ въ Имбургскій уланскій полкъ. Журналисты-либералы отнеслись къ подобному запоздалому, по ихъ словамъ, проявленію шовинизма неодобрительно, и Дмитрій Дмитриевичъ, при первой-же встрѣчѣ съ

³⁾ Приведу, для примѣра, сказанный имъ экспромтъ по поводу выхода въ свѣтъ особымъ изданіемъ «Петербургскихъ Трущобъ»:

Къ роману этому, друзья, не будьте строги,
Привѣтъ въ немъ авторъ треповскіе взгляды:
Герои всѣ его посажены въ остроги,
А героини вписаны... въ разряды.

вопномъ-романистомъ, такъ отдѣлалъ его, что дѣло у нихъ чуть не дошло до личнаго столкновенія въ публичномъ мѣстѣ. Я присутствовалъ при этой встрѣчѣ. Вотъ что произошло тогда между писателями-антагонистами.

Были мы какъ-то съ поэтомъ-сатирикомъ въ Александринскомъ театрѣ, и послѣ спектакля поѣхали на вечеръ къ одному общему нашему пріятелю, жившему на Литейной. Стояла глубокая осень. Вечеръ выдался вѣтряный и снѣжный. Дмитрій Дмитриевичъ, бывший въ излѣчѣ и нахлы на патѣ, прозябъ и захотѣлъ выпить водки. Не долго думая, мы свернули на Пантелеймоновскую улицу, зашли въ гостиницу «Старый Некитъ», куда въ то время частенько заглядывали литераторы. Выпивъ въ буфетѣ по рюмкѣ горькой и пройдя затѣмъ въ большое зало, мы увидѣли В. В. Крестовскаго въ юнкерской формѣ, сидѣвшаго за уставленнымъ разными напитками столикомъ съ двумя офицерами и однимъ статскимъ. Компанію эту я зналъ. Офицеры были: одинъ—Александрійскій гусарь Петръ Петровичъ Лундышевъ, а другой—извѣстный впослѣдствіи Колемишъ; статскій-же—Сергій Сергѣевичъ Шустовъ, банковскій дѣятель и русскій снобъ. Лундышевъ что-то рассказывалъ, очевидно, забавное, такъ какъ вся комната хохотала. Поэтъ-сатирикъ опустился грузно на стулъ у сосѣдняго столика и, посмотрѣвъ съ усмѣшкой на романиста въ солдатской шинели, при саблѣ и въ шпорахъ, громогласно разразился экспромтомъ:

А, понпъ!... чѣ, братъ, зарпался

На попринцѣ литературы,—

И тягу далъ, въ солдаты продается!

За сколько?... какъ цѣна на шкуры?

В. В. Крестовскій вскочилъ какъ ужасенный скорпиономъ, повернулся въ полъ-оборота къ поэту и запальчиво возразилъ:

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, я не продается, я добровольно иду служить отечеству вольноопредѣляющимся, или, лучше сказать, юнкеромъ, понимаете-ли вы это?... по крайней мѣрѣ должны понимать: сами были юнкеромъ...

Поэтъ-сатирикъ слушалъ эту горячую реплику со свойственной ему сардонической улыбкой и отвѣтилъ докторально:

Какъ не понять намъ славный родъ

«Сыновъ отечества»—ещѣ-бы?...

Кровь проливать—одинъ исходъ

Для тѣхъ, кто всѣ прошолъ трущобы!..

— Что?... что ты сказалъ, колотая, безмозглая голова? *) вскричалъ, внявъ себя, Крестовскій, наклонившись къ лицу противника.

— Нельзя-ли потише, г. золоторотецъ, возразилъ Минаевъ, поднявшись со стула и устранивъ Крестовскаго, иначе я долженъ буду отнестись къ вашей личности.

— Нѣтъ, это—такое оскорбленіе, которое я перенести не могу, завопилъ окончательно вышедшій изъ себя Крестовскій, и схватился за рукоять своей сабли.

Сидѣвшіе съ нимъ офицеры, видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, бросились къ разсвирѣтившему юнкеру съ возгласами: «что вы дѣлаете, Крестовскій?... обнажаете саблю!... да вѣдь васъ предадутъ сулу, разжалуютъ въ рядовые и посадятъ въ крѣпость!». Оттащили его къ своему столу, усадили и стали его успокаивать. И-же сталъ уговаривать Минаева перейти въ кабинетъ. Ко мнѣ присоединился съ такой-же просьбой и Шустовъ, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— Зачѣмъ? улынулся онъ своей смѣшной улыбкой, мнѣ и здѣсь хорошо. И онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и потребовалъ пива.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, бушевалъ между тѣмъ въ своемъ кружкѣ, красный какъ ракъ, Всеволодъ Владиміровичъ, я этого оскорбленія такъ оставить не могу!... я его вызову на дуэль!... Кто изъ васъ будетъ моимъ секундантомъ?... Лундышевъ, вы не откажетесь?

Лундышевъ молча наклонилъ голову.

— А моимъ секундантомъ будетъ поэтъ-солдатъ, отвѣчалъ, ни къ кому не адресуясь, слышавшій и смаковавшій весь этотъ разговоръ съ особеннымъ наслажденіемъ, какъ любитель всякой пикантности, поэтъ-сатирикъ.

— Такъ ты принимаешь вызовъ? быстро повернулся къ поэту лицомъ покраснѣвшій до синевы отъ гнѣва романтикъ-воинъ, тогда пусть секунданты опредѣляютъ условія, часъ и мѣсто встрѣчи!...

— Какъ не принять!... конечно, принимаю, отвѣчалъ проницески поэтъ и, закуривъ папиросу, прибавилъ:

И—гражданинъ, а ты—солдатъ, но принимаю
И вызовъ твой смѣшной и жалкій...

---

*) Намекъ на то, что Минаевъ въ 1866 году былъ арестованъ и, сидя въ казематѣ Петропавловской крѣпости, въ сознаніи своей невинности, разбилъ себѣ голову объ стѣну.

Какъ вызванный на бой, оружие избираю
Гражданское я—палки...
У Палкина ²⁾ сберемся завтра почью въ часъ,
И такъ, бреттеръ, мы ожидаемъ васъ!

Крестовскій растерялся и ничего не отвѣтилъ. Пока въ ихъ компаніи шли шопотомъ переговоры, я напомнилъ Минаеву, что насъ ждутъ, мы поднялись и вышли. Вечеръ мы провели у пріятеля весело. Предстоящая дуэль являлась событіемъ и служила темой для разговора. Поэтъ-сатирикъ былъ великодушнѣе, блестящѣе и увлекательнѣе, пародировавъ дуэль Онѣгина съ Ленскимъ. Бывшій на вечерѣ актеръ Васильевъ Павелъ (извѣстный комикъ), нѣсколько разъ обращался къ нему съ вопросомъ: «почему ты, Дмитрій Дмитриевичъ, не выбралъ оружіемъ бильярдные кн? вѣдь кіемъ можно дѣйствовать съ одной стороны, какъ пикой, а съ другой—какъ кистенемъ»... А куплетистъ Монаховъ (Николай) со свойственнымъ ему юморомъ, выразилъ за ужиномъ сожалѣніе, о томъ, что Минаевъ не пригласилъ его секундантомъ: «я-бы васъ заставилъ драться, говорилъ онъ, черезъ столъ, уставленный всевозможными питіями, пусть-бы вы фехтовали себѣ и дрались до пробитія головы, но толико не касаясь поставленныхъ на столѣ бутылокъ и графиновъ: кто-же коснется или повалитъ на столѣ что-нибудь, тотъ долженъ заплатить за всю назначенную для пируества послѣ дуэли гарнитуру этого стола»... Вернулись мы домой поздно. Минаевъ заночевалъ у меня и спалъ на другой день чуть не до обѣда. Я-же всталъ по обыкновенію въ 8 часовъ утра, нанялся чаю, привелъ въ порядокъ бумаги и сталъ собираться идти на службу. Вдругъ у дверей раздался звонокъ, въ передней звякнула сабля, въ столовой зазвенѣли и защебкали динкавами шпоры и предо мною появился Лундышевъ.

— А, дорогой collega, здравствуйте!

— Здравствуйте, любезный товарищъ, здравствуйте!...

И опривѣтствовавъ другъ друга по обычаю и перекинувшись двумя-тремя пустыми общепринятыми фразами, мы присѣли къ столу и приступили къ дѣлу.

— Я къ вамъ—начать съ нѣкоторою торжественностію въ тонѣ Лундышевъ:—за помощью и разрѣшеніемъ вопроса по поводу вчерашняго несчастнаго столкновенія нашихъ друзей. Вѣдь Всенолодь

²⁾ Въ рестораціи на Невскомъ.

Владимировичъ и слышать не хочетъ о примиреніи. Ему такъ надоѣли всѣ эти минаевскія выходки и насмѣшки, что онъ желаетъ съ ними непременно драться. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, какъ его секунданту, серьезный вызовъ на дуэль.

Я разсѣялся.

— Покорнѣйше благодарю за честь, отвѣчалъ я Лундышеву съ поклономъ, но вамъ, г. штабсъ-ротмистръ, вѣроятно, безызвѣстно, что нижніе воинскіе чины, къ числу которыхъ принадлежить теперь и г. Крестовскій, не имѣютъ, по закону, права вызывать кого-либо драться на дуэли. Если-же г. Крестовскій такъ жаждетъ крови, которая составляетъ обыкновенно разнязку дуэли, то ему необходимо для удовлетворенія своей страсти, тотчасъ-же оставить военную службу. Тогда только онъ можетъ сдѣлать вызовъ. Вотъ что я прежде всего попрошу васъ передать ему въ отвѣтъ на наше заявленіе, и за снѣмъ дальнѣйшее разрѣшеніе вопроса о дуэли будетъ зависѣть, конечно, отъ него самого. Это я говорю вамъ официально. А частнымъ образомъ могу присовокупить, что Дмитрій Дмитріевичъ, если даже г. Крестовскій и оставитъ службу, вызова на дуэль не приметъ, но подрагаться въ рукопашную не прочь. Это я основываю на его словахъ. Вчера на вечеръ, куда мы съ ними поѣхали, разставившись съ вами, онъ при большомъ обществѣ сказалъ слѣдующее:

Съ Крестовскимъ, юнкеромъ лихимъ,
Готовъ я быть въ бояхъ и свалкахъ;
Но драться на дуэли съ нимъ
Могъ и только лишь на палкахъ.

Петръ Петровичъ остался вполне доволенъ моимъ отвѣтомъ, и мы разстались, дружески пожавъ другъ другу руки. За обѣдомъ я разсказалъ Дмитрію Дмитріевичу о посѣщеніи меня Лундышевымъ, его вызовѣ и моемъ ему отвѣтѣ. Онъ расхохотался.

— Ну, и что-же? сказалъ онъ, ты все это принялъ за серьезное?... Плохо-же ты знаешь Крестовскаго!... Это—фатъ, ему нужно было заявить передъ сидѣвшими съ нимъ офицерами, что онъ на ногу себѣ наступить никому не позволитъ. А теперь онъ, конечно, будетъ радъ предлогу предать всю эту глупую фанфаронаду забвенію.

И дѣйствительно, дуэль эта такъ и замолкла. Благоразумный романистъ не пожелалъ рискнуть карьерой, онъ махнулъ рукой на случившееся и отправился въ свой полкъ на службу.

Говорили, я слышалъ какъ-то, что у Крестовскаго съ Минаевымъ до этого была еще какая-то встрѣча остраго характера, по объ этой встрѣчѣ я точныхъ свѣдѣній не имѣю, а потому и сказать о ней ничего не могу.

Такимъ образомъ прежнія товарищескія отношенія между поэтомъ-сатирикомъ и романистомъ были нарушены, и затѣмъ они болѣе не возобновлялись. Дѣятельность Всеволода Владиміровича направлялась совершенно въ противоположную сторону: онъ отдавался всецѣло службѣ и сопряженнымъ съ нею вопросамъ, проживалъ большей частью въ провинціи, и если наѣзжалъ по временамъ въ Петербургъ, то всячески старался избѣгать встрѣчъ со своимъ неугомоннымъ антагонистомъ. (Минаевъ, по прежнему, пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ посмѣяться и помутить надъ нимъ). Помню, какъ-то въ началѣ семидесятыхъ годовъ, они встрѣтились въ Палкинскомъ трактирѣ. Крестовскій сидѣлъ съ нотаріусомъ С. А. Конковымъ и еще какимъ-то статскимъ. Увидя вонеднаго въ залѣ и направляющагося къ ихъ столу поэта-сатирика, онъ поспѣшно поднялся со стула, простился со своими собесѣдниками, взялъ фуражку и направился къ выходу.

— Куда-жь ты, Всеволодъ? закричалъ ему вслѣдъ удивленный его стремительнымъ уходомъ поэтъ.

— Куда глаза глядятъ!... отвѣчали мрачно романисты, чтобы только завтра не пришлось посылать къ тебѣ секунданта съ серьезнымъ вызовомъ на дуэль. ⁶⁾

Въ 1874 году, В. В. Крестовскій написалъ «исторію Ямбургскаго уланскаго полка» и вскорѣ послѣ того былъ прикомандированъ къ Главному штабу, для извлеченія изъ архива матеріаловъ для исторіи Лейбъ-Гвардіи уланскаго Его Величества полка. Въ штабѣ мы съ нимъ встрѣчались часто. Однажды, когда разговоръ зашелъ о новостяхъ литературы и коснулся послѣднихъ произведеній Минаева, я спросилъ Всеволода Владиміровича объ отношеніяхъ его къ поэту.

— Да какія же у меня могутъ быть отношенія съ нимъ? — отозвался романистъ: — я его ненавижу... Онъ до такой степени мнѣ антипатиченъ, что я его видѣть не могу хладнокровно... руки такъ и чешутся... мнѣ кажется, я могъ бы его оскальпировать собственноручно...

---

⁶⁾ Крестовскій былъ уже произведенъ въ офицеры.

Отъ Дмитрія же Дмитріевича, напротивъ, я ничего подобнаго не слышалъ. Правда, онъ не любилъ Крестовскаго, не любилъ, какъ онъ самъ однажды выразился, за его старосѣтскость, отсталость и непониманіе жизни, относился къ нему свысока и пренебрежительно, какъ относится старшіе къ младшимъ упрямымъ и строптивымъ товарищамъ; но въ большинствѣ случаевъ въ его антипатіи ограничивалась сардонической по его адресу улыбой и какимъ-нибудь лживымъ замѣчаніемъ, безо всякой, впрочемъ, злобы и ненависти, а скорѣе въ силу традицій по привычкѣ.

Все вышесказанное можетъ служить основаніемъ къ заключенію, что у Д. Д. Минаева никакихъ приписанныхъ ему «личныхъ счетовъ» съ Крестовскимъ не было. Что же касается Всеволода Владиміровича, то у него они могли быть; но до послѣднихъ намъ нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ въ данномъ случаѣ подлежитъ разрѣшенію вопросъ о Минаевѣ.

Заявленіе Н. С. Лѣскова о томъ, что поэтъ-сатирикъ сознался будто бы ему въ пятидесятихъ годахъ, что сплетня о плагиатѣ «Петербургскихъ Трущобъ» — дѣло его рукъ, и что онъ распространялъ и будетъ распространять ее самымъ усерднымъ образомъ, — признано В. О. Михневичемъ «темнымъ, недосказаннымъ, или еще вѣрнѣе — напрасно набумъ сказаннымъ». Но я пойду дальше, я назову его: недобросовѣстнымъ и ложнымъ. Я такъ же хорошо зналъ автора «Чертовыхъ куколъ» и «Фефелъ», какъ и почтенный фельетонистъ «Новостей». Въ 1883 году, когда Лѣсковъ проводилъ лѣто въ Шуваловѣ, а Минаевъ, разойдясь съ женой, поселился у Н. С. Курочкина, жившаго на дачѣ на Парголовокомъ шоссе, я часто посѣщалъ ихъ, обоихъ и они бывали у меня. Николай Семеновичъ тогда не посвящалъ еще себя всецѣло мистицизму, вегетарианizmu и толстовщинѣ, а жилъ просто, какъ живутъ обыкновенные люди. Онъ удостоивалъ меня своей дружбой и питимыми бесѣдами, въ особенности, когда я заходилъ къ нему по утрамъ на его «гастрономическіе» завтраки. Ему всегда доставляло удовольствіе поточить зубы на косточкахъ друзей-пріятелей, докторально помутить, огорчески разоблачить и поистегать. Въ это время онъ примирился съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ, съ которымъ, какъ справедливо замѣтилъ В. О. Михневичъ, съ шестидесятихъ годовъ находился не въ ладахъ, и поэтъ-сатирикъ бывалъ у него, но не часто. Если бы послѣдній говорилъ тогда что-нибудь Лѣскову о распусканіи имъ сплетни по поводу плагиата «Петербургскихъ Трущобъ» изъ-за

личныхъ счетовъ съ Крестовскимъ, то это мнѣ отъ котораго нибудь изъ нихъ было бы извѣстно. И если бы даже они не сказали, то я могъ бы узнать объ этомъ отъ кого-нибудь другаго изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, такъ какъ «распространять сплетню самымъ усерднымъ образомъ»—значить: говорить тенденціозную ложь не одному только Лѣскову, но и другимъ людямъ, чтобы сплетня распространилась. Но я ничего объ этомъ не слышалъ; ни отъ постороннихъ, ни отъ Минаева, ни отъ Лѣскова; хотя Николай Семеновичъ не стѣснялся въ то время разсказами о столкновеніяхъ съ редакторами и издателями нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, анекдотами о жадности и скарденности «уважаемыхъ друзей» и исторіей борьбы въ одномъ ученомъ учрежденіи, которое онъ вскорѣ за тѣмъ и долженъ былъ покинуть. «Это—византиецъ, грекъ хитрый, не вѣрьте ему», говорилъ про Лѣскова еще въ семидесятыхъ годахъ покойный Е. П. Карновичъ, и я, вѣроятно, не погрѣшу, если сообщеніе Николая Семеновича о распространеніи Минаевыхъ сплетенъ по поводу плагіата «Петербургскихъ Трущобъ» назову прямо сочиненіемъ изъ сказкой-небылицей.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу нижеслѣдующія соображенія.

Слухъ о плагіатѣ, какъ разсказано выше, произошелъ не Минаевымъ, а Н. А. Некрасовымъ, ходилъ онъ по блу-свѣту, какъ всякая сплетня, росъ и ширился, и какъ всякая сплетня, вскорѣ зникъ и умолкъ. Возобновить сплетню въ 1883 году, т. е. спустя 19 лѣтъ послѣ ея возникновенія Минаевъ ни въ какомъ случаѣ не могъ, потому что изъ біографіи Н. Г. Помяловскаго вѣтъ было уже извѣстно, что никакой рукописи о трущобныхъ герояхъ послѣ его смерти не осталось, слѣдовательно и плагіата быть не могло. Если же подобная небылица выплыла на свѣтъ въ 1895 году, то этому была причина, а причина эта—смерть В. В. Крестовскаго, она дала возможность новымъ, незнавшимъ сущности дѣла, досужимъ людямъ заговорить о давно забытыхъ дрязгахъ, какъ о чемъ то, вновь открытомъ ими... Но въ 1883 году никакихъ «уважительныхъ» къ тому поводовъ не существовало, и, конечно, тотъ, кто бы рѣшился тогда на подобную глупую выходку, былъ бы жестоко осмѣянъ въ печати. Да и самъ Крестовскій въ то время былъ еще живъ и, вѣроятно, не приминувъ бы опровергнуть всякій компрометирующій его слухъ документально.

Но, могутъ мнѣ возразить, имѣлъ же Н. С. Лѣсковъ какіе-ни-

будь поводы къ тому, чтобы сочинить про друга-пріателя сказку-небылицу?

Безъ сомнѣнія, имѣлъ, могу отвѣтить я на это, ибо нѣтъ дѣйствія безъ причины.

Дружба поэта-сатирика съ авторомъ «Чертовыхъ Куколъ» и «Фефель» продолжалась недолго: мѣсяца полтора-два не больше. Въ теченіе лѣтняго сезона 1883 года, она случайно возобновилась, послѣ чуть-ли не 20-ти лѣтней вражды, случайно и окончилась. Но на этотъ разъ друзья-пріатели разошлись уже окончательно и болѣе потомъ никогда не сходились. Причиною тому, если не единственной, то главнѣйшей, нужно считать, конечно, женщину... Была въ это злополучное лѣто у Н. С. Лѣскова женщина, по-его словамъ, интеллигентная и мечтательная, съ которой онъ дружилъ, но которая имъ, кажется, не особенно была довольна. Встрѣтилась эта женщина у него съ поэтомъ, и поэтъ ей понравился болѣе, чѣмъ прозаикъ. Не долго думая, «мечтательная» дама покинула прозаика и перешла къ поэту. Она принесла поэту ласку, уходъ и попечение, бѣдовала съ нимъ въ Петербургѣ, кочевала въ провинціи, и въ концѣ концовъ, когда поэтъ, послѣ долгихъ скитаній, разбитый жизнью и больною, вернулся къ себѣ на родину, она послѣдовала за нимъ и тамъ облегчала его страданія, закрыла ему глаза и прахъ его похоронила. На первыхъ порахъ Николай Семеновичъ подтрунивалъ надъ «сентиментальными ветеранами страсти» и, заходя ко мнѣ, осмѣиваясь: «Ну, какъ поживаютъ молодые?». Потомъ сталъ проявлять раздражительность и недовольство, и кончилъ тѣмъ, что «вломился въ амбицію» и сталъ считать себя оскорбленнымъ. «Это—гокорилъ онъ мнѣ, въ 1883 г., во время совѣстной поѣздки на именины къ жениху Ш. А. Лейкина въ Лѣсной:—святотатцы и тати, которые забираются къ намъ въ души и похищаютъ у насъ самое дорогое и священное».. Мистикъ, вегетаріанецъ и апостолъ толстовскаго толка не могъ простить по-христіански обиды, нанесенной его гордости и самолюбію. Черезъ 12-ть лѣтъ онъ отплатилъ за нее другу-пріателю, и отплатилъ съ лихвою—сказкой-небылицею... Недаромъ, значить, Е. Н. Карновичъ называлъ его «византійцемъ, грекомъ хитрымъ!»

Августъ 1895 г.
С.-Петербургъ.

ГГ. ПОГОДИНЫ И ГАЗЕТА «ЖИЗНЬ».

В 1883 году, на горизонтъ Московской прессы появились новые издатели. Это были: Дмитрій Михайловичъ Погодинъ, сынъ извѣстнаго профессора, историка и славяниста Михаила Петровича Погодина, и жена его Елисавета Ивановна. Имъ разрѣшено было издавать «Московскую Газету». Новые глашатаи истинны имѣли хорошія связи въ свѣтѣ, были извѣстны по отцу въ ученомъ и литературномъ мірѣ, и сами по себѣ считались людьми хорошими, добрыми и честными. Но всего этого для изданія ежедневной газеты, изданія новаго, которому нужно было проложить дорогу и создать репутацию для существованія, — оказывалось недостаточнымъ. Дмитрій Михайловичъ, лично, какъ писатель, никакими трудами извѣстенъ не былъ. Онъ служилъ по судебному вѣдомству, состоялъ нѣкоторое время судебнымъ слѣдователемъ въ провинціи, но болѣзни и другія обстоятельства болѣе мирнымъ и покойнымъ. Право изданія «Московской Газеты», какъ говорила сама Елисавета Ивановна Погодина, даровано было имъ, благодаря особой внимательности къ ихъ положенію бывшаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого, который считалъ Михаила Петровича Погодина своимъ учителемъ и, относясь съ уваженіемъ къ его достопамятной и полезной дѣятельности, хотѣлъ сдѣлать что-нибудь въ пользу его дѣтей.

«Московская Газета» нѣкоторое время выходила въ свѣтъ, но успѣха не имѣла и вскорости зачахла. Издатели положили въ нее довольно порядочныя средства, но безъ поддержки общества суще-

ствовать не могли и газета съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хирѣла и кое-какъ влячила свое существованіе.

А. В. Кругловъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1894 года № 4, говоритъ, что дѣла газеты шли настолько дурно, что издатель рассчитывался съ сотрудниками «натурою». Онъ привелъ, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ.

Приходитъ нѣкто въ редакцію «Московской Газеты» и проситъ у издателя денегъ.

Издатель руками замахалъ.

— Не могу, ничего нѣтъ. Подождите дня три.

— Нельзя ждать! рѣшительно отвѣчаетъ литераторъ.

— Да что такое?—спрашиваетъ издатель:—на что вамъ такъ понадобилось сегодня?

— Брюкъ—отвѣчаетъ сотрудникъ,—нѣтъ у меня.

— Какъ такъ? изумился издатель, вѣдь вы уже въ брюкахъ?

— Да, говоритъ, въ брюкахъ-то, въ брюкахъ, только никакъ наклониться нельзя, потому-что...

Захотѣлъ было издатель, потомъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ, замолкъ и началъ разсматривать сотрудника, мѣряя его глазами съ ногъ до головы.

— Голубчикъ! воскликнулъ онъ весело, да мы съ вами одного роста.

— Ну, одного, отвѣчаетъ тотъ,—что-же изъ этого?

— Голубчикъ, возьмите мои брюки, я только-что третьяго дня купилъ, совсѣмъ новенькіе.

Сотрудникъ невольно смутился, но издатель сталъ его успокоивать.

— Какъ-же вы сами-то безъ брюкъ? озабоченно спросилъ сотрудникъ,

— Голубчикъ, ничего, у меня дома есть другіе.

— Да, но теперь-то какъ-же?

— Ничего, я въ крылатѣхъ, невидать. Надѣвайте, примѣривайте, только-бы въ пору, а обо мнѣ не беспокойтесь.

Издатель живо разбѣлся, сотрудникъ тоже п... о восторгъ! брюки принялись какъ разъ въ пору.

Въ ту самую минуту, какъ издатель хлопалъ по плечу сотрудника, выходящая свои брюки съ лонкостью апраксинца, вошелъ секретарь и доложилъ, что издателя спрашиваетъ какая-то дама.

— Ахъ, ахъ, сейчасъ!

И полетѣлъ было за секретаремъ въ модномъ пиджакѣ... безъ брюкъ; но сотрудникъ остановилъ его. Тогда онъ надѣлъ на себя крылатку и вынесъ для объясненій.

Разсказъ этотъ могъ-бы характеризовать самымъ нагляднымъ образомъ положеніе редакціи, если-бы былъ переданъ точно. Но одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ этой газеты, на глазахъ котораго описанный г. Кругловымъ фактъ совершился, именно А. П. Сальниковъ, говорилъ мнѣ, что дѣло было нѣсколько иначе.

А. П. Бочаровъ, человекъ очень бѣдный, жившій постоянно въ Петровскомъ-Разумовскомъ и приходившій оттуда для занятій въ редакцію нѣжкомъ, для за два до своихъ нмннннъ, обратился къ издателю съ просьбой дать ему въ счетъ заработка авансомъ нѣсколько рублей. Издатель отказалъ, отговариваясь, что денегъ въ кассѣ нѣтъ. Но сотрудникъ не унылъ, онъ сталъ доказывать, что можно пробиваться кое-какъ въ обыкновенные дни. Но когда человекъ нмннннннннъ, то онъ долженъ сѣсть хотя кусокъ пирога. Издатель нашелъ его доводы основательными и, желая помочь ему, пригласилъ его къ себѣ на квартиру, гдѣ и далъ ему, вмѣсто денегъ, свои новые панталоны, съ тѣмъ, чтобы онъ заложилъ ихъ и справилъ свои нмнннннн.

Въ подтвержденіе достовѣрности сказаннаго, А. П. Сальниковъ сослался на секретаря редакціи А. М. Назухина и сотрудниковъ Марко Ярона и М. Л. Вернера, при этомъ находившихся.

Во всякомъ случаѣ было-ли дѣло такъ или иначе, фактъ расплаты редакціи со своими сотрудниками «натурою» вѣрнѣе. Онъ вполне характеристично обрисовываетъ положеніе, въ которомъ находились издатели въ началѣ второй половины 1884 года. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что газета протерзалась недолго. Въ Августѣ мѣсяцъ изданіе ея было прекращено.

Но эта неудача не обезкуражила предпримчивыхъ издателей. Пользуясь всепильнымъ покровительствомъ графа Д. А. Толстого, 30 декабря того-же года они получили разрѣшеніе издавать въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, ежедневную газету «Жизнь». Издательницей была утверждена Елизавета Ивановна Погодина, а редакторомъ Дмитрій Михайловичъ Погодинъ.

Такъ стояло дѣло по официальнымъ источникамъ. Въ сущности-же оно имѣло иную обстановку. Инициатива изданія газеты «Жизнь» принадлежала не Погодинымъ, но извѣстному московскому адвокату

Федору Никифоровичу Плевако. Онъ находился тогда въ зенитѣ своей славы, но лавры защитника на судѣ обездоленныхъ и угнетенныхъ судьбою его не удовлетворяли, ему хотѣлось стяжать еще славу публициста, и для этого ему нужна была газета, которая-бы его поддерживала и рекламировала. Онъ условился съ Погодинымъ вести изданіе на свой страхъ, а они должны были числиться ответственными издательницею и редакторомъ.

Кому не извѣстна та бойкая, хлесткая и остроумная передовица «Жизни», въ которой Федоръ Никифоровичъ предначерталъ программу дѣятельности газеты. Но «увы» одной программой для оживленія «Жизни» оказалось недостаточно: газета требуетъ ежедневной усидчивой и кропотливой работы, а знаменитый адвокатъ не могъ посвящать ей столько времени, сколько для успѣха изданія газетъ было нужно. Надежды на то, что публика, увидя во главѣ изданія знаменитаго юриста и краснорѣчиваго оратора, бросится на подписку и дастъ средства поставить изданіе на широкую ногу,—не оправдались: москвичи, помня пословицу, что не все то золото, что блеститъ, поостереглись, подписки не поддержали и «Жизнь» съшла... Федоръ Никифоровичъ понялъ, что дѣло проиграно и сталъ относиться къ газетѣ апатично. «Жизнь» очутилась въ рукахъ людей, не заботившихся «объ утрѣ», и номера ея выходили одинъ другого безцвѣтнѣй и пустѣй. При такомъ положеніи дѣла, вполне естественно, что газета не могла держаться и 21 марта 1885 года выходъ ея въ свѣтъ былъ приостановленъ.¹⁾

Узнавъ объ этомъ, 30 марта я послалъ письмо Е. Н. Погодиной съ предложеніемъ продать мнѣ право изданія газеты «Жизнь», и

---

¹⁾ Память о знаменитой передовицѣ и приостановкѣ газеты сохранена мною потоптну въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Крушеніе «Жизни».

«Жизнь» разбита, словно съ полки
Подлетѣвшій вынулъ горшокъ,
Самъ, Плевако, магъ, осколки
Подобрать ея не могъ.
А давноль ея программы
Онъ съ амфиломомъ предъявлялъ,
Какъ герой серьезной драмы,
«Мы не мыслимъ—намъ вѣщать!»—

если она будет на то согласна, то опредѣлить условія, на которыхъ продажа можетъ состояться. Она отпѣчала, что передать право согласна, но для опредѣленія условій приглашала меня пріѣхать въ Москву. Я тотчасъ собрался и отправился. 5 апрѣля я пріѣхалъ въ Москву, остановился въ Кокоревской гостинницѣ и

Нашей жизни—безъ кумира,
Человѣка безъ рубля,
Дворянина—безъ мундира,
Парохода—безъ руля,
Государства—безъ границы,
Власти грозной—безъ кнута,
Молодца—безъ молодницы,
И могилы—безъ креста.
Мы не мыслимъ: дни—безъ ницы,
Ночи долгой—безъ игры,
Сапоговъ—безъ голенищей
И кармана—безъ дыры,
Гражданина—безъ закона,
Адвоката—безъ рѣчей,
Ассигновки—безъ талоновъ,
Женщины—милыхъ—безъ сѣтей.
Мы не мыслимъ: школы—безъ налки,
Деревень—безъ кабака,
Силача-кунца—безъ свалки,
Мужичка—безъ синика,
Жизни вольной—безъ заботы,
Уяъ супружества—безъ еды,
Знаній твердыхъ—безъ работы,
Счастія личнаго—безъ грѣшъ.
Мы не мыслимъ: игры—безъ спору,
Дѣла—безъ причинныхъ средствъ,
Важной мудрости—безъ ведору,
Силетинъ грозной—безъ сосѣдствъ.
Преступленій—безъ сыщиковъ,
Волн злой—безъ баловства,
И газеты—безъ подписчиковъ,
И суда—безъ удальства!...
И съ такой программой длинной,
«Жизнь» разбита какъ горшокъ:
И поетъ нефть оксанаенно:
«Чиберики чокъ! чокъ! чокъ!»

Апрѣль, 1885.

въ то же утро отправился къ Погодинымъ. Они жили тогда на Софійской набережной близъ Каменнаго моста. Дома я ихъ не засталъ, но прислуга сказала, что Елизавета Ивановна пошла къ обѣднѣ въ Кремль, и скоро возвратится домой. Я оставилъ карточку, сказалъ, что приѣду черезъ часъ, и отправился въ храмъ Христа Спасителя.

Возвратясь, я засталъ Елизавету Ивановну дома. Она только что вернулась отъ обѣдни и располагалась приступить къ чаепитію. Это была барыня уже въ лѣтахъ, съ простѣю въ волосахъ, строгимъ проникающимъ взглядомъ, пластичными манерами и жолчной рѣзкой рѣчью. Она одѣта была очень просто, даже бѣдно. Двѣ перинахъ комнаты квартиры, гдѣ она приняла меня, полузапыленные снушевыми портьерами и занавѣсками были темны и сумрачны. Вся ихъ мебель: столы, стулья, этажерки, проходы между мебелью и подоконники были завалены и заставлены множествомъ портретовъ и картинъ всевозможной величины, въ рамахъ, рамкахъ и рамкахъ и даже просто въ сверткахъ. Чай былъ приготовленъ на уголокъ одного изъ столовъ, заставленныхъ посудой, корзинками и бѣльемъ, покрытыми толстыми сломятъ пылью.

Елизавета Ивановна, замѣтивъ мое изумленіе, поздоровавшись со мной, поспѣшила пояснить, что у нихъ такой странный беспорядокъ потому, что Дмитрій Михайловичъ перевезъ на квартиру картинную галерею и нѣкоторыя вещи изъ отцовскаго, знаменитаго въ свое время «древлехранилища», которыя онъ предназначилъ къ продажѣ и частью уже, кажется, распродалъ. Я выразилъ сожалѣніе, что такіе замѣчательныя вещи приходится продавать, и эта гордая, свѣтская дама моментально превратилась въ простую мѣщанку плакальницу. Пригласивъ меня выпить съ нею чашку чаю, она стала изливать предо мной свое горе и жалобы на людей, на судьбу и на сложившіяся дурно обстоятельство. Про мужа она сказала, что онъ человекъ добрый, но больной и къ дѣлу неспособный. На издателя Плевако жаловалась, что онъ собралъ подписку, потратилъ ее въ теченіе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ и отъ дальнѣйшаго выпуска газеты отказался. Сотрудниковъ упрекала въ вымогательствѣ денегъ, денегъ и только денегъ. Москвой была недовольна за ея нечувствіе къ газетѣ и неуваженіе къ памяти М. П. Погодина.

— Сколько у васъ подписчиковъ? Спросилъ я разгоревшимся издательницу.

— Положительно я вамъ сказать не могу, всѣ счета находятся

у Федора Никифоровича, но мужъ говорилъ, что подписка небольшая, человекъ тысяча, а можетъ быть даже итъ и тысячи.

Слово - за-слово, мы перешли къ обсужденію условій передачи права изданія газеты въ мою собственность. Относительно матеріальнаго положенія газеты, издательница отзывалась полнымъ незнакомствомъ, и просила меня переговорить объ этомъ съ Ѳ. П. Плевако, который вѣдаетъ всею хозяйственною частью изданія. На вопросъ мой: не встрѣтится ли какихъ-либо препятствій со стороны г. Плевако къ передачѣ мнѣ газеты, она сказала, что Федоръ Никифоровичъ будетъ очень радъ развязаться съ изданіемъ, такъ какъ оно ему стало хуже горькой рѣдки. Что же касается расчетовъ по подпискѣ, то объ этомъ слѣдуетъ съ нимъ переговорить прежде, чѣмъ мы окончимъ сдѣлку. Изъ дальнѣйшихъ объясненій я узналъ, что Федоръ Никифоровичъ принялъ на себя все расходы по изданію газеты, обязавшись выдавать Дмитрію Михайловичу Погодину, какъ редактору газеты, по 50 р. въ мѣсяцъ, и кромѣ того платить издательницѣ извѣстную сумму за право изданія. Принимаясь къ существующему порядку изданія, я предложилъ Елизаветѣ Ивановнѣ передать мнѣ газету на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ арендуетъ ее Федоръ Никифоровичъ. Но она отозвалась, что предпочитаетъ продать изданіе, такъ какъ какую бы сумму она ни получила, все же это будетъ нѣкоторая сумма, а теперь она имѣетъ одни непріятности и рискуетъ потерять изданіе, ничего не получа за него.

Перейдя на почву продажи изданія, мы остановились на слѣдующихъ условіяхъ: я плачу г-жѣ Погодиной тысячу рублей за передачу мнѣ права изданія и обязуюсь удовлетворить всѣхъ подписчиковъ газеты со дня ея пріостановки по день окончанія подписки. Д. М. Погодинъ долженъ остаться отвѣтственнымъ редакторомъ газеты на тѣхъ же условіяхъ, какія существуютъ въ данное время. Полученныя отъ подписчиковъ деньги поступаютъ по расчету: со дня подписки по день пріостановки газеты—въ пользу г. Плевако, а со дня пріостановки по день окончанія подписки—передаются мнѣ за все число подписчиковъ, которое окажется по книгамъ конторы. Обстановка редакціи и конторы пріобрѣтаются мною по особому соглашенію съ г. Плевако, которому должны быть возвращены и все расходы, сдѣланные для будущаго изданія газеты.

Елизавета Ивановна была очень рада, найдя благоприятный выходъ изъ тяготившаго ее положенія издательницы безъ изданія,

и я тутъ же набросалъ на клочѣхъ бумаги основныя пункты условія. Когда мы ихъ прочитывали и дополняли двумя-тремя оговорками, вернулся домой и Дмитрій Михайловичъ. Это, какъ оказалось впоследствии, былъ простой и очень симпатичный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, успѣвшій пожить и развиться до индифферентности ко всему. Онъ отнесся очень холодно къ условіямъ передачи газеты, какъ будто дѣло это его не касалось. Но когда Елизавета Ивановна заявила, что нужно сейчасъ же съходить въ контору сахарозаводчика Харитоненко, находившуюся по соседству, и тамъ спросить по телефону Федора Никифоровича: когда его можно видѣть?—онъ тотчасъ отправился, и чрезъ нѣсколько времени вернулся и сказалъ, что Плевако можетъ принять насъ завтра утромъ до 12 часовъ.

И поднялся. Лавируя между загромадившими квартиру картинами, я не утерпѣлъ, чтобы не спросить Дмитрія Михайловича: «что это такое?».

— Это - картины и другія вещи изъ нашего древлехранилища,—отвѣчалъ совершенно равнодушно сынъ человѣка, положившаго въ это древлехранилище душу свою,—я перевезъ ихъ сюда, иждь въ виду продать, да разобраться вотъ никакъ не можемъ: она—и Дмитрій Михайловичъ кинулъ головою на жену,—ничего не хочетъ дѣлать, прислуга ничего не знаетъ, а мы! некогда...

— Итъ, итъ!—перебила мужа Елизавета Ивановна:—онъ неправду говоритъ: это онъ ничего не хочетъ дѣлать, а мы! некогда...

— Нельзя ли полюбоваться на сокровища нашего древлехранилища? спросилъ я почтеннаго хозяина.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Дмитрій Михайловичъ:—но какъ это сдѣлать?... вѣдь это—хаосъ...

— И поднималъ одинъ изъ близъ стоявшихъ портретовъ какого-то духовнаго лица, но онъ былъ покрытъ такимъ густымъ слоемъ пыли, что невозможно было опредѣлить: что это за лицо.

— Итъ, ужъ вы лучше оставьте до слѣдующаго раза, засуетился предупредительный хозяинъ, я уже распорядусь, чтобы все это привели въ порядокъ. А если хотите ознакомиться съ назначаемыми мною въ продажу картинами, я вамъ дамъ опись. И онъ вынесъ мнѣ изъ слѣдующей комнаты листъ бумаги; на которой значились №№ и фамиліи лицъ, чьи были портреты. Противу нѣкоторыхъ портретовъ, какъ напр: А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, кн. П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, гр. Е. П. Ростопчиной

и др. была сдѣлана отѣтка: «Всѣ эти портреты писаны по заказу графа С. С. Уварова, въ хорошихъ рамахъ, золоченыхъ, отличной работы, по 150 р. за экземпляръ». Противу же другихъ никакихъ отѣтокъ не было.

— Не знаете ли вы—спросилъ я Дмитрія Михайловича:—какихъ мастеровъ и когда написаны всѣ эти портреты? А также подлинники это или копии?

— Я, право, не знаю, отвѣчалъ онъ, какъ бы сконфузясь такими вопросами, да и никакихъ свѣдѣній нѣтъ у насъ. Такъ, по памяти, могу сказать вамъ, со словъ отца, что портретъ партизана Давыдова работы академика Кенпена, портретъ Кулибина писанъ Веденскимъ, а Новикова—Боровиковскимъ, а больше не припомню. Помню еще, отецъ говорилъ, что портретъ Шлецера—единственный экземпляръ, другой—въ академіи, что портретъ императора Петра III—тоже рѣдкій, но чьей работы,—сказать не могу...

— Но какъ же вы будете продавать, не зная, что вы продаете? Вѣдь вы можете продемонстръ, продать за безцѣнокъ.

— Не мало у насъ вещей пошло уже за безцѣнокъ:—отозвался съ какой-то равнодушною покорностью судьбѣ Дмитрій Михайловичъ—но что же дѣлать?...

— Какъ что дѣлать! пригласить экспертовъ, художниковъ, знатоковъ, разузнайте, отѣните и тогда продавайте.

— Все это я знаю, меланхолически проговорилъ съ отѣнкомъ досады владѣлецъ собранныхъ сокровищъ, но у насъ, въ Москвѣ, не такъ скоро это дѣлается... А намъ нужно скорѣе продать... ну, и продаемъ. Я нѣсколько портретовъ уже продалъ одному изъ мѣстныхъ дѣлателей въ провинціи, но какъ продать? почти даромъ отдать, но дѣлать нечего, надо продать—и продаемъ...

— Вы ему не очень вѣрете, посѣтишла вытянуться подомедшная къ намъ Елисавета Ивановна:—онъ ужасно увлекается, и она посѣтишила перемѣнить разговоръ.

Условившись съ издательницею «Жизни» поѣхать наутро къ Ѳ. Н. Плевако вмѣстѣ, я откланился и вышелъ.

Пообѣдавъ у знакомыхъ, часовъ въ 8 вечера, я вернулся къ себѣ, въ гостиницу, и только что успѣлъ разоблачиться, какъ въ дверь постучались и въ номеръ вошелъ Дмитрій Михайловичъ. Я, признаться, не ожидалъ его, въ умѣ быстро промелькнула мысль: «укаж не съ отказомъ ли?» и я растерянно проговорилъ: «ахъ, это вы?»...

— Не удивляйтесь, пожалуйста, разсмѣялся гость,—это я къ

въ тоже утро отправился къ Погодинымъ. Они жили тогда на Софійской набережной близъ Каменнаго моста. Дома я ихъ не засталъ, но прислуга сказала, что Елизавета Ивановна пошла къ обѣдинъ въ Кремль, и скоро возвратится домой. Я оставилъ карточку, сказалъ, что прійду черезъ часъ, и отправился въ храмъ Христа Спасителя.

Возвратясь, я засталъ Елизавету Ивановну дома. Она только что вернулась отъ обѣдинъ и расположилась приступить къ чаепитію. Это была барыня уже въ лѣтахъ, съ просѣью въ волосахъ, строгимъ проникательнымъ взглядомъ, властными манерами и жолчной рѣзкой рѣчью. Она одѣта была очень просто, даже бѣдно. Двѣ первыя комнаты квартиры, гдѣ она приняла меня, полузавѣшанныя сдвинутыми портьерами и занавѣсками были темны и сумрачны. Вся ихъ мебель: столы, стулья, этажерки, проходы между мебелью и подоконники были завалены и заставлены множествомъ портретовъ и картинъ всевозможной величины, въ рамахъ, рамкахъ и рамочкахъ и даже просто въ сверткахъ. Чай былъ приготовленъ на уголкѣ одного изъ столовъ, заставленнымъ посудой, корзинками и бѣльемъ, покрытымъ толстымъ слоемъ пыли.

Елизавета Ивановна, замѣтивъ мое изумленіе, поздоровавшись со мною, успѣшила пояснить, что у нихъ такой страшный беспорядокъ потому, что Дмитрій Михайловичъ перевезъ на квартиру картинную галерею и нѣкоторые вещи изъ отцовскаго, знаменитаго въ свое время «древлехранилища», которыя онъ предназначилъ къ продажѣ и частію уже, кажется, продалъ. Я выразилъ сожалѣніе, что такіе замѣчательныя вещи приходится продавать, и эта гордая, свѣтская дама моментально превратилась въ простую мѣщанку плакальщицу. Пригласивъ меня выпить съ нею чашку чаю, она стала излагать предо мною свое горе и жалобы на людей, на судьбу и на сложившіяся дурно обстоятельства. Про мужа она сказала, что онъ человекъ добрый, но больной и къ дѣлу неспособный. На издателя Плевако жаловалась, что онъ собралъ подписку, истратилъ ее въ теченіе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ и отъ дальнѣйшаго выпуска газеты отказался. Сотрудниковъ упрекала въ вымогательствѣ денегъ, денегъ и только денегъ. Москвою была недовольна за ея несочувствіе къ газетѣ и неуваженіе къ памяти М. Н. Погодина.

— Сколько у васъ подписчиковъ? Спросилъ я разгоревшимся издательницу.

— Положительно я вамъ сказать не могу, всѣ счета находятся

Дѣвчьемъ полѣ, въ мезонинѣ, надъ нами. Это была большая, свѣтлая, съ двумя окнами и балкономъ, комната, съ самой простой домашней обстановкой, состоявшей изъ кровати, комода и нѣсколькихъ стульевъ и стола... Здѣсь онъ, когда былъ дома,—а выходилъ изъ дому онъ рѣдко,—проводилъ все время до обѣда, и послѣ обѣда часонъ до семи вечера. Отецъ мой, какъ извѣстно, чуть не боготворилъ его, ему была предоставлена полная свобода дѣйствій, и онъ цѣнилъ это и былъ очень доволенъ. Разъ даже разчувствовался до того, что сталъ благодарить отца, говоря: «Спасибо тебѣ, спасибо за все, большое спасибо!»... и тутъ же, улыбуясь, прибавилъ: «да вознаградишь тебя за все это—исторія!»... Мы съ сестрой частенько заходили къ нему по утрамъ и оставались у него подолгу. Онъ не стѣснялся нами, оставляя насъ сидѣть у него, только приказывалъ: «сидѣть смирно и не баловать». Мы и сидѣли—какъ будто насъ въ комнатѣ и не было. Это ему нравилось, онъ подходилъ къ намъ и гладилъ по головкамъ, раздобрившись говорилъ: «ну, поиграйте, дѣти!» и мы начинали рѣзвиться и шалить. Вообще въ домашней жизни, это былъ человекъ простой, добрый и снисходительный, но при всемъ томъ не чуждъ странности и эксцентричности: то онъ бывало ласкаетъ насъ и смѣется съ нами, то вдругъ надуется, нахмурится и тогда сиди и не дыши: не то возьметъ за ухо и выведетъ вонъ изъ комнаты. По утрамъ онъ не одѣвался, сидѣлъ до обѣда въ домашнемъ костюмѣ, т. е. просто въ сорочкѣ, съ надѣтой поверхъ шерстяной курткой. Куртку эту онъ носилъ даже лѣтомъ, не смотря на жаркую погоду. Вернувшись изъ Италіи, онъ сталъ слишкомъ чувствъ къ свѣрымъ вѣтрамъ и утренней прохладѣ. Нисалъ онъ, по крайней мѣрѣ, по утрамъ, когда мы у него бывали, (послѣ обѣда же онъ никого къ себѣ не допускалъ) очень мало. На столѣ у него мы никогда не видали такой груды всевозможныхъ бумагъ, какая лежала у отца въ кабинетѣ. Даже книгъ у него на виду было мало; свои рукописи и книги онъ берегъ подъ замкомъ, и вообще не любилъ, если прислуга, приходившая убирать его комнату, переставляла или переставляла что-нибудь изъ его вещей, находившихся на столѣ или на комодѣ. Странно было видѣть, намъ, дѣтямъ, что гениальный русскій писатель, какимъ считали у насъ въ домѣ Гоголя, могъ, проводить за вязаньемъ по цѣлымъ утрамъ на спицахъ разныхъ шерстяныхъ вещицъ, какъ то: ермолокъ, шарфиковъ и другихъ бездѣлушекъ, или же за вырѣзываньемъ изъ дре-

и я тутъ же набросалъ на клочки бумаги основные пункты условій. Когда мы ихъ прочитывали и дополняли двумя-тремя оговорками, пернулся домой и Дмитрій Михайловичъ. Это, какъ оказалось впоследствии, былъ простой и очень симпатичный человекъ, среднихъ лѣтъ, усѣбшій пожить и развиться до индифферентности ко всему. Онъ отнесся очень холодно къ условіямъ передачи газеты, какъ будто дѣло это его не касалось. Но когда Елизавета Ивановна заявила, что нужно сейчасъ же сходить въ контору сахарозаводчика Харитоненко, находившуюся по сосѣдству, и тамъ спросить по телефону Федора Пикифоровича: когда его можно видѣть?—онъ тотчасъ отправился, и чрезъ нѣсколько времени пернулся и сказалъ, что Плевако можетъ принять насъ завтра утромъ до 12 часовъ.

Я поднялся. Лавируя между загромадившими квартиру картинами, я не утерпѣлъ, чтобы не спросить Дмитрія Михайловича: «что это такое?».

— Это — картины и другія вещи изъ нашего древлехранилища,—отвѣчалъ совершенно равнодушно сынъ человека, положившаго въ это древлехранилище душу свою,—я перевезъ ихъ сюда, имѣя въ виду продать, да разобраться вотъ никакъ не можешь: она — и Дмитрій Михайловичъ кивнулъ головою на жену,—ничего не хочетъ дѣлать, прислуга ничего не знаетъ, а мнѣ некогда...

— Нѣтъ, нѣтъ!—перебила мужа Елизавета Ивановна:—онъ неправду говоритъ: это онъ ничего не хочетъ дѣлать, а мнѣ некогда...

— Нельзя ли полюбоваться на сокровища нашего древлехранилища? спросилъ я почтеннаго хозяина.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Дмитрій Михайловичъ:—но какъ это сдѣлать?... вѣдь это—хаосъ...

— Я подилять одинъ изъ близъ стоявшихъ портретовъ какого-то духовнаго лица, но онъ былъ покрытъ такимъ густымъ слоемъ пыли, что невозможно было опредѣлить: что это за лицо.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше оставьте до слѣдующаго раза, засуетился предупредительный хозяинъ, я уже распорядусь, чтобы все это привели въ порядокъ. А если хотите ознакомиться съ назначаемыми мною въ продажу картинами, я вамъ дамъ онѣсь. И онъ вынесъ мнѣ изъ слѣдующей комнаты листъ бумаги: на которой значились №№ и фамиліи лицъ, чьи были портреты. Протину нѣкоторыхъ портретовъ, какъ напр: А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, кн. П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, гр. Е. П. Ростопчиной

него шарики, которые или бросалъ въ кого-нибудь изъ сидящихъ за столомъ, преимущественно младшихъ членовъ семьи, или опускалъ въ стаканъ, или же оставлялъ у себя за приборомъ. Послѣ обѣда отецъ самъ собиралъ оставленные за приборомъ шарики и хранилъ, какъ какую-нибудь святыню, въ особомъ ящикѣ, въ одномъ изъ шкафовъ своего кабинета. Такихъ шариковъ собрано было 126, которые долго хранились, но куда потомъ дѣлись—уже не помню. Послѣ обѣда Николай Васильевичъ тотчасъ уходилъ въ свою комнату и запирался въ ней. Что онъ тамъ дѣлалъ, работалъ или спалъ—я не знаю, такъ какъ намъ строго было приказано: въ это время его отнюдь не беспокоить. Къ 7-ми часамъ вечера онъ сходилъ внизъ и гулялъ у насъ въ саду, а если погода неблагоприятствовала, то начиналъ ходить взадъ и впередъ по всей амфиладѣ комнатъ. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ туда и сюда, онъ подходилъ къ столу и вынималъ стаканъ холодной воды. Находясь до-сыта, отправлялся въ кабинетъ, гдѣ отецъ обыкновенно въ это время работалъ, и усаживался въ креслахъ. Если постороннихъ никого не было, сидѣлъ долго—часъ и больше, но ничего съ отцомъ не говорилъ. Однажды онъ вошелъ въ кабинетъ и опустился въ кресла, не снявъ съ головы шляпы. Старикъ покосился на него, и, не оставляя работы, спросилъ шутливо:

— Ну, что находишься?

— Я то находишься, а ты-то вотъ—написался ли? отвѣчала Гоголь.

— Да ты что-же шляпы то не снимаешь съ головы? перемѣнилъ вдругъ тему разговора отецъ.

— Передъ кѣмъ это? Передъ твоей исторіей что ли? съиронизировалъ Николай Васильевичъ.

— Передъ исторіей—не передъ исторіей, а передъ образами, отвѣтилъ старикъ.

— Передъ образами я всегда снимаю, отвѣчала уклончиво Гоголь, а вотъ передъ твоей исторіей—навѣрное ужъ не снялъ бы, потому что вся твоя исторія—ничто иное, какъ легенда или просто басня....

— Ну, ну, братъ, заврался! перебилъ его отецъ и медленно поднявшись съ мѣста, подошелъ къ нему, снялъ съ него шляпу и положилъ ее передъ нимъ, на столъ. «Вотъ такъ-то будетъ лучше!» проговорилъ онъ кратко, отошелъ къ своему столу и молча принялся за работу. Гоголь посидѣлъ послѣ того недолго и молча вышелъ

Но это не было размошкой между ними. Это было однимъ изъ характеристикъ мгновенныхъ вспышекъ каприза духа великаго писателя. Перинная чуткость и моментальная вспышчивость его были поразительны. На мой изглядъ онъ унодоблялся тогда мимозъ, которая при первомъ прикосновеніи къ ней свертывается и уходитъ въ самое себя. Когда къ намъ по вечерамъ прѣзжали гости, (а любопытныхъ посмотреть на автора «Мертвыхъ душъ», или поговорить съ нимъ было не мало), Николай Васильевичъ заботился куда-нибудь въ уголокъ, нахмуривался и говорилъ очень мало, прѣстаній съ участіемъ и предложеній услугъ не любилъ, вмѣсто отпѣтовъ, цѣдилъ сквозь зубы какія-то фразы и старался при первой возможности, подъ какою-нибудь благовидною предловою, уйти къ себѣ въ мезонинъ. Когда же собирався извѣстный небольшой кружокъ людей близкихъ, Гоголь какъ будто преображался, ия его мнительность и напускная мизантропія исчезала, и онъ становился несерьезъ и пріятель: разговаривалъ, шутилъ и смѣялся. Даже, я помню, раза два читалъ что то изъ своихъ новыхъ сочиненій. Ну, конечно, тогда у насъ были праздники, и отецъ, выходя изъ кабинета, потиралъ руки и говорилъ: «Ну, слава Богу! развеселился, наконецъ»... Въ все, что я въ настоящую минуту могу припомнить о жизни великаго писателя въ нашихъ, какъ вы выражаетесь, дѣйствительныхъ налестинахъ.

— А не было ли у Гоголя, во время проживанія въ вашемъ домѣ, какихъ-либо выдающихся случаевъ, скрашивающихъ или отягчающихъ порою жизнь?

— Правю, я затрудняюсь разрѣшеніемъ подобнаго вопроса, отвѣчалъ уклончиво Дмитрій Михайловичъ, нужно припомнить, а съ разу какъ-то трудно.

— Ну, что-нибудь изъ первыхъ, пришедшихъ на память, случаевъ.

— Въ деньгахъ Николай Васильевичъ постоянно нуждался, такъ какъ продажа его сочиненій, шла не много. Сколько разъ онъ обѣщалъ мнѣ и сестрѣ привезти гостинцевъ, купить игрушекъ или книжекъ, но всякій разъ, когда мы напоминали ему объ его обѣщаніи, отговаривался неимѣніемъ денегъ: «подождите, дѣти,—убѣждалъ онъ насъ, глядя по головкамъ:—скоро разбогачю я, тогда всего накуплю вамъ». И дѣйствительно, однажды онъ привезъ намъ подарокъ, позвалъ насъ и, смѣясь, далъ какой-то свертокъ: «нате, сказалъ, снесите къ отцу и покажите!...» Отецъ развязалъ, по-

смотрѣлъ и спряталъ къ себѣ въ шкафъ. Что это былъ за подарокъ—я не знаю, только намъ строго на строго было приказано: никакихъ гостинцевъ у Николая Васильевича не просить. Мы заплакались и нѣсколько дней не были по утрамъ у него въ комнатѣ. Тогда онъ, при первой же поѣздкѣ въ городъ, купилъ мнѣ маленькое ружьецо, а сестрѣ—сѣтку для ловли бабочекъ, и на другой день утромъ пошелъ съ нами въ садъ, училъ меня стрѣлять, а съ сестрой бѣгалъ по лужкамъ за бабочками. Но это было только одинъ разъ, и больше мы его дозваться въ садъ для игры съ нами ни коимъ образомъ не могли.

— А случается, нѣтъ ли какихъ-либо общественное значеніе не было?

— Были, какъ не быть,—непрестанно были, но, повторю, все-го-то сразу мнѣ не припомнить,—уклонился отъ разсказа Дмитрій Михайловичъ,—Боже дастъ будемъ встрѣчаться, тогда я кое-что припомню и сообщу вамъ. Впрочемъ, сегодня, *pour la bonne bouche*, я разскажу вамъ, какъ Николай Васильевичъ справлялъ у насъ въ домѣ свои именины, которые онъ праздновалъ на лѣтнего Николу, 9 Мая. У него въ Москвѣ, какъ извѣстно, было большое знакомство. Нѣкоторые дома своихъ знакомыхъ онъ посѣщалъ, хотя и не часто, но самъ, за весьма рѣдкими исключеніями, никого не принималъ. Если кому нужно было видѣть его,—прѣзжали къ намъ, и у насъ съ нимъ видѣлись, у насъ, конечно, пили чай или обѣдали, но Гоголь, по скупости, или немѣткою средствъ, никого ничѣмъ не угощалъ. Поэтому, въ день своихъ именинъ онъ считалъ долгомъ задать пиръ, по пословицѣ, на весь міръ, чтобы сугубо отплатить друзьямъ за ихъ постоянное радушіе. На именины приглашались всѣ, кто состоялъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Перечислять ихъ всѣхъ я не стану, да и не могу, потому что это былъ все московское ученое, литературное и художественное *société* того времени, въ лицѣ наиболѣе выдающихся его представителей, конечно, одного съ авторомъ «Мертвыхъ душъ» направленія или сочувствовавшихъ ему. Приготовленія къ этому пиру обыкновенно начинались за долго до пируества. Главнѣйшее же заботой при этомъ для Николая Васильевича были меню обѣда и вина. Для составленія перваго онъ приглашалъ къ себѣ на совѣтъ нашего повара Семена, но имъ обыкновенно оставался не доволенъ, и ѣхалъ на совѣтъ къ повару англійскаго клуба Басанину, или къ повару купеческаго клуба Порфирью. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, меню

того или другого утверждалось, но готовить приглашался Порфирій, такъ какъ онъ умѣлъ стряпать всѣ малороссійскія яства и цѣны бралъ, противу Басанина, меньшія. Затѣмъ начинались хлопоты съ винами. Гоголь отправлялся къ виноторговцамъ, выбиралъ, прицѣплялся и соображалъ, но толку изъ этого не выходило. Отецъ мой, видя это, предлагалъ свои услуги, приказывалъ Дебре прислать нужное количество вина человѣкъ на шестьдесятъ, и дѣло устранивалось. Гоголь во все это, предшествовавшее пиршеству время находился въ сильномъ возбужденіи и постоянно волновался. Онъ составлялъ и дополнялъ списки приглашенныхъ лицъ, разсылалъ письма, записки, оповѣщенія, и заботился, чтобы всѣ близкіе къ нему люди получили приглашеніе и собрались именно къ обѣду—этому кульминаціонному пункту праздника. Онъ очень огорчался, когда узнавалъ, что тотъ или другой изъ его друзей, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не можетъ быть у него на именинахъ или же когда погода не особенно благоприятствовала предположенному дню празднику. Тогда, казалось, онъ былъ мученикъ и въ домѣ не давалъ никому покоя. Отецъ, обращавшійся съ нимъ какъ съ ребенкомъ, всегда снисходительно и терпѣливо снисходилъ къ его капризамъ. Но слушая подобное нытье, выходилъ изъ себя, оставлялъ работу и серьезно начиналъ просить его: «Оставь ты меня, пожалуйста, въ покоѣ, иѣдь ты мѣшаешь мнѣ работать».

— Я вижу, восклицалъ обиженно Гоголь, что исторія тебѣ дороже меня!..

Тогда отецъ повертывался къ нему лицомъ, внимательно выслушивалъ всѣ его жалобы и заявленія и, разговоривъ и успокоивъ его, выпроваживалъ изъ кабинета въ садъ или въ другія комнаты дома. Тамъ Николай Васильевичъ уже деспотствовалъ, приставая съ разными вопросами ко всѣмъ встрѣчавшимся ему, нашимъ домашнимъ и прислугѣ. Одного онъ допрашивалъ на счетъ тарелокъ, рюмокъ, ножей и салфетокъ; другого—о количествѣ пива и воды, потребной для кучеровъ и прислуги гостей, третьяго—о томъ, всѣ ли заправлены лампы и свѣчи. Мы, дѣти, тоже привлекались къ совѣту. Насъ онъ спрашивалъ: какія игры и гдѣ мы думаемъ устроить для другихъ дѣтей послѣ обѣда, серьезно обсуждалъ и оспаривалъ насъ, пока мы во всемъ не подчинялись его мнѣнію. Когда же наступалъ заветный день, онъ съ раняго утра былъ уже на ногахъ. Принять обычныя поздравленія, нашъ именинникъ шелъ по хозяйству,—осматривалъ, устранивалъ и суетился. Затѣмъ вы-

ходилъ въ садъ, смотрѣлъ на небо, повѣрялъ барометръ, вздыхалъ при появленіи каждой маленькой тучки и, всёмъ надобѣвъ, усаживался въ кабинетъ въ кресла и замолкалъ. Гости въ Москвѣ, по обыкновенію, собираются рано, кромѣ, конечно, корчащихъ изъ себя аристократію, которые желая выдѣлаться изъ толпы, пріѣзжаютъ не иначе, какъ передъ самымъ обѣдомъ. Поэтому въ день именинъ Николая Васильевича, наплывъ гостей начинался обыкновенно еще до полудня. (И болѣе помню послѣдніе его именины). Одѣтый въ новую пару, веселый и довольный, именинникъ принималъ поздравленія въ кабинетѣ; затѣмъ онъ съ гостями выходилъ въ залу къ молебну, который совершалъ у насъ въ домѣ наитъ приходскій священникъ, отецъ Іоаннъ; послѣ молебствія всё шло къ завтраку, а вскорѣ начинался и самый обѣдъ. Обѣдали, впрочемъ, на два стола: одинъ накрывался въ большой липовой аллеѣ сада, за который садилась любители ранней весенней свѣжести и прохлады, а другой— въ столовой, гдѣ помышлялись люди болѣе солидныхъ лѣтъ, боявшіеся простуды, или предвѣщая несны недоувереніе. Гости собирались человекъ 60 или 70 не менѣе. Фамилій ихъ всѣхъ я, конечно, припомнить не могу, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что трапезу съ именинникомъ раздѣляло большинство его друзей. Были С. Т. и К. С. Аксаковы, С. П. Шевыревъ, М. С. Щенкинъ, П. М. Садовскій, Н. Ф. Павловъ, Н. В. Бертъ, Ю. П. Баргневъ, В. П. Живокини, Д. Т. Ленскій, А. О. Вельтманъ, О. П. Лорданъ, Н. А. Мельгуновъ и другіе—всѣхъ не перечешишь. Обѣды были, какъ всѣ именинные обѣды, шумны и радостны, но особенностей ихъ я разсказать не могу, такъ какъ, мы дѣти, за большимъ столомъ не сидѣли. Послѣ обѣда варили жженку, приносили еще вина, подавали малороссійскія наливки и варенуху,—и гости дѣйствительно веселились на славу. Разговаривали, шутили, смѣялись, пѣли пѣсни, играли въ горѣлки и въ ланту. Актеръ Садовскій, я помню по просьбѣ именинника, разсказалъ послѣ обѣда два-три разсказа о Нанодесонѣ Бованарте о капитанѣ Коуѣйкинѣ, о хитломъ мужичкѣ, у котораго въ ушахъ «муха жужжитъ». Это былъ неподражаемый разсказчикъ, не то, что вашъ П. О. Горбуновъ, который каррикатуритъ мужика однимъ горломъ. У того былъ жестъ, мизика, выраженіе глазъ, вибрація голоса. Все это декорировало разсказы и увлекало слушателя. Поэтому оживленіе гостей съ каждымъ разсказомъ возрастало болѣе и болѣе и завершалось, наконецъ, всеобщими рукоплесканіями. Читали и другіе, но кто именно—

Но это не было размоливкой между ними. Это было однимъ изъ характеристичныхъ мгновенныхъ всплескъ каприза духа великаго писателя. Первая чуткость и моментальная вспыльчивость его были поразительны. На мой изглядъ онъ унодоблялся тогда мнѣмъ, которая при первомъ прикосновеніи къ ней свертывается и уходитъ изъ самое себя. Когда къ намъ по вечерамъ прѣзжали гости, (а любопытныхъ посмотреть на автора «Мертвыхъ душъ», или поговорить съ нимъ было не мало), Николай Васильевичъ забирался куда-нибудь въ уголъ, нахмуривался и говорилъ очень мало, приставаивъ съ участіемъ и предложеній услугъ не любилъ, вмѣсто отвѣтовъ, цѣдилъ сквозь зубы какія-то фразы и старался при первой возможности, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, уйти къ себѣ въ мезонинъ. Когда же собирался извѣстный небольшой кружокъ людей близкихъ, Гоголь какъ будто преображался, вся его мнительность и напускная мизантропія исчезала, и онъ становился веселъ и пріятель: разговаривалъ, шутилъ и сѣлся. Даже, я помню, раза два читалъ что то изъ своихъ новыхъ сочиненій. Ну, конечно, тогда у насъ были праздники, и отецъ, выходя изъ кабинета, потиралъ руки и говорилъ: «Ну, слава Богу! развеселился, наконецъ!»... Въ все, что я въ настоящую минуту могу припомнить о жизни великаго писателя въ вашихъ, какъ вы выразились, дѣвичьихъ налестинахъ.

— А не было ли у Гоголя, во время проживанія въ вашемъ домѣ, какихъ-либо выдающихся случаевъ, скрашивающихъ или отягчающихъ порою жизнь?

— Право, я затрудняюсь разрѣшеніемъ подобнаго вопроса, отвѣчалъ уклончиво Дмитрій Михайловичъ, нужно припомнить, а съ разу какъ-то трудно.

— Ну, что-нибудь изъ первыхъ, пришедшихъ на память, случаевъ.

— Въ деньгахъ Николай Васильевичъ постоянно нуждался, такъ какъ продажа его сочиненій, шла не много. Сколько разъ онъ общалъ мнѣ и сестрѣ привезти гостинцевъ, купить игрушекъ или книжечекъ, но всякій разъ, когда мы напоминали ему объ его общаніи, отоварился цѣптаніемъ денегъ: «подождите, дѣти,—убѣждалъ онъ насъ, глядя по головкамъ:—скоро разбогатею я, тогда всего накуплю вамъ». И дѣйствительно, однажды онъ привезъ намъ подарокъ, позвалъ насъ и, сѣясь, далъ какой-то свертокъ: «нате, сказали, снесите къ отцу и покажите!...» Отецъ развязалъ, по-

— Благодарю насъ дорогой гость, за вашу любезный рассказъ, я его напечатаю.

— Очень радъ, что могъ услужить вамъ. А пока до свиданія.

— До свиданія.

На другой день, утромъ часовъ въ 9-ть я заѣхалъ за Елизаветой Ивановной, и мы отправились къ ея замѣтителю по изданію, Федору Никифоровичу Плевако, проживавшему въ то время, по желанію, какъ говорили, властей, за Тверской заставой, на шоссе. Онъ занималъ тамъ небольшой, деревянный, одноэтажный по дворъ особнячокъ съ мезониномъ, обыкновенной старобарской постройки, на видъ довольно ветхій, но внутри просторный и помѣстительный. Войдя въ пріемное зало, мы были приняты однимъ изъ его помощниковъ, который, узнавъ отъ Елизаветы Ивановны, что мы пріѣхали по приглашенію Федора Никифоровича, тотчасъ же пошелъ доложить ему и онъ чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ намъ. Это былъ низкій, сытый мужчина съ полнымъ раздѣрваннымъ лицомъ, съблужающиеся хитрыми глазами и авторитетными манерами. Онъ разсыпался въ любезности передъ Елизаветой Ивановной, добродушно пожалъ мнѣ руку, переконился двумя-тремя обычными ходячими фразами и потащилъ насъ въ гостинную, куда вышла довольно полная, бальзаковского типа дама среднихъ лѣтъ, съ довольно милонидной, но уже помойтой физиономіей купеческой складки, и пригласила насъ къ приготовленному уже ея утреннему кофе. Пока дамы вели свои хозяйственно-дамскіе разговоры, мы съ Федоромъ Никифоровичемъ отошли въ сторону. Я передалъ ему условіе, на основаніи котораго г-жа Погодина изъявила согласіе продать мнѣ право на изданіе газеты «Жизнь». Онъ прочиталъ его со вниманіемъ, и сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противу подобной передачи. Относительно полученія свидѣній о числѣ подписчиковъ и вообще о состояніи хозяйственной части изданія онъ просилъ меня обратиться къ секретарю газеты Стриженскому, которому онъ обѣщалъ тотчасъ же сообщить по телефону. Я обратилъ его вниманіе на то, что мнѣ, согласно условію, нужно будетъ получить подписныя деньги по числу подписчиковъ, со дня прекращенія выпуска нумеровъ газеты, что составить порядочную сумму. Онъ отвѣтилъ, что исполнить всѣ свои обязательства по отношенію г. Погодиной, но чтобы ихъ выяснить, ему нужно получить отъ секретаря и конторы редакціи расчетъ, по повѣркѣ котораго онъ дастъ окончательный отвѣтъ, почему и просилъ пріѣхать къ нему

денька чрезъ два. На этомъ мы и порѣшили. Елизавета Ивановна была очень рада, узнать, что дѣло идетъ на ладъ, она во время поѣздки выразила было сомнѣніе въ возможности визита г. Плевако подписанныхъ денегъ по расчету теперь же, такъ какъ она слышала, что у него въ настоящее время денегъ совсѣмъ нѣтъ. «Иначе бы онъ не остановилъ газету», завершила она разговоръ въ видѣ доказательства. Я не возражалъ ей тогда, и теперь молча пилъ предложенный мнѣ кофе. Кто такая была дама, хозяйствовавшая у Федора Никифоровича, я не зналъ, потому, что меня ей представили, а ее мнѣ не назвали. Думаю, что это, была та знаменитая кутиха-милліонерша, которая въслѣдствіи отказала все свое состояніе на дѣло благотворенія, а г. Плевако назначила душеникацикомъ. Но навѣрное сказать не могу, такъ какъ въ суетѣ забывалъ спросить объ этомъ Елизавету Ивановну. Окончивъ кофе, мы распрощались, условившись пріѣхать опять къ Федору Никифоровичу чрезъ день. Едочкинъ Ивановна поѣхала на извозчикѣ домой, а я по конкѣ въ Охотный рядъ, гдѣ въ гостиницѣ проживалъ тогда секретарь редакціи газеты «Жизнь» Николай Александровичъ Стриженскій. Онъ ожидалъ уже меня и встрѣтилъ очень любезно.

— Я вчера узналъ, сказали онъ мнѣ, отъ Елизаветы Ивановны, что вы желаете пріобрѣсти газету «Жизнь» и приготовилъ свѣдѣніе о подписчикахъ. Неудобно ли взглянуть.

Присѣвъ къ столу, мы дружескіе побесѣдовали. Онъ разсказалъ мнѣ о положеніи дѣлъ редакціи и просилъ меня сохранить за нимъ, хотя на первое время, мѣсто секретаря. Я обнадежилъ его. Что же касается оклада жалованья, который онъ получалъ, то я сказалъ, что объ этомъ мы поговоримъ, когда дѣло окончательно устроится. Подписчиковъ на газету оказалось: годовыхъ 656, полугодныхъ 149 и занесенныхъ въ полугодные позднѣйшей подписки на нѣсколько мѣсяцевъ 155, всего 960 персонъ. Общая сумма подписки при 5 рублѣхъ годовой и 2 р. 75 к. полугодовой платы, опредѣлялась въ 1113 рублей. Изъ этой суммы причиталось издателю по день приостановки выпуска номеровъ газеты, по 21 марта за 80 дней, 915 р., остальные же 3198 р., подлежали передачѣ новому владѣльцу газеты, для удовольствія подписчиковъ въ 1885 году. Стриженскій заявилъ, что въ кассѣ денегъ нѣтъ, такъ какъ вся подписная сумма израсходована еще въ началѣ года, и Федоръ Никифоровичъ въ послѣднее время затрачивалъ на газету свои деньги.

— Какъ же быть?—спросилъ я его,—обязанъ ли Плевако возвратить эти деньги, или же они должны быть возвращены Погодиной?

— Сколько мнѣ извѣстно изъ дѣла, отвѣчалъ Стриженскій, Ѳеодоръ Никифоровичъ былъ хозяиномъ дѣла, слѣдовательно онъ и долженъ возвратить недостачу подписныхъ денегъ. Но я письменныхъ договоровъ ихъ съ Е. И. Погодиной не знаю.

— Чей залогъ лежитъ въ главномъ управленіи по газетѣ?

— Числится за Погодиной, но чьи именно внесены ею деньги—не знаю.

— Чья обстановка редакціи и конторы, и сколько на это затрачено?

— Обстановка вся г-жи Погодиной, но старая и не важная. Цѣны ей я не знаю, но на мой взглядъ, если принять ее всю въ ста рублѣхъ, то г-жа Погодина въ общѣе не будетъ.

Отправившись затѣмъ въ большой Московскій трактиръ позавтракать, я встрѣтился тамъ съ Ѳ. П. Плевако, который, отправляясь въ судъ, на защиту, заѣхалъ въ трактиръ съ своей дамой, «перекусить, какъ онъ самъ выразился, чего-нибудь легонькаго». Онъ подошелъ къ моему столу и сталъ разспрашивать о моихъ предположеніяхъ по изданію газеты. Главнѣйшимъ же образомъ это интересовало вопросъ: можетъ ли онъ по прежнему участвовать въ газетѣ такъ же свободно, какъ и прежде. Конечно, мнѣ ничего не оставалось болѣе отвѣтить, какъ только то, что я почти за особую честь имѣть въ газетѣ такого руководителя, какъ Ѳеодоръ Никифоровичъ; но если онъ пожелаетъ получать слишкомъ большой гонораръ, то онъ можетъ поставить меня въ затрудненіе, такъ какъ я вообще большими средствами не обладаю.

— Ну, мы съ вами въ этомъ отношеніи, вѣроятно, сойдемся, разсуждалъ знаменитый московскій юристъ и ораторъ, такъ какъ я не знаю еще, какъ мы съ вами расчитаемся при передачѣ газеты.

Я хотѣлъ было показать ему изятый у Стриженскаго расчетъ и спросить его: можетъ ли онъ уплатить при передачѣ газеты деньги? Но онъ, какъ будто предугадывая подобный вопросъ, живо поднялся съ дивана, извинился, что онъ торопится въ судъ и, пожавъ мнѣ руку, покровительственно замѣтилъ, что мы, вѣроятно, скоро увидимся. Я напомнилъ ему, что мы обѣщались быть у него черезъ день, и онъ, кивнувши мнѣ головой въ знакъ согласія, перекочевалъ къ своей дамѣ.

Въ назначенное время мы съ Елизаветой Ивановной сѣдали

теперь уже не помню. Читалъ даже, какъ-то разъ и самъ имен-
ниньякъ. Читалъ онъ какой-то отрывокъ изъ своихъ сочиненій,
но какой именно — сказать вамъ не могу, потому, что тогда я
не зналъ еще его сочиненій. Да говоря откровенно, я и интересо-
вался только обстановкаю и процедурою чтенія. Помню я, что Нико-
лай Васильевичъ читалъ уже вечеромъ, у отца въ кабинетѣ, при
свѣчахъ. Видимо онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа и читалъ
хотя не особенно громко, но съ одушевленіемъ. Въ кабинетѣ царилъ
въ это время мертвая тишина. Гости сидѣли и стояли груп-
пами вокругъ стола, за которымъ читалъ Гоголь, въ нѣсколько
рядовъ. Обаяніе чтенія было настолько сильно, что присутствую-
щіе сидѣли и стояли на мѣстахъ, задерживая въ себѣ дыханіе и
боясь помешаться, что-бы не проронить изъ него ни одного слова,
не упустить ни одного штриха, ни одной интонаціи, отбѣившихъ
рельефы мастерской бѣды-чтенія автора—чтеца. Когда послѣд-
няя фраза была сказана, Николай Васильевичъ быстро окинулъ
взоромъ общество, захлопнулъ весело книгу, вскочилъ съ мѣста и
выбѣжалъ изъ комнаты. Слушатели кинулись за нимъ толпою и
проводили его шумными криками: браво и громкими рукоплеска-
ніями. Провѣ Михайловичъ догналъ Гоголя въ саду, обнялъ и рас-
цѣловалъ его, говоря: «да, братъ, это не то, что «муха жуужить».
Вотъ вамъ одинъ изъ эпизодовъ жизни великаго писателя, имѣю-
щихъ общественное значеніе, но на этомъ сегодня, съ вашего позво-
ленія, я окончу, такъ какъ мнѣ пора домой, да на-первыхъ ви-
зитахъ вообще, кажется, и не заслуживаются.

Я горячо поблагодарилъ Дмитрія Михайловича за его лю-
безный интересный рассказъ и спросилъ:

— А почему бы вамъ не описать все это подъ видомъ воспо-
минаній? И купилъ бы ихъ у васъ для «Жизни». Намъ, если дѣло
у насъ сойдется, нужно давать въ газетѣ болѣе интересные мате-
ріалы, чтобы поставить газету на подлежащее ей мѣсто.

— Я уже думалъ объ этомъ, да все вотъ мое нездоровье
мѣшаетъ мнѣ приняться за дѣло. Конечно, если поправлюсь, я вамъ
кое-что напишу, а если не поправлюсь, то буду рассказывать: пи-
шите ужъ сами.

— Такъ я могу нынѣшнимъ рассказомъ воспользоваться?

— Ну, это, конечно, мелочь, я попрошу васъ принять его отъ
меня въ подарокъ. Если же я вздумаю писать «вспоминанія», то
у меня матеріалу масса. Есть изъ чего выбрать много хорошаго.

Отказываться было не ловко, и мы отправились. Дмитрій Михайловичъ ожидалъ насъ съ большимъ нетерпѣніемъ и, конечно, былъ очень радъ, узнавъ, что дѣло кончено и подписано.

— Ну, вотъ, ну, вотъ,—онъ радовался съ наивностью малого ребенка,—мы, наконецъ, хоть будемъ жить покойнѣе; а то, вѣрите ли, съ погъ сбѣлись, ни толку, ни порядку, ни денегъ! Это не газета была у насъ, а какая-то язва!.. Жилы все вытянула, измучила совѣсть: ничто неспрiятности, завтра неспрiятность—просто хоть ложись да умирай!

— Ну, что ты обезкураживаешь Петра Косыича! взметнулась на мужа Елизавета Ивановича:—вѣдь дѣло еще не кончено совѣсть, онъ можетъ раздумать и отказаться. Пойдемте лучше за столъ.

— Я не откажусь отъ газеты, отиѣчалъ я, идя къ столу, потому что къ работѣ и неспрiятностямъ привыкъ. Но какъ это Дмитрій Михайловичъ собирается жить покойнѣе: вѣдь онъ остается у меня редакторомъ?

— Ну, какой я буду у насъ редакторъ, шутили развеселившійся хозяинъ, усаживаясь за столъ—вы берете меня только для блезиру. Вся моя работа будетъ заключаться въ одномъ—получать отъ насъ жалованье, да развѣ еще наградныя.

Обѣдъ былъ самый простой. Подали сперва супъ, потомъ кусокъ жаренаго мяса, а для десерта Елизавета Ивановна вынула изъ шкафа три апельсина. Послѣ обѣда устѣлись за кофе. Хозяинка пыталась было завести рѣчь о хозяйственныхъ расчетахъ по редакціи, но я попросилъ ее отложить этотъ разговоръ до завтра, когда дѣло окончательно будетъ устроено. Мнѣ хотѣлось извлечь что-нибудь изъ запаса памяти Дмитрія Михайловича, и я попросилъ его разсказать мнѣ что-нибудь изъ его дѣтскихъ воспоминаній о жизни въ «дѣвичьихъ палестинахъ».

— Да что-же я вамъ разскажу? погрузился въ раздумье хозяинъ.—знакомство у насъ было такое обширное, что я, право, не знаю даже, чтобы разсказать вамъ неинтереснѣе?

— Все равно, что прійдетъ въ голову, то и разскажите; ну, хоть о комъ-нибудь изъ славянофиловъ?

— Сознаюсь откровенно, отозвался съ улыбкой Дмитрій Михайловичъ, для меня было бы гораздо прiятнѣе, если бы мы пошли теперь немножко пройтись: погода такая великолепная, а утро я все просидѣлъ дома. Пойдемте-ка!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

II, поблагодаривъ хозяйку за любезный пріемъ и угощеніе, я сказалъ ей, что завтра въ 11 ч. утра я заѣду, чтобы отправиться къ нотаріусу. Затѣмъ мы съ хозяиномъ одѣлись и вышли изъ дому.

— Куда же пойдѣмъ? спросилъ я Дмитрія Михайловича, выйдя на улицу.

— Да пойдѣте въ Александровскій садъ. (Погодины въ то время жили на набережной близъ Каменнаго моста).

— Пойдѣте!

— Вотъ вы заинтересовались славянофилами—началъ дорогою разговоръ почтенный мой сотоварищъ,—а знаете ли что, славянофилы—солъ русской земли, могучіе богатыри всей великой нашей отчизны, о нихъ нельзя разсказывать анекдоты, о нихъ можно дать вѣнческій разсказъ, героическую повѣсть, дивное сказаніе. Это—были люди не отъ міра сего, апостолы великихъ идей, благодѣйствовавшіе непонимающимъ ихъ язычникамъ, гонимые ими и кончавшіе жизни, преслѣдуемые злымъ рокомъ до конца. Знаете-ли вы, что Константинъ Аксаковъ, любимый болѣе всего на свѣтѣ Россію, умеръ на чужой сторонѣ (на островѣ Занте, куда его послали врачи); что онъ, боготворившій свой родной русскій языкъ, умирая долженъ былъ неповѣдываться и читать запричастныя и предсмертныя молитвы на французскомъ языкѣ (неповѣдывавшій его священникъ-грекъ никакого иностраннаго языка, кромѣ французскаго не зналъ). Ю. Ө. Самаринъ умеръ среди пѣлнсъ, съ которыми онъ всю жизнь поевалъ. Можетъ ли что-нибудь быть убійственнымъ этого для людей, посвятившихъ всю жизнь на служеніе дорогой своей родины? Пѣтъ, я не могу, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, говорить о славянофилахъ. Отецъ мой былъ, какъ вы знаете, славянофилъ до мозга костей и онъ завѣщалъ мнѣ не призывать всуе и не профанировать славянскій идеалъ.

Въ это время мы проходили нижнимъ Кремлевскимъ садомъ, я предложилъ Дмитрію Михайловичу пристѣть на скамейку.

— Пѣтъ, пойдѣте дальше, въ большомъ саду, я покажу вамъ скамейку, гдѣ покойный отецъ мой плакалъ.

Пришли въ большой садъ и близъ выхода изъ сада на Пушкинскую, откуда видѣть фасъ университетскихъ зданій, съ правой стороны дорожки онъ указалъ мнѣ на погодичскую скамейку.

— Вотъ здѣсь, — проговорилъ онъ съ чувствомъ, на сей скамѣ, отецъ мой часто сидѣвалъ и не разъ плакалъ, обращая взоры къ университетской церкви, когда ему приходилось бѣдъ

ствовать, будучи студентомъ, и страдать, сдѣлавшись профессоромъ и ученымъ, плакать онъ здѣсь и со мною, когда потерялъ мою мать... И знаете ли, я самъ плакалъ здѣсь, когда подавляла меня болѣзнь и немошь безсилія, когда сердце рвалось на части вслѣдствіе сознанія тщетности борьбы... Впрочемъ, это очень грустный мотивъ для бесѣды: пойдемте, пройдемтесь.

— Не лучше ли зайти въ «Компанейскую» попить чайку «подъ машинной?»

— Пожалуй, только сперва пройдемтесь немножко.

И мы промчались два раза по большой аллѣ, Дмитрій Михайловичъ молчалъ, явно его томилъ какая-то грустная дума, а я не хотѣлъ прерывать ее. Впрочемъ, прекрасная погода и свѣжесть вѣтринно вечера скоро покліяли на расположение духа моего сопутника, и онъ, размявшись, сказалъ весело:

— Ну, чтожъ, теперь можно, пожалуй, пойти и «подъ машину».

Но попасть «подъ машинку» намъ не удалось: въ «Компанейской» какъ на грѣхъ, всѣ столы въ большомъ залѣ были заняты. Но неволь пришлось ограничиться мѣстомъ въ отдаленной угловой комнатѣ и заняться разговорами.

— Не можете ли вы, Дмитрій Михайловичъ, сказать мнѣ, спросилъ я моего собесѣдника, разливая поданный съ московскими принадлежностями чай, что подвигнуло Н. В. Гоголя такъ рѣзко перемѣнить направленіе мыслей, въ послѣдній періодъ его дѣятельности, и сдѣлаться мистикомъ и проповѣдникомъ клерикализма?

— Признаться, я никогда не интересовался подобнымъ изслѣдованіемъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Дмитрій Михайловичъ, но думаю, что вліяло на него всего болѣе духовенство. Не смотря на то, что Николай Васильевичъ жилъ у насъ совершенно изолированно, и, какъ я уже говорилъ вамъ, гостей у себя никогда не принималъ, духовенству доступъ къ нему былъ всегда открытъ. Помню, подъ конецъ его послѣдняго пребыванія у насъ въ домъ, нѣсколько священниковъ посѣщало его и онъ любилъ бесѣдовать съ ними по долгу. У него бывали: нашъ мѣстный приходскій священникъ, добродушный и весьма религіозный отецъ Іоаннъ, знаменитый проповѣдникъ изъ Твери отецъ Матвій, о которомъ Гоголь отзывался съ большимъ уваженіемъ, какой-то соборный изъ Кремля савеларій, имени его не помню, ходили два монаха изъ Чудова монастыря и какой-то странникъ - грекъ съ Афона. Отецъ косился на это

и даже выговаривалъ не разъ Гоголю, но мать моя покровительствовала его приемамъ духовенства, и поэтому отцы духовные старались попадать къ нашему отшельнику въ такіе часы дня, когда отецъ былъ въ отсутствіи. И Николай Васильевичъ посылался потомъ надъ отцомъ и поддразнивалъ его:

— А у меня опять поны были, о твоёмъ здоровьи осѣдомлялись, просили кланяться. Жалуются, что ты мало жертвуешь ничь...

— Ну, ужъ ты оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ, перебивалъ его отецъ и углублялся въ свои лѣтписи.

— Исторія для тебя, конечно, важнѣе религій, продолжалъ нилить его Гоголь, ходя изъ угла въ уголъ по кабинету.

Но отецъ, по обыкновенію, молчалъ, и только перо его успешнѣй начинало скрипеть по бумагѣ. Больше объ этомъ я вамъ сказать ничего не могу, что бы не наврять по пустому. Впрочемъ, припоминался мнѣ отиѣтъ Гоголя извѣстной поэтессѣ, графинѣ Ростопчиной, которая, будучи у насъ на вечерѣ, когда А. Н. Островскій читалъ въ первый разъ свою комедію «Банкрутъ», (перенесенную впоследствии въ «Свои люди-сочтемся»), по окончаніи чтенія, подошла къ Николаю Васильевичу и спросила его: «отчего онъ сдѣлался такимъ отшельникомъ-бирюкомъ и не бываетъ у ней?»

— Зачѣмъ? прощадить сквозь зубы сконфуженный авторъ «Мертвыхъ душъ»,—я не понимаю васъ, вы не понимаете меня; я чуждъ циклу вашихъ идей, вы—моему»... Это были слова «бирюка-отшельника», но проповѣдникъ еще формировался.

Бесѣда сдѣлалась оживленнѣе. Я спросилъ Дмитрія Михайловича разсказать мнѣ что-нибудь объ этомъ вечерѣ.

— Вечеръ—какъ вечеръ, самый обыкновенный, у насъ не разъ бывали такіе вечера, началъ онъ рѣчь свою, прихлѣбывая глотками изъ стакана чай съ московскими принадлежностями; но онъ былъ чреватъ послѣдствіями: Островскій, послѣ чтенія, получилъ громадную извѣстность; піестъ, запрещенной цензурой, нехлопотали разрѣшеніе, а поэтесса графиня Ростопчина, жившая до того времени обыкновенной великосибирской жизнью, начала устраивать у себя въ домѣ литературныя чтенія и музыкальные вечера. Въ сущности, вечеръ этотъ, дѣйствительно, вышелъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ, какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по составу собравшагося на немъ общества. Тутъ было все, что считалось тогда солью литературныхъ и артистическихъ московскихъ кружковъ: старые славянофилы, молодая редакция «Москвитинина», независимые и

безпринципные, или, как называли их тогда: «цыганы». Приказною служила неразрѣшенная цензурой къ печати комедія Островскаго «Банкрутъ». Александръ Николаевичъ, только что начавшій тогда свою писательскую миссію, написалъ новую піесу, въ которой мастерскими штрихами очертилъ неизвѣстный еще въ то время массѣ публики, купеческій бытъ и его своеобразные взгляды, нравы и дѣятельность. Цензура наложила на нее свое veto и въ обществѣ заговорили объ ней. Мой отецъ, какъ извѣстно, всегда старавшійся подать руку помощи заявившему себя чѣмъ-нибудь таланту, сочувственно отнесся къ затруднительному положенію молодого автора и устроилъ вечеръ для прочтенія подвергшейся запрещенію комедіи, на который и была приглашена вся бывавшая у него интеллигенція Москвы. Это было, если не ошибаюсь, въ 1849 году, на масляной недѣлѣ. Чтобы затуманить истинный поводъ приглашенія, устроены были блины, чтеніе же устроилось какъ бы случайно, послѣ масляничной трапезы. Чтеніе происходило у отца въ кабинетѣ. Въ углу, полъ окнами, за столомъ, читали: мужскія роли—актеръ Садовскій, а женскія—самъ авторъ. Нужно ли говорить, что это было за чтеніе, вы, безъ сомнѣнія, обоимъ чтецовъ слышали. Всѣ акты были прослушаны собравшимся обществомъ съ полнымъ вниманіемъ; казалось, что это были не слушатели, а мертвецы. Когда же чтеніе окончилось, раздались аплодисменты, и хаосъ восторга смѣнилъ царствовавшее дотошъ безмолвіе. Всѣ поздравляли и жали руки красиваго и потупившаго глаза въ землю автора. На что Гоголь, и тотъ призналъ въ молодомъ писателѣ талантъ и не малый, а графиня Ростопчина пригласила Александра Николаевича прочитать еще разъ эту піесу у ней въ домѣ, для чего и назначила особый вечеръ. На этомъ не позволите ли мнѣ остановиться, тѣмъ болѣе, что чай намъ оконченъ и мнѣ пора возвратиться домой.

Удерживать долѣе обязательнаго рассказчика я не хотѣлъ, и мы разошлись.

На другой день мы съ madame Ногодиной ѣздили къ нотаріусу; бумаги были готовы, но Федоръ Никифоровичъ не пріѣхалъ. На вопросъ по телефону, будетъ ли онъ, получился отвѣтъ, что, вмѣсто него, пріѣдетъ Стриженскій, котораго онъ уже отправилъ. Въ ожиданіи его прибытія мы съ Елизаветой Ивановной отправились въ сосѣднюю гостиницу выпить по чашкѣ кофе. Издательница «Жизни» задумалась и начала выражать сомнѣнія на благопріятный.

исходъ нашего дѣла, и, дѣйствительно, прѣхавшій вскорѣ Стрижевскій передалъ г-жѣ Погодиной просьбу Плевако отложить подпись бумагъ до завтрашняго дня, такъ какъ онъ сегодня очень занятъ и прѣхать къ нотаріусу не можетъ. Дѣлать нечего, скръпя сердце мы возвратились къ нотаріусу и заявили ему объ этомъ. Затѣмъ попрощались и разошлись до слѣдующаго утра. Но и слѣдующее утро не принесло намъ ничего хорошаго. Елизаветы Ивановны дома я уже не засталъ, а нотаріусъ Боборыкинъ, къ которому я отъ нея поѣхалъ, сообщилъ мнѣ, что Федоръ Никифоровичъ внезапно вызванъ по дѣламъ въ Екатеринославъ и сегодня въ ночь выѣхалъ. Вернется же не ранѣе двухъ недѣль. Дѣло, значить, затянулось, волей-неволей пришлось сѣсть у моря и ждать погоды. Что тутъ дѣлать? Буду впопыхахъ къ Елизаветѣ Ивановнѣ—и вдругъ узнаю отъ нея, что дѣло о продажѣ газеты придется отложить, такъ какъ ей, предварительно продажи ея, нужно еще получить на то разрѣшеніе со стороны цензуръ.

— Кто вамъ сказалъ?

— Мнѣ сказали...

— Да кто-же, кто?

— Сказали... не все-ли это равно—кто? Такъ нужно, говорить...

— На сколько мнѣ извѣстно по цензурному уставу, переходъ изданій изъ однихъ рукъ въ другія свободенъ, о немъ только доводится до свѣдѣнія главнаго управленія, которое и объявляетъ объ этомъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

— Я вѣдь этого ничего не знаю... но мнѣ говорить...

— Въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ дѣлать представленіе о разрѣшеніи на передачу, нужно справиться: правду ли вамъ сказали?

— Я тоже думаю. Но гдѣ же справиться?

— Въ цензурномъ комитетѣ. Вамъ тамъ скажутъ положительно.

— Ну, хорошо, я поѣду завтра и узнаю.

Дня чрезъ два ко мнѣ зашелъ Дмитрій Михайловичъ.

— Жаль мнѣ васъ, сказалъ онъ мнѣ, дружески пожимаая руку, дѣло ваше не выгоритъ.

— Отчего?

— Во-первыхъ, затрудненія со стороны Федора Никифоровича, онъ позлагаетъ обязанность расчитаться съ вами въ подписныхъ деньгахъ на насъ; а во вторыхъ, у насъ есть болѣе выгодное,

чтѣтъ ваше предложеніе. Впрочемъ, все это я вамъ сообщаю конфиденціально для свѣдѣнія, потому что говорить открыто не уполномоченъ. Но вы зайдите какъ-нибудь къ женѣ, и она вамъ объяснитъ все досконально.

— Какое же предложеніе и отъ кого? Конечно, это не секретъ.

— Я не знаю, скажетъ ли вамъ жена, но я не вижу въ этомъ секрета. Признаюсь вамъ откровенно, что для меня было бы гораздо пріятнѣе, если бы вы приобрѣли газету «Жизнь»; но вы знаете, изданіе не мое, а съ женой мнѣ спорить не приходится. Дѣло въ томъ, что одинъ господинъ, кто онъ—это все равно, купилъ нашу типографію, и теперь проситъ отдать ему газету. На первыхъ порахъ онъ хочетъ взять ее въ аренду, а потомъ, когда дѣло пойдетъ, онъ купитъ ее и заплатитъ, конечно, много дороже нашего.

— А если не пойдетъ дѣло?... Тогда вы и того не получите, что я даю вамъ.

— Ну, это—дѣло не мое. Переговорите съ женою, какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ.

Изъ сказаннаго я понялъ, что дѣло мое проиграно: лицо, купившее типографію, имѣетъ большее, нежели я, значеніе въ глазахъ г-жи Погодиной, и потому; обѣщавъ Дмитрію Михайловичу завтра же повидаться съ Елизаветой Ивановной, удержалъ его пить чай съ московскими принадлежностями.

— А ну-ка, дорогой гость, обратился я къ Дмитрію Михайловичу, когда кипящій самоваръ съ приборомъ появился на столѣ, расскажите мнѣ въ утѣшеніе что-нибудь изъ нашихъ воспоминаній.

— Пожалуй—отвѣчалъ мнѣ съ любезной предупредительностью гость. Въ прошлый разъ мы остановились на вечерѣ графини Ростопчиной. Я вамъ расскажу кое-что объ этой барышѣ. Первый разъ я былъ у нея, на вечерѣ съ отцомъ, а потомъ ходилъ уже одинъ, не смотря на то, что считался еще «мальчикомъ»... Биографію этой дамы вы, навѣрно, знаете, а потому повторить ее я не стану, опишу только ея внѣшность, какою она была въ мое время, т. е. когда я ее узналъ. Не смотря на свои 35 лѣтъ отъ роду, графиня Евдокія Петровна казалась еще вполне красивой и соблазнительной женщиной. Средняго роста, стройная, подвижная, какъ ртуть, здоровая, бѣлая и румяная, съ большими напыкатъ, черными, заглядывавшими прямо въ душу, глазами, сочными, кра-

сильными губами и хорошо развитым бюстом, она могла еще приплясывать и чаровать людей всевозможных племенъ, нарѣчій, состояній. «Въ первой молодости своей», она была известна въ свѣтъ только какъ графиня, супруга сына знаменитаго Московскаго главнокомандующаго, но не какъ поэтесса; конечно, всѣ знали, что она пишетъ стихи, но не особенно высоко цѣнили ихъ, особенно въ Москвѣ. Но когда она написала, находясь за границей, символическую балладу «Насильственный бракъ» и когда ее, рабу Божию, по напечатаніи баллады въ «Сѣверной Пчелѣ», вызвали въ Петербургъ, сдѣлали ей надлежащее въ III-мъ отдѣленіи вѣнчаніе и водворили на житье въ Москвѣ,—слава ея пронеслась по всей матушкѣ Россіи, и графиня Ендокія Петровна стала знаменитостью. Тогда ее у насъ—я говорю о Москвѣ—не только стали читать, но и почитать. Въ салонѣ ея вошла не только знать и литераторы, но и артисты, художники, путешественники и всѣ затѣжіе изъ-за моря знаменитости, начиная отъ министровъ и балеринъ до претексидаторовъ включительно. Вотъ въ это-то время и я бывалъ у ней. Хорошая она была барыня, только съ артистами ладить не умѣла, выкидывали они у ней разныя штуки. Напримѣръ, хотя бы Сѣверцевъ, этотъ косматый, нечесаный, грубый и глухой, всѣсвѣтлый путешественникъ, какую штуку съ ней сыгралъ (разсказъ о его выходкѣ я слышала отъ него самого). Онъ часто посѣщалъ въ числѣ прочихъ вечера графини. Пріѣхавъ однажды чуть ли не послѣ ужина, онъ началъ извиняться, что опоздалъ. Графиня имѣла неосторожности отвѣтить: «ну, что же, я люблю, кто поздно ко мнѣ пріѣзжаетъ». Черезъ нѣсколько времени, Сѣверцевъ пріѣзжаетъ къ ней въ домъ часа въ четыре ночи. Всѣ спали. Онъ велитъ разбудить графиню, и когда она, полуодѣтая, съ просоньей, выбѣжала къ нему въ испугъ и стала его спрашивать: «что съ нимъ случилось?» онъ хладнокровно отвѣтилъ.

— Ничего, графиня, успокойтесь. Я пріѣхалъ потому, что вы намедни сказали, что любите тѣхъ, которые поздно пріѣзжаютъ.

Какъ намъ нравится подобная шутка? Затѣмъ известный Бартеневъ, Юрій Пикитичъ, тотъ такъ даже дерзости позволялъ себѣ говорить ей въ глаза. Получивъ однажды приглашеніе отъ нея пріѣхать къ ней запросто, онъ грубо отвѣтилъ ей:

— А ты бы, графиня, сперва совѣтъ-то своихъ привязала на цѣпь.

— Какихъ совѣтъ? допытывалась недогадливая графиня.

— Сама знаешь какихъ... четвероногіе-то псы не очень у тебя зубасты, да, какъ псы, и умы къ тому же.

Что вы скажете о подобной любезности?

— А вечеръ съ Островскимъ удался у ней? спросилъ я Дмитрій Михайловича.

— Да это было почти буквальное повтореніе нашего вечера, только въ болѣе роскошной обстановкѣ. Впрочемъ, разница была еще въ томъ, что у насъ были блины, а у ней—ужинъ, и что кромѣ чтенія Островскаго, она сама прочла нѣсколько главъ своей излюбленной «Нелюдишки».

— А Гоголь былъ у ней на этомъ вечерѣ?

— Нѣтъ, не былъ. Не были также и Шевыревъ, Аксаковы, Павловъ, Щепкинъ и нѣкоторые другіе, слышавшіе піесу у насъ на вечерѣ.

Самоуваръ между тѣмъ потухъ. Его подогрѣли и на столѣ появилась новая порція чаю со всѣми онерами.

— Не много ли будетъ? замѣтилъ робко Дмитрій Михайловичъ, пскоса поглядывая на свой дымившійся паромъ стаканъ.

— Да вѣдь мы почти ничего не пили, отвѣтилъ я, разсыропивъ слишкомъ сладкій чай водой, самоваръ переѣтили потому, что онъ простылъ.

— А приборъ почему переѣтили?

— Потому что первый сдѣлался негоднымъ.

— Какой вы—софистъ, право! разѣялся Дмитрій Михайловичъ, прихлебывая горячій чай—а все таки я долженъ вамъ сказать, что такихъ барынь, какъ эксцентричная графиня Евдокія Петровна, въ настоящее время уже нѣтъ, хотя всевозможныхъ чудачекъ и нынѣ очень много. Это была наша madame de Севинье, или madame de Рекамье; ея салонъ посѣщали: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Крыловъ, Жуковский, графъ Соллогубъ, Тургеневъ, Гоголь, Аполлонъ Григорьевъ, Мей, Филипповъ, Эдельсонъ, Островскій, Писемскій, Тургеневъ, Майковъ, Бергъ, Григоровичъ, Павловъ, артисты: Садовскій, Щепкинъ и Самаринъ, художники: Брокловъ, Рамазановъ, баронъ Клодтъ, композиторы: Глинка, Верстовскій и Варламовъ. Изъ иностранцевъ—Рашель, Маріо, Віардо-Гарсія, Листъ, Контскій, Шульгофъ, Фанни Эльслеръ. Она была богата, жила великолѣпно со всѣми барскими причудами. У ней читали, пѣли, играли, козировали и даже говорили простымъ «россійскимъ» языкомъ. Къ ней прѣзжали—людей посмотрѣть, себя

показать. Для каждого, входившаго въ ея гостинную, даже для такихъ зеленыхъ юношей, каковы были я въ то время, у ней находилось: ласковое слово, привѣтъ, дружеская улыбка, пожатіе руки, и каждому у ней было тепло, весело, пріятно, и, главное—сытно. Людей именитыхъ она цѣнила по достоинству и выдѣляла ихъ изъ толпы со свойственными ей умѣньемъ: такъ напримѣръ на мѣсто, гдѣ у нея сидѣла Рашель, она не позволяла никому садиться, любезно говоря: «тутъ сидѣть нельзя: тутъ вчера сидѣло божество». У кого теперь изъ московскихъ вельможъ или богатыхъ тузовъ—помѣщиковъ можете вы встрѣтить подобный пріемъ интеллигенціи?... Ни у кого... А почему?... А потому, что графиня, гдѣ смотря на всѣ ея эксцентричности, была сама интеллигентна. Я не вижу нынче подобныхъ ей аристократокъ. Укажите мнѣ если можете, на кого-нибудь изъ современныхъ интеллигентныхъ дамъ въ высшемъ обществѣ. Ужъ не цыганка-ль княгиня Г., или не пѣвица-ль княгиня Ц.? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Теперь интеллигенцію высшего общества смѣнили посконный затасканный мѣшокъ съ золотомъ; онъ допускаетъ къ себѣ науку, литературу и художества, но только на козлы или на запятки, а рядомъ съ собою въ экипажъ не сажаетъ. Какъ же, выходитъ, теперь не пожалѣть, что типъ интеллигентной русской барыни, какою была въ свое время графиня Енокія Петровна, у насъ совершенно выродился!... Мнѣ, по крайней мѣрѣ, сознаюсь, очень жалко... Я нѣсколько лѣтъ до поглощенія меня университетомъ, пользовался ея широкимъ гостепріимствомъ, и въ ея интимномъ кружкѣ приобрѣлъ много друзей. Впрочемъ, все это—«дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой». А мнѣ не пора ли и на покой? Большому человѣку не слѣдуетъ долго засиживаться въ гостяхъ. Прощайте, милый человѣкъ!

— Зачѣмъ прощайте? до свиданія.

— Ну, до свиданія, такъ до свиданія. Когда же увидимся?

— Я завтра буду у васъ утромъ.

— Прекрасно. Только женѣ пожалуйста не говорите, что я сегодня у васъ чаепитничалъ.

На этомъ словѣ мы попрощались и мнѣ болѣе не пришлось видѣть Дмитрія Михайловича. Свиданіе съ Елизаветой Ивановной состоялось на другой день. Она заявила мнѣ откровенно, что продать газету она согласится только подъ условіемъ, если я откажусь отъ требованія раздѣла подписныхъ денегъ, т. е. предоставлю ей

воспользоваться имъ, а удовлетвореніе подписчиковъ прижу на себя.

— Но на такихъ условіяхъ, возразилъ я сребролюбивой издательницею, вы не найдете серьезнаго покупателя.

— Да мнѣ пожалуй и не нуженъ онъ, улыбнулась Елизавета Ивановна, я, признаюсь, передумала даже продавать газету. Къ чему? Я получу отъ Федора Никифоровича деньги, и могу сама повести ее, или же при посредствѣ лица, купившаго у меня типографію.

— Но гдѣ же и въ чемъ именно у васъ гарантія успѣха? Если вы не хотите продать газеты, то—отдайте ее мнѣ въ аренду на 12 лѣтъ. И я развилъ передъ ней выгоды такого дѣла въ сравненіи съ сотовариществомъ незнакомцаго покупателя типографіи, который можетъ окончательно загубить «Жизнь».

— Все это хорошо, конечно, отвѣчала Елизавета Ивановна, какъ бы сконфуженно, и я вамъ готова вѣрить, но знаете ли, что я уже рѣшила и дала слово В. П. Бестужеву, купившему у меня типографію, издавать газету при его посредствѣ.

— Вы и мнѣ давали слово: это—еще не причина.

— Но я нахожу его предложеніе болѣе выгоднымъ.

— Подумайте, впрочемъ, я еще останусь въ Москвѣ съ недѣлю. Если что надумаете, сообщите мнѣ въ гостиницу: я тогдашъ явлюсь. А пока позвольте пожелать вамъ всего лучшаго.

— Да, я подумаю, отвѣчала мнѣ съ тяжелымъ, издохомъ, Елизавета Ивановна.

И мы разстались.

Но призыва я напрасно ждалъ, его не послѣдовало, и чрезъ недѣлю я вернулся въ Петербургъ. Такимъ образомъ покушеніе мое на «Жизнь» мнѣ не удалось. Но и бѣдная «Жизнь» не воскресла.

Новая редакція вела ее отъкровенно, не имѣя не малѣйшаго понятія о своемъ дѣлѣ. Она напечатала даже повѣсть А. С. Пушкина «Пиковая дама» за произведеніе какого-то новаго автора, съ его плагиатной подписью имени, котораго я впрочемъ, не помню. При такихъ порядкахъ, газета вличила все лѣто жалкое существованіе и, наконецъ, въ октябрѣ того же года безиременно почла. Узнавъ объ этомъ, я отъ души пожалѣлъ и несчастную издатель-

ницу, и несчастную газету, имѣвшую всѣ шансы на долгое и полезное существованіе, если бы судьба послала ей разумныхъ руководителей. Вотъ эпитафія, которою я почтилъ память послѣдней.

Эпитафія газетѣ «Жизнь».

Угасла «Жизнь», жизнь юная, на вѣкъ...
Бутоноъ тепличный, жаклавиный разцвѣта,
Тебя сгубилъ жестокий человѣкъ,
Лишивъ тепла, заботъ любви и свѣта...

· Ноябрь 1885 года.

РУМЕЛІОТЪ.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ онъ былъ извѣстенъ подъ общей племенной кличкой—румеліотъ. Въ интимныхъ же кружкахъ онъ слылъ за близкаго родственника князя Вогодиреса,—говорили даже, что это — его побочный сынъ, прижитый имъ съ одною русскою барынею, журировавшею по Европѣ, во время всеобщаго поклоненія наполеонизму послѣ Крымской войны, и присланный въ Россію отцомъ для окончанія образованія и составленія связей. Его знали Тодоръ Добродулаки, но на визитныхъ его карточкахъ, подъ какой-то фантастической короной съ мантией и аллегорическими никому неизвѣстными зифрями, въ родѣ апокалипсическихъ, значилось: «*Тодоръ Тодоровичъ Добровъ, изъ Филиппополя*». На видъ это былъ чрезвычайно милый и симпатичный, молодой человекъ лѣтъ 25-ти, высокій, стройный, красивый, съ большими, черными на выкатъ глазами и маленькими, тоненькими изобразными, черными же усиками. Его крупной мужественная фигура, смуглая выразительная черты лица, маленькія, красивыя, какъ бы выточенные руки, мягкій, звучный грудной голосъ, изящныя женственныя манеры, искренность и простота обращенія съ первой же встрѣчи располагали къ нему всякаго, а живой поспринимчивый отъ природы умъ, извѣстный сифтскій лоскъ, предупредительность и любезность дѣлали его въ обществѣ пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ прекрасно танцовалъ, отлично дрался на рапирахъ и шинагахъ, стрѣлялъ въ туза и считался однимъ изъ лучшихъ патъдинковъ. Среди дамъ имѣлъ успѣхъ, но выраженію одного остряка, злокачественный.

Профессіи его никто не зналъ, да, кажется, онъ ни къ какой профессіи и не принадлежалъ. Брался за все, но по рожденной

южанамъ живости характера, ни на чемъ сосредоточиться не могъ, и только вездѣ и всюду, какъ онъ самъ объяснилъ, испытывалъ свои львиныя силы.

Онъ гдѣ-то служилъ, т. е. былъ причисленъ къ какому-то министерству, но нашелъ это несвойственнымъ своему характеру и вышелъ изъ отставки. Состоялъ при какомъ-то присяжномъ повѣренномъ, изъ качествъ атташе, но скоро соскучился и бросилъ. Ударился въ технику и плавалъ съ Александровскимъ въ подводной лодкѣ, леталъ съ Костовичемъ на воздушномъ шарѣ; когда же въ техническомъ комитетѣ возгорѣлась война, интормоналъ совѣтъ, и рекомендовалъ Кузьминскаго болгарамъ. Пошла мода на филантропію—и не было ни одного благотворительнаго общества, гдѣ-бы онъ не членствовалъ, заглядывалъ, по временамъ, на биржу, покровительствовалъ скотамъ, нисходилъ въ міръ искусствъ, наукъ и художествъ, знакомился съ артистами и артистками и самъ обращался, когда нужно было, въ любителя-лицедѣя. Но все это служило ему, для извѣстныхъ цѣлей, показною декоративною обстановкою, въ дѣйствительности-же онъ былъ болгарскимъ политическимъ корреспондентомъ, переписывался съ вожаками партіи дѣйствія и сообщалъ имъ все, что успѣвалъ здѣсь провѣдать.

Лучшимъ его другомъ считался драгоманъ Милѣтиадъ-Бей, съ которымъ онъ постоянно гулялъ по Невскому подъ ручку. Но вечерами къ нему собирались сербы, греки, румыны и вообще люди, которыхъ можно употребить для извѣстныхъ цѣлей.

Изъ всего, и изъ всѣхъ и каждого онъ умѣлъ извлечь выгоду. И его встрѣчалъ у Марьи Осиповны Аселянбековой, съ которой онъ давно уже поднятъ тѣсную дружбу. Прошлымъ лѣтомъ я жилъ, по обыкновенію, у себя въ «Озеркахъ». Кто не знаетъ этотъ благословенный уголокъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ благодатномъ оазисѣ трехъ озеръ, между Лѣснымъ, Коломягами и с. Нарголово, прорѣзываемый двумя дорогами: Финляндской желѣзной и Выборгскимъ шоссе, и окаймленный двумя громадными старыми парками: Шуваловскимъ и Удѣльнымъ. Уголокъ этотъ возникъ весьма недавно, чрезвычайно быстро обстроился и овладѣлъ всеобщей симпатіей. Оптимисты предсказывали, что со временемъ онъ сдѣлается соперникомъ Павловску. Въ его окрестностяхъ играли оркестры, дирижируемые Главачемъ, Флиге и Энгелемъ, и привлекали многочисленную публику; но покупка покзала увеселительною компанією трехъ генераловъ положила конецъ

развитію счастливаго угла, и «Шувалово» зажило буржуазною жизнью. Ни слагинскій нуантъ, ни крестовскій яхтъ-клубъ съ его гонками, ни новодеревенскіе театры-вертены, ни Павловскій вокзалъ, ни Петергофскія и Царскосельскія скачки не нарушаютъ здѣсь мирнаго сна дачника, желающаго восстановления силъ, свободы и покоя: все далеко и несподручно. Здѣсь можно только гулять, купаться, удить рыбу и кататься на лодкѣ. О театрѣ и музыкѣ, стоящихъ здѣсь, теперь, на невысокой степени развитія, даже не говорить. Вотъ сюда-то, пропавшымъ лѣтомъ, по совѣту доктора, перѣехала на дачу и Марья Осиповна Аслабенкова.

И бывавъ у ней по соседству запросто, узналъ короче Тодора Тодоровича и оцѣнилъ по достоинству беззащитную, незнающую границъ, словомъ, неземную привязанность къ нему Марьи Осиповны. Марья Осиповна принадлежала къ числу натуръ экзальтированныхъ, самолюбивыхъ, сильныхъ и крайне самонадеянныхъ. Она была единственная дочь зажиточнаго новороссійскаго помѣщика, воспитывалась въ Смольномъ, кончила курсъ съ золотою медалью и, потерявъ вскорѣ мать, сдѣлалась полновластной хозяйкой въ домѣ старика отца, извѣстнаго въ свое время лихова черномора-морика, любимаго свою ненаглядную Марусю до безумія. Живая, бойкая, начитавшаяся романовъ, Маруся хотѣла жить полною жизнью и, не найдя для себя идеала въ провинціи, убѣдила отца перѣхать съ нею на жительство въ Петербургъ. Здѣсь она встрѣтилась случайно съ Тодоромъ Тодоровичемъ и полюбила его со всею страстностью южной натуры, искренно и всецѣло предавшись порыву первой страсти.

Молодые люди познакомились, сблизились, и, наконецъ, объявились въ любви. Доброу, потерявъ времени, обратился къ отцу и просилъ руки его дочери, рассчитывая получить за ней богатое приданое. Но старикъ Аслабенковъ не особенно жаловалъ молодого румельота, не любимаго, по его мнѣнію, никакихъ правъ на обладаніе его дочерью. Послѣ долгаго раздумья, послѣ нѣсколькихъ попытокъ образумить свою упрямую Марусю, онъ изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы бракъ состоялся не ранѣе, какъ черезъ годъ, когда Тодоръ Тодоровичъ устроится такъ или иначе въ обществѣ.

Юный болгаринъ не хотѣлъ подчиниться подобному рѣшенію, онъ былъ не изъ тѣхъ, у кого легко вырвать изъ рукъ намѣченную добычу. Посѣщая домъ на правахъ жениха, въ два-три мѣсяца онъ увлекъ пылкую дѣвочку и овладѣлъ ею совершенно.

Старикъ Аслаибековъ не пожелалъ быть свидѣтелемъ нравственнаго униженія своей дочери и уѣхалъ въ помѣстье, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Имѣнiе послѣ него осталось небольшое, но чистое, долги не обременили. Марья Осиповна поручила его попеченiю Тодоръ Тодоровича, и онъ, конечно, сумѣлъ распорядиться имъ по своему. Отъ имѣнiя вскорѣ осталось одно только воспоминанiе, а деньги исчезли какъ дымъ. Вопросъ о бракѣ налъ самъ собою, да и не такое тогда было время, чтобы поднимать вопросъ о бракѣ. Марья Осиповна начала посѣщать Бестужевскiе курсы, и предалась запискамъ. Добровъ журновалъ, но не покидалъ и ее, такъ какъ у ней было еще кой-что уцѣлѣвшее отъ порядочнаго когда-то состоянiя.

Она отдавала ему все, что имѣла, отказывая иногда себѣ въ необходимомъ, проводила дни и ночи за работою, переводила трактаты иностранныхъ ученыхъ о воспитанiи, писала отчеты о трудахъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ, сочинила рассказы для дѣтей. Ея труды стали обращать на себя вниманiе публики, критика заговорила о нихъ и матеріальное ея положенiе до извѣстной степени упрочилось.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ и годы—другой пробѣжали незамѣтно. На дачу въ Шувалово она перѣехала, чтобы отдохнуть, собраться съ силами и зимой снова приняться за усиленный трудъ. Ей улыбалась уже надежда зажить безъ нужды, тѣмъ болѣе, что и самъ Тодоръ Тодоровичъ не сталъ уже такъ безпощадно вымогать у нея денегъ.

Но Тодоръ Тодоровичъ, переставъ вымогать деньги, сталъ болѣе равнодушно относиться къ прелестямъ своей эскъ-невѣсты. Визиты его на дачу значительно сократились и съ каждой недѣлею онъ сталъ все рѣже и рѣже бывать у прелестнѣйшей Марьи Осиповны. На глазахъ ея появились слезы, слезы обманутой любви, слезы самыя обильныя и самыя жгучiя. Упреки, жалобы и вздохи смѣнялись такъ часто раздававшiйся прежде ея живой, безпечный смѣхъ. Лѣто—это чудное, жаркое, красное лѣто проходило быстро, и еще быстрѣй уносило ея молодое, такъ много обѣщавшее и бурными страстями, до сихъ поръ, не омраченное еще, счастье.

Наступилъ августъ. Семейные дачники потянулись въ городъ, чтобы дать дѣтямъ возможность посѣщать учебныя заведенiя. Безсемейные же продолжали наслаждаться послѣдними днями столь рѣдкаго въ Петербургѣ теплаго и вѣдренаго лѣта. Снизу я какъ-то утромъ за чайнымъ столомъ на балконѣ своей дачи и пробѣгаю

газеты. Вдруг кто-то позвонилъ у парадныхъ дверей. Жанъ-Жакъ бросился открыть двери, въ столовой зашуршало шелковое платье, и мальчикъ робко доложилъ мнѣ, что пришла Марья Осиповна и желаетъ меня видѣть.

— Марья Осиповна! и такъ рано! теперь еще пѣтъ 10-ти часовъ!... гдѣ-жъ она?

— Въ серебряномъ кабинетѣ.

— Попрошу подождать... и дай мнѣ скорѣй одѣваться!

Не успѣлъ я пройти въ спальную и притворить за собою дверь, слышу стукъ и окрикъ: «къ чему вы задумали разодѣваться, выходите въ халатъ, какъ есть, вы мнѣ очень нужны!»

— Сейчасъ, Марья Осиповна, мнѣ нужно одѣться, чтобы ѣхать въ городъ.

— Ну, такъ скорѣй же! скорѣй! торопила она меня, стуча въ дверь.

Набросивъ на плечи сюртукъ и расчесавъ бороду, я вышелъ къ ней.

— Что случилось?... вы больны?—спрашиваю я ее, приглашая сѣсть въ кресло,—на васъ лица нѣтъ, такъ вы блѣдны...

— Постоите, дайте съ силами собраться, я не могу говорить... Я всю ночь плакала какъ ребенокъ, да и теперь, какъ я только вспомню, слезы невольно подступаютъ къ глазамъ,—и она горько заплакала.

— Да что у васъ за горе? расскажите... довѣрьтесь... быть можетъ, я могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезнымъ...

— Да, да, можете быть полезнымъ... Я затѣмъ и пришла къ вамъ, чтобы вы помогли мнѣ... И она схватила меня за руки, и крѣпко сжимая ихъ, какъ будто кто-нибудь хотѣлъ оторвать ее отъ меня, наклонилась ко мнѣ и вскрикнула: Теодоръ оставилъ меня!..

— Кто вамъ сказалъ это?

— Онъ самъ!

— Что же онъ? влюбился въ другую?

— Нѣтъ.

— Или заговорило въ немъ чувство ревности? побудилось подозрѣнiе въ неувѣренности? нашлись поводы къ неудовольствию?

— Ничего подобнаго не бывало.

— Такъ что же за причина?—И со всею предупредительностью любезнаго хозяина, я усадилъ ее въ кресло.

— Моя бѣдность... У меня ничего нѣтъ,—говорила она, обни-

вансь слезами...—все что было, я отдала уже ему... Здоровье пошатнулось, я столько работала, столько перенесла... Свѣжести блекнеть... Ему скучно со мной, онъ пресытился... я ему надѣла!... я ему опротивѣла!... Мое присутствие тяготитъ его. Мой видъ возбуждаетъ въ немъ досаду и злобу. Вчера вечеромъ онъ сказалъ мнѣ, что если бы его судъ приговорилъ въ наказаніе пропести со мной двадцать четыре часа, то онъ выбросился бы въ окно!.. Изъ устъ его я услышала свой смертный приговоръ... Онъ самъ произнесъ его мнѣ и такъ безпощадно... послѣ всего, что я для него сдѣлала!..—И она откинулась на спинку кресла и судорожно захохотала.

Я не знала, что дѣлать; ея истерическій нервный смѣхъ смѣнился рыданіями. Она плакала, кричала, произносила безсвязные звуки, обращалась съ упреками къ небу, кляла день рожденія. Это были ураганы сѣрбы, ужаса и отчаянія, и все мои усилія успокоить ее—оказались напрасными. Я передала ее на руки женщины и удалился. Черезъ нѣсколько времени она позвала меня.

— У меня есть къ вамъ просьба, для нея то я и пришла къ вамъ... исполните ли вы ее?

— Если могу.

— Послушайте. Онъ васъ такъ уважаетъ... вы знаете все, что я для него сдѣлала... Я хочу поговорить съ нимъ при васъ... Быть можетъ, онъ постыдится высказаться предъ вами такимъ, каковъ есть. Не думаю, чтобы у него хватило на это духа и безстыдства. Передъ вами онъ сробѣетъ. Почему знать, какъ могутъ подѣйствовать на него мое отчаяніе и ваше присутствие. Можете вы побѣхать къ нему со мной.

— Извольте.

— Ну, такъ побѣдемъ.

Она была такъ разстроена, что ѣхать съ ней на побѣдѣ желѣзной дороги оказывалось не вполне удобнымъ, и я послалъ за экипажемъ. Черезъ часъ мы отправились въ городъ въ каретѣ. Забывшись въ уголь, она всю дорогу молчала, я тоже не тревожилъ ее вопросами. Но по мѣрѣ приближенія къ Петербургу, я замѣтилъ, что въ ней происходитъ страшная внутренняя борьба: она что-то говорила сама съ собою, руки ея дрожали, зубы начинали стучать какъ въ лихорадочномъ ознобѣ, колѣна бились другъ о друга.

— Вернемся домой, сказалъ я ей участливо, вы нездоровы. Побѣдка эта еще болѣе разстроитъ васъ.

— Да, я стала ужасно нервна, но я должна быть у него, — отпѣчала она съ твердостью. — Хочу увидѣться еще хоть разъ съ нимъ.... Какъ знать? быть можетъ я умру скоро...

И мы поѣхали.

Въ 12 ч. дня мы вошли въ квартиру Доброва и застали его спящимъ за телеграммой въ Филиппополь, въ халатѣ и фескѣ. Онъ приветствовалъ меня легкимъ движеніемъ руки и продолжалъ свое дѣло. Потомъ всталъ, отирая чело, подалъ составленную имъ телеграмму, подошелъ ко мнѣ, крѣпко пожалъ руку и сказалъ: «вотъ, батюшка, убѣдитесь, насколько наши дамы сумазбродны!... Зачѣмъ она притащила васъ ко мнѣ?»

Не успѣвъ я отвѣтить ему, какъ онъ обратился съ упреками къ Маріѣ Осиповнѣ.

— Что вамъ еще нужно, сударыня, отъ меня? Вѣдь я уже объяснился съ вами. Я сказалъ вамъ, что больше не люблю васъ... Я сказалъ вамъ это съ глазу на глазъ, вамъ желательно, чтобы я повторилъ это при свидѣтеляхъ—извольте! Торжественно и всенародно заявляю, что я васъ разлюбилъ, что люблю къ вамъ, когда-то сильная и пламенная, погасла въ моемъ сердцѣ, и можете быть увѣрены, что я не буду любить другую женщину, она не рѣшилась бы меня преслѣдовать своей любовью, а вы!...

— Я желала бы знать, за что вы перестали любить меня?

— Этого я и самъ не знаю... Любилъ я васъ, не зная за что, и разлюбилъ, не зная за что... Знаю только, что страсть прошла, и прошла безвозвратно. И что такое подобная страсть? Юношеское увлеченіе, отъ котораго чѣмъ скорѣе отдѣлаться, тѣмъ лучше.

— Но вѣдь-ли за мной какой-нибудь вины?

— Вины за вами я никакой не знаю.

— Быть можетъ, вы имѣете причины упрекнуть въ чемъ-нибудь мое поведеніе?

— Ни въ чемъ рѣшительно. Вы были для меня самой вѣрной, честной, любящей женщиной, какую человѣкъ можетъ пожелать себѣ.

— Быть можетъ, я не сдѣлала для васъ чего-нибудь такого, что могла сдѣлать?

— Не думаю.

— Конечно, вамъ извѣстно, что я пожертвовала для васъ старикомъ-отцомъ, который съ горя умеръ?

— Да.

— Состояніемъ?

— Не спору.

— Годами тяжелаго труда, здоровьемъ?

— Очень можетъ быть.

— Честью, репутаціей, спокойствіемъ?

— Не отвергну.

— И за все это вы прогоняете меня?

— Что дѣлать, необходимо.

— Почему же необходимо? Неужели вы могли возненавидѣть меня?

— Къ сожалѣнію, да!

— И стала ненавистна ему! О, Боже, ненавистна!.. Послѣ этого я становлюсь самой себѣ гадка!.. а!.. ахъ!.. и смертная бѣдность покрыла ея лицо, губы побѣлѣли, зубы стиснулись, голова опрокинулась на спинку кресла, первая дрожь пробѣжала по тѣлу, съ ней сдѣлался продолжительный обморокъ.

Пока я хлопотала принести се въ чувство, Добровъ равнодушно ходилъ по комнатѣ и курилъ сигару.

— Нельзя-ли послать за докторомъ? обратился я къ нему, вѣдь она можетъ умереть.

— Женщины отъ такихъ пустяковъ, не умираютъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь, это все вздоръ, дайте ей воды и она сейчасъ очнется. Вы не знаете нашихъ дамъ, онѣ могутъ всякія штуки продѣлывать надъ собою.

— Да вы взгляните, она совѣтъ безъ чувствъ.

— Пренепріятная сцена! надѣюсь по крайней мѣрѣ послѣдняя. Чего она ко мнѣ лѣзетъ! Любилъ я ее, а теперь не хочу, ну, и пусть убирается къ чорту.

— Какъ же такъ убираться къ чорту? Развѣ порядочный человекъ можетъ обобранный женщину, посылать ее къ чорту?

— Что же мнѣ дѣлать? И такъ же бѣденъ, какъ и она.

— Какъ что дѣлать? Соединить свою бѣдность съ ея бѣдностью, до которой, впрочемъ, довели ее вы—вотъ что! Не нужно забывать ни ея привязанности къ намъ, ни того, что она для насъ сдѣлала.

— Благодарю покорно! отвѣчалъ Добровъ, станни въ позу и низко поклонившись, пожмать бѣдность на бѣдность, выйдетъ нищета въ квадратъ, отчего ни ей легче не было бы, ни мнѣ. Что же касается того, что она для меня сдѣлала, то за это я считался съ нею потеряннымъ для нея временно, заглаживалъ ей самой

дорогой монетой жизни—первой молодостью. Возьмись съ ней, я ничего не могъ сдѣлать, чтобы мнѣ выдѣлаться изъ толпы, я остался тѣмъ же, тѣмъ былъ. А мнѣ уже скоро 25 лѣтъ. Пора подумать о себѣ, иначе будетъ поздно...

И онъ любезно раскланялся со мной, пошелъ переодеваться, и отправился на свою обычную утреннюю прогулку. Принялось самому посылать за докторомъ и отвезти больную домой, на городскую квартиру, такъ какъ на дачу она ѣхать не могла.

Спусти нѣсколько времени я встрѣтилъ Тодора Тодоровича на Невскомъ; онъ сказалъ мнѣ, что на-дняхъ же уѣзжаетъ на родину, гдѣ событія, по всей вѣроятности, помогутъ ему схватить капризную фортуна на бѣгу. Между тѣмъ, какъ впоследствии оказалось, онъ уѣзжалъ съ одной пожилонъ кунчихой-вдовой въ Новгородъ, гдѣ она обѣщала предоставить въ его распоряженіе и домъ, и средства для устройства кафе-шантана *à la Семейный садъ*.

Подобныя вѣсти еще болѣе огорчили Марью Осиповну. Она спѣла дома въ какомъ-то оффиціи и не могла работать. Заказанныя ей статьи доставлены къ сроку не были и она осталась безъ великихъ средствъ къ жизни. Началось прозябаніе. Помощь друзей доставила ей маленькую меблированную комнату у одной изъ подругъ ея, Агнесы Кастановны Сюницкой, содержавшей заработками на урокахъ себя и двухъ старушекъ—мать и бабушку. Заботы и уходъ вѣчно веселой и вѣсѣмъ довольной Агнесы Кастановны много способствовали къ оживленію Марьи Осиповны. Черезъ нѣсколько недѣль она гуляла уже въ скверъ и начинала думать о работѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она съѣла за работу и началась обычная трудовая сѣренькая жизнь литературной труженицы.

Но вотъ въ одно изъ воскресеній посѣтила ее одна знакомая старушка, изъ числа тѣхъ всеобщихъ всезнаекъ, которыя занимаются соединеніемъ любящихъ сердецъ. За кофе она начала разсказывать петербургскія новости и, между прочимъ, сообщила Марьѣ Осиповнѣ, что съ Тодоръ, обобравъ новгородскую Марью-Посадницу, вернулся въ Питеръ и журируетъ.

— И какъ это ему все удается,—расписывала старуха-все-знайка, попивая кофе,—женщины табунами за нимъ ходятъ. То жена церковнаго старосты на Петербургской сторонѣ изъ-за него съ сестрой родной разодралась, то дочь банкира-жиды отъ напавши со шкатулкой къ нему сбѣжала, то вотъ на-дняхъ невѣсту онъ у

одного чиновника захоронивать и сжигать... Денегъ куръ не берутъ, горстями разбрасываютъ...

Разсказать этотъ растрепалъ только-что начинавшую заживать рану въ сердцѣ Марьи Осиповны. Распросивъ старуху, гдѣ ютится въ Петербургѣ по возвращеніи любвеобильный румельютъ, она на утро, не сказавъ никому ни слова, отправилась на поиски своего возлюбленнаго. Въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ онъ постоянно бывалъ, ей сказали, что его нѣтъ, что онъ болѣе нѣдѣли какъ получилъ важныя телеграммы и уѣхалъ на родину, и когда вернется—неизвѣстно. Въ двухъ-трехъ домахъ ничего не сказали, въ двухъ-трехъ домахъ сказали—чего не слѣдовало говорить. Поиски Тодора Тодоровича кончились несъема трагически: Марья Осиповна, возвратясь домой въ самомъ дурномъ настроеніи духа, рѣшилась покончить съ собой и ночью принявъ настоя фосфорныхъ спичекъ, отравилась.

Отравленная въ больницу, она промучилась тамъ еще нѣсколько недѣль и умерла отъ сильнаго нравственнаго погресенія. Почти передъ самою смертію, она была крайне обрадована полученіемъ отъ Тодора Тодоровича письма изъ Филиппополя, въ которомъ онъ уведомлялъ ее, что Румелья поскрестъ для новой жизни, что онъ, бывший румельскій агентъ въ Петербургѣ, получилъ видный постъ въ новомъ болгарскомъ управленіи и что для полного счастья ему недостасть только ее, такъ много любившей и такъ много принесшей ему въ жертву. «Если ты не увидишь меня—пишай онъ ей:—пріѣзжай, я возвращу тебѣ мой долгъ сторицею, и за любовь воздамъ вѣчной преданностію и обожаніемъ. Много женщинъ любилъ я, но подобной тебѣ я не находилъ и не найду...» Бываютъ же такіе, неподдающіеся никакому анализу, скачки въ любви у южанъ...

Когда ей прочитали это письмо, она всплеснула руками и зарыдала. Рыданія перешли въ истерику, истерику—въ горячку и бредъ... Черезъ недѣлю ся не стало. Не слишкомъ-ли поздно оцѣнили пылкій и страстный румельютъ любовь русской женщины: она умерла въ то время, когда онъ схватилъ наконецъ капризную фортуна на бѣгу и рѣшилъ начать новую жизнь, исполнѣ достойную славянину.

Августъ, 1886 г.
С. Петербургъ.

ПИСЬМО КЪ ГЕНЕРАЛУ ФОНСЕКА.

положительно въ восторгъ отъ васъ, старый, дорогой мой другъ, и, долженъ сознаться, недоумѣваю, когда это вы имѣете время и успѣваете, вводя новые порядки въ подчинившейся вамъ обширной и богатой странѣ, слѣдить за всѣми событіями въ Европѣ вообще, и въ Россіи и Франціи въ особенности. И что болѣе всего меня изумляетъ,—это то, что вы обращаете особенное вниманіе на нашу домашнюю жизнь, на наше внутреннее развитіе, и, главное, на вѣтъ мѣры, которыя принимаются у насъ правительствомъ и органами городского и земскаго самоуправленія для развитія, укрѣпленія и процвѣтанія національнаго нашего самочувствія, труда, дѣла и богатства. Отъ нашего опытнаго административнаго взгляда не ускользнули ни капитальнѣйшая реформа настоящаго царствованія—устройство мѣстнаго управленія, ни столкновение въ средѣ московскихъ законодатель-юрисстовъ, окрещенное чрезвычайно мѣтко одною нашею газетою «избіеніемъ юридическихъ младенцевъ», ни постиженіе нашихъ столицъ королейъ теперевъ Мазини. Все васъ интересуетъ—и вы просите объяснить значеніе фактовъ, желаете знать связи между наиболѣе выдающимися явленіями общественной жизни и, наконецъ, задаете такой серьезный и важный вопросъ: къ чему стремится Россія и что ей нужно?

Тяжелыя верги вы возлагаете на рамена мои, уважаемый синьоръ. Чтобы удовлетворить желаніе ваше исполнить, т. е. правдиво, искренно и всесторонне, нужно написать нѣсколько громадныхъ фоліантовъ, для чего у меня нѣтъ ни достаточно свободнаго времени, такъ какъ жизнь требуетъ ухаживаній за нею, ни тѣхъ многостороннихъ спеціально-научныхъ знаній, которыя необходимы

для серьезнаго изслѣдованія тысячи вопросовъ, интересующихъ васъ. Поэтому, слагая съ себя всякую юридическую непогрѣшимость, буду писать къ вамъ, дорогой сэръ, въ отвѣтъ на заданные вами вопросы и вообще о животрепещущихъ новостяхъ нашей внутренней жизни, по столько, по сколько могу, ни на одну йоту болѣе или менѣе, такъ вы и знайте, серьезнѣе и иллюстриссѣе эччеленца!

Затѣмъ, приступимъ къ дѣлу.

Мѣра, принятая совѣтомъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ противу ихъ помощниковъ не только не нарушаетъ ихъ интересовъ, но, напротивъ, вполне цѣлесообразна и легальна. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это столкновение большинство нашего интеллигентнаго общества. Прежде всего обратимъ вниманіе на слѣдующіе факты. Что такое былъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго? Это былъ только что вылупившійся изъ яйца научной подготовки птенецъ, по отношенію патрона игравшій роль выскочившаго куреней утенка. Едва оперившись, онъ вылеталъ изъ подъ крыла матери-наѣдки и бросался въ мутные потоки городскихъ каналовъ жизни, плавалъ въ нихъ, гулялъ на волѣ, ловилъ червячковъ и перѣдко погибалъ унесенный теченіемъ волнъ или подъ ударомъ хищнаго ястреба. Польза отъ него обществу была такая же, какъ и польза отъ утенка, т. е. надежда, что онъ современемъ превратится въ утку. Конечно, вездѣ и во всемъ есть исключенія, и среди помощниковъ находились очень дѣльные и достойные молодые люди, но большинство ихъ—а рѣчь идетъ о большинствѣ—только и знало, что жуировало, ухаживало за женами своихъ патроновъ или другими молодыми дамами, играло въ винтъ или на тотализаторѣ, и мало дѣла—на ихъ взглядъ, выгоднаго и юридически и нравственно честнаго. Общественное положеніе помощника было завидное: онъ ни отъ кого не зависѣлъ, дѣлалъ только то, что хотѣлъ, позировалъ вездѣ и всюду съ англѣмъ знатока—юрриста и дѣльца, оставался вѣтъ всякаго контроля, и неумудренный опытомъ жизни, не обладалъ достаточно твердой силой воли, при первомъ соблазнительномъ искушеніи падалъ и увлекалъ въ своемъ наденіи клиентов. Не слѣдовало ли прекратить подобное аномальное положеніе цѣлаго класса людей, изтѣющихъ предназначеніе быть опорой слабому и защитникомъ обиженному и гонимому? Московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ очень хорошо понималъ, что дѣйствительное попустительство можетъ привести къ очень печальнымъ

последствіямъ и принялъ мѣры. Согласитесь сами, генералъ, не то же ли самое вы дѣлаете въ Бразиліи? Нѣкоторые присяжные повѣренные, остались, конечно, недовольны, и обжаловали принятые совѣтомъ мѣры въ судебной палатѣ. Что-жъ! есть ли на свѣтѣ хоть одна практически принятая мѣра, которая не вызвала бы чьего нибудь протеста? Это всего лучше должно быть извѣстно вамъ, эчеленца. Что же касается тѣхъ *«бидингъ»* помощниковъ, какъ вы называете подлежащихъ отчисленію, то они ничего оттого не теряютъ. Напротивъ, даже выигрываютъ. Всѣ они могутъ поступить на открывающіеся вновь ваканціи участковыхъ начальниковъ, такъ какъ всѣ они—юристы, всѣ—практики, и всѣ имѣютъ, или могутъ имѣть цензъ. Пожелаемъ же имъ, дорогой другъ, всякаго успѣха и счастья!

Мѣстная реформа имѣетъ глубокой смыслъ и большое значеніе для русской жизни. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, общественное ихъ самоуправленіе первоначально находилось въ вѣдѣніи мировыхъ посредниковъ. Съ теченіемъ же времени институтъ посредниковъ былъ упраздненъ и надзоръ за сельскою администраціею былъ порученъ особымъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Всѣ же прочія функціи крестьянской жизни, ихъ быта, занятій и семейныхъ дѣлъ оставались въ всякаго наблюденія и попеченія. Сельскій староста, волостной старшина и богиня разума, своя собственная, традиціонная, деревенская, управляли и заправляли нашими мужичками и всѣмъ ихъ достоинствомъ, заботились о ихъ нуждахъ и вели ихъ по пути гражданственности и преуспеянія. Такая оригинальная гегемонія, дала, какъ говорить, очень плачевные результаты. Въ крестьянскій міръ проникла праздность и шатаніе мысли, появился разгулъ и пьянство, правленность пала и мужикъ, пренебрегая трудомъ, бѣднѣлъ, хозійство его нищилось и науперизмъ и бродяжество, развиваясь, стали пускать въ сельскомъ людѣ свои ядовитые корни. Нужно было остановить начавшееся разложеніе ячеекъ государства—крестьянской общины, потребность сильной руководящей власти сказалась слишкомъ наглядно,—и вотъ правительство, наконецъ, пожелало урегулировать нетерпимую ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ раснущенность. Потребности въ этомъ сознавалась давно, и даже въ минувшемъ царствованіи были сдѣланы кой какія попытки къ принятію нужныхъ мѣръ. Но вся честь инициативы и проведеніе въ жизнь утвержденной въ законодательномъ

порядкъ реформы мѣстнаго управленія принадлежитъ всецѣло покойному графу Д. А. Толстому и его преемнику П. Н. Дурново. Эти государственные люди стали на высоту принятой ими на себя задачи, потрудились и подарили Россіи свой серьезный и глубоко-обдуманный трудъ. Ихъ заслуги отечеству, конечно, оцѣнить потомство по достоинству, когда оно пожметъ плоды посѣяннаго ими, а мы, какъ пахари, можемъ только радоваться, что нива, наконецъ, всахана и засеяна. Мы знаемъ зерно—какое посѣяно, и знаемъ, что оно можетъ дать, но каковъ будетъ урожай—воля Божья!

Участковые начальники введены пока въ шести губерніяхъ. въ прочихъ губерніяхъ они будутъ вводиться постепенно, по мѣрѣ открытія государственнымъ казначействомъ потребныхъ для того средствъ, такъ что можно надѣяться, что часть губерній получитъ участковыхъ начальниковъ въ концѣ нынѣшняго, а другая часть—въ будущемъ году.

Введеніе мѣстнаго управленія поднимаетъ духъ нашихъ дворянъ-землевладѣльцевъ и встрѣчено всѣми сочувственно, кромѣ, конечно, тѣхъ особей, которые заинтересованы существующимъ порядкомъ вещей. Оппозиція этихъ протестантовъ можетъ быть охарактеризована такъ:

Нашъ земець въ тревогѣ: реформа созрѣла,

Въ участки начальниковъ ждуть,

Убратъ «*миротыла*»—рѣшенное дѣло:

Живновскій съ Надетовымъ пьютъ.

— Ремонты ослабнуть, выдыхаетъ подрядчикъ;

— Мѣста и доходъ отпадутъ,

Акцизъ не оплатишь, томится кабатчикъ,

Дерновъ съ Колупаевымъ пьютъ.

— Суды мировые закроютъ, окладамъ,

Прибавкамъ, разъѣзнымъ—капнутъ,

Иудушка плачетъ, прийдя къ камерадамъ,

Лувгинъ съ Подхалимовымъ пьютъ.

— Что будетъ—то будетъ, но пусть кулебяку,

Сокуровъ рѣшаетъ, пекутъ:

Последній кусъ земскій съѣдимъ не безъ смаку,

Удавъ съ Коренатовымъ пьютъ.

И вотъ кузбяку ѣсть земець пашъ толстый,
Трясучкины рѣчи ведутъ,
Дыба съ Колупаевымъ дѣлають тосты:
«За будущій рубль»—и пѣть пьютъ.

Вотъ сущность всѣхъ протестовъ. Но какая новая мѣра—вторую—не вызываетъ чьегонибудь протеста? Если бояться протестовъ, то ничего нельзя предпринимать. Поэтому, вы, вѣроятно, порадауетесь, сэръ, узнавши, что число протестантовъ весьма незначительно, и что реформа приводится въ исполненіе при искреннемъ сочувствіи большинства народонаселенія.

Мазини въ Петербургѣ производитъ фуроръ, гораздо больній, эчеленца, чѣмъ та испанка, которая, помните, пѣла намъ въ Пуэблѣ, у Донъ-Эврико, когда мы съ вами шли на выручку бѣднаго Максимиліана, и у ногъ которой засидѣлись немножко долѣе, чѣмъ слѣдовало, и опоздали въ Кверетаро. Король теоронъ особенно хороши. Былъ въ «Фавориткѣ» и «Скательяхъ жемчуга». Последнюю оперу онъ бралъ для своего бенефиса. Всѣ мы, конечно, а наши дамы въ особенности отъ него въ восторгѣ, и результатами своей поѣздки въ Россію Мазини недоволенъ быть не можетъ: онъ уже переслалъ черезъ Ліонскій банкъ на родину до 100,000 рублей, и говоритъ, болѣе 100,000 руб. увезетъ еще съ собою. Видъ это, сэръ, 800,000 песетовъ—премія, приличная даже для osoby болѣе крупнаго ранга.

Изъ этого, мой дорогой другъ, вы можете заключить, что Россія не такъ бѣдна, какъ говорятъ иностранные публицисты. Обращу просвѣщенное вниманіе ваше на то, что нашъ государственный бюджетъ въ настоящемъ году 970 мил., а въ будущемъ, вѣроятно, достигнетъ миллиарда рублей. Столько же, если не болѣе, мы платимъ еще земскихъ, городскихъ, нотаріальныхъ и судебныхъ сборовъ, обложеній и пошлинъ, да еще столько же, если еще не больше, наѣзжающимъ къ намъ пѣвцамъ, пѣвицамъ, балеринамъ, престождитаторамъ и своимъ доморощеннымъ жидамъ—ростовщикамъ, сопровождающимъ съ насъ деньги подлѣ разными предлогами: одиѣ берутъ за доставляемыя намъ удовольствія, другіи—за пользованіе средствами, которыя предоставляютъ намъ для полученія удовольствій. Въ общемъ итогѣ это составитъ три миллиарда рублей, или двѣнадцать миллиардовъ песетовъ: какая страна, сэръ, платить болѣе?

Засимъ, чтобы отвѣтить вамъ, дорогой другъ мой, на вопро-

сы: къ чему стремится Россія? и что ей нужно? я позволю себѣ набросать программу нашихъ національныхъ задачъ для мирнаго развитія великой сѣверной имперіи.

Возсоединиться съ нашими славянскими братьями, конечно, составляетъ нашу исконную, завѣщанную намъ вѣками, мечту, но пока—только мечту, такъ какъ событія въ Европѣ еще достаточно не назрѣли. Распространяться, слѣдовательно, объ этомъ нечего. Мечта—пока останется мечтою. Завладѣніе Константинополемъ, не смотря на всю заманчивость нашей завѣтной миссіи—возружить на куполѣ Св. Софіи крестъ, выѣсто полумѣсяца, для подарка грекамъ—по выраженію князя Бисмарка, не стоитъ костей одного померанскаго гренадера. Основаніе же тамъ новой русской столицы, вдали отъ народа, отъ центровъ его силы, жизни и дѣятельности одна ли можетъ удовлетворять чувствамъ любящаго свое отечество русскаго человѣка. Намъ нужны проливы для выхода въ Средиземное море, но не Константинополь. Жить «на отлетѣ», «на отородахъ», «на задворкахъ», какъ выражается нашъ народъ, мы не любимъ. Намъ не удовлетворяетъ даже созданная нами самими столица на берегахъ Невы. Всѣ наши стремленія и помыслы, всѣ наши завѣтныя мечты и думы заключаются въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе выбраться изъ него, уйти къ себѣ на старое пепелище, туда, гдѣ собиралась и создавалась Русь—въ Москву Бѣлокаменную. Москва была колыбелью Руси и должна сдѣлаться ея сердцемъ. Когда это случится—скоро сказка говорится, не скоро дѣло дѣлается,—мы не знаемъ, но вѣруемъ и исповѣдуемъ, что это должно быть, и будетъ, будетъ потому, что интересы Россіи—рано или поздно—заставятъ это сдѣлать. Петербургъ хорошъ, великъ, красивъ, лежитъ на красавицѣ Невѣ, близъ моря, у окна въ Европу, онъ лучше всѣхъ другихъ русскихъ городовъ, но для него нельзя жертвовать интересами Россіи. Пусть онъ принесетъ Россіи жертву, а не Россія для него. Всѣ другіе портовые города: Рига, Ревель, Архангельскъ, Владивостокъ, Одесса, Батумъ живутъ для Россіи, почему же Петербургъ долженъ быть исключеніемъ? Развѣ потому, что онъ обстроился лучше другихъ городовъ, но это не причина: онъ обстроился на счетъ всей Россіи и долженъ чѣмъ нибудь вознаградить ее за это. Raison d'être его существованія могъ быть уважителенъ, когда Петръ прорубалъ окно въ Европу, и позднѣе, когда Россіи нужно было кокетничать съ своею милою оборотливой сосѣдкой. Онъ былъ необходимъ для

связей съ Европой, когда Москву отдѣляло отъ нея пространство разстоянія, но теперь, когда въ семьѣ народовъ мы заняли подобающее намъ мѣсто и въ записки нашихъ надобности не имѣемъ, когда желѣзныя дороги и телеграфъ уничтожили разстояніе,—роль его оказывается сыгранной, и русскому народу приходится рѣшать вопросъ о бытіи столицы не съ точки зрѣнія ея наружной сановитости и красоты, а пользы для развитія и процвѣтанія имперіи. Такъ, по крайней мѣрѣ понимаетъ всякій любящій родину русскій человѣкъ, исключая космополитовъ, которые не прочь считать столицей Руси Парижъ или Нью-Йоркъ. Но о такихъ почтенныхъ господахъ рѣчи нѣтъ. Не забудьте, сэръ, что я отвѣчаю по вашему вопросу и указываю только: куда мы стремимся. Слѣдовательно, вопросъ находится еще въ области теоріи.

Резюмирую сказанное. Когда мѣстная реформа будетъ осуществлена во всѣхъ ея деталяхъ, когда русская жизнь войдетъ въ уровень своего нормальнаго теченія, когда въ массѣ народа глубоко укоренятся чувства самосознанія и самоуваженія,—перенесеніе столицы въ Москву явится дѣломъ действительно необходимымъ. Конечно, безъ борьбы, и борьбы продолжительной и упорной, оно состояться не можетъ, но въ концѣ концовъ осуществиться должно, и осуществится.

Но вы, distinguished friend, быть можетъ, улыбнетесь и скажете: изъ-за чего вы такъ хлопочете? не все ли равно, гдѣ будетъ ваша столица—въ Москвѣ, или въ Петербургѣ: отъ этого вы ни богаче, ни славнѣе не будете.

Да, генераль, если смотрѣть поверхностно, какъ смотритъ теперь и большинство нашихъ соотечественниковъ, то окажется, что вы правы и отъ перенесенія столицы мы не будемъ ни богаче, ни славнѣе. Но если вдуматься и посмотреть на вопросъ, какъ говорилъ знаменитый нашъ народный философъ, Кузма Прутковъ,—въ корень, то должны получиться совершенно иные результаты. Отъ перенесенія столицы изъ Петербурга въ Москву мы будемъ и богаче и славнѣе.

Почему такъ, вы, быть можетъ, улыбнетесь снова, сэръ?

А вотъ почему.

Подъ именемъ перенесенія столицы, истинный русскій патриотъ не подразумѣваетъ только перенесенія административнаго центра. Онъ разумѣетъ перенесеніе вѣсѣтъ съ тѣмъ и могуществомъ Петербурга, т. е. могущества морскаго порта. Москва должна быть соеди-

нена съ Кронштадтомъ морскимъ каналомъ такой глубины, чтобы самые глубоко сидящіе океанскіе пароходы чудовищны могли разгрузаться на Москвѣ рѣкѣ, у Бабьегородской плотины, или тамъ, гдѣ найдутъ еще болѣе удобное для того мѣсто. Отъ Москвы между тѣмъ, сэръ, должны пройти желѣзныя дороги: одна—въ Китай до Пекина, другая въ Индію до Кветты, или другого какого-нибудь пункта Англо-Индскихъ желѣзныхъ дорогъ, третья—въ Архангельскъ, и четвертая до Владивостока. Такимъ образомъ, Москва сдѣлалась бы узломъ всемірной торговли и сундукомъ всемірныхъ капиталовъ. Попали ли, сншоръ, для чего нужно намъ пожертвовать красавцемъ Петербургомъ съ его прехотливыми морскими окрестностями и дачами: старушкѣ Москвѣ Господомъ Богомъ предназначено не только собрать Русь, но и обогатить ее и поставить во главѣ міровой производимости, обѣйна и торговли. Задача, надъ которою, кажется, слѣдуетъ поработать!

Но вы, я предполагаваю уже, опять зло улыбаетесь, сэръ. Вы качаете головой и готовы раздавить меня вопросомъ: гдѣ мы возьмемъ денегъ? Вѣдь денегъ на все это нужно много.

Много, сэръ! дѣйствительно, много, даже очень много! Но если мы ихъ найдемъ, то они современемъ не только сами себя возмратятъ намъ, но еще, я думаю, принесутъ и хорошіе проценты. Проценты эти обогатятъ Россію. Вотъ объ нихъ то и думаетъ теперь истинный русскій гражданинъ, а не о расширеніи нашей, и безъ того обширной, территоріи, хотя бы на счетъ братьевъ-славянъ: когда мы будемъ богаты, они сами прихлѣнутся къ намъ.

Но вы все таки продолжаете улыбаться, сэръ, думая, гдѣ же мы возьмемъ столько денегъ? Русскій народъ бѣденъ...

Да, сншоръ, русскій народъ, дѣйствительно, считается самымъ бѣднымъ народомъ въ мірѣ въ смыслѣ владѣнія золотомъ. Но онъ не такъ бѣденъ разумомъ, сэръ, и имѣетъ въ своемъ распоряженіи кое-что изъ естественныхъ даровъ природы, въ родѣ хлѣба, лѣса, пеньки, сала, керосина, рудъ и пр. Не забудьте при этомъ, достоуважаемый другъ мой, что народъ русскій, при всей своей бѣдности, какъ я привелъ уже выше, находитъ возможнымъ платить ежегодно податей, налоговъ и обложеній три милліарда рублей, или двѣнадцать милліардовъ незетовъ.

Обращаясь къ деталямъ проекта, могу привести въ пользу его слѣдующія соображенія. Морской каналъ въ Москву мы можемъ прорыть сами, собственными средствами, такъ какъ ни рабочихъ

рукъ, ни хлѣба для нихъ намъ занимать не придется. Если учредится общество Московскаго морскаго канала, по примѣру Суэзскаго, то оно можетъ прорыть его на одинъ облигаціи, оставивъ всѣ акціи у себя дома. Все, что нужно для прорытія Московскаго канала, нашлось бы въ Россіи, и намъ не пришлось бы занимать для этого ни одного золотого пятифранковника за границей. Наши кредитные билеты одни бы сдѣлали дѣло, а акціи и облигаціи общества Московскаго канала наши бы себѣ мѣсто въ сундукахъ русскихъ толстосумовъ. Что-же касается желѣзныхъ дорогъ: Русско-Китайской, Русско-Индской, и Русско-Океанійскихъ, то для постройки ихъ потребуется заемъ, но онъ, вѣроятно, найдетъ себѣ помѣщеніе у друзей нашихъ во Франціи и Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ, дѣло можетъ устроиться, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ мы даже думаемъ. Нужна только сильная инициатива.

Что вы скажете на это, сэръ?

Фантазія! вы подумаете, конечно, съ свойственнымъ вамъ скептицизмомъ, ничего болѣе, какъ фантазія! и улыбнетесь беззвучно.

Но нѣкоторыя фантазіи имѣютъ свойство превращаться въ дѣйствительность, что, конечно, сэръ, вамъ не безызвѣстно по опыту. Поэтому, можно думать, что и наши фантазіи когда нибудь осуществятся.

Вотъ что я долготъ считая отбѣтить вамъ, серьезнѣшме и иллюстриссше эччеленца, на вопросъ вашъ: что нужно Россіи? Какъ вы примите это заявленіе—дѣло ваше. Но не мѣшаетъ имѣть вамъ въ виду и то обстоятельство, что Москва, Парижъ, и Нью-Йоркъ имѣютъ взаимное дружеское тяготѣніе другъ къ другу, и чего они ни сдѣлаютъ, чего ни достигнутъ, идя рука объ руку къ развитію, преуспѣянію и благу своихъ народовъ.

Всемли Бразилія,
Словамъ Виргилія...

А впрочемъ, примите и пр.

1 Апрѣля
1890 года.

ОБОЗРѢНІЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ СОКРОВИЩЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

а) На академической выставкѣ 1886 года.

«Палачъ» И. Л. Асканзія.

Предъ нами бедунъ, увѣчанный пѣнкомъ,
Въ одной рукѣ несетъ на блюдѣ полумаску,
Въ другой — тупой тесакъ, но взоръ видитъ ласку,
И палача признать одна-ль мы можемъ въ немъ.

«Гомеровская скала» И. К. Айвазовскаго.

Синѣть небо, море, горы,
Синѣть даже ночи мгла,
И въ синевѣ нѣтъ взоры
Съ людьми Гомера скала.

«Ночь въ Бахчисараѣ» Г. И. Кондратенко.

Тиха, свѣтла въ Бахчисараѣ ночь,
Какъ и у насъ, такая же точь-въ-точь.

«Юдишь» Зябеля.

Жидовка грязная съ Бассейной плъ Фонарнаго
Позируетъ въ пивной для милаго пожарнаго.

«Двѣ аллегорическія фигуры» В. П. Верещагина.

Съ балабайкой и мечемъ
Двѣ фигуры вижу въ горѣ я,
Но не знаю, гдѣ и въ чемъ
Здѣсь таится аллегорія?

«Татаринъ» К. И. Голембѣовскаго.

Сюжетъ, достойный русскія страны:
Татаринъ, продающій рваные штаны.

«Тангейзеръ и Венера» С. Р. Растворовскаго.

Авторъ юпоша не совладалъ съ задачей:
Вмѣсто рыцаря Тангейзера съ Венерой,
Имъ представленъ: на пригорочкѣ, за дачей,
Бурный пресыщенный съ кутнувшею гетерой.

«Маль-мала-меньше» И. А. Пелевина.

Не дурно подобраны крошечки:
Малютка, собачки и кошечки.

«Въ горѣ» М. И. Боткина.

«Въ горѣ» напрасно вы ищете горе,
Трудно его отыскать:
Было-бъ правдивѣе, кажется, «Въ ссорѣ»
Эту картинку назвать.

«Догъ» Р. Ф. Френца.

Несуществующей на свѣтѣ шерсти догъ:
Нарисовать его лишь только Френцъ и могъ.

«Изъ Босфора въ Черное море» Л. Ф. Лагоріо.

Не Черное море бушуетъ волнами,
Кастрюля кипитъ съ молокомъ,
И берегъ роскошный Босфора съ дворцами
Представленъ кисельнымъ бугромъ.

«Портретъ г-жи Спасовичъ» А. Г. Горавскаго.

Костюмъ и поза—типъ провинціалки,
И зеленъ волосъ—точно у русалки.

«Царь Иванъ Грозный и его мамка» К. Б. Веннга.

Не Грознаго царя, не «гитиль вѣнчанный»
Ты намъ даешь, художникъ «Стрекозы»,
То—Святополкъ скорѣ окалянный,
Съ извѣстной генеральшей изъ «Грозы».

«Моисей въ пустынь» И. Л. Аскназія.

Міръ пустыни, міръ барановъ,
Моисей сидитъ угрюмъ,
И въ баранахъ партизановъ
Для своихъ находить думъ.

«Переправа» И. Л. Дмитріева-Оренбургскаго.

Масляныя волны,
Винный песокъ,
И восторга полны
Всѣ плоты и чолны:
«Братья, съ нами Богъ!»

«Діана» В. А. Боброва.

Корифейка балетная дѣлаетъ па,
Подражая въ «пуантахъ» самой Петипа.

«Раненый трубачъ» Б. П. Виллевальде.

Стѣны—прелесть, камни схожи,
И собачка недурна,
Но трубачъ съ избитой рожей—
Жалкій нищій у окна.

«Богомолецъ» Н. А. Кошелева.

Подъ личиной постной богомольца
Сербскаго призналъ я добровольца.

«Михаилъ Глинскій въ темницѣ» К. Альхимовича.

Кавказскій пѣвчичекъ въ обнищеннѣй обстановкѣ,
И дѣва горь предъ нимъ стоитъ, нахмури бровки.

«Катуллъ, читающій стихи друзьямъ» С. В. Бакаловича.

Далматовъ!.. Петипа!.. Своимъ не вѣрю взорамъ:
Катуллъ стихи читаетъ нынѣшнимъ актерамъ!..

«Идиллія на озерѣ» Ю. Ю. Клевера.

На озерѣ идиллія—
Вѣдь чѣмъ не шутить бѣсъ!—
Взросла какъ тыква—лилія,
Трошечку превыснѣлъ лѣсъ.

«Видъ Кавказа съ Чернаго моря» Г. П. Кондратенко.

Не грозный то Кавказъ, не Черное то море:
То—берегъ Генуи или Лаго-Маджіоре.

«Солдатъ въ костюмѣ XV вѣка» Д. А. Бенкендорфа.

Надѣлъ костюмъ пятнадцатаго вѣка
Солдатъ лихой—чтобы идти на грека.

Три картины: «Оксана», «Малороссiянка» и «Каскад-
ная пѣвица» Х. И. Платонова.

И въ Оксанѣ, и въ Хохлушкѣ, и въ Пѣвицѣ,—
Все съ одною мы встречаемся дѣвицей,
И хотя дѣвица эта недурна,
Но всё тѣмъ намъ не можетъ дать она.

«Дѣти барона М.» С. К. Кюгельхенъ.

Прелестны дѣточки, и мальчикъ милъ сынокъ,
Но лучше всѣхъ малютка—мопсикъ-кобелекъ.

Мартъ, 1886.

б) На передвижной выставкѣ 1886 года.

«Дѣти съ цвѣтами» А. А. Харламова.

Ипсiя дѣти и ворохи розъ—
Встрѣтись-ли въ жизни подобный курьезъ?

«Адмиралтейская набережная» А. Г. Бегрова.

Напрасно Александръ Бегровъ
Потратилъ много такъ трудовъ,
Адмиралтейство края лакомъ
И наполняя скверикъ лакомъ.

«Гетманша» И. В. Бодаревского.

На сценѣ—арсеналъ: братины, стопы, кубки,
Бунчуки, оружiе—сѣдыхъ вѣковъ собранье,
И Горена, въ костюмъ гетманши-голубки,
Читасть монологъ и ждетъ рукоплесканья.

«Бадень-Бадень» А. П. Боголюбова.

На задворкахъ днѣ стѣнки, и это—Бадень!
Почему жъ: не Клитъ?.. не Алжиръ?.. не Аденъ?..

«Подъ сводами Колизея» М. П. Клодта.

Арестована дѣвица,
Передъ ней съ водой кувшинъ,
И мечтаетъ баловница:
«Ахъ какъ скучно безъ мужичи!»

«Болото» Е. Е. Волкова.

Въ болотѣ—неба синева и позолота;
А въ небесахъ—одна лишь муть и грязь болота.

«Бабушкины сказки» Е. П. Михальцева.

Бабушка дремлетъ, сплываютъ глазки:
Вздумала внучка ей сказывать сказки.

«Идиллія» П. Г. Богданова.

Воскресная идиллія въ агоніи,
Утомлены любви весенней дамики:
Сыграли всѣ пѣсни парень на гармоніи,
Пошла дѣвушка свои всѣ пряники.

«Портретъ профессора М.» П. А. Ярошенко.

«То—не профессоръ, говорятъ собраты,
То—сторожъ, стерегущій препараты».

«Прогулка по деревнѣ» П. Д. Кузнецова.

Не правда-ль: съ сельскихъ франтовъ-кузнецовъ
Срисовать фатъ вашихъ вами, Кузнецовъ?

«Первый караванъ въ Рыбинскъ» В. М. Максимова.

Все есть: суда и пароходъ,
Во флагахъ разноцвѣтъ,
Движеніе, суета, народъ,—
Но только Волги нѣтъ!

«Марина Мнишекъ въ тюрьмѣ» И. В. Певрева.

Моментъ трагическій: въ тюрьмѣ Марина Мнишекъ
Объ умноженіи числа хлопочетъ Гриншекъ.

«Портреты генерала Г. и г-жи О.» И. И. Крамского.

Великъ Крамской! его извѣстность такъ грозна,
Что безъ ущерба ей, поставить можетъ онъ:
И генерала съ саблей нѣмѣ верстака,—
И въ бальномъ пчатъ барышню на бастионъ.

«Тихій сонъ» И. И. Быкадорова.

Не любя съ искусствомъ долгихъ споровъ,
Започина въ снѣ тихомъ Быкадоровъ.

«Сѣверъ» В. К. Менка.

Сѣверъ!.. Почему югъ названъ сѣверомъ
Не могли рѣшить мы даже съ Клеверомъ.

«Партія въ карты» В. Е. Маковского.

Мысляю попой картина блеститъ —
Видимъ мастера въ ней ветерана:
Задъ широкій, мясистый открытъ
Такъ изящно для перваго плана.

«Въ дубовой рощѣ» Н. Н. Шишкпина.

Въ заповѣдной дубовой этой рощѣ
Особенно вѣсьмъ нравится сукъ тещи.

«Поздняя осень» Н. Н. Дубовскаго.

Какая прелесть въ этомъ полотнѣ:
Дѣвъ мерзлыхъ вороны на плетнѣ!

Апрѣль, 1886.

в) На академической выставкѣ 1887 года.

«Ночь на Саймскомъ каналѣ» Н. Н. Биллбйна.

Ночь, луна и каналъ хороши—какъ нигдѣ!
Въ этихъ чудныхъ чухонскихъ мѣстахъ
Отражается мѣсяцъ въ зеленой водѣ,
А вода—въ голубыхъ небесахъ.

«Марфа и Марія» Г. Н. Семпрадскаго.

Художникъ, уведи внутрь храмины людей
И заверши шедевръ: кормленье голубей!

«Бой подъ Зарабуланомъ» Н. Н. Каразина.

Ужасный бой!.. кнѣзь брося, взялъ кистень Каразинъ
И разгромилъ искусство—словно Стенька Разинъ.

«Изъ области вѣчныхъ снѣговъ» А. Ф. Петерса.

Бъ чему, художникъ, спорить и шутить?—
Твой холстъ—великъ!

Но лучше бы его употребить
На половник.

«Монахъ» О. О. Беггровой.

Экспрессія madame Беггровой
Мотивъ даетъ искусствѣ новый:
Монахъ на скрипкѣ—случай рѣдкій! —
Играетъ въ кельѣ оперетки.

«Наяда» В. А. Боброва.

Дѣвица видная?.. Но сколько желчи, яда
Излплъ, художникъ, ты, назвавъ ее «Наяда»!..

«Унесенный барнасъ» В. Д. Орловскаго.

Четыре этажа зеленыхъ чудовищныхъ волнъ,
Бушующа, срываютъ и топятъ оторванный челядь.

«Родное гнѣздо» М. С. Ткаченко.

Въ «Родномъ гнѣздѣ»
И яблоки донынѣ
Растутъ вездѣ:
На вербѣ и осинѣ.

«За чтеніемъ» А. Н. Новоскольцева.

За чтеніемъ боярышня сидитъ,
Но точно ли—сидитъ, а не летитъ?..

«Портретъ г-жи У.» Н. Ф. Ционглинского.

Другой такой портретъ едва ли гдѣ найдется,
Какъ Янусъ, не лицо, а два, онъ вамъ означаетъ:
Взгляните справа—онъ смѣется,
А слѣва—плачетъ.

«Ромео и Джульетта» К. Б. Венига.

Картиною своей увѣрять хочет Венигъ,
Что на атласъ Джульетта не жалѣла денегъ.

«Передъ грозою» А. А. Писемскаго.

Сюжетъ—серьезенъ, важенъ, строгъ,
И даже выполненъ не слабо...
Представьте: свѣжій стѣна стогу,
И на стогу грозы ждетъ баба.

«На дачѣ» І. Е. Крачковскаго.

Въ тѣни деревъ—какъ милы эти сцены!—
Сидятъ и дремлютъ люди-манекены.

«Лѣсъ» В. М. Резанова.

Отдѣланъ «Лѣсъ»—какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ,
На самой яркой шелковой подкладкѣ.

«Memento mori» В. А. Боброва.

Портреты шедевръ художника Боброва:
Художественный міръ еще не зрѣлъ такого.

«Черкесь въ степи» П. О. Ковалевскаго.

Четыре крупа,
Четыре зада,—
Какъ эта группа!
Миза для взгляда!..

Мартъ, 1887 г.

г) На передвижной выставкѣ 1887 года.

«Княжна Юсупова передъ постриженіемъ» Н. В.
Певрева.

Князь Юсуповъ вопрошаетъ
У княжны Прасковьи:
«Какъ ты?.. воть монахъ не знаетъ..
Въ добромъ ли здоровы?»...

«Въ ожиданіи» П. В. Бодаревского.

Все «Въ ожиданіи» — люблю такія сценки! —
Надеждой робкою живеть;
Бояршина, и конь, и пестъ, — все жадно ждетъ...
Себѣ достойныя оцѣнки.

«Портретъ Митрофана Бѣляева» Е. И. Рѣпина.

Одна рука на бородѣ,
Другая же въ карманѣ:
Печать извѣстная вездѣ
На каждомъ Митрофанѣ.

«Боярыня Морозова» В. И. Сурикова.

Старуха на дровняхъ, какъ гасеръ балаганный,
Народъ вокругъ себя собрала и смѣшить,
И страстный жестъ ея, лукавый и обманный,
Какъ сальный жестъ шута, коробить и мутить.

«Парижанка» Ю. И. Лемана.

Такия дамы есть, быть можетъ, и въ Парижѣ,
Но типъ ихъ, Леманъ, вы могли бѣ найти поближе.

«Зимній вечеръ» А. Н. Шиллера.

Въ лѣсочкѣ, подъ яркими солнца лучами,
Краснѣетъ слѣдъ черный телѣгъ,
Краснѣютъ, стыдась, и деревня предъ нами,
И красенъ поджаренный снѣгъ.

«Цвѣтущій лугъ» Е. Е. Волкова.

Пригорочекъ, устланный
Бумажками и тукомъ,
Художникъ нашъ разстланный
Назвалъ «цвѣтущимъ лугомъ».

«Пчельникъ» Н. Л. Эллерта.

Все есть: цвѣты, деревья, пчельникъ дорогой,
Но только жизни нѣтъ въ глухой тиши лѣсной.

«Конецъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя» М. П. Клодта.

Не Гоголь то «Мертвыя души» сжигаетъ,—
Какой-то въ ночи чеподникъ,
Озябнувъ, какъ видно, } рбон бросаетъ
И свертки картона въ каминъ.

«Коробейникъ» К. А. Савицкаго.

До «Коробейника» безъ короба—
Шной додумался не скоро бы...

«Этюды во Фраскати» О. А. Бронникова.

Всѣ эти чудные «Этюды во Фраскати»—
Подарокъ слюный для восьмилѣтней Катя.

«Противъ воли постриженная» Н. С. Матвѣева.

«Пострижена»... «прощай!»—боярину веселье...
Но въ келейкѣ затѣмъ, разбросаны, лежатъ
И ножницы, и прежній дорогой нарядъ:
Неужли постриженъе было въ кельѣ?

«Утро» П. А. Брюлова.

Дорожка, садъ и тѣнь—все сдѣлано прекрасно;
Но «утра» я ищу въ тѣни деревь напрасно.

«Дубы» И. И. Шишкина.

Хорошо насажены
Шишкина «Дубы»,
Но жаль: не посажены
Шишки на дубы.

Мартъ, 1887 г.

д) На академической выставкѣ 1888 года.

«Честь спасена» К. П. Степанова.

Для перевязки ранъ съ плеча спустить
Рубашку рыцарь могъ;
Но для чего его задумалъ обнажить
Художникъ—до сапогъ?

**«Послѣднія минуты семейства Годуновыхъ»
К. Б. Вентга.**

Послѣднія минуты Годуновыхъ—
Предъ наступленьемъ въ томъ же году новыхъ...

«Наступленіе субботы» И. Л. Аскназія.

Ветхозавѣтный жанръ, еврейскія работы,
Манера, мастерство,—ихъ не знавали мы;
Но увидавъ теперь, мы скажемъ, для «субботы»,
Одно лишь мѣсто есть—за стойкою корчмы.

«Портретъ г-жи Зеленой» Е. А. Вахтеръ.

Портретъ madame Зеленой—
Портретъ вполне зеленый.

«Этюдъ русскаго боярина» С. И. Крамской.

Художникъ, объясни, сомнѣнья насъ берутъ:
Писать этюдъ бояринъ?.. или бояринъ—самъ этюдъ?..

**«Баши-бузуки съ болгарскими дѣвушками» И. Е.
Ковалевскаго.**

Баши-бузуки Невскаго проспекта—
Не безъ дѣвицъ, конечно, для эффекта.

«Элегія» И. А. Сергѣева.

Въ кустахъ густыхъ прудокъ,
Чуть видимый сквозь тину,—
Назвать дасть предлогъ
«Элегіей» холстину.

**«У колодца» Сцена изъ жизни помпейской. А. А.
Киселева.**

Сцена ваша, художникъ, изъ жизни помпейской —
Отзывается сценой изъ жизни еврейской.

«Болото» А. А. Сахарова.

Хорошо «Болото»,
Но въ немъ нѣтъ чего-то..

«Утро мудренѣе вечера» П. Ю. Селывановскаго.

Не утро вечера — наоборотъ
Выходить: вечеръ утра мудренѣе,
И юный школьникъ, скушавъ бутербротъ,
На книжкахъ засыпаетъ веселѣе.

«Съ визитомъ» М. П. Дьяковой.

Барышка пришла,
Сѣла у стола,
И — одна сидитъ:
Это ль не визитъ?

«Мертвая натура» Э. К. Липгарда

Мертвая натура... о, какъ это ложно!
Кошечки, взгляните, живы — непременно...

«Березы». Этюдъ В. Е. Воронкова.

Бѣдныя березы
На юру стоять,
Ничего сквозь слезы
Намъ не говорить.

«На взморѣѣ» П. П. Куріаръ.

Охота... но, видно, охоты не видѣлъ художникъ:
Дичь — влѣво, стрѣлять же — прямо охотникъ.

**«Портретъ купца Семенова» и «Семейство Годунова»
Н. П. Шаховскаго,**

То не портретъ купца Семенова,
То не семейство Годунова,
Но то—семья купца Семенова,
Портретъ—купчины Годунова.

«Туманъ на Чусовой» Г. Г. Казанцева.

Портретъ «Тумана»
Данъ безъ обмана.

«На берегу озера» А. Д. Квишенко.

Деревня, озеро, и дачники, и лодка,—
Недурно выглядеть, но лишь для одного года...

«Мыльные пузыри» Е. Ф. Урлауба.

Лишь только академикъ въ мудрости своей
И могъ додуматься до «Мыльныхъ пузырей».

Апрѣль, 1883 г.

е) На передвижной выставкѣ 1888 года.

«Ночь» М. П. Холодовскаго.

Бакія краски! Что за колоритъ!
И что за прелесть тѣнь!
Ночь на землѣ простертая лежитъ,
А въ небѣ—день...

«Биржевой день» А. Г. Бегтрова.

На мѣстѣ все: купцы, пзвощикъ ломовой,
Банкиръ, чухна и жидъ, два зайца-странника...
Но для чего, скажи, художникъ дорогой,
Сюда забрался экипажъ посланника?..

«Буреломъ» И. И. Шлишкпина.

Не буря тотъ образовала буреломъ:
Медвѣдь сломалъ двѣ елки въ лѣсѣ вѣковомъ.

«Монахъ» И. К. Брюнникова.

Вся публика монаха видѣть рада:
То не простой монахъ—изъ маскарада.

«Разсвѣтъ» Е. Е. Волкова.

Какой разсвѣтъ! разсвѣта нѣтъ...
Но всходъ утра,
Главы склоны, ждутъ два коня
Возлѣ костра.

«Пахарь» И. Е. Рѣпина.

Нашъ пахарь пашетъ безъ слѣда:
Прошелъ—но гдѣ же борозда?

«Наступленіе ночи» И. И. Ендогурова.

Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ:
Одной звѣзды лишь ярокъ слѣдъ.

«Просители» Ф. С. Журавлева.

«Ташкенецъ» Щедрина предъ нами возстаеъ
Во всемъ величій достоинствъ и красотеъ,

И если недостатокъ есть, то лишь одинъ:
Что Журавлевъ въ искусствѣ—не Щедринъ.

«Портретъ А. Г. Захарьина» В. Е. Маковского.

При бѣломъ галстухѣ, на сюртукѣ звѣзда:
Во всемъ, Москва, оригинальна ты всегда!

«Стадо свиней» И. Д. Кузнецова.

Все люди да люди!.. Художникъ людей
Не любить... къ чему ихъ?—не надо!
И вотъ онъ рисуетъ намъ стадо свиней—
Семейное русское стадо.

«Монахиня» И. Е. Рѣпина.

То не монахиня—бандитъ,
И кровожаденъ и небритъ...

«Гопъ!.. Гопъ!..» А. С. Степанова.

Къ чему кричать,
Художникъ «гопъ!»
Когда сказать
Приличнѣй: «стоппъ!»

«Овцы» И. И. Дубовскаго.

Стоитъ старикъ-чабанъ, сидитъ его пестъ старый,
И овцы стерегутъ ихъ цѣлою отарой.

«Лѣтняя Петербургская ночь» А. П. Боголюбова.

Картина не дурна
Въ ней бездна полумраку,
И блѣдная луна
Прикрѣплена къ маяку.

Мартъ, 1888 г.

ж) На академической выставкѣ 1889 года.

«Побережье Нарвскаго залива» А. И. Мешерскаго.

Подъ зеленою небесь, зеленое стекло
Въ громадной рытвинѣ, какъ бы въ котлѣ, варится,
Вскипѣло—и волною на берегъ стекло...
Вотъ что порой у насъ, на Балтикѣ, творится.

«Послѣднія минуты Сократа» И. С. Гольдблата.

Въ «Послѣднихъ минутахъ Сократа»
Минутъ этихъ нѣтъ у Гольдблата.

«Портретъ г-жи С.» Е. А. Вахтеръ.

Работа женская вполнѣ:
Сидитъ на ручкѣ кресель дама
И думаетъ, нельзя ль къ весѣ
Ей къ Буланже поѣхать прямо.

«Присяга евреевъ—новобранцевъ» П. И. Галлера.

Евреи-новобранцы привели присягу:
Изъ перваго жъ сраженія въ кусты дать тягу.

«Недоразумѣніе» И. Д. Лосева.

По недоразумію, она льетъ слезы —
Летѣя грезы;
По недоразумію, и онъ смѣется —
Въ любви клянется.

«Смерть Нерона» В. С. Смирнова.

Нерона тѣнь, за всѣ его дѣла,
Художникомъ наказана достойно:

Досель она проклятья лишь несла,
Теперь насмѣшки несть должна спокойно.

«Передъ преторіей» С. В. Бакаловпча.

Творить судъ въ Римѣ, подъ Воляпцей,
Вѣковъ давно минувшихъ мировой,
Но водворяетъ міръ въ толнѣ десницей,
Какъ и теперь,—городовой:

«Геркулесь, убивающій гидру» А. А. Васютинскаго.

На думскихъ выборахъ, въ вопиющей позиціи,
Заводчикъ Лиговскій бьетъ гидру оппозиціи.

«Въ своемъ саду» А. Е. Рокачевскаго.

Красавица въ своемъ саду
Кого-то ждетъ,
Шутя срываая на ходу
Запретный плодъ.

«Звѣзды догораютъ» Н. А. Сергѣева.

Гдѣ тѣ звѣзды догораютъ?..
Въ небѣ нѣтъ ихъ... Сгасли...
Рано конитъ, зная, замираютъ,
Экономя въ маслѣ.

«Пугало» и «Не купите ли?» О. В. Беггровой.

«Не купите ли пугало?»—вотъ весь запасъ
Идей и творчества Беггровой,—
И съ нимъ должно теперь художество у насъ
Идти впередъ дорогой новой!..

**«Изаврійскіе пираты, продающіе добычу» Г. Н.
Семирадскаго.**

Пираты Невскаго проспекта
Ждають красавиць продають,
Которыхъ раньше, для эффекта,
И соблазнять, и оберуть.

«Шесть офортовъ» А. А. Боброва.

Алексѣй Бобровъ,
Выставилъ офорты,
Словно Кочкуровъ.
Праздничные торты.

«Ночь въ Петербургѣ» П. А. Вельца.

И ночь, и луна,—въ ажитациѣ обѣ:
Хоронить луну ночь во мракѣ, какъ въ гробѣ;
Луна же лучи погасивъ въ вышинѣ,
Ихъ топить, серебрысь и купаеь въ волнѣ.

«Ледовое побоище» А. К. Горбунова.

Художникъ, очевидно, сланикомъ смѣлъ
Въ своей къ побоищу любви:
Дастъ онъ битву намъ и массы тѣлъ,
Но не дастъ ни капли крови.

«Юдифъ и Олофернъ» В. Е. Савинскаго.

То не картина—ребусъ. Въ семь гіероглифъ
Загадку разрѣшить мы можемъ вѣрно:
Предъ нами Франція съ мечемъ—въ лицѣ Юдифъ
И Буланже—въ особѣ Олоферна.

«Андромеда» (скульптура) М. Л. Диллонъ.

Дорогая Марья Львовна
Ваша «Андромеда»,
Распростершиися грѣховно
Ждетъ присылки плада.

Апрѣль, 1889.

з) На передвижной выставкѣ 1889 года.

«Пересуды» А. Е. Архинова.

Простыя бабы въ сценѣ пересуда
Упрощены до тошноты,
Но пѣтъ въ картинѣ жизненной—о, чудо!—
Присущей жизни простоты.

«Иванъ Царевичъ» В. М. Васнецова.

Въ журмолектъ юноша, дѣвчоночка и волкъ
Куда-то въ страхѣ лѣсомъ мчаться,
Но чѣмъ тутъ публика—никакъ нельзя взять въ толкъ!—
Серьезно можетъ похихиваться?..

«На посылкахъ» Н. Г. Богданова.

Художникъ, замысломъ богатъ,
Изобразилъ двухъ поварятъ:
Стоять они—какъ ретозъи,—
И въ этомъ суть и соль идеи.

«Портретъ дочери г-на Б.» Н. К. Бодаревскаго.

Двѣ фигуры на портретѣ—
Крошечка-дѣвочка и сучка:

Не поймешь порою въ свѣтъ
У кого кто дочь, кто—внучка?

«Подъ липами» П. А. Брюллова.

Подъ липами-гигантами—скамья,
Вокругъ скамьи—громады-липы,
Липъ-исполиновъ цѣлая семья
И все—портреты или тины.

«Вѣль» (въ Нормандіи), четыре картины А. П. Боголюбова.

Художникъ дорогой, позволь
Пройти молчаніемъ твоей «Вѣль»:
Опъ жизни, ярко и хорошъ,
Но потъ вопросъ: насколько схожъ?

«Ручей», «Прудъ», «Дубокъ» и «Челнокъ»

Е. Е. Волкова.

Вся эта прелесть: «Ручейки»,
«Дубки», «Прудки» и «Челноки»,—
Антрена искусства, бездѣлушки,
И не картины, а игрушки.

«Кальвуччи срисовываетъ соколовъ» А. Д. Литовченко.

Соригинальничать Литовченко хотѣлъ—
И на Кальвуччи съ соколами налетѣлъ:
Въ итогъ—трата время, красокъ, полотна,
Не то ему дала бы «Фрина» или «Нана».

«Выходъ» И. И. Ге.

Трудъ покаянный Ге: художникъ-реалистъ
Въ немъ дебютируетъ—какъ техникъ и стилистъ.

«Этюдъ облаковъ» и «Среди облаковъ» И. А. Ярошенко.

«Этюдъ облаковъ» и «Среди облаковъ»
Писалъ нашъ художникъ любимый
Средь облака банныхъ горячихъ паровъ,
Плѣ въ клубахъ табачнаго дыма.

**«Портреты Бородина, Глазунова и Щепкина»
И. Е. Рѣпина.**

Напрасно Рѣпинъ мнить, какъ портретистъ, затмить
Въ искусствѣ кисть брануриую Крамского!
Не ворону орломъ подѣ облакомъ парить,
Ширяться въ сферахъ солнца золотого.

«Сироты» М. П. Клодта.

Жалка намъ вдовушка со скорбію своею,
Но вдвое жалче—вѣдьма, что виситъ надъ нею.

**«Дѣвочка съ яблокомъ» и «Дѣвочка съ виноградомъ»
А. А. Харламова.**

Стоять двѣ дѣвочки съ эмблемами предѣ нами,
Имъ приданъ смыслъ таковъ кричащими мазками:
Шалуныя съ яблокомъ должна насъ соблазнять,
А виноградомъ—опьянять.

«Сватовство» И. В. Неврева.

У передвижниковъ и «Сватовство» —
Искусство, не простое баловство.

«Лоси» А. С. Степанова.

Прогрессъ у насъ во всемъ и всюду: лоси —
И тѣ искусствъ на биржѣ стали въ спростъ,

Въ свой Эрмитажъ, ихъ, какъ породистыхъ бычковъ,
Нашъ меценатъ приобретаетъ Третьяковъ.

«Свекръ» В. Е. Маковского.

Пройдете мимо, чтобъ не потакнуть грѣху:
Вѣдь это—свекоръ, соблазняющій сноху.

«Подъ печкою зимой» С. И. Свѣтославскаго.

Ключъ творчества, живою свѣтлою струею,
Въ художникѣ не бьется:
Весь плодъ его идей—подъ печкою зимою
Два пѣтуха и котъ.

«Прудъ» Г. Г. Мясоѣдова.

Мясоѣдовъ, неужели
Эта лужа—прудъ
Представляетъ въ самомъ дѣлѣ
Выставочный трудъ?..

«У водопоя», «Овощи» и «Портреты Полѣнова и
Титова» И. Д. Кузнецова.

На все способенъ сталъ художникъ-чудодѣй:
Даетъ намъ водопой и скотъ въ скелетахъ,
Рисуетъ чудные портреты овощей,
И пишетъ овощи въ портретахъ.

«Мининъ» и «Агарь съ Измаиломъ» скульптура В. А.
Кавки.

Скульптура ваша, милый Кавка,
Пока еще—зеленьская травка.

Мартъ, 1889.

п) На академической выставкѣ 1890 года.

«Біаррицъ» и «Прибой у Біаррицкихъ скалъ» И. К.
Айвазовскаго.

Маринистъ панъ славный живъ,
Но на выставкѣ въ картинахъ
Тонетъ, славу переживъ
На «Біаррицкихъ маринахъ».

«Портретъ m-lle Гейне» А. И. Новоскольцева.

«Свѣтланы» авторъ даровитый
Воспроизвелъ ее опять
Подъ видомъ свѣтской Афродиты,
Но жизни ей не могъ лишь дать.

«Летучая почта» Е. З. Краснопупковой.

Прелестно! Стень, рядъ мельницъ, постъ, дорога...
Но гдѣ? въ какой степи такъ мельницъ много?

«Заря занимается» А. А. Сахарова.

На днѣ болота грязно-бураго,
Чуть брезжа, вспыхнула заря
И кроетъ дымкой утра хмураго
Сводъ неба блѣдный пустыря.

«Послѣ маскарада» В. А. Боброва.

Шапка жирасира,
Барыня, каминъ,
Но его нѣтъ — сиротъ:
Гдѣ жь онъ, Марса сынъ?

«У береговъ Африки» Л. Д. Блинова.

Ни Африки, ни береговъ —
Увы! не видно на картинѣ:
Подъ блескомъ желтыхъ облаковъ
Они сокрылися въ пучинѣ.

«Владимірское раззореніе» Н. А. Кошелева.

Монголы и погромъ... но для чего орловъ,
Которыхъ не было у насъ еще въ гербахъ,
И не татаръ—черкесъ съ князьями въ зубахъ
Изобразить въ погромѣ мудрый Кошелевъ?

«Бояринъ» О. О. Фрейвиртъ-Лютцова.

Бояриномъ едва ли можетъ быть Иуда:
То жидъ сидитъ въ ермолкѣ съ книгою Талмуда.

«Передъ вѣнцомъ» К. Е. Маковского.

Невѣста тѣшится послѣдними мечтами,
Дѣвицы вокругъ стоятъ съ разинутыми ртами,
Картина жизненна, все—правда, блескъ и свѣтъ,
Но дружкѣ въ шакль быть—въ свѣтлицѣ бы не слѣдъ.

«У парома» П. Е. Сверчкова.

Солягуба «Тарантасъ»
У парома въ Лету.
Злой такой поэмъ часъ
Спился ли поэту?

«Проклинаніе Лорелеи» П. П. Келлера.

Достоинъ полотно сюжета здѣсь повѣрять,
Какъ полотна достоинъ самъ сюжетъ!
Тутъ все есть: страсть, борьба, и женщины, и черти,
И лишь печати дара духа нѣтъ.

«Защита божества» скульптура В. А. Беклемишева.

Мордовцевъ видить зѣсь идею,
Но мы не видимъ ничего:
Дана намъ фурія—Богъ съ нею!
Но гдѣ борьба за божество?

«Кочевье Езидовъ» А. Д. Кивипенко.

Кочевье нашихъ передвижниковъ-номадовъ,—
Проектъ живыхъ картинъ для зимнихъ маскарадовъ.

«Конкуренты» Н. Н. Каразина.

Паровозъ идетъ въ степь нынѣ,
Конкурентъ ему—верблюды,
Вотъ они рядкомъ въ пустынь
Въ перевалочку бѣгутъ.

«Въ свободныя минуты» А. А. Киселева.

Въ свободныя минуты баринъ занять дѣломъ:
Читаеть заповѣдь рабамъ своимъ несмыслымъ.

«Кимвры» скульптура Г. Р. Залеманъ.

Академическіе дикари,
Плодъ недоношенный искусства,
Въ которомъ не найдешь ни на пари:
Ни мысли, ни красы, ни чувства.

«Заброшенное кладбище» Ю. Ю. Клевера.

Ни тропки, ни слѣда, снѣжокъ прикрылъ рядъ плитъ
И крестъ, подъ конемъ Клевера талантъ зарыть.

Мартъ, 1890.

i) На передвижной выставкѣ 1890 года.

«Притихло» Н. Н. Дубовскаго.

Притихло море, въ зыби яхонтовой, синей,
Купается луна, злата изгибы волнъ,
И тонетъ тучъ молочныхъ бѣлый иней,
И слѣдъ браздить, плывя лѣнливо, утлый челнъ.

«Ночь» А. Н. Шплъдера.

Клубомъ пала ночь огромнымъ,
Землю кроетъ мракъ и хмарь,
И пылаетъ въ небѣ темнотъ
Мѣсяцъ—газовый фонарь.

«Ночлежникъ» В. Е. Маковского.

Ночлежный Аристовскій домъ,
Зима, людъ босъ и нагъ, но храбръ:
Дрожа, ждетъ впуска предъ крыльцомъ,
И пляшетъ—Danse macabre.

«Въ ожиданіи найма» М. П. Зощенко.

На торжищѣ толпа крестьянъ рабочихъ спитъ,
Спитъ въ ожиданіи найма—
Когда отъ пустоты желудка грудь щемитъ,
И пусть кошель, пуста сума.

«Что есть истина?» Н. Н. Ге.

«Немного философіи» постичь желая,
Пасторъ ораторъ въ споръ вступаетъ,
И «Что есть истина?» въ жару изнемогая,
Поговича пытаетъ.

«Ифигенія въ Тавридѣ» А. М. Васнецова.

Не въ Тавридѣ, но въ больницѣ
На Удѣльной, Ифигенія,
Какъ прилично невесткой жрицѣ,—
Часть клянеть рожденія.

«Ночь» П. А. Брюлова.

Ночь влюбленныхъ, мѣсяцъ яркій
Электрическій свѣтъ льетъ,
Дѣва въ кофть ласки жаркой,
Какъ Дриада въ паркѣ ждетъ.

«Портретъ баронессы В. Н. Искуль» П. Е. Рѣпина.

Фотографическая карточка—раскрашена,
И кисти Рѣпина достойно—приукрашена.

«Боярыня» А. Д. Иптовченко.

Боярыню художникъ написалъ
Красивую и молодую,
Но для чего сверхъ шубы привязалъ
Опъ руку ей чужую?

«Еврей» и «Рыбакъ» Ф. А. Брошкина.

Рыбакъ—какъ-бы еврей, еврей какъ-бы рыбакъ,
Но мѣсто имъ одно обонмъ—bric-à-brac!

«Зима въ лѣсу» П. П. Шпшклина.

Зима въ лѣсу, но мы,
Не находя зимы,
Лѣсъ видимъ лишь богатый—
Съ разбросанной вокругъ патою.

«Прерванный завтрак» Н. Д. Кузнецова.

Кузнецовъ, какъ новость, вводитъ,
Завтракъ свиной,
Самъ, своимъ умомъ доходить
До такихъ идей.

«Егорьевъ день» И. И. Гугунава.

Браво! браво! браво!
Милый Гугунава...
Продолжайте! Вашъ
Скотогонный ражъ —
Руси честь и слава!

«Въ мастерской художника» И. М. Пряпшишкова.

Простая комнатка, художникъ топить печь,
Стоитъ въ одномъ платьѣ натурщика нагая,
О холодѣ, идетъ повидимому, рѣчь, —
Но гдѣ тутъ творчество, искусство, мастерская?

«Обозъ» С. К. Пиотровскаго.

Мельчасть жизнь, искусству чужды мысль и мифъ,
Исчезъ конь-богатырь, забытъ крылатый грифъ,
Духъ мощный творчества убила проза,
Художникъ испустился до обоза,
До кепировки жалкой — и счастливъ!

«Послѣ дождя» И. И. Левптана.

Только что испалъ
Блишній дождь предъ нами,
Рѣчку всю устлалъ
И берега — блинами.

«По рѣкѣ Окѣ» А. Е. Архипова.

Разгулять рѣки. Она слыхалась съ небесами,
И по небу плынуть суда подъ парусами.

«Не сошлись характерами» К. А. Савицкого.

Характерами не сошлись здѣсь, конечно,
Художникъ бойкій и искусство:
Однѣ свободы требуетъ себѣ безпечно,
Другое же—любви и чувства.

Мартъ, 1890.

к) На академической выставкѣ 1891 года.

«Охота на волка» И. С. Самокпаша.

Растянуть псами волкъ матерый,
По виду же не волкъ—лиса,
Аранникъ щелкаетъ надъ сворой
И псарь несется въ небеса.

«Свадьба» И. К. Пимоненко.

«Дурень» и «дурница»,
«Хлопцы», «дидѣ», двѣ «жинки»
И на хворостникѣ
Красная тряпница.

«Бѣлинскій передъ смертью» А. А. Наумова.

Перерисована извѣстная картина,
Но смыслъ безъ снѣга утраченъ господина.

«Ночной бой подъ Чандыромъ» Н. Н. Каразина.

Мазки, и контуры, и блики
Намъ выданы за «Бой»,
Да, это—бой, и бой великій
Художника съ судьбой.

«Родители Моисея» И. Л. Аскназія.

Родители предъ нами Моисея
Аскназія,
Фамилные портреты—не идея
Фантазія.

«Веселая пѣснь» О. О. Фрейвиртъ-Лютцова.

Веселыя пѣсни поетъ трабадуръ
Предъ дамою дѣльца удалого,
Поетъ онъ—какъ дамскій пѣвецъ-ферлакуръ,
Поетъ и какъ факторъ изъ Шклова.

«Забава» Х. П. Платонова.

Распригожая плутовка,
Чтобы быть еще пригожей,
Покрывается съ головки—
Чѣмъ вы бы думали?—рогожей!

«При шумѣ волнъ» С. В. Бакаловича

Фальсификація. Художникъ за римлянъ—
Грузинскихъ изъ Москвы намъ выдаетъ цыганъ!

«На Невскомъ» Н. А. Сергѣева.

Картиной этою художникъ
Себя на вѣкъ прославилъ:
Онъ Лихачева домъ, безбожникъ,
На мостъ Аничковскій поставилъ.

«Клеопатра» скульптура М. П. Попова.

Все антично, мило, дивно
Въ этой гордой эоипкѣ,
Только лишь одно противно:
Это—брюхо двуутробки.

«Въ луговыхъ заливахъ» В. Д. Орловскаго.

Лужи, ямы, сѣти, лодка,
Рыбу ловятъ рыбаки:
Для купцовъ Москвы—находка,
Имъ такой сюжетъ съ руки!

«Лови!» Е. А. Вахтеръ.

Лови, художникъ, часть любви,
Пока огонь горитъ въ крови,
И позабудь въ истомѣ чувства
Неблагодарное искусство!

«Морозить» А. А. Пясемскаго.

Мысль Писемскіей штыль изобразить намъ стужу,
Но затуманился—и съѣлъ съ идеей въ лужу.

«Политики» М. Л. Маймана.

Напрасно называлъ Майманъ хитроумно
Жидовъ въ кормчѣ «Политики»,
Назвать ихъ было-бъ болѣе разумно—
Космополитики...

«Жена Макбета» К. Б. Венига.

Антрепренерша Горска, подъ гнетомъ бѣды,
Нисходитъ къ намъ—какъ ледн-фурія Макбетъ.

«Табуны въ степи» Н. Е. Сверчкова.

Подъ именемъ «Степного табуна»

Не постыдится выставить Сверчковъ:

Табунишка съ арканомъ шалуна

И жеребятъ полдюжины головъ.

«Моисей въ пустынь (бунтъ евреевъ)» С. Р. Раство-
ровскаго.

Полотно для декораціи:

Шумъ, возстанье, гвалтъ, угрозы, —

И Мордовцевъ въ ажитаціи

Льсть, жиловъ смиряя, слезы.

«Въ устьѣ рѣки Наровы» А. И. Мещерскаго.

Въ маринѣ этой есть земля и небеса,

И хмары тучъ палятъ свинцовый,

Прибой волны, птицъ тяга, лодки паруса,

Но устья нѣтъ рѣки «Наровы».

«Въ загородномъ саду Ливадіа» Е. П. Судковской.

Загородный кабачокъ

Затесался въ академію,

И ему жрецовъ кружокъ

Дастъ за то, навѣрно, премію.

«Арестъ царевны Софіи» А. А. Карелина.

Въ картину вложенъ трудъ и замыселъ ехидный,

Но нѣтъ правдивости нисколько:

Ареста даже въ ней царевнина не видно,

Есть изолированье только.

«Сортировка перьевъ» А. Д. Кившенко.

Прелесть!... Конча сортировку
Перьевъ, бабы начинаютъ
Межъ собой бомбардировку—
И преуспѣваютъ.

«Собачка больна» А. Г. Горавскаго.

Писать художникъ, все возможно,
Но выставлять на выставку—безбожно.

«Нѣга» скульптура М. Л. Диллонъ.

Нѣга—хмѣля... Въ этой нѣгѣ
Свой увидить идеаль:
Самоѣдъ изъ тундръ Онеги
И Аяна—камчадалъ.

Мартъ, 1891.

л) На передвижной выставкѣ 1891 года.

«Совѣсть» Н. И. Ге.

Гвоздь выставки!... Іуда Искарьотъ—
Общественная совѣсть...
Такую Ге въ картинѣ сей даетъ
Намъ назидательную похвѣсть!

«Уничтоженіе Новгородскаго вѣча» К. В. Лебедева.

О колоколѣ вѣчевомъ художникъ, срамъ!
Помятій не составилъ,
И потому его Царь-Болоколомъ намъ
Въ картинѣ сей представилъ.

«Къ роднымъ» Л. О. Пастернака.

Дѣва съ прибылью къ роднымъ,
Погулявши, возвращается,
Но сюжетомъ дивнымъ спитъ
Только Стасовъ восхищается.

«Колдунья (Бронзовый вѣкъ)» Бар. М. П. Клодта.

Въ вѣкъ бронзовый, въ вѣкъ суевѣрнаго пристрастья,
Колдунья, можетъ быть, и жила въ мірѣ грезъ,
Но были ли тогда червонныя запястья,
Прошивки, сапожки—еще вопросъ.

«На Сѣверѣ дикомъ» И. И. Шипкина.

На сѣверѣ дикомъ нѣтъ сплнхъ небесъ,
Нѣтъ солнца и тѣни зимой:
Къ чему же, художникъ, вы столько чудесъ
Даете намъ съ нашей сосной?

«Ранній снѣгъ» В. Д. Полѣнова.

«Мертвое море» Полѣновъ далъ снова
Снѣгомъ засыпавши раннимъ,
Съ тройкой-путемъ ко дворцу Третьякова
По морю этому саннымъ.

«Наемъ прислуги» Е. В. Маковского.

Наимается прислуга
Разудалая—семьей;
Въ лицахъ намъ поэму Фруга
Дать Гогартъ Москвы съдой.

«Тайга» М. Д. Васнецова.

Лѣсныя поросли, вода, кусты, ковыль,
Но дико все—какъ сказки нянюшкиной былъ.

«Взятіє снѣжнаго городна» В. И. Сурикова.

Городокъ въ искусствѣ снѣжный
Суриковъ беретъ;
На Козихъ и въ Телѣжной
Славу создастъ.

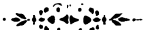
«Юга (Мгла)» Е. Е. Волкова.

Глазастая, какъ вѣдьма кievская, мгла
Глядитъ на міръ своимъ подслѣповатымъ взоромъ,
И говоритъ какъ бы съ уемѣшкой: «что? загла
Я сердце ваше, зритель, жалостью—укоромъ!»

«Борись Годуновъ» Н. В. Неврева.

На московскихъ живописцахъ
Отпечатокъ есть особый:
Мыслятъ, числясь въ лѣтописцахъ,
Не башкой они—утробой.

Апрѣль, 1891 г.

м) На академической выставкѣ 1893 года *).

«Турниръ» В. В. Мазуровскаго

Радость бабушекъ—турниръ:
Конн, рыцари и дамы,
Ахъ, какъ жалокъ, грубъ и сирь
Этотъ весь отжишій міръ—
Роллинги и Буккингамы!

---

*) Въ 1892 г. авторъ въ Петербургѣ не находился, а потому и
обновленія за этотъ годъ не дано.

«Вечеръ» Ю. Ю. Клевера.

Вполнѣ желанный вечеръ! Рама золотая
И въ ней горитъ багрянцемъ тишь лѣсная.

«Кочегарная на крейсере» П. К. Савелова.

На полотиѣ котлы, пылающіе топки,
Въ рубашкахъ кочегары—демоны съ крюками
Чуть не людей въ огонь бросаютъ для растопки,
И вокругъ картины крики: «ахъ! ай, ай!»... «Что съ вами?»

«Нормандскій берегъ» А. С. Егорнова.

Вода, скала и берегъ каменный финляндскій,
Но названъ для чего-то берегъ нормандскій!

«Алеша Поповичъ» А. А. Кареллина.

Не полотно, но парусъ цѣлый,
Не рама—портникъ на колоннахъ,
И не Алеша—витазь смѣлый,—
Купецъ въ своихъ садахъ зеленыхъ.

«Башниры атакуютъ лагерь» Г. П. Виллевальде.

Профессоръ въ выборѣ сюжета очень ловокъ:
Толпа башкиръ идетъ въ атаку на торговекъ.

«Парижанка» Алексомати.

Парижанка—изъ Варшавы,
Изъ Бердичева или Шклова,
Но тѣмъ болѣе ей славы:
«Парижанку» для забавы
Въ ней толпа признать готова.

«Компрометтированный» К. Ф. Саксена.

Компанья, женщина и карты по столамъ,
Но кто скомпрометтированъ—загадка,
Такъ что невольню въ умъ придетъ догадка,
Что тутъ скомпрометтированъ художникъ самъ.

«Мгла» Ю. И. Феддерса.

Напрасно удивить насъ Феддерсъ хочетъ «Мглою»,
Мглу безъ него что день мы видимъ предъ собою.

«Черное море» И. К. Айвазовскаго.

Воды плещуть въ небеса,
Неба сводъ упалъ на волны,
Черныхъ тучекъ полоса,
Синь и зелень—хаосъ полный!

«Пари за гладіатора» С. В. Бакаловича.

Въ мужскихъ уборныхъ цирка римскія матроны
Осмотры гладіаторамъ чинятъ,
Бойцы имъ стали нужны нынче—не пижоны,
И вотъ мускуловъ мощь оцѣнивають жоны.—
Картина интересная на взглядъ!

«Новый романъ» О. О. Бухгольца.

Романъ вишь новый!... Но зачѣмъ
Онъ въ книгу погруженъ совѣтъ?
Она жъ не смотритъ на него
И ждетъ какъ будто бы кого...

«Водяныя лиліи» Ю. Ю. Клевера.

Не лиліи—блины подъ кучками сметаны:
Вотъ какъ профессора рисуютъ мопсы!

«Сортировка свалки» Ф. А. Чирка.

Сожетесь очень жалкій
Здѣсь взять Чиркомъ:
Онъ начинаеть съ «Свалки»,
А чтожь потомъ?

«Ярилина ночь у древникъ славянъ» П. А. Свѣдомскаго.

Ярилина ночь у славянъ,
Но только славянъ здѣсь не видно:
Славянокъ лишь пляшущихъ станъ
Бѣснуется ночью безстыдно.

«Въ тѣни березъ» И. Ф. Цюнглинскаго.

Образецъ импрессионизма:
Безвоздушной былъ—призма,
Стволъ березы зеленеетъ
И подъ нею дѣва мѣстятъ...

«Пиръ у Лауры» К. П. Степанова.

Лаура—прелесть, гости сносны,
Но Донъ-Жуанъ—
Какой-то шутъ великопостный,
Лакей Иванъ...

н) На передвижной выставкѣ 1893 года.

«Въ опочивальнѣ» К. В. Лебедева.

Въ опочивальнѣ юноша-супругъ
Фату съ жены сиплаетъ молодой,

Въ лицѣ ея тревога и испугъ,—
Не потому ль, что мужъ одинъ съ женой?

«На охотѣ» и «Осенній букетъ» И. Е. Рѣпина.

Представилъ Рѣпинъ намъ съ цвѣтами и ружьемъ
Одну и ту жъ казмышку въ двухъ портретахъ:
Какъ жаль, что только въ двухъ?.. гдѣ можно бѣ—съ утюгомъ,
Еще дать, съ тазомъ, или цѣ знолотахъ.

«Радуга» П. А. Брюллова.

Кустарникъ и ручей, песочекъ, берега,
И небо перепязано тесемкой,
И это названо художникомъ: дуга.—
Не черезчуръ ли громко?

«За щепой» В. А. Маковского.

Двѣ дѣвочки присѣли у забора,
Чего-то ждуть—одна заснула,
Подписано художникомъ: два вора..
Не два ли стража караула?

«Возвращеніе съ заработка» И. В. Тихомірова.

Вернулся молодецъ—пропонца домой,
Да интересъ-то въ томъ для публики какой?

«Исцѣленіе слѣпого» В. И. Сурикова.

Ослѣпъ художникъ самъ, или слѣпыми
Считаетъ насъ,
Являясь на выставку съ такими
Тенденціозными «Слѣпыми»
Въ недобрый часъ.

«На міру» С. А. Коровина.

Мірской судъ волостной крестьянъна млагого
За что-то высѣчь присудилъ:
Какъ жаль, что для эффекта громоваго
Художникъ тутъ его не разложилъ!

«Новыя истины» Г. Г. Мясоедова.

Собрались пашковцы у хана,
И въ ожиданьи достархана
Смакують «новыхъ истинъ» суть—
Вѣдь нужно жъ дѣлать что-нибудь!

«На общественной облавѣ» А. С. Степанова.

Облава—презель... мужики,
И бабы, и ребятики
Собралися—и чешутъ языки,
Да спины и лопатки.

«Этапъ» А. Е. Архипова.

Картина—вывѣска, пестрять мазки и пятна,
И сдаться бы на этапъ такой «этапъ»—пріятно.

«Съ базара» М. А. Титова.

Гвоздь выставки!.. но не картина, а шарада:
Двѣнадцать спинъ людскихъ и два коневыхъ зада!
Не передвижники ль то цѣлою толпой,
Открывши выставку, поѣхали домой?...

«Этюды» Н. А. Прошенко.

Этюдъ хорошъ: портьера, личико и губки...
И что за губки... лучше дыни-канталупки!..

о) На академической выставкѣ 1894 года.

«Опричники въ домѣ Земскаго» А. Н. Новоскольцева.

Велико слишкомъ полотно
Художникъ для картины взялъ:
Расплылись мысли—и одно
Что въ немъ онъ далъ—
Искусственный скандалъ.

«Бугоръ Святослава» К. Я. Крыжидкаго.

Бугоръ, и за бугромъ—знакомыя намъ дали...
Но даль мы видѣли, бугра же не видали.

«Сумерки зимою» Ю. Ю. Клевера.

Шедевр! село и рѣчка подъ снѣгами,
Заря сгорѣла—даль красна,
Два челнока подъ деревьями
И на сучкѣ виситъ луна.

«На солннопекѣ» В. А. Голынского.

Безъ солнца солннопекъ?.. И что ни говори,
Но жалъ, что солннопекъ не признаетъ «*вѣтъ жюри*».

«Въ корчмѣ» О. А. Гофмана.

Для пермяка, корела или олонца
Картина—диво:
Четыре закутившіе чухонца
Въ корчмѣ пьютъ пиво...

«Венеція» И. К. Айвазовскаго.

Зеленое небо, зеленое море,
И воздухъ зеленый—картина!..
Венеціи нѣтъ лишь: мы въ ней а priori
Зримъ островъ Зеленый Прина.

**«Озерки» и Портретъ доктора Оппенгейма» С. С.
Егорьнова.**

Сходилъ самъ Аполлонъ взглянуть на «Озерки»,
И думалъ лавры дать отъ собственной руки;
Но увидавъ портретъ, сказалъ съ нимъ бывшимъ музамъ:
«Командируйте-ка художника къ французамъ!»

«Ссора на прудѣ» В. А. Голынского.

Война у прачекъ на плоту:
Бранить та баба эту, эта—ту,
И жаль, что авторъ безшабашный
Намъ не далъ свалки рукопашной.

«Молодой Катуллъ» С. В. Бакаловича.

Римлянинъ въ жаркій день принявши ванну,
На каменной скамѣ лежитъ подъ простыней:
«Катуллъ—художникъ увѣряетъ:—молодой»,
А публика лишь видитъ обезьяну.

«Рыбаки на Волховѣ» И. С. Галкина.

Восемь пьяныхъ мужиковъ
Дремлютъ у веревки...
Это—сонмомъ рыбаковъ
Назвалъ безъ обиняковъ
Галкинъ, мастеръ ловкій.

«Первое любовное письмо» К. Ф. Саксена.

Тутъ есть: концепція, рисунокъ, красота:
Письмо и барышни, конфеты и букетъ,
Надежды, смѣхъ и слезы—мысли острота...
Но все-жъ, какъ ни смотри—картины нѣтъ!

«Горецъ на отдыхъ» П. О. Ковалевскаго.

Лежить на брюхѣ черноморецъ—
Казакъ въ степи и конь при немъ;
А у художника то—горецъ,
Намазъ творящій передъ сномъ.

«Ласточка надъ моремъ» Ю. И. Феддерса.

Нѣтъ моря, нѣтъ неба—туманъ,
Надъ камнями птичка кружится:
То Феддерсъ сюжетецъ, какъ вранъ,
Найти для картины стремится.

«На Шипкѣ» А. И. Попова.

Бой съ турками не то въ дыму, не то въ эфирѣ,
Не то въ снѣгахъ, не то въ туманѣ;
А, впрочемъ, бой—какъ бой, и въ этомъ смерти пиръ.
Есть жаръ, и паръ, и потъ какъ въ банѣ.

«Портретъ г-жи Мятлевой» Е. А. Вахтеръ.

И вахтера портреты ищутъ,
Но похвалы за то не слышутъ.

«Что не подвластно мнѣ?» О. К. Винцимана.

Что не подвластно, Винциманъ, вамъ?.. искусство,
Идея, замыселъ, и красота, и чувство,

«Охотники» Р. Ф. Френца.

Охотники на молодичъ
На дичь попали:
За стройкой встрѣтивъ двухъ дѣвицъ,
Въ тенета взяли.

«Въ лѣсной глуши» К. П. Кондратенко.

Стволы и пипъ въ лѣсной глуши
Художника лишили сердца и души.

«Забава» А. А. Карелкина.

Забава въ теремѣ. Бить крѣпостныхъ людей—
Помѣщица отъ скуки дѣлку дресспруеть,
Которая предъ нею съ бубномъ маршируетъ:
Сюжетъ вполне достойный нашихъ дней.

**«Наполеонъ, покидающій армию послѣ перехода чрезъ
«Березину» П. С. Розена.**

Художникъ Бонапарта для побѣга
Отъ казаковъ сажаетъ въ колымагу,
Когда за массой выпавшаго снѣга
Нельзя дорогой сдѣлать шагу.

«Старый котъ» П. А. Свѣдомскаго.

У римлянки въ мастерской,
Гдѣ раскрашиваютъ маски,
Старый котъ—мастеровой,
Нѣжно ей мурлыча сказки,
Какъ художникъ, просить ласки.

п) На передвижной выставкѣ 1894 года.

«Офицерская нянька» В. Е. Маковского.

Офицерская нянька—деньщикъ за столомъ,
Наслаждается скромно чайкомъ,
На колыняхъ ребенокъ брыкается шалымъ...
Чтожъ? и это—вѣдь юморъ, пожалуй...

«Алкоголикъ» Г. Г. Мясоедова.

Нарисованъ меланхоликъ,
Названъ алкоголикъ,
Принять, выставленъ радушно,
Но кому все это нужно?..

«Мечты» В. Д. Полънова.

На свѣговой скалѣ посаженный казакъ
Мечтаетъ, какъ бы слѣзть оттуда внизъ, но какъ?..

«Заблаговѣстили къ заутрени» барона М. П. Клодта.

Мурецъ-художникъ развернулся:
Передъ нами: келья, гробъ;
Спавшій схимникъ въ немъ проснулся,
Поднялся—и крестить лобъ.

«Въ траурѣ» Г. Г. Мясоедова.

Она вся въ траурѣ, и горе
Разлито въ платъѣ, въ кружевахъ,
И только нѣтъ его во взорѣ
И на пурпуровыхъ устахъ.

«Хоръ» Н. А. Ярошенко.

Десятокъ мальчиковъ съ разпнутыми ртами,
Да пономарь съ косичкой—диряжоръ,
Махающій рукой у нихъ надъ головами,—
И это, видите-ли,—хоръ!..

«Ущелье» Н. Н. Дубовскаго.

Скалы ущелья—стѣна шоколадная,
Лapisъ-лазурный кремъ—пикъ,
Съ сахарной пропастью—очень пріятная,
Эта картина невѣроятная,—
Какъ въ ней Дубовскій великъ!...

«Клевета» Н. А. Касаткина.

Баби́й судъ дѣвицу судить,
Судьи: мама, тетя, баба...
Но всежъ мысль сюжетъ сей будить,
Какъ не вырисованъ слабо.

«Прибой» Н. В. Досъкина.

Мыльная пѣна бѣлѣть, катится,
Сѣрые камни встрѣчая, толмится,
Словно чудовище, встала, ростеть...
Вотъ онъ талантъ-отъ въ чемъ, вотъ!..

«Лѣсъ заснулъ» А. Н. Шплѣдера.

Здѣсь синевою лѣса сонъ
Изображень:
Спитъ все: и сводъ небесъ,
И снѣгъ, и лѣсъ.

«Лѣсное кладбище» Н. Н. Шинкина.

Не мало лѣтъ талантъ художнику служилъ .
Для возсозданія лѣсовъ на полотнѣ,
А нынѣ на кладбище въ чуждой сторонѣ
Безъ сожалѣнія его онъ уложилъ.

«Въ нѣкоторомъ царствѣ» скульптура Л. В. Позена.

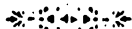
Конь стоитъ припавши крупомъ,
Всадникъ взвинчивая колѣсъ зѣвъ;
Шникъ не чуждъ подобнымъ группажъ,
Но не въ дружбѣ съ нимъ идея.

р) На выставкѣ картинъ въ пользу бѣдныхъ художниковъ.

Все—мелочи: цвѣты, головки, два портрета,
Пейзажики озера, на нихъ пароходы.
En masse собраніе хозяевъ комитета,
Пожарище на небѣ, въ морѣ огородъ...
И только лишь великій скотофилъ Свэрчкомъ,
Историкъ травли, бѣга, скачекъ и охоты,
И портретистъ котомъ, коней, медвѣдей, псовъ,
Спасаетъ публику отъ скуки и зѣвоты.
Pardon!.. Открытіе!.. антикъ нашелся въ залѣ,
Антикъ-шедевръ «искусства фабрики Санъ-Галла».

Май, 1887.

На частныхъ выставкахъ:

с) Предъ картиной Сухоровскаго «Магдалина».

Особа. — Красавица, шедевръ сказали — вздоръ!
Пейзажка!.. ни беканности, ни шикъ!..

Творецъ «Наны» себѣ ее въ укоръ
Намаленалъ, или «Нант» же въ пику.

Лицо. — Хотѣлъ профессорства достичь, пріятно,
Рангъ высшій получить, и потъ сюжетъ
Взялъ подходящій, но рельефа нѣтъ,
Нѣтъ сочности въ картинѣ ароматной.

Особа. Охъ, недалеко, конечно?

Лицо. — А «Нана»-съ.
Какъ имъ была написана пикантно...
И какъ прельщала она насъ...

Особа. — О! та пліяла, батенька, пріятно,
Какъ Секъ-Помри и ананасъ...

Лицо. — Да-съ, именно, пліяла благодатно
Не на профановъ, а на насъ.

Февраль, 1886.

г) На выставкѣ скульптуры Лансере и Обера.

«Богатырь».

Не богатырь, а дряхлый инвалидъ,
Свой, стягъ обнявши, богатырски ситъ.

«Голова изъ «Руслана».

Изъ глубины морей поднявшись,
На солнцѣ грѣется Цептунъ,
И танку снать съ него, покрывшись,
Намѣревается драгунъ.

«Деревенская тройка».

Меренюкъ и дѣвъ кобылки,
Наренюкъ и дѣвъ бобылки,
Мчатся, копы распустивъ,
Хвостъ и гривы закрутивъ.

«Царскій сокольничій».

Съ соколомъ царскій сокольничій
Блестъ на рынокъ невольничій.

«Чабанъ».

Скромный лужокъ близъ Липадин,
Правы счастливой Аркадин,
И на овцѣ пастухехъ
Пробусть свой посошокъ.

«Свиное семейство».

Несытанные ультра-консерваторы,
Столны хозяйства и кормильцы,
И ихъ приплодъ—жуиры и посяторы
Съ грязцой на пятачковомъ рыльцѣ.

Мартъ, 1886.

у) На выставкѣ картинъ Айвазовскаго.

Банкротъ съ орденомъ на шеѣ.

— Мы шли, чтобъ видѣть всю природу.
А видимъ здѣсь одну лишь воду!

Его супруга.

— За входъ берутъ—ну, и за что же?
Куда ни взглянь, туда, сюда,—
Вездѣ почти одно и то же:
Вода, вода, одна вода.

Сынъ-гимназистъ.

— Не правда-съ!.. вотъ валы какъ стѣны
Встаютъ, взметая горы пѣны...
И люди есть, и есть скоты...

Банкократь.

— Привикъ противорѣчить ты!
Не спорь хоть здѣсь малышка-ядь!
Вѣдь не съ тобою говорить.

Февраль, 1886.

ф) Передъ картиной Клевера «Лѣсной царь».

Поэтъ.

— Далѣкимъ путемъ истомленный, усталый,
Съ ребенкомъ, въ ночной тишинѣ,
По снѣжнымъ сугробамъ, ѣздохъ запоздалый
Несется на борзыхъ конѣ.
Березы и сосны стоятъ вѣковыя,
Сіяньемъ залиты луны,
И чудные видятся въ сучьяхъ лѣсныя
То съ этой, то съ той стороны.
Трепетъ ѣздохъ... оглянулся—«Лѣснаго
Царя» вдругъ узрѣлъ за собой,
И шпорить онъ въ страхъ коня удалаго.
И мчится, попякъ головою.

Мыслитель.

— Оставь, другъ, ты бредни, и лѣсныхъ, и страхи.
Луну, мервецовъ и погостъ:
То съ Масляной скачетъ линеецъ въ панахъ,
А всадъ за нимъ гонится—Постъ.

Февраль, 1887.

х) Передъ картиной Вейса «Влюбленный левъ».

I.

Влюбленный художникъ, подъ обанкомъ лива,
Памя зѣвскую немощъ являеть:

Дѣвица горитъ вся,—онъ смотритъ едва
И, нервно збѣнѣвъ, засыпаетъ.

II.

Не знаемъ мы: влюбленъ ли левъ,
Идея такъ нова...
Но видимъ лишь: одну изъ дѣвъ,
Влюбленную во льва.

Апрѣль, 1887.

ц) Передъ картиной Рѣпина и Айвазовскаго «А. С.
Пушкинъ на берегу моря».

Картина въ дѣй руки написана завидно,
Все—презесь въ частности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все—въ спорѣ:
Издали посмотрѣишь.—Пушкина не видно,
Вблизи—пропало море.

Сентябрь, 1887.

ч) Передъ картиной Семирадскаго «Фрина».

Забыты «Грѣшница» и «Мученики» нынѣ,
Искусство въ новомъ культи ярко блещетъ,
И чувственной красѣ—нагой гетерѣ Фринѣ
Миръ съ Семирадскимъ рукоплещетъ.

Январь, 1889.

ш) На выставкѣ картинъ Франца Жмурко.

Вполнѣ великопостины картины!..
Гашпиль—не женщины у Жмурки,
Передъ которыми всѣ «Наны» и «Фрины»,
Всѣ femmes de feu—щепы пль чурки.

Февраль, 1889.

ш) Передъ картиной Сухоровскаго «Въ плѣну».

Въ писаньи женщинъ обнаженныхъ,
Гашншемъ страсти упоенныхъ,
Здѣсь Сухоровскій, не робѣя,
Вполнѣ достигнулъ апогея.
Но есть всему на свѣтѣ ятра,
И живописцу безпокровныхъ,
Блудницъ безстыжихъ, чистокровныхъ,
Сказать не худо-бѣ, для прихѣра:
«Художникъ милый, устарѣли
Порнографическія цѣли:
Коль хочешь быть достойнымъ вѣка,
Пиши не дѣвокъ—человѣка!»

Декабрь, 1889.

ъ) На выставкѣ скульптуры Антокольскаго.

«Ермакъ» (статуя пзъ бронзы).

Статуя хороша—всеобщій приговоръ,
Но кто въ ней: вождь, или разбойникъ прежній дань?
И если вождь—зачѣмъ онъ въ руку взялъ топоръ,
И лука пѣть—однѣ со стрѣлами колчанъ?

«Ярославъ мудрый» (горельефъ пзъ бронзы).

«Князь Ярославъ» предъ нами «Мудрый»,
Благообразный, среброкудрый,
На «Правдѣ русской» онъ стоитъ,
Но ни полслова намъ!.. молчитъ.

«Спиноза» (статуя изъ мрамора).

Предестный юноша съ кудрями по плечамъ,
Но для чего? зачѣмъ? какая цѣль
Была его Спинозою представить намъ?
Вѣдь не Спиноза это—Рафаэль.

«Несторъ» (статуя изъ мрамора).

Чертить намъ лѣтописецъ Несторъ: «Русь велика,
Обильна наша Русь, но въ ней порядка мало...»
Посаженъ онъ съ мѣшкомъ и фляжкою для вина
На кованый сундукъ—хоть келья ихъ не знала.

«Не отъ міра сего» (статуя изъ мрамора).

Кто помнить Марфиньку въ «Обрывѣ» Гончарова,
Увидѣть тотъ ее здѣсь можетъ снова:
Предъ нами дѣвушка, кормленье голубей,
Экстазъ, и грезы утра вѣшнихъ дней.

«Мефистофель» (статуя изъ бронзы).

Ваятель погрѣшилъ неточностью названья,
Помимо можетъ быть желанья,
Но намъ любя игравая метаморфоза:
Явился «Мефистофелемъ» Спиноза.

Февраль, 1893 года.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТЪ А. Г. РУБИНШТЕЙНА.

ЗВѢСТНЫЙ музыкальный критикъ М. М. Ивановъ, въ статьѣ «Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ», напечатанной въ газетѣ «Новое Время» 14 ноября 1894 года, № 6722, говоритъ, что гениальный пианистъ и композиторъ, будучи 10-ти лѣтнимъ мальчикомъ, въ июлѣ 1839 года, впервые выступилъ передъ публикою въ залѣ театра московскаго петровскаго парка. Но это не точно. Первый концертъ А. Г. Рубинштейна былъ данъ имъ 11 июля 1839 года не въ залѣ Петровскаго театра, а въ вокзалѣ Петровскаго парка. Я былъ въ этомъ концертѣ. Мой учитель и другъ, студентъ Назаровъ, имѣлъ два билета; но пріятель, для котораго онъ взялъ второй билетъ, идти не могъ, и онъ предложилъ мнѣ воспользоваться случаемъ послушать, какъ онъ шуточно выразился. «феноменальнаго мальчугана-маэстро». Мнѣ только что исполнилось тогда 12 лѣтъ и ни въ какихъ концертахъ я еще не бывалъ; поэтому предложеніе Назарова я принялъ съ большимъ удовольствіемъ тѣмъ болѣе, что концертъ А. Г. Рубинштейна давался въ пользу бѣдныхъ. А это заявленіе въ то доброе старое время не было еще какъ нынѣ, звукомъ пустымъ и холоднымъ. Вокзалъ Петровскаго парка въ 1839 году только что открылся и считался мѣстомъ фешенебельнымъ. Государь императоръ Николай Павловичъ, находясь въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года, по случаю закладки храма Христа Спасителя, со всей своей блестящей свитой, удостоилъ посѣщеніемъ балъ, данный городомъ въ этомъ вокзалѣ. Концертъ «феноменальнаго мальчугана-маэстро» вышелъ вполнѣ удачнымъ. Вокзалъ былъ полонъ. Первые ряды занимала знатъ и наиболѣе интеллигентное общество столицы. Концертантъ-ребенокъ былъ выведенъ на эстраду и представленъ публикѣ извѣстнымъ въ то время

всей Москвѣ преподавателемъ музыки Виллуаномъ, подъ руководствомъ котораго проходилъ свое первоначальное образованіе высокоталантливый крошка-піанистъ. Это былъ—какъ сейчасъ смотрю на него—тоненькій, стройненькій и хорошенькій собою небольшого роста худенькій мальчикъ, съ бѣдымыъ типичнымъ личикомъ, большими выразительными глазками и длинными, вьющимися чуть не по плечамъ, кудрями. На немъ былъ дѣтскій костюмчикъ съ короткими, но довольно широкими рукавами, и бѣлая гофрированная рубашечка съ небольшими манжетами и мягкимъ отложнымъ воротничкомъ. Онъ вышелъ съ Виллуаномъ робкими шагами и, поставленный имъ на эстраду впереди себя, сложилъ ручки на груди и застычиво поклонился публикѣ. Его встрѣтилъ весьма радушно, и когда аплодисменты утихли, онъ еще разъ поклонился публикѣ и торопливо устлся за рояль. Исполнилъ онъ съ аккомпаниментомъ оркестра г. Теплова двѣ или три большія піесы, какія—я не знаю, потому что о музыкѣ тогда не имѣлъ никакого понятія и затѣмъ на бисъ сыгралъ нѣсколько маленькихъ піесокъ-соло. Я мало интересовался исполненіемъ этихъ піесъ, меня занимала только процедура его игры. Я смотрѣлъ на маленькаго артиста, какъ на существо, отхваченное перстомъ Провидѣнія, и внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями. Меня восхищала энергія, быстрота и ловкость его музыкальных манипуляцій. Маленькіе его пальчики съ непостижимой живостью бѣгали, скакали и прыгали по клавишамъ, и извлекали изъ инструмента массу дивныхъ, лившихся прямо въ душу, звуковъ. Самъ онъ, чтобы придать большую силу ударамъ пальцевъ по клавишамъ, то наклонялся напередъ, то передавалъ все тѣло вправо, или влево на басы. Потъ обильно увлажнялъ лобъ и щеки раскраснѣвагося отъ усиленной игры ребенка и падалъ каплями на гофрированную грудь его сорочки. Но онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія и весь отдавался неутомимой пляскѣ пальцевъ по клавишамъ. Казалось, онъ не смотрѣлъ вовсе на лежащія передъ нимъ ноты, листы которыхъ превращивали стоявшій у рояля Виллуанъ, а игралъ по вдохновенію, такъ какъ взоръ его часто устремлялся вдаль и какъ будто блуждалъ на прокрашенномъ сквозь занавѣси лучѣ вечерняго июльскаго солнца... Но вотъ раздался послѣдній, громкій, заключительный аккордъ и маленький артистъ-феноменъ съ растрепавшимися и прилипшими къ щекамъ, мокрыми кудрями поднялся съ табурета и, отирая потъ платкомъ, скрылся за роялемъ. Раздался шумныя рукоплесканья.

Публика первых рядовъ столпилась у эстрады. Сзади раздались восклицанія: «Рубинштейнъ!.. браво!.. на стулъ!.. покажите намъ его!» И Виллуръ поднялъ и поставилъ маленькаго маэстро на табуретъ. Рукоплесканія и браво покрыли зало. Нѣкоторые даже взошли на эстраду, ласкали, обнимали и цѣловали даровитаго пианиста-ребенка, на устахъ котораго играла самодовольная улыбка, а глазки горѣли сознаніемъ перваго достигнутаго имъ въ жизни артистическаго триумфа. Вотъ какъ началъ свое служеніе искусству извѣстный впоследствии всему образованному міру, гениальный пианистъ и композиторъ А. Г. Рубинштейнъ. Встрѣтись какъ то съ нимъ случайно у однихъ общихъ нашихъ знакомыхъ въ 1881 году, я вспоминалъ ему объ его первомъ концертѣ. Онъ вздохнулъ и сказалъ: «Да, это былъ одинъ изъ лучшихъ дней моей жизни, онъ рѣшилъ мою артистическую карьеру, въ которой я въ моей ранней юности сильно сомнѣвался, и я до нынѣ о немъ часто вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ...»

Ноябрь 1894 г.

ВЪ ПЕРЕЛОМЪ ВЪКА.

І. Гардемарины.

ВЪ ОКТЯБРЬ 1849 года, въ жизни морскаго кадетскаго корпуса совершилось одно изъ тѣхъ грустныхъ событій, воспоминанія о которыхъ, не смотря на давность прошедшаго времени, все еще тяжелы и болѣзненны.

Въ одинъ изъ холодныхъ, осеннихъ, ненастныхъ дней, утромъ часовъ въ 11-ть (точная дата числа неизвѣстна), въ квартирѣ директора корпуса, вице-адмирала Казина, были собраны содержавшіеся подъ арестомъ въ различныхъ укромныхъ уголкахъ корпуса, какъ-то: карцерѣ, цейхгаузѣ, банѣ, мертвецкомъ покоѣ и другихъ мѣстахъ, по одиночкѣ, семь старшихъ гардемариновъ, кончавшихъ въ томъ году курсъ и только что въ сентябрѣ мѣсяцѣ возвратившихся изъ послѣдняго практическаго плаванія въ Балтійскомъ морѣ ¹⁾, а именно: Александръ Лихаревъ, Семенъ Левшинъ, князь Михаилъ Хованскій, баронъ Вильгельмъ фонъ-Геллесемъ, Михаилъ Коссаговскій, Павелъ Брылкинъ и Арсеній Калугинъ, каждый въ сопровожденіи особо назначеннаго для того оберъ-офицера.

Причины ареста молодыхъ людей, состоявшагося, впрочемъ, неодновременно, но въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, были слѣдующія: а) первые трое—Лихаревъ, Левшинъ и князь Хованскій, арестованы за то, что заявили во время ужина неудовольствіе на дурную пищу. Неудовольствіе это было заявлено всей гардемаринскою ротою, но арестованы только трое, какъ зачинщики; б) баронъ

---

¹⁾ Гардемарины въ 1849 году плавали на судахъ 2-й флотской дивизіи: Полтавѣ, Выборгѣ, Волѣ, Георгіѣ Побѣдоносцѣ, Фертъ-Шемпвуазѣ и Константинѣ.

фонъ-Геллесенъ подвергнуть аресту за рѣчь, сказанную въ дортуарѣ, по поводу несправедливыхъ притязаній начальства, что признано было за возбужденіе товарищей къ протесту; в) Коссаговскій привлеченъ къ отвѣтственности за отвѣтъ въ дортуарѣ, гдѣ онъ приготовлялъ урокъ, офицеру, приказавшему ему застегнуться на всѣ пуговицы: «что онъ не на службѣ, а при занятіяхъ», что признано было грубостью и дерзостью; г) Брыжнинъ—за то, что, идя въ праздничный день съ обѣда, не исполнилъ приказанія дежурнаго офицера—идти въ ногу и равняться, и когда послѣдній хотѣлъ взять его за руку, устранилъ это движеніе, что признано было непочтительностію начальству, и д) Калугинъ—за то, что, желая пожаловаться ротному командиру на одного изъ дежурныхъ офицеровъ, приказавшаго никому не выпускать изъ помѣщенія роты, оттолкнулъ отъ дверей служителя и вышелъ, поддержанный въ этомъ нѣкоторыми товарищами, что признано было чуть ли не возмущеніемъ къ бунту.

Гардемариновъ привели въ старыхъ курткахъ и выстроили въ рядъ въ приемной директора. Это все были молодые люди 17—20 лѣтъ отъ роду, прошедшіе почти весь курсъ обученія и ждавшіе чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ производства въ офицеры. Неожидавшая строгость, выказанная по отношенію къ нимъ со стороны корпуснаго начальства, не могла, конечно, не волновать юношей, и въ ряду ихъ проносилась возгласы: «смотрите-жь, духомъ не падать!»... или: «отвѣчать, братцы, смѣлѣй!»... Когда же имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что пріѣхалъ въ корпусъ его императорское высочество, молодой генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный шефомъ морского кадетскаго корпуса и имѣвшій его въ непосредственномъ своемъ командованіи, для личнаго разбирательства ихъ дѣла, раздался крикъ: «тѣмъ лучше!», и гардемарины повели между собой тихій разговоръ шепотомъ.

Но вотъ раздалась команда: «смирно!», приемный залъ наполнился служебнымъ персоналомъ корпуса, и изъ отворившихся внутреннихъ дверей директорскихъ апартаментовъ вышелъ августѣйшій шефъ корпуса въ сюртукѣ съ эполетами и аксельбантомъ. За его высочествомъ слѣдовали директоръ корпуса и адъютантъ государя великаго князя Константина Николаевича, капитанъ 2 ранга князь Голицынъ. Быстро окинувъ взглядомъ собравшихся и отвѣтъ поклономъ на привѣтствіе чиновъ корпуса, его высочество гене-

раль-адмиралъ изволилъ пройти по фронту арестованныхъ, и остановился передъ правофланговымъ гардемариномъ Коссаговымъ. Внимательно посмотрѣвъ на него, великій князь задавъ арестованному два, одинъ вслѣдъ за другимъ, вопроса, скороговоркой: «какъ твоя фамилія?» и «на какомъ кораблѣ плавалъ?». Получивъ надлежащій отвѣтъ, молодой генераль-адмиралъ перешелъ къ слѣдующему гардемариину и задавъ ему тѣ же вопросы. Отвѣтъ получился удовлетворительный, и великій князь пошелъ по фронту, останавливаясь передъ каждымъ воспитанникомъ и продолжая тѣмъ же порядкомъ начатый вопросъ. Дойдя до нумера шестого, полъ которыхъ стоялъ Брылкинъ, его высочество спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

— Брылкинъ,—отвѣчалъ угрюмо гардемариинъ.

— Какъ?

— Брылкинъ.

— Съ кѣмъ ты говоришь?

— Съ его императорскимъ высочествомъ генераль-адмираломъ.

— А титулъ прибавлять развѣ не нужно при отвѣтахъ?

Гардемариинъ молчалъ.

— На какомъ кораблѣ ходилъ?

— На Полтавѣ.

— На какомъ?

— На Полтавѣ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ великій князь, обращаясь въ по-
луоборотъ къ сопровождавшимъ его лицамъ, и затѣмъ быстро, по-
вернувшись къ Брылкину, потрепалъ его по плечу и прибавилъ:—
прекрасный ашиперонецъ будешь!

Долго и внимательно смотрѣлъ его высочество въ лицо гардемариина
п. отступая на шагъ или на два назадъ, тихо спросилъ своего адъютанта:

— Брылкинъ!.. Брылкинъ!.. а какой это Брылкинъ?

— Это братъ того, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ
такъ же тихо князь Голицынъ:—который имѣлъ счастье выѣхать
съ нами проходить курсъ ученія.

— И такой сорви-голова!.. жаль!—отозвался, смягчившись, мо-
лодой генераль-адмиралъ и пошелъ далѣе.

Послѣдніе вопросы получилъ фонъ-Геллесемъ и отвѣтилъ на
нихъ, какъ слѣдуетъ.

Послѣ этого государь великій князь Константинъ Николаевичъ,
отойдя отъ фронта на нѣсколько шаговъ, громко и повелительно

сказалъ гардемаринамъ, что государь императоръ Николай Павловичъ очень огорченъ ихъ проступками и поручилъ ему произвести дознаніе о виновности каждаго и немедленно доложить его величеству, что и будетъ исполнено.

На вопросъ директора: «что съ ними теперь дѣлать?» августѣйшій шефъ корпуса отвѣтилъ: «это—дѣло твое!.. полагаю, что ты ихъ помѣстишь, гдѣ они были, впредь до вѣдѣнія монаршей воли».

Сказавъ это, его высочество простился съ чинами корпуса и удалился во внутренніе директорскіе покои.

Начальство хлынуло изъ пріемной толпою, сторонясь, какъ зачумленныхъ, кучки несчастныхъ молодыхъ людей, которыхъ тотчасъ же сопровождавшіе ихъ офицеры и отправили въ тѣ же углы и чуланы, гдѣ они сидѣли прежде.

Нѣтъ сомнѣнія, что молодежь, обучавшаяся въ военно-учебныхъ и другихъ привилегированныхъ заведеніяхъ въ то время, не сознавала, что правительствомъ вынуждено было усилить школьную дисциплину въ интересахъ самихъ же учащихся, шла на проломъ и бравировала въ виду непонятныхъ ей строгостей, стѣснявшихъ ее прежнюю свободу. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что и само начальство сказанныхъ заведеній, въ особенности въ концѣ сороковыхъ годовъ, мало обращало вниманія на основы воспитанія прежнихъ лѣтъ, пустившія глубокіе корни въ сердцахъ вѣренихъ его попеченію юношей, не хотѣло знать ихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, и вводя новую систему воспитанія, требовало только отъ нихъ одного—безусловной покорности, страха и исполнительности ¹⁾). Помѣщаемые ниже отрывки изъ разсказа

¹⁾ Приведемъ нѣсколько фактовъ. Такъ: а) въ 1843 году воспитанники института путей сообщенія, возмущенные наущничествомъ на нихъ одного изъ ихъ товарищей, приступили къ обычной въ тѣ времена ручной съ нимъ расправѣ. Произошелъ шумъ, вслѣдствіе котораго явился дежурный офицеръ. Воспитанники встрѣтили его смѣхомъ и пригрозили: «вышвырнуть его въ окошко». Офицеръ пожаловался директору института. Возникло дѣло, и простая шалость молодыхъ людей въ глазахъ графа Клейнмихеля была уже проявленіемъ духа строптивости и доказательствомъ отсутствія надлежащей дисциплины въ заведеніи. Въ такомъ смыслѣ былъ представленъ имъ докладъ государю императору Николаю Павловичу, и пятеро воспитанниковъ, признанныхъ виновными, разжалованы въ рядовые, и, сверхъ того, трое изъ нихъ вѣрно наказано

одного изъ участниковъ вышеприведенной несчастной исторіи въ жизни морскаго кадетскаго корпуса могутъ дать намъ нѣкоторыя указанія на это.

Арестованные гардемарины были все старые кадеты. Они чуть ли не все прошли режимъ управленія трехъ директоровъ: по 1842 годъ—адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна, съ 1842 по 1848 годъ—вице-адмирала Николая Петровича Римскаго-Корсакова и съ 1848 года — вице-адмирала Николая Глѣбовича Казина. Перваго кадеты звали: «отцомъ роднымъ», втораго—«матерью крестной», а третьяго—«дѣдушкой водянымъ».

Изъ «Очерка исторіи Морскаго кадетскаго корпуса» О. О. Веселаго, мы видимъ, что съ 1826 года этотъ корпусъ имѣлъ счастье находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ государя императора Николая Павловича. Все мельчайшія заботы по воспитанію его величество изволилъ принять на себя. Не было такого уголка въ зданіи корпуса, въ который бы не взглянулъ государь императоръ и не приказалъ привести его въ должный порядокъ. Въ каждый пріѣздъ его величество изволилъ обходить весь корпусъ. Въ лазаретъ не было больного, о которомъ бы государь императоръ не собралъ подробныхъ свѣдѣній и не утѣшилъ его милостивымъ словомъ; къ трудно больнымъ, даже только сомнительнымъ, немедленно являлся придворный мѣдникъ. Въ ротахъ его величество изволилъ осматривать постели воспитанниковъ, ихъ платье и бѣлье; пріѣзжая во время кадетскаго стола, изволилъ пробовать кушанье, присутствовалъ въ классахъ и на фронтовыхъ ученьяхъ; осмѣдмывался

розгами въ присутствіи всехъ воспитанниковъ института («Русская Старина», 1880 годъ, № 8); 6) выпускные кадеты московскаго и 2-го кадетскаго корпусовъ, въ числѣ 14 человекъ, отправились въ 1843 году погулять въ Петергофскій садъ и Александрію, по въ одной изъ бесѣдокъ сада пили водку и имѣли столкновение съ лейбъ-казакомъ. По жалобѣ послѣдняго, 13 кадетъ были выписаны въ армію юнкерами, а одинъ, наиболѣе виновный, сосланъ рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ («Историческій Вѣстникъ», 1886 года, № 6-й); в) зимой 1848—1849 годовъ, одинъ изъ воспитанниковъ старшаго класса училища правовѣдѣнія, за сочувственное отношеніе къ освобожденію Польши, разжалованъ въ рядовые, съ назначеніемъ въ Орскій линейный батальонъ, а другой, за продержистыя слова, переведенъ юнкеромъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ. («Русская Старина», 1880 г., № 9-й).

о хорошихъ воспитанникахъ и шалунахъ, прилежныхъ и лѣнивыхъ. Нерѣдко позволялъ спрашивать: хорошъ ли тотъ, лучше ли учиться другой? При новомъ распредѣленіи ротъ многіе унтеръ-офицеры были выбраны лично государемъ императоромъ, и каждый изъ произведенныхъ въ офицеры и изъ явивъ поступившихъ воспитанниковъ представлялся его величеству. Особенно нѣжнымъ попеченіемъ державнаго воспитателя пользовалась малолѣтняя рота, состоявшая изъ дѣтей отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. Ея императорское величество государыня императрица Александра Феодоровна, ихъ императорскія высочества государь наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ нерѣдко вѣстѣ съ государемъ императоромъ посѣщали корпусъ. Всякаго августѣйшаго гостя, посѣтившаго С.-Петербургъ, его величество привозилъ «любоваться Морскимъ корпусомъ».

Нужно ли посылъ того удивляться, что Морской корпусъ далъ Россіи: Невельскихъ, Головинныхъ, Леговскихъ, Шестаковыхъ, Кремеровъ, Скрыдловыхъ, Дубасовыхъ, Тыртовыхъ, Басаргиныхъ, Авеллановъ и другихъ достойнѣйшихъ моряковъ нашего флота!

Но за всѣмъ тѣмъ печальное событіе 1849 года не могло не набросить тѣни на ближайшую администрацію корпуса. Взглянемъ на причины этого событія съ точки зрѣнія одного изъ участниковъ событія.

Первый въ началѣ сороковыхъ годовъ директоръ корпуса, адмиралъ Иванъ Феодоровичъ Крузенштернъ, былъ извѣстный мореплаватель и ученый. На склонѣ лѣтъ онъ получилъ назначеніе—стать подготовителемъ и воспитателемъ нашихъ будущихъ моряковъ, и выборъ былъ болѣе, чѣмъ удаченъ. Никто изъ директоровъ корпуса, въ теченіе столѣтняго слѣдствія его существованія, не пользовался такой любовью и преданностью воспитанниковъ, какъ этотъ дѣйствительный «отецъ кадетъ». По наружности это былъ преклонныхъ лѣтъ, высокаго роста, худой, съ небольшими прядями сѣдыхъ волосъ и безцвѣтнымъ высохшимъ лицомъ, согбенный старецъ, носившій старый, длинный и широчайшій сюртукъ, съ громаднымъ воротникомъ, въ которомъ голова его какъ будто утопала. Но онъ былъ еще весьма энергиченъ и все дѣло воспитанія и образованія въ корпусѣ велъ лично, предоставивъ только строевую часть на отвѣтственность батальоннаго командира. Нравственная его личность была велика: это былъ честный, прямой и всѣмъ доступный человѣкъ. Каждый кадетъ, даже самый маленькій, имѣлъ

къ нему доступъ, выслушивался и всегда находилъ защиту или удовлетвореніе. Даже шалости, если онѣ были разсказаны Ивану Федоровичу самимъ напавшимъ, прощались. Строгихъ мѣръ, карцера и розогъ, старый адмиралъ не признавалъ. Если же когда нѣкогда выпадала необходимость наказать виновнаго, онъ глубоко-мысленно и методично обводилъ указательнымъ пальцемъ правой руки свой носъ и медленно произносилъ:

— Ну-съ!.. стыдно вамъ-съ!.. За это я изыщу съ васъ строга-съ... и, обратясь къ ротному командиру или дежурному офицеру, говорилъ:—ну-съ!.. наказать его примѣрно-съ!.. Оставить его безъ прощанья!..

Въ помѣщеніяхъ ротъ онъ показывался рѣдко, но строевое учение и классы навѣщавалъ исправно. На ученьяхъ Иванъ Федоровичъ иногда подходилъ къ наиболее изнуреннымъ или слабымъ на видъ воспитанникамъ и обращался къ нимъ съ вопросами:

— Ну-съ.. какъ вамъ, милый-съ?.. тяжело-съ вамъ учиться маршировать и пріемамъ-съ?

— Да, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ обыкновенно пламенно кадетъ,—очень тяжело.

— Ну-съ!.. что же вы, милый-съ, больны?.. и чтоже у васъ болитъ-съ?

— Я страдаю грудью, ваше высокопревосходительство.

Тогда адмиралъ обращался къ командиру баталіона и говорилъ ему:

— Ну-съ!.. освободить его!.. ребенку-съ тяжело... нельзя-съ утомлять его!..

Затѣмъ онъ подходилъ къ другому, къ третьему и такъ далѣе, задавалъ такіе же вопросы и, получая почти такіе же отвѣты, старикъ волновался, приказывалъ распустить воспитанниковъ и уходилъ огорченный.

То же повторялось иногда и въ классахъ, которыми руководилъ контръ-адмиралъ (впослѣдствіи вице-адмиралъ) Маркъ Филипповичъ Горьковенко, личность въ высшей степени типичная, но вполнѣ добрая и преданная дѣлу образованія. На заявленіе воспитанника объ утомленіи или нездоровьи Иванъ Федоровичъ обращался къ классному начальству и приказывалъ:

— Ну-съ!.. разстегните-съ ему куртку!.. помяните-съ за докторомъ!..

— Ваше высокопревосходительство, мы отправимъ его въ лазаретъ,—заявило однажды начальство.

— Затѣмъ-съ?—возразилъ строго и серьезно адмиралъ:—въ лазаретъ не надо-съ!.. мальчикъ можетъ испугаться лазарета и заболѣть серьезно-съ!.. я вамъ-съ говорю: позвать доктора-съ!

Но были, хотѣ рѣдко, случаи, когда по жалобамъ нѣсколькихъ воспитанниковъ сердобольный директоръ отъѣзжалъ и классы.

— Ну-съ!..—говорилъ онъ Марку Филипповичу!—дайте-съ мнѣ отдохнуть!.. я вамъ-съ пришлю сказать, когда начать-съ!..

При посѣщеніи воспитанниковъ внѣ занятій, кадеты окружали любимаго директора толпой, а нѣкоторые даже нѣловали ему руки.

— Не надо-съ!.. не надо-съ!..—лепеталъ умиленный старецъ:—пропустите-съ меня!..—и наклонясь надъ какимъ-нибудь близъ стоящимъ мальчугономъ, бралъ его за щеки и съ улыбочкой задавалъ ему вопросы:—Ну-съ!.. что у васъ, мальчикъ-съ?.. здоровъ-съ?.. веселъ-съ?..

Въ случаѣ проказъ или какихъ-либо недоразумѣній, всякій воспитанникъ старался укрыться подъ защиту Ивана Федоровича. Онъ бѣжалъ стремглавъ къ «отцу родному», вѣсгалъ прямо въ кабинетъ безъ доклада, бросался передъ изумленнымъ старикомъ на колѣни и со слезами просилъ его защиты. Выслушавъ его разсказъ, «отецъ» старался успокоить виноватаго, бралъ его за голову и старался поднять съ пола, гладилъ руками по головѣ и лицу и говорилъ:

— Ну-съ!.. я вамъ-съ говорю, успокойтесь!.. встаньте-съ!.. я никому не позволю васъ наказывать-съ!..

Если же вслѣдъ за напавшимъ появлялся и жалобщикъ, Иванъ Федоровичъ встрѣчалъ его съ такими словами:

— Хорошо-съ!.. я знаю все-съ!.. я разберу-съ!..

И тѣмъ дѣло и кончалось.

Былъ даже такой случай. Батальоннаго командира, вслѣдствіе какихъ-то съ его стороны неумѣстныхъ требованій или придирчивости, одинъ изъ воспитанниковъ, встрѣтя какъ-то въ корридорѣ, оскорбилъ и, не теряя ни минуты, тотчасъ же явился съ повинной къ директору корпуса. Тотъ его распросилъ, выслушалъ все объясненія и отпустилъ изъ роту. Когда же явился потерпѣвшій съ рапортомъ, Иванъ Федоровичъ твердо и настойчиво отвѣчалъ:

— Ну-съ!.. я васъ прошу, оставьте-съ!.. я даю слово-съ, что наказанія не будетъ, и слово мое сдержу-съ! Я доложу моему государю, что я слово далъ-съ!.. пусть разыскиваетъ съ мнѣя-съ!.. а вы ужъ оставьте-съ!.. я васъ прошу-съ!..

Вотъ традиціи, на которыхъ было основано и зиждилось умственное и нравственное развитіе кадетъ морскаго корпуса въ началѣ сороковыхъ годовъ. Оно, конечно, съ теченіемъ времени подвергалось измѣненію, но традиціи жили въ сердцахъ воспитанниковъ корпуса еще долго послѣ оставленія адмираломъ Крузенштерпомъ своей высокогуманной и благотѣльной миссіи воспитанія и приготавленія къ службѣ будущихъ вождей русскаго флота.

Государь императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ разумной и полезной дѣятельности Ивана Федоровича на поприщѣ морской педагогикѣ. Онъ любилъ его, какъ точнаго и энергичнаго проводника его идей и инструкцій, и извинялъ ему многое, чего не терпѣлъ въ другихъ. Онъ не требовалъ даже, чтобы старикъ тотчасъ являлся по его пріѣздѣ въ корпусъ. Однажды его величество пріѣхалъ во время обѣда воспитанниковъ и промелькнулъ прямо въ столовую. Иванъ Федоровичъ, узнавъ объ этомъ, заторопился и бросился, какъ былъ, туда, гдѣ находился государь. Онъ бѣжалъ, на сколько позволяли ему дряхлыя ноги, и на ходу застегивалъ пуговицы. Но руки у старика дрожали, и пуговицы его не слушались. Увидя комичное положеніе немогущаго сладить съ костюмомъ директора въ двери столовой, державный гость самъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и, взявъ его за руки, милостиво улыбнулся:

— Не надо, Иванъ Федоровичъ, не застегивай, оставь такъ!.. и, повернувшись, пошелъ съ нимъ мимо столовъ воспитанниковъ.

Въ другой разъ, государь увезъ любимца адмирала въ своей коляскѣ во дворецъ, гдѣ онъ и имѣлъ счастье быть приглашеннымъ къ императорскому столу, въ интимномъ кружкѣ августѣйшей фамиліи.

Второй директоръ корпуса, вице-адмиралъ Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, былъ блестящій представитель русскихъ моряковъ того времени. Извѣстный при дворѣ, вращавшійся въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ, онъ сумѣлъ снискать себѣ всеобщую любовь и уваженіе, не только въ морской сферѣ, но и внѣ ея. Небольшаго роста, худощавый, подвижный и нервный человѣкъ, лѣтъ 45 съ небольшимъ отъ роду, съ ослѣплымъ выразительнымъ лицомъ, большими сжѣвающимися на выкатѣ глазами, съ громкою, живою, порывистою рѣчью, скорой походкой и быстрыми тѣлодвиженіями, онъ представлялъ собою типъ свѣтскаго джентльмена. Вся его фигура дышала самоувѣренностью и самодовольствомъ. Онъ

былъ женатъ на красавицѣ, урожденной Чернышевой-Кругликовой, любилъ общество и удовольствія и жилъ, какъ баринъ, открыто.

По своимъ идеямъ и убѣжденіямъ, Николай Петровичъ принадлежалъ къ кружку людей, по тому времени считавшихся либеральными и гуманными, но строго держался взгляда практической необходимости. Въ обращеніи его съ чинами корпуса, съ кадетами и служителями преобладала вѣжливость и мягкость, но онъ держался съ большимъ достоинствомъ и никакихъ короткостей въ обращеніи съ людьми не допускалъ. У него былъ свой стимулъ для доступа къ человѣческому сердцу. Онъ задался цѣлю—развить въ гардемаринахъ и кадетахъ сознаніе человѣческаго достоинства, чувства патриотизма и долга чести, и для достиженія этой цѣли употреблялъ всевозможныя по тому времени средства.

Въ теченіе шестилѣтняго директорства, вице-адмиралъ Рижскій-Корсаковъ, какъ человѣкъ сообразительный и практичный, принялъ и ввелъ много полезныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ. Такъ, указавъ, онъ, съ цѣлю поощренія прилежныхъ и наказанія лѣнившихся воспитанниковъ, издалъ правила о веденіи занесенъ этихъ воспитанниковъ на красныя и черныя доски: ввелъ различные сроки домашнихъ отпусковъ и предоставилъ кадетамъ право ходить въ отпуски безъ провожатыхъ. Онъ дозволялъ кадетамъ заниматься, въ уроковъ и занятій, чтеніемъ всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою книгъ и положилъ основаніе кадетской бібліотеки. Кроме того, имъ было обращено особенное вниманіе на физическое и эстетическое развитіе воспитанниковъ: онъ требовалъ не только знанія гимнастики и фехтованія, но и граціи движеній. Съ этой цѣлю имъ поощрялись занятія танцами, а также музыкой и пѣніемъ. Желавшіе могли обучаться игрѣ на разныхъ инструментахъ, для чего имъ предоставлено было право приглашать особыхъ частныхъ учителей. Лучшихъ изъ кадетъ по образованію и свѣтскимъ приѣмамъ онъ удостоивалъ приѣма у себя, приглашая ихъ въ извѣстные дни на вечера и собранія. Но самой существенной стороной его увлеченій былъ фронтъ и доведеніе кадетъ по фронтовому образованію до высшей степени совершенства. Николай Петровичъ занимался съ кадетами фронтомъ даже болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и, какъ справедливо протестовалъ Маркъ Филипповичъ Горкопенко, въ ущербъ даже классныхъ занятій. Но за то посылаемые отъ Морского корпуса, въ воскресные и праздничные дни, на разводы ординарцы и вѣстовые постоянно обращали на себя вниманіе го-

сударя императора Николая Павловича и такого знатока военного дѣла, какъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а выходявшій на смотръ и парады роты воспитанниковъ Морскаго корпуса всегда отличался знаніемъ фронта и получалъ царское спасибо.

Инспекторомъ классовъ, какъ мы говорили выше, состоялъ контръ-адмиралъ Маркъ Филипповичъ Горьковенко; это былъ чело-вѣкъ.—«не отъ міра сего». Старикъ преклонныхъ лѣтъ, прослу-жившій въ Морскомъ корпусѣ чуть ли не полвѣка, онъ олицетво-рялъ въ себѣ всю науку корпуса. Собоенный лѣтами, а не наде-ніемъ умственныхъ силъ, всегда задумчивый и серьезный, онъ отдавался дѣлу воспитанія кадетъ со всею любовью, какая только можетъ существовать въ сердцѣ фанатика науки. Зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же костюмѣ—въ длинномъ суконномъ на патѣ сюртукѣ до пятъ и суконныхъ же сапогахъ на войлочныхъ по-дошвахъ, онъ вставалъ ранѣе всѣхъ и маленькими старческими шагами, автоматически, двигался по корридорамъ корпуса, входилъ въ классы и осматривалъ, все ли находится въ порядкѣ. Затѣмъ уходилъ и являлся опять, когда начинались занятія. Подходя къ классной комнатѣ, Маркъ Филипповичъ какъ будто преображался. Онъ поднималъ голову, входилъ твердою поступью, держа въ пра-вой рукѣ старую съ огромнымъ козырькомъ фуражку, а въ лѣвой—серебряную жалованную табакерку, и приветствовалъ кадетъ стереотипной фразой: «Ну, здравствуйте!».

Кадеты шумно поднимались съ своихъ мѣстъ и, зная слабость старика, громко отвѣчали:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

«Вѣчный контръ-адмиралъ», какъ звали его въ шутку кадеты, махалъ руками и говорилъ раздраженнымъ голосомъ:

— Болваны!.. чего разорались?.. небось уроковъ не знаете, а орать—охота!.. Садитесь, свинопасы, садитесь! (Клички: болваны, свинопасы и др. подобныя, имѣли смыслъ не брани, а сочувствія).

Затѣмъ онъ пробирался къ первой скамейкѣ, потѣснялъ воспитанниковъ и садился съ краю.

— О чемъ идетъ рѣчь?—спрашивалъ обычнымъ порядкомъ Маркъ Филипповичъ учителя и, получивъ отвѣтъ, говорилъ:—продолжай!

Послѣдствіе незначительнаго и сдѣлавъ одно или нѣсколько замѣчаній лектору, онъ поднимался и переходилъ въ слѣдующій классъ. Тамъ повторялась та же исторія, и старикъ, продѣлавъ все, что считалъ

нужнымъ, шелъ даѣе. Такимъ образомъ онъ успѣвалъ посѣтить отъ пяти до десяти классовъ въ день.

До какой степени Маркъ Филипповичъ былъ преданъ наукѣ, приведемъ слѣдующіе два разсказа о немъ.

Однажды, исправляя временно должность директора корпуса, онъ посѣтилъ лазаретъ и, подойдя къ кровати перваго лежавшаго больного воспитанника, спросилъ его:

— Котораго ты класса?

Воспитанникъ былъ очень боленъ, и отвѣтъ за него далъ дежурный.

Слѣдши ли ты за лекціями и повторяешь ли зады?—задалъ воспитаннику второй вопросъ суровый адмиралъ, на который больной только отрицательно покачалъ головою.

— Ну, какой ты глупый!—отозвался добродушно Маркъ Филипповичъ:—вѣдь ты будешь ослонъ, отстанешь отъ товарищей, и трудно тебѣ будетъ догнать ихъ. Возьми записки и книжки, и не все тебѣ спать! почитай, поучись, а на ночь положи ихъ подъ подушку: заспиши.—и все упрочится въ памяти.

Но больному было не до науки: на утро онъ умеръ.

Выше мы сказали, что Маркъ Филипповичъ не одобрялъ увлеченій новаго директора строевымъ образованіемъ. Вотъ въ какую своеобразную форму вышло подобное неодобрение.

Однажды баталіонъ кадетъ корпуса былъ выстроенъ на плацу для ученія. Николай Петровичъ, торопясь на ученье, бѣжалъ черезъ музей на плацъ. Его встрѣтилъ Горковенко почти у самаго выхода и какъ будто нечаянно спросилъ его:

— У тебя опять ученье ¹⁾?

— Отстаньте, Маркъ Филипповичъ:—отрѣзалъ круто директоръ,—не мѣшайте! Вотъ кончатся смотры и парады, тогда и ученья прекратятся.

— А на что тебѣ это?—возвысилъ въ свою очередь голосъ Горковенко:—кого ты готовишь?.. Ослонъ. Родители ихъ, отпуская къ намъ дѣтей, говорили: воспитайте ихъ, сдѣлайте ихъ умными людьми, учеными и полезными для службы. А мы съ тобой ихъ

¹⁾ Н. П. Римскій-Корсаковъ въ юности своей былъ кадетомъ въ ротѣ Марка Филипповича и потому сдѣлался его начальникомъ. Въ виду подобныхъ отношеній послѣдній говорилъ первому «ты» и позволялъ себѣ читать ему иногда нотации.

учимъ ноги вытягивать. Ужъ извини, это не резонъ. За это намъ съ тобой спасибо не скажутъ.

— Маркъ Филипповичъ, да и насъ съ тобой тоже учили, и съ насъ тоже требовали.

— Учили!.. учили!..—вспылилъ старикъ.—А я тебѣ, Николай Петровичъ, скажу правду-матку! ужъ ты не сердись на меня: коли бы я тебя въ свое время училъ, да поролъ бы, такъ и толкъ изъ тебя былъ бы не тотъ!.

Что дѣлать!—размѣялся директоръ: теперь ужъ поздно, пороть уже нельзя.

— Поздно!.. Поздно!.. а, можетъ, и не поздно!.. Ну, да Богъ съ тобой!.. ты—начальникъ, воля твоа, а все-таки помни: Богу отвѣтъ давать! будешь!

И старикъ покорно склонилъ голову и смиренно удалился.

Не останавливаясь на личностяхъ баталіонныхъ командировъ Морскаго корпуса: сперва И. М. Юхарина, а потомъ П. Я. Терентьева, которые въ жизни корпуса выдающейся роли не играли, мы коснемся только командира гардемаринской роты, капитана 2 ранга барона Александра Александровича де-Риделя, влияние котораго на воспитаніе и пробужденіе въ кадетахъ чувствъ самосознанія долга было безпорно. Это былъ мужчина громаднаго роста, весьма тучный и неуклюжій собою. Какъ всѣ крупные люди, онъ плохо распорядился всѣми членами своего тѣла и, будучи близорукимъ, казался вообще неловкимъ человѣкомъ. Но это не мѣшало ему имѣть прекрасное сердце, хладнокровный, разсудительный и невозмутимый характеръ. Какъ начальникъ, онъ отличался безпристрастіемъ, справедливостью и гуманнымъ отношеніемъ къ кадетамъ. Всѣ его дѣйствія были направлены къ тому, чтобы поднять въ нихъ духъ самосознанія и личнаго достоинства. Несопоставительныхъ жалобъ и наговоровъ онъ не слушалъ и никакихъ придирокъ по службѣ не допускалъ. Всякія недоразумѣнія, происходившія между офицерами и воспитанниками, онъ разбиралъ и устранялъ лично, и жалобщиковъ на его разбирательство никогда не было. Какъ человѣкъ, это былъ доброе и безобидное существо. Оставаясь до старости холостякомъ, онъ жилъ исключительно интеллигентными вѣренными ему по службѣ дѣтей и посвящалъ свои досуги домашнему хозяйству, среди котораго не малую роль играли его любимыя животныя—кошки.

Чтобы вполнѣ охарактеризовать этого непосредственнаго блюсти-

теля жизни и будущности кончавших курсъ кадетъ, мы приведемъ слѣдующій случай.

Въ горячее время приготовленія къ экзаменамъ, одинъ изъ старшихъ гардемариновъ, во избѣжаніе шума, всегда царившаго въ дортуарахъ, всталъ какъ-то утромъ ранѣе обыкновеннаго и направился для занятій въ классъ, который въ то время былъ еще запертъ. Въ дверяхъ его встрѣтилъ сторожъ и войти въ классъ не допустилъ, говоря, что начальство открывать классы ранѣе назначеннаго времени не приказываетъ. Воспитанникъ въ горячности выбранился, о чемъ въ то же время и было доведено до свѣдѣнія барона де-Риделя, состояншаго въ тотъ день дежурнымъ по корпусу. Воспитанникъ ждалъ грозы, но проходитъ день и два—его къ отвѣту не зовутъ. На третій день, отправившись съ ротою въ церковь (шелъ великій постъ, и кадеты говѣли), онъ встрѣтилъ близъ дежурной комнаты барона де-Риделя, который вызвалъ его изъ фронта и унесъ съ собою въ дежурную.

— Позвольте васъ спросить,—обратился баронъ къ кадету съ вопросомъ:—на какомъ основаніи вы позволяете себѣ бранить начальство?

— Какое начальство, г. баронъ, объясните Бога ради?

— Хотя бы меня.

— Да когда же, г. баронъ?

— А вотъ, когда вы хотѣли войти въ классъ, а сторожъ васъ не пустилъ.

— Дѣйствительно, г. баронъ, я тогда выругалъ сторожа, но при чемъ вы тутъ, я не понимаю.

— Какъ причеи?.. вѣдь я былъ дежурнымъ, и я отдалъ приказаніе никому не пускать въ классъ раньше времени.

— Простите, г. баронъ, выразивъ неудовольствіе на распоряженіе начальства, я не имѣлъ въ виду ничьей личности, тѣмъ болѣе вашей.

— Но вы не отрицаете, что вы позволили себѣ выбраться?

— Не смѣю отказываться, г. баронъ, но даю вамъ слово, что никого изъ начальствующихъ лицъ я не имѣлъ тогда въ виду. Что же касается васъ лично, то я никогда не позволилъ бы себѣ этого сдѣлать.

— А я вамъ скажу: я и самъ не позволю!.. я и самъ могу съ вами разсчитаться!.. но я не буду васъ наказывать и жаловаться на васъ начальству не пойду: за оскорбленіе моей чести я потребую отъ васъ сатисфакціи.

— Благодарю васъ, г. баронъ, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете; но не могу принять на себя вины въ оскорбленіи васъ.

— Ну, если это такъ, то забудете объ этомъ!.. но помните, что Ридель за свою честь постоитъ. А теперь идите въ церковь и помолитесь.

Когда воспитанникъ пошелъ, онъ вернулъ его, пожалъ ему крѣпко руку и сказалъ:

— А все-таки спасибо вамъ, что вы не стали отпираться, я— грѣшный человѣкъ: трусовъ и лгуновъ не люблю!.. Помните, что все забыто, и ступайте!

Вотъ лица, въ рукахъ которыхъ находилось до конца сороковыхъ годовъ научное нравственное развитіе будущихъ представителей нашего флота. Но изъ приведенныхъ нами выше характеристикъ ихъ мы не будемъ дѣлать общихъ выводовъ, такъ какъ они всякому образованному читателю сами по себѣ должны казаться рельефными и вполне понятными. Подчеркнемъ только тотъ фактъ, существенно знаменательной для того времени, что начальство не считало невозможнымъ обратиться къ кадету съ требованіемъ сатисфакціи. Намъ могутъ замѣтить, что это уже болѣе, чѣмъ экзальтація. Но при сужденіи о проступкахъ кадетъ, когда наступили нѣмныя времена, нѣмныя требованія, слѣдовало бы все это принять во вниманіе.

Но возвратимся къ кадетской жизни того времени.

Обыденная, будничная, замкнутая жизнь кадетъ въ стѣнахъ корпуса—общезвѣстна, о ней уже и прежде писали много и подробно. Касаться ея всесторонне мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что она сама по себѣ особаго интереса и не представляетъ. Но мы отмѣтимъ тѣ изъ канувшихъ въ Лету явленій, которыя въ свое время имѣли значеніе въ кадетской жизни, интересовали кадета или воспитывали его въ извѣстныхъ стрѣлахъ мысли.

Начнемъ съ распоряженія Н. Н. Римскаго-Корсакова объ увольненіи воспитанниковъ въ домашніе отпуска безъ провожатыхъ. Изстарин въ Морскомъ корпусѣ существовалъ порядокъ, чтобы кадетъ, желающій воспользоваться отпускомъ, заявлялъ начальству, что такіе-то его родные или знакомые желаютъ взять его къ себѣ домой на извѣстные дни; но воспитанникъ отпускался не иначе, какъ по личной явкѣ за нимъ въ корпусъ кого-либо изъ родныхъ или знакомыхъ, или же по присылкѣ за нимъ провожатата. Процедура увольненія въ отпускъ сама-по-себѣ настолько была оригина-

называ, что о ней стоит сказать нѣсколько словъ. Въ субботу или наканунѣ праздника, послѣ утреннихъ классовъ, часовъ въ 12 дня, кадеты, желавшіе воспользоваться отпускомъ, заявляли о томъ ротнымъ командирамъ и, получивъ разрѣшеніе, собирались въ рекреационномъ залѣ, въ шпалерахъ, португезахъ и киверахъ. Когда же всѣ были въ сборѣ, начинался осмотръ. «Такой-то,—вызывалъ ротный командиръ,—свините шинель!» (если она была въ накидку). И затѣмъ осматривалъ обмундированіе и снаряженіе кадета спереди. Если все оказывалось исправнымъ, слѣдовала команда: «направо кругомъ!»—и кадетъ осматривался сзади. Далѣе командовалось: «поднимите руки!» или: «оставьте такую-то ногу!»—и осматривалось, нѣтъ ли дыръ подъ мышками или прорѣхъ на штанахъ. Обмундированіе, конечно, надѣбалось при увольненіи въ отпускъ новое, а у нѣкоторыхъ наиболее состоятельныхъ кадетъ, съ разрѣшенія новаго директора, нѣлось особое свое отпускное платье изъ тонкаго сукна; поэтому вся эта процедура была только извнѣшней формалистикой и тяготила воспитанниковъ, жаждавшихъ съ нетерпѣніемъ скорѣйшаго увольненія. Нужно ли говорить, какъ быстро и отчетливо исполнялись послѣднія команды: «направо кругомъ!», «нагнѣтые шинели!...», «застегните по формѣ!...», «нагнѣтые киверы!...», «застегните чашу!...» (Всякое неудовлетворительное исполненіе команды вызвало замѣчаніе и могло повести даже къ оставленію безъ отпуска). Исполнивъ все, какъ слѣдуетъ, воспитанникъ ждалъ заключительнаго вопроса: «а кто вашъ провожатый?.. и, получивъ его, бросался стремглазъ и приводилъ провожаго. Если это оказывался родственникъ или лицо, начальству уже извѣстное, то воспитанникъ тотчасъ получалъ билетъ и, счастливый, уходилъ. Если же была прислана прислуга, то она подвергалась опросу: отъ кого она и за кѣмъ прислана? По полученіи удовлетворительнаго отвѣта, прислуга получала наказъ: «воспитанника одного дорогой никакъ не отпускать, но доставить къ квартирѣ того лица, отъ кою она прислана».—и затѣмъ только кадету выдавался билетъ.

Мѣра эта, конечно, нѣмала мѣсто по отношенію малолѣтнихъ кадетъ, которымъ провожатый въ Петербургѣ дѣйствительно могъ быть необходимымъ. Но въ отношеніи примѣненія къ возмозрастнымъ юношамъ, какъ, напримѣръ, гардемаринамъ, находившимся въ корпусѣ, но считавшимся уже на дѣйствительной службѣ, она казалась уже аномаліей и подавала поводъ къ курьезнымъ некор-

мальнымъ эпизодамъ. Само начальство имѣло весьма смутное понятіе о значеніи провожатого: ни возраста, ни солидности, ни разумности отъ провожатыхъ не требовалось; кого бы ни прислали родные или знакомые за воспитанникомъ, съ тѣмъ онъ и отпускался. Поэтому сплошь и рядомъ можно было видѣть, что вслѣдъ за молодцомъ-гардемаринкомъ, быстро шагавшимъ по тротуару, бѣжала въ припрыжку маленькая дворовая дѣвочка лѣтъ 10—12-ти, въ валенкахъ и материнской кацавейкѣ, или босоногіи казачекъ, или же плелась, поминутно окликая воспитанника, старая-престарая старушенція-нянюшка. Бывали случаи, что кадеты, по выходѣ изъ корпуса, прогоняли отъ себя присланныхъ за ними провожатыхъ и шли или ѣхали домой одни. Начальство корпуса, встрѣчая иногда такихъ кадетъ, дѣлало видъ, какъ будто оно не замѣчаетъ, имѣются ли при нихъ провожатые, и отступленіе отъ существовавшаго порядка изысканій не влекло. Снисходительность начальства, въ отношеніи свободы увольненія въ отпускъ, шла даже далѣе, чѣмъ, казалось бы, слѣдовало. Такъ, кадеты братья Болховскіе брались изъ корпуса ежегубогно пріѣзжавшими за ними двумя молодыми дѣвцами, съ которыми они обрѣтались въ дружественныхъ отношеніяхъ, и начальству не было до того никакого дѣла.

Толчекъ къ огмѣнѣ правилъ объ отпускѣ кадетъ къ роднымъ не иначе, какъ съ провожатыми, далъ слѣдующій случай. Однажды правофланговый воспитанникъ гардемаринской роты Полубояриновъ, дѣтина ростомъ чуть не въ три аршина (государь императоръ Николай Павловичъ не разъ обращалъ на него вниманіе и, хлопая его по плечу, говорилъ: «молодецъ! переросъ меня!»), получая отпускной билетъ, былъ спрошенъ ротнымъ командиромъ: «а гдѣ же вашъ провожатый?». Не долго думая, кадетъ отправился въ швейцарскую, гдѣ ожидалъ его присланный за нимъ маленький мальчикъ-казачекъ, взявъ его сзади подъ мышки, принеся въ залу и, поднявъ предъ ротнымъ командиромъ наравнѣ съ собою, доложилъ ему: «вотъ мой провожатый!». Начальство растерялось, никакого замѣчанія не сдѣлало и только, замахавъ руками, торопливо повторяло:

— Поставьте его!.. поставьте его!.. что вы дѣлаете?.. Видъ вы уроите мальчика и ушибете его!..

Высшее корпусное начальство, до свѣдѣнія котораго была доведена эта выходка, много смѣялось и, говорятъ, даже доклады-

вало объ этомъ государю императору, который и приказалъ отменить непрактичный порядокъ. Съ этихъ поръ изъ кадетъ старшихъ классовъ стали увольняться въ отпускъ только тѣ, которые имѣли хорошія классныя отмітки (не менѣе 10 по всѣмъ предметамъ), и у нихъ въ билетахъ обозначалось, что они уволены безъ прожатаго.

Не безынтересно также распоряженіе объ экипажахъ. Въ одну изъ зимъ наиболѣе холодныхъ, Н. П. Римскій-Корсаковъ приказалъ, чтобы въ морозъ болѣе 15 градусовъ воспитанники увольнялись въ отпускъ не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ. Мѣра эта оказалась для многихъ стѣснительной. За немногими изъ кадетъ могли прѣзжать собственные экипажи, а большинство должно было нанимать извозничьи кареты. Но такъ какъ нѣкоторымъ и это было не по средствамъ, а въ отпускъ идти хотѣлось, то кадеты придумали слѣдующую комбинацію. Нѣсколько человекъ нанимали одну карету, которая и должна была ожидать ихъ у подъезда. Выходили человекъ 5—6, садились, отѣзжали до первой улицы, сворачивали въ нее, выходили изъ кареты и шли домой пѣшкомъ, а карета снова возвращалась въ корпусъ и брала слѣдующій контингентъ уволенныхъ кадетъ, которые, въ свою очередь, продолжали то же, что и первые. Такимъ образомъ, карета возвращалась въ корпусъ два-три раза, и послѣдними уѣзжали въ ней тѣ, которыми дѣйствительно нужно было ѣхать за Неву или куда-нибудь далѣе. Подобныя выходы являлись дѣломъ вполне цѣлесообразнымъ и естественнымъ, такъ какъ начальство корпуса не считало нужнымъ слѣдить за исполненіемъ своихъ распоряженій. Единственнымъ активнымъ наблюдателемъ за правильнымъ примѣненіемъ сказанной мѣры являлся швейцаръ, которому было вѣщено въ обязанность слѣдить, чтобы воспитанники отправлялись въ отпускъ не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ, и о неисполняющихъ сего—докладывать начальству. А такъ какъ всѣ воспитанники уѣзжали изъ корпуса въ каретахъ, то и жаловаться было не на кого.

Два дѣтвицы, похитившія ежесубботно изъ корпуса кадетъ братьевъ Болховскихъ, жили въ Коломнѣ. Зимой и лѣтомъ черезъ Неву это было близко, а осенью и весной въ объѣздъ—далеко. Но пощенія не прекращались. Дѣтвицы эти нанимали особую небольшую квартирку, гдѣ кружокъ знакомыхъ съ ними гардемариновъ иногда собирался и дѣлавъ въ складчину скромныя товарищескія

пирушки. Отсюда молодежь по вечерам уѣзжала потанцовать въ какое-нибудь танцевальное заведеніе, гдѣ встрѣчала воспитанниковъ другихъ заведеній, какъ-то: гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ, лицестовъ, правонѣдовъ и пажей, знакомилась съ ними и веселилась, какъ могла. Однажды въ одномъ изъ подобныхъ заведеній у гардемариновъ произошелъ споръ, а потомъ и бой съ юнкерами дворянскаго полка. За моряковъ стали ихъ новые знакомые, изъ числа которыхъ находились извѣстные въ то время юнкершалуны братья Жемчужниковы, одинъ пажъ, другой—юнкеръ гвардейской школы, и побѣда, первая побѣда осталась за моряками. Когда рѣшено было отпраздновать ее съ триумфомъ, братья Жемчужниковы распорядились пиришествомъ посвоему; они взяли десять извозчиковъ (дѣло было зимнею порою) въ саняхъ, велѣли связать ихъ попарно рядами поloseямъ, насажали барышень и кадетъ и большою процессіей отправились на Петербургскую сторону къ извѣстной въ то время м-ше Адапъ.

Къ слову сказать, братья Жемчужниковы были весьма оригинальные и смѣлые проказники. По ихъ словамъ, вотъ какую штуку они проѣзжали однажды. Возвращаясь съ какой-то веселой пирушки домой поздней порою, «братцы» (такъ ихъ звали въ шутку моряки) ѣхали по Кошиговардейскому бульвару въ закрытомъ экипажѣ. Когда они поровнялись съ домомъ, гдѣ жилъ въ то время извѣстный военный писатель, генералъ Михайловскій-Данилевскій, одному изъ нихъ пришла въ голову мысль подшутить надъ старикомъ (генералъ былъ хорошій знакомый ихъ отца, извѣстнаго сенатора и важной особы, и часто бывалъ у нихъ въ домѣ). Задумано—сдѣлано. Экипажъ остановился у подъѣзда, и одинъ изъ «братцевъ» рѣзко позвонилъ у дверей. Была уже глухая ночь, прислуга вся спала, но на повторившіеся одинъ разъ за другимъ нѣсколько звонковъ въ домѣ пробудились, и у подъѣзда появился швейцаръ.

— Дома его превосходительство?—спросилъ швейцара свѣшій снова въ экипажъ «братецъ».

— Дома-съ... что прикажете?

— Я изъ дворца, мнѣ нужно передать генералу приказаніе.

— Въ такомъ случаѣ не угодно ли будетъ вамъ подняться на верхъ и сообщить, что нужно, камердинеру генерала.

— Зачѣмъ?.. Пошли его сюда!

Явился камердинеръ, и ему «братцы» передали, чтобы онъ завтра утромъ доложилъ генералу, что государю угодно, чтобы онъ

завтра же къ утреннему выходу представилъ экземпляръ написанной имъ «Исторіи Отечественной войны».

Быль ли генералъ на утро во дворѣ—неизвѣстно, но «братцы» говорили, что былъ, и что имъ за эту шутку досталось.

Случалось у молодежи и столкновенья съ полиціей, кончавшіяся иногда весьма курьезно. Приведемъ слѣдующій фактъ.

На Васильевскомъ островѣ проживалъ иностранецъ, коммерсантъ Роопъ, имѣвшій у себя во дворѣ нѣсколько паръ собакъ-водолазовъ. Щенковъ отъ этихъ собакъ онъ дарилъ соседямъ и нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, вслѣдствіе чего водолазовъ развелось въ окрестностяхъ много. Два-три обывателя принесли полиціи жалобу, что эти большія собаки бросаются на людей и пугаютъ ихъ. Оберъ-полицеймейстеръ, генералъ Галаховъ, отдалъ приказъ, чтобы полиція забирала собакъ, если хозяева не будутъ держать ихъ на привязи. Однажды вечеромъ, въ глубокую осеннюю пору, въблизи казармъ Финляндскаго полка проходила компанія молодыхъ людей, состоящая изъ офицера этого полка Дейбнера, двухъ гардемариновъ Волковскаго и Брылкина, студента горнаго корпуса Афендика и еще двухъ-трехъ другихъ лицъ. Впереди компаніи бѣжалъ громадный водолазъ, принадлежавшій офицеру Дейбнеру. Будочникъ, увидя, что собака была не на привязи, накинулъ на нее петлю и хотѣлъ стащить ее въ кварталъ. Компанія протестовала, будочникъ настаивалъ на своемъ правѣ взять собаку. Произошелъ споръ, кончившійся тѣмъ, что будочникъ, невзрачный замухрышка, былъ связанъ той же веревкой, которую онъ накинулъ на собаку, положивъ на спину водолаза и привязавъ къ нему. Затѣмъ подвели собаку къ Петѣ, одинъ изъ компаніи отыскалъ палку, плюнулъ на нее, показалъ ее собакѣ и, бросивъ въ рѣку, крикнулъ: пили! Водолазъ, не стѣсняясь ношею, бросился въ воду, выкупалъ оравшаго благинъ матомъ бутыра и, поймавъ палку, вернулся къ хозяину. Тогда полицейскаго стража освободили, и компанія съ хохотомъ пошла своей дорогой.

Попала молодежь и туда, гдѣ ей быть, казалось бы, не слѣдовало. Мы разумеѣмъ квартиру извѣстнаго агитатора Михаила Васильевича Петрашевскаго-Буташевскаго. По разсказу участника событія, вотъ какъ это случилось съ ними? Въ зиму 1848—1849 годовъ, ротмистръ, свѣтлѣйшій князь Вигенштейнъ, чуть ли тогда уже не флигель-адъютантъ, ухаживалъ за одной изъ сестеръ гардемарины Брылкина. Пригласивъ однажды его и его сотоварища,

князя Хованскаго, прокатится съ нимъ въ его экипажѣ, онъ предложитъ имъ дорогой захватъ въ общество избранныхъ молодыхъ людей, извѣстныхъ высшимъ просвѣщеніемъ и либеральнымъ образомъ мыслей, гдѣ можно весело провести время и сдѣлать хорошее знакомство, которое имѣть никому и никогда не мѣшаетъ. Конечно, молодые люди, принявъ предложеніе съ восхищеніемъ и, сдѣлавъ прогулку и отобѣдавъ у князя, они поѣхали по приглашенію. Въ квартирѣ Петрашевскаго, довольно хорошо меблированной и освѣщенной, они встрѣтили человѣкъ 10—15 гостей. Князь Витгенштейнъ представилъ кадетъ хозяину дома, и затѣмъ они прошли въ кабинетъ, а кадеты остались въ залѣ. Посреди зала стоялъ большой, раздвинутый и накрытый бѣлой скатертью, столъ, на столѣ бѣлѣлъ самоваръ, стоялъ чайный приборъ, вино въ граненыхъ графинахъ и разныя закуски. Гости пили, ѣли, сидѣли и стояли кучками, говорили тихо, прохаживались и уходили. Всякій распоряжался самъ, что кому нужно было, то и бралъ. Большинство собиравшагося общества по наружности принадлежало къ интеллигентному классу, но было какъ будто и лапочникъ. Военный элементъ представляли два молодыхъ безусыхъ офицера, а прочіе присутствовавшіе были въ штатскомъ платьѣ. Появленіе кадетскихъ курточекъ привлекло общее вниманіе, ихъ приняли очень ласково, закидали вопросами и старались угостить на славу. Но взаимныхъ представленій никакихъ не состоялось, всѣ говорили, какъ старые знакомые, и расходились, не прощаясь, такъ что гардемарины возвратились домой, не зная, съ кѣмъ провели вечеръ.

Второй визитъ къ агитатору состоялся, спустя недѣлю двѣ или три. Кадетъ Интвиновъ, встрѣтись случайно на улицѣ съ Брылкинымъ, спросилъ его: не хочетъ ли онъ познакомиться съ Петрашевскими?

— Да я уже знакомъ съ ними, — отвѣчалъ Брылкинъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Я у него былъ съ Витгенштейномъ.

— Ну, такъ поѣдемъ къ нему?

— Пожалуй.

И они поѣхали. Дѣло было днемъ, въ какой то праздникъ, часовъ въ 12 утра. Петрашевскаго дома не застали, но въ его квартирѣ сидѣло нѣсколько лицъ: кто завтракалъ, кто пилъ кофе. И такъ какъ моряки никого изъ нихъ не знали, то, посидѣвъ немного, скоро ушли домой.

На этотъ, кажется, посѣщенія дома агитатора и кончились, ибо участникъ событія ничего болѣе о нихъ не говорилъ. Практическаго значенія, по всей вѣроятности, они не имѣли, а потому и остались безъ послѣдствій.

Во все время директорства въ корпусѣ вице-адмирала Римскаго-Корсакова, государь императоръ Николай Павловичъ продолжалъ бывать въ корпусѣ обычнымъ порядкомъ. Его величество пріѣзжалъ большей частью отъ 1 до 3 часовъ дня, входилъ съ параднаго подъѣзда съ Невы и, если воспитанники обѣдали, поднимался по лѣстницѣ до второго этажа и шелъ черезъ рекреационное зало и музей въ столовую, гдѣ встрѣчало его дежурное начальство и куда, спустя нѣсколько времени, являлся директоръ и прочій служебный персоналъ корпуса. Августѣйшій посѣтитель проходилъ по столовой залѣ, останавливался у приборовъ нѣкоторыхъ кадетъ для пробы пищи или разспроса воспитанниковъ. Особой пробы, приносимой съ кухни, государь никогда не пробовалъ, говоря: «я попробую у дѣтей». И подойдя къ кому нибудь изъ воспитанниковъ, преимущественно малолѣтней роты, обращался къ нему съ вопросомъ: «а ну, дай мнѣ твою ложку!» (или вилаку, смотря по тому, какое было блюдо), и если замѣчалъ на лицѣ мальчика изумленіе, шутливо прибавлялъ: «ты не бойся, я всего не съѣмъ». Затѣмъ, отидавъ пищу, его величество одобрительно кивало головою и говорилъ: «да хорошо, кушайте, дѣти, на здоровье!»

Изъ залы государь проходилъ въ лазаретъ, осматривалъ вещи, подходилъ къ больнымъ, распрашивалъ доктора о болѣзни и разговаривалъ съ больными, ободряя ихъ своими милостивыми вниманіемъ и словами. При этомъ иногда разрешалъ допустить къ больному для свиданія родителей или родственниковъ его.

Изъ лазарета Николай Павловичъ проходилъ въ роты, но всѣхъ чаще посѣщалъ малолѣтнюю, гдѣ онъ иногда обращался къ воспитанникамъ съ возгласомъ: «дѣти, ко мнѣ!.. дружитѣй вайте меня!». Дѣти бросались къ его ногамъ, повисали на его рукахъ, лѣзли на спину и на плечи и старались взобраться какъ можно выше. Чадолоубный монархъ стоялъ непоколебимо, смѣялся и поощрялъ малютокъ. Но возни эта никогда не обходилась безъ ущерба для царской одежды: въ концѣ концовъ она оказывалась вся изорванной и ошипанной. Прекращалась игра словами государя: «дѣтки, я слабею!.. будетъ!.. я усталъ!..» и кадеты отступали съ сожалѣніемъ. Финаломъ же такой возни бывало повелѣніе: «отпустить

кадетъ по домамъ на три дня!». А разъ, какъ-то, кадеты былъ отпущены и на пять дней.

Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній его величество привезъ съ собою въ корпусъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. Время выпало послѣобѣденное. Воспитанники находились въ ротахъ. Войдя въ помещеніе 2-й роты и проходя мимо воспитанниковъ, стоявшихъ у своихъ кроватей, Николай Павловичъ обратился къ привезенному имъ гостю съ словами.

— Что же ты, Иванъ Федоровичъ, ничего не спросишь моихъ моряковъ?

— Я, ваше величество, и безъ того знаю, что они—умницы,—возразилъ почтительно генералъ-фельдмаршалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! спроси.—наставлялъ государь и, указавъ на вѣшившую на стѣнѣ карту Россійской имперіи, прибавилъ:—а вотъ кстаи и карта!

Князь Варшавскій бросилъ взглядъ на одного изъ воспитанниковъ, близъ его стоявшихъ (Грече), и, кивнувъ ему головою, подошелъ къ картѣ, прикрылъ ладонью руки часть карты и спросилъ его:

— А что у меня подъ рукою?

— Кавказъ, ваше свѣтлость,—бойко отвѣтилъ воспитанникъ.

— Кавказъ, какой Кавказъ?

— Тотъ, что на берегу Чернаго моря, ваша свѣтлость.

— Ну, а что еще? спросилъ, снявъ руку и, оставя на картѣ указывать имъ одинъ пунктъ и спросилъ:

— Что у меня подъ пальцемъ?

— Кавказъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ безъ запинки воспитанникъ.

— Ну, а что еще? спросилъ, снявъ руку и, оставя на картѣ указывать имъ одинъ пунктъ и спросилъ:

— Что у меня подъ пальцемъ?

— Кавказъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ безъ запинки воспитанникъ.

— Ну, а что еще? спросилъ, снявъ руку и, оставя на картѣ указывать имъ одинъ пунктъ и спросилъ:

— Что у меня подъ пальцемъ?

— Кавказъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ безъ запинки воспитанникъ.

— Ну, а что еще? спросилъ, снявъ руку и, оставя на картѣ указывать имъ одинъ пунктъ и спросилъ:

— Что у меня подъ пальцемъ?

— Кавказъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ безъ запинки воспитанникъ.

— Ну, а что еще? спросилъ, снявъ руку и, оставя на картѣ указывать имъ одинъ пунктъ и спросилъ:

— Что у меня подъ пальцемъ?

— Кавказъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ безъ запинки воспитанникъ.

главъ науки остался Маркъ Филипповичъ Горковенко, но въ общей системѣ управленія произошли большія перемѣны. Новый директоръ былъ человекъ совершенно иного закала, чѣмъ его предшественники. Онъ явился въ корпусъ съ предвзвѣтой идеей необходимости подтянуть его, такъ какъ всѣ части управленія, по его мнѣнію, были распушены. Карьеру свою ему удалось сдѣлать строевой службой; онъ, говорятъ, былъ хорошимъ командиромъ гвардейскаго экипажа, но воспитаніе и приготовленіе юношей къ высокому призванію—стать современемъ во главѣ русскаго флота, очевидно, ему было не подъ силу. Въ его глазахъ солдатъ (т. е. матросъ) и кадетъ составляли одно и то же понятіе. И тотъ и другой, по его позрѣніямъ, должны были быть не чѣмъ инымъ, какъ только манексинами, ифными, безжизненными исполнителями воли начальства. Развитіе, мышленіе и знанія онъ хотѣлъ поставить подъ эгиду дисциплины, если не совсѣмъ замѣнить ихъ ею. Быть можетъ, это и было нужно по тому времени, но онъ не понималъ одного, что всякую новую систему необходимо вводить не съ плеча, а постепенно и разумно. Онъ повелъ дѣло перевоспитанія кадетъ посолдатски—прямо, грубо и безъ всякихъ снисхожденій къ прошлому, и въ скорости достигъ самыхъ плачевныхъ результатовъ.

На видъ, это былъ уже не молодой, лѣтъ за 50 сѣдноволосый, средняго роста, тучный и обрюзглый мужчина, съ большой лысиной, мутными стеклянными глазами и краснымъ носомъ, вполне похожій, какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ корпуса, на «мясника въ мундирѣ». Отличительными чертами его личности являлись: напускная важность, косноязычность и брызганье во время разговора, когда онъ начиналъ горячиться, слюнями. Первое появленіе его, въ качествѣ директора корпуса, произвело на всѣхъ непріятное впечатлѣніе. Онъ вышелъ въ большую столовую залу, гдѣ кадеты стояли во фронтѣ, и привѣтствовалъ ихъ посолдатски: «здорово, ребята!».

На послѣдовавшій, вслѣдствіе того, слабый откликъ: «здравія желаемъ, ваше превосходительство», онъ возвысилъ голосъ и прокричалъ строго:

— Государь императоръ меня назначилъ директоромъ вашего корпуса, приказавъ мнѣ поднять его значеніе до настоящаго уровня, что я и исполню свято и неуклонно. Что у васъ дѣлалось, то для меня не обязательно, а я васъ поведу по указанному мнѣ пути.

Надѣюсь, что гг. офицеры будутъ мнѣ въ этомъ надежными и усердными помощниками.

И новые порядки начались.

Командиръ гардемаринской роты, баронъ де-Ридель, былъ вскорѣ удаленъ, и на его мѣсто назначенъ капитанъ 2-го ранга Транковский. Это тоже былъ человекъ уже въ лѣтахъ, довольно высокій, плотный и солидный, въ парикѣ, съ постной, какъ у монаха, физиономіей, желтымъ выцветшимъ лицомъ и черными красивыми усами. Тихій, мягкій и вкрадчивый, какъ іезуитъ, и безсердечный, какъ тюремщикъ, онъ сразу усвоилъ идеи новаго начальника и сталъ примѣнять ихъ съ беззастѣнчивостью безпринципнаго человека. Всѣ средства для достиженія предположенной цѣли казались ему хорошими, и въ выборѣ ихъ онъ не стѣснялся. Въ дѣлѣ утѣшенія личности кадета онъ шелъ, какъ говорили, даже далѣе своего прямолинейнаго начальника. Но, не смотря на строгость, доводившую сплосъ и рядомъ до грубости и насилья, не смотря на ежедневную мелочную ко всему придирчивость и стѣсненія во всемъ, гардемарины вели себя попрежнему чинно и съ достоинствомъ. Всю зиму 1848—1849 годовъ никакихъ серьезныхъ столкновеній не было. Лѣто 1849 года они провели въ практическомъ плаваніи на судахъ Балтійскаго флота и, только возвратясь въ корпусъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не устояли подъ давленіемъ новой системы: въ октябрѣ новымъ начальствомъ была принесена ей первая жертва—это тѣ семь юношей, которые, какъ мы сказали въ началѣ статьи, были арестованы и ждали съ безпокойствомъ рѣшенія своей участи.

Но возвратимся къ этимъ несчастнымъ дѣтямъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами посѣщенія корпуса его императорскимъ высочествомъ, генералъ-адмираломъ, арестованные гардемарины были собраны вновь въ рекреационномъ залѣ, а рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ музея, стояла во фронтѣ вся гардемаринская рота. Часа въ три дня пріѣхалъ въ корпусъ исправлявшій въ то время временно должность морскаго министра, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Поздоровавшись съ гардемаринской ротой, онъ подошелъ къ арестованнымъ и объявилъ имъ высочайшую конфирмацію въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

— Я просилъ у государя императора разрѣшенія всѣхъ васъ перепоротъ и этимъ ограничить взысканіе. Но на это высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Въ примѣръ всему заведенію, дабы это было памятно и внушительно для всѣхъ, повелѣно: старшихъ гар-

демаршиновъ: Михаила Бессаговецкаго, Александра Энхарева, Семена Левшина, Арсенія Калугина, князя Михаила Хованскаго, Павла Брылкина и барона Вильгельма фонъ-Геллессея, разжаловать въ рядовые, съ назначеніемъ: перваго въ оренбургскіе, а остальныхъ шести—въ сибирскіе линейные баталіоны, срокомъ: первыхъ пяти—на два, а послѣднихъ двухъ—на четыре года.

За сими всѣми прочими старшими гардемаришами, находившимся на фронтѣ въ сосѣдней комнатѣ музея, графъ Перовскій объявилъ, что государь императоръ, оставаясь недовольнымъ и ими, высочайше повелѣть соизволилъ: лишить ихъ всѣхъ права носить погоны съ якорями впредь до отличной выслуги и выпуска изъ корпуса.

Разжалованныхъ тотчасъ барабанщики остригли посолзатски, сняли съ нихъ куртокъ погоны съ якорями и надѣли на нихъ сѣрмя солдатскія шинели. Имъ не дали даже проститься съ товарищами и отправили ихъ въ Аракчеевскія казармы, откуда они чрезъ нѣсколько дней и отбыли къ новымъ мѣстамъ служенія.

Такъ погнѣло семь молодыхъ жизней, которыя, если бы не были сломаны въ корнѣ, можетъ быть, принесли бы своей спеціальной службою много пользы отечеству. Мы не будемъ вдаваться въ оптику введенной вице-адмираломъ Казинымъ системы, такъ какъ это вывело бы насъ за границы предпринятаго нами очерка. Замѣтимъ только, что система эта, вѣроятно, не нашла потомъ одобренія и въ высшихъ сферахъ: «адмиралъ-мясникъ» былъ уволенъ отъ должности директора морскаго кадетскаго корпуса, 8-го апрѣля 1851 года. Всей дѣятельности его было только: два лѣта, четыре мѣсяца и семь дней.

II. «Жорячки».

Разжалованные гардемарины прибыли въ Омскъ 6 января 1850 года и зачислены рядовыми: Энхаревъ и Левшинъ въ 4-й, князь Хованскій и Калугинъ въ 5-й, Брылкинъ и баронъ фонъ-Геллессея въ 6-й сибирскіе линейные баталіоны, квартировавшіе въ Омской крѣпости, Бессаговскій же изъ С.-Петербурга былъ отправленъ въ Оренбургъ, и о немъ товарищи никакихъ потомъ свѣдѣній не имѣли.

Городъ Омскъ въ то время былъ центромъ военнаго и гражданскаго управленія Западной Сибири, со старою крѣпостью въ изгибѣ рѣки Иртыша, при впаденіи въ него рѣчки Оми, и нѣсколькими форштадтами съ трехъ сторонъ крѣпости, по четвертому же фасу крѣпости протекала Иртышъ, за которымъ тогда начиналась уже стена. Крѣпость представляла изъ себя довольно большой, въ нѣсколько десятинъ, параллелограмъ, обнесенный землянымъ валомъ со рвомъ и четырьмя воротами: а) Иртышскими—къ р. Иртышу; б) Омскими—къ устью р. Оми; в) Тарскими—къ городскому саду и присутственнымъ мѣстамъ, и г) Тобольскими—къ изгибу р. Иртыша. При каждомъ воротѣ находились гауптвахты, и содержался военный караулъ. Вообще крѣпость, какъ укрѣпленное мѣсто для защиты отъ врага, никакого значенія не имѣла, хотя и была снабжена достаточнымъ числомъ помпанныхъ царя Гороха, чугуновыхъ, ржавыхъ орудій, съ кучками сложенныхъ въ пирамиду ядеръ, въ отверстіяхъ между которыми ютились и обитали тарантулы, фаланги и скорпионы. Центръ крѣпости занимала большая площадь, на которой въ недалекомъ отъ Тарскихъ воротъ разстояніи выдѣлся массивный, православный крѣпостной соборъ съ церковнослужительскими домами, а по краямъ площади красовались равнявшіеся чино и стройно въ шереги казе различныя казенныя зданія обычной старинной казарменной архитектуры. Тутъ были: генераль-губернаторскій дворецъ, комендантское управленіе, инженерное управленіе, корпусный штабъ, дома, гдѣ помѣщались начальства сказанныхъ управленій и служащій персоналъ съ семьями, а сзади ихъ—казармы 4, 5 и 6-го линейныхъ баталіоновъ и знаменитый омскій каторжный острогъ. Всѣ эти постройки, за исключеніемъ двухъэтажнаго корпуснаго штаба и баталіонныхъ казармъ, были одноэтажныя, и заѣзему случайно петербургцу казались такими мизерными и жалкими, что невольно пробуждали мысль о миѣческихъ постройкахъ тѣхъ, нахлынувшихъ когда-то на Европу, варварскихъ народовъ, о которыхъ профессоръ Харьковскаго университета Михаилъ Петровичъ Клобуцкій, на лекціяхъ въ 1840 году, говорилъ: «чортъ знаетъ откуда пришли, чортъ знаетъ что попадали и чортъ знаетъ куда провалились». Въ крѣпости господствовалъ исключительно военный элементъ: офицеры, солдаты, казаки, денщики, служители, фурлеты и каторжные арестанты. Слышался лязгъ оружія, вызовъ караула въ ружье, отданіе чести, стукъ нагруженныхъ провіантскихъ телегъ, скрипъ

артельныхъ повозокъ и бряцаніе громажающихъ арестантскихъ кандаловъ.

На форштадтахъ, или въ такъ называемомъ городѣ, тоже преобладалъ военный элементъ, но преимущественно—служебный или казачій. За рѣчкой Омью располагалось управленіе наказнаго атамана, казачьи полки и батареи, кадетскій корпусъ съ особымъ домомъ для директора, дворянское собраніе, казенная суконная фабрика, на которой работали каторжные гражданскаго вѣдомства, и домъ откупщика, который, какъ извѣстно, въ то время былъ персоной grata. За городскимъ садомъ находились присутственныя мѣста, провіантское вѣдомство, военный госпиталь, гражданскій острогъ и при немъ больница. Но были и частные дома, гостиницы, дворъ, лавки, трактиры, магазины и солдатскія слободки на окраинахъ. Положимъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казенныхъ зданій, какъ, напримѣръ, кадетскаго корпуса и двухъ-трехъ купеческихъ домовъ, порядочныхъ строеній и здѣсь было очень мало, но здѣсь жили уже граждане... Здѣсь можно было видѣть порой соперничество Европы съ Азіей, и зоркій глазъ могъ отличить лучъ свѣта въ темномъ царствѣ неподвижности и застоя: здѣсь рядомъ съ коченникомъ, пригнаннымъ для продажи на рынокъ барановъ, можно было видѣть европейскій костюмъ и порой слышать рѣчь о политикѣ и другихъ животрепещущихъ вопросахъ, что для чело-
вѣка брошеннаго судьбой за грань цивилизованнаго міра, было, по тогдашнему времени, дороже золота.

Командиромъ Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторомъ края тогда сидѣлъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, вдовецъ, пѣтвнй трехъ взрослыхъ дочерей дѣвицъ, считавшихся богатыми невѣстами, которыя пріѣзжали къ нему погостить, но не нашли Омска достойнымъ своего вниманія и возвратились въ Петербургъ. Это былъ родной братъ извѣстнаго впоследствии главнокомандующаго войсками въ Крыму и наместника царства Польскаго, князя Михаила Дмитріевича Горчакова, — вельможа-громовержецъ, имѣвшій большія полномочія въ отношеніи управленія краемъ и проявлявшій ихъ энергично. Большого роста, видный и мужественный, онъ держался съ достоинствомъ, но какъ то странно. Взглядъ его былъ суровый и строгій, при встрѣчѣ съ людьми, голова его уходила въ высокоприподнятыя плечи, а прищуриваемые глаза разсматривали чело-
вѣка неподобья и сбоку. Но съ людьми, извѣстными или близкими къ нему, онъ былъ простъ и естественъ, хотя никогда не

упускалъ случая высказать свое надъ ними превосходство. На видъ ему нельзя было дать болѣе 50-ти лѣтъ. Довольно бодрый и подвижной, съ хорошей растительностью на головѣ (если это не была парикъ?), онъ казался еще молодымъ, хотя сутоловатость и скривленіе головы на сторону, вслѣдствіе привычки поднимать высоко плечи, какъ будто говорили противное. Носилъ онъ обыкновенно длинный и широкій, какъ мѣшокъ сюртукъ, безъ эполетъ, шпигель и съ большимъ козырькомъ фуражку, напаяливаемую имъ до ушей, такъ что уши оттопыривались подъ фуражку. Когда же онъ выходилъ на прогулку, то бралъ въ руки березовую трость или толстую суковатую палку.

Какъ невозможа, онъ особаго рвенія къ занятіямъ по службѣ не прилагалъ, собственной инициативой не отличался и вообще былъ къ дѣламъ апатиченъ и лѣнивъ. Смотреть и учений войскамъ не дѣлалъ и ихъ вообще не любилъ. Все его высшее командованіе ограничивалось появленіемъ въ торжественные дни въ парадахъ, а въ будни—пріемомъ у себя дома ординарцевъ и вѣстовыхъ. Управление частями войскъ и вообще краемъ шло чрезъ подвѣдомственныхъ ему начальствующихъ лицъ въ обычномъ порядкѣ, для пріема доклада которыхъ у него были назначены особые дни. Но въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ или наиболѣе его интересовавшихъ онъ совѣтовался съ людьми, пользовавшимися его довѣріемъ, какъ, напримѣръ, дежурный штабъ-офицеръ корпуснаго штаба, полковникъ Мартенъ, и совѣтники главнаго управленія по гражданской части Воиновъ и Капустинъ.

Но независимо отъ этого, въ дѣлахъ экстраординарныхъ онъ оказывалъ довѣріе къ совѣтамъ и ходатайствамъ одной пользовавшейся его расположеніемъ особы, которая играла при немъ такую же роль, какую Мина исполняла при графѣ Владимірѣ Федоровичѣ Адлербергѣ. Это была особа съ хорошимъ положеніемъ въ обществѣ, которую посѣщало все мѣстное начальство и знали обыватели не только Омска, но и другихъ городовъ Западной Сибири. У нея были оффиціальныя пріемы и домашнія обѣды, на которыхъ почти каждый день обѣдало по десяти и болѣе членовъ, заискивавшихъ въ ней для будущаго или прибѣгавшихъ подъ ея защиту въ настоящемъ. Для купцовъ же и людей, не имѣвшихъ солиднаго положенія, у нея полагались аудіенціи чрезъ ея фаворитку. Вообще она отличалась большой практичностью и бралась только за такія дѣла, которыя могла устроить. Всѣ наиболѣе интересные курьезы

по внутреннему управленію и столкновенію, а также всякія дѣла, начиная съ подрядовъ и поставокъ, назначеній, перемѣщеній и командировокъ и кончая взысканіями, слѣдствіемъ и судомъ, имѣли въ ней припрителъницу и предстательницу, и рѣдко когда ходатайство ея оставалось безъ послѣдствій. Особенную энергію она проявляла въ дѣлахъ крупныхъ, и заинтересованный зналъ, что если она дастъ слово, то дѣло будетъ сдѣлано. Приведемъ для примѣра такой случай. Екатерининскій и Маріинскій казенные винные заводы, на которыхъ работали каторжные гражданскаго вѣдомства, находились въ арендномъ содержаніи у нѣкоего еврея Шпейера ¹⁾. Въ главное управленіе поступили доносы о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, практиковавшихся на этихъ заводахъ, и разслѣдованіе по сему предмету было возложено на чиновника особыхъ порученій Каняева. Молодой чиновникъ повелъ слѣдствіе энергично, и когда факты стали уясняться, онъ получилъ отъ Шпейера, вмѣстѣ съ бумагами, объяснявшими дѣло, конвертъ съ 10,000 рублей, въ которомъ находилась лаковическая записка: «чистое содержимое изъ чистаго источника». Былъ ли неопытенъ молодой слѣдователь, или содержаніе конверта его не удовлетворило, — только онъ, недолго думая, присланный конвертъ со вложеніемъ возвратилъ, при надписи на запискѣ: «содержимое можетъ быть и чисто, но источникъ его сомнителенъ». Тогда умный арендаторъ, чтобы разрѣшить вопросъ о чистотѣ источника, съелъ наиболѣе соотвѣтственнымъ переслать этотъ конвертъ съ «чистымъ содержимымъ» къ упомянутой выше особѣ, и въ результатъ получилось, что Каняевъ былъ отозванъ и чуть ли еще не поплатился взысканіемъ за неумѣстную притязательность къ арендатору.

Вокругъ князя Горчакова, во главѣ военныхъ управленій въ крѣпости стояли слѣдующія лица.

Начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба Яковлевъ, еще довольно молодой человекъ, лѣтъ за сорокъ съ небольшимъ, полный, видный и нѣсколько косноязычный шатенъ, съ правильными чертами лица и изысканной представительностью въ манерахъ и обращеніи. Онъ былъ «вымуштрованный хо-

¹⁾ Частной выкуренъ вина въ то время въ Сибири было очень мало. Ее развили потомъ охскій откупщикъ Кузнецовъ и павловскій предприниматель, бывшій впослѣдствіи тоже откупщикомъ, Поклевскій-Козелль.

лостяхъ» и занимался дѣлами на столько, на сколько требовала того необходимость; свободное же отъ занятій время отдавалъ болѣе пріятному дѣлу—ухаживаю за дамами или козыряя за карточнымъ столомъ.

Корпусный квартирмейстеръ, генералъ-майоръ генеральнаго штаба баронъ Сюрельгельмъ, шведъ по рожденію, человекъ въ высшей степени гуманный и джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ былъ высокъ ростомъ, представительнъ, статенъ и красивъ, не старъ годами, имѣлъ задумчивый взоръ, выразительныя черты лица и полныя щеки, на которыхъ лежали небольшими котлетками выхолощенные съ небольшою просѣдью бакенбарды. Служебныя обязанности его оказывались также слишкомъ ограниченными, такъ какъ Сибирскій корпусъ, по мѣткому опредѣленію мѣстныхъ остряковъ, находился «въ судачьемъ положеніи», и баронъ скучалъ своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Вѣроятно, съ цѣлью доставить ему хотя какое-нибудь развлеченіе, супруга его, женщина вполнѣ эмансипированная, прозванная въ шутку «мужчиной въ юбкѣ», была устроительницей и руководительницей всѣхъ доступныхъ по тому времени удовольствій. Она устраивала домашніе спектакли, пикники, кавалькады, поѣздки въ степь и даже скандалы на славу тѣмъ лицамъ, кто не умѣлъ или не хотѣлъ угодить ей въ той степени, какъ она требовала. У нея собиравлись молодые люди и пожилые, представлявшие какой либо интересъ, и старались всѣми силами разнообразить удовольствія ея салона. Она ѣздила верхомъ помужески, пила вино наравнѣ съ мужчинами и предпочитала мужское общество времяпрепровожденію съ дамами. Поэтому въ ея гостиной всегда можно было встрѣтить всѣхъ тѣхъ, кто умѣлъ или хотѣлъ повеселиться.

Корпусный инженеръ, генералъ-майоръ Бориславскій, тучный, круглый и дородный, какъ женщина, малорослый, весьма радушный хозяинъ и гостепріимный хлѣбосоль, старательно избѣгавшій всякихъ столкновеній и ссоръ и посвящавшій себя исключительно семейной жизни. Это былъ уже человекъ въ лѣтахъ, тяжеловѣсный и обрюзглый, съ круглымъ скуластымъ лицомъ, краснымъ носомъ и рѣдкой растительностью на черепѣ. Двигался онъ медленно и неповоротливо, но въ обществѣ всегда былъ веселъ, разговорчивъ и, какъ лукавый хохолъ, порой являлъ не безъ комизма. Жена его симпатичная, благообразная и благодушная старушка, очень бойкая и разговорчивая, отличалась умѣньемъ вести домашнее хозяйство.

Любители копченых окороков, сала, колбасъ, молочныхъ скопосъ, солений, варений и всякаго рода наливокъ нигдѣ ничего не могли имѣть подобнаго, что находили за столомъ у Бориславскихъ. Хлѣбоголые хозяева имѣли нѣсколько человѣкъ дѣтей, но при нихъ въ это время находились три дочери: Анастасія, Софія и Ольга. Последнія двѣ вышли потомъ замужъ: Софія—за адъютанта князя Горчакова, Сибскарева, а Ольга—за сына начальника артиллеріи корпуса, служившаго въ главномъ управленіи чиновникомъ особыхъ порученій, Тарасова.

Дежурный штабъ-офицеръ корпуса, полковникъ Александръ Александровичъ Маргенъ, по своему вліянію на князя Горчакова, имѣлъ большое значеніе въ управленіи. Это былъ человѣкъ большого ума и солидныхъ знаній, но эгоистъ до мозга костей. Онъ никого не любилъ и никого не уважалъ, относился ко всѣмъ, даже къ старшимъ, по чину и положенію, какъ-то сурово и высокомерно, по службѣ былъ выскателемъ и строитъ, а къ нѣкоторымъ лицамъ—просто недоброжелателемъ. Его боялись не только въ Омскѣ, но и на далекихъ окраинахъ Сибири; говорили, что онъ «безсердеченъ въ принципу, и золъ по природѣ». Плотный и сухопарый, средняго роста, съ бѣлобрысыми, стриженными подъ гребенку, волосами, торчавшими, какъ щетина, рыжеватыми усами и недобрыми, смотрѣвшими одними углами, глазами, онъ производилъ на всѣхъ, имѣвшихъ къ нему дѣло, непріятное впечатлѣніе и бравировалъ этимъ съ усмѣшкой. Но, появляясь въ обществѣ, онъ, какъ говорили мѣстные остряки, встряхивался и, какъ человѣкъ ума легионнаго, умѣлъ увлечь слушателей своей бойкой, желчной и злою рѣчью. Жена его Вальбона Гавриловна, женщина балзаковскаго типа, любимая молодиться и не пренебрегавшая для того никакими средствами, отличалась тоже языкомъ, но только женскимъ, трезвонившимъ и стрекотавшимъ безъ умолку съ утра до поздней ночи, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Она сумѣла такъ устроиться, что раньше другихъ узнавала всѣ городскія новости и разносила ихъ по всѣмъ уголкамъ Омска, считая за особенное для себя счастье быть всегда и вездѣ первой вѣстницей какого нибудь пикантнаго или ужаснаго событія. Дѣтей у этой знаменитой четы не было.

Командантомъ крѣпости былъ генералъ-маіоръ Алексѣй Федоровичъ де-Граве, высокаго роста, массивный и тучный старикъ, лѣтъ 60-ти отъ роду, но еще бодрый, крѣпкій и легкій на подъемъ, ве-

селаго и живаго характера съ добродушной улыбкой и громкимъ раскатистымъ смѣхомъ. Онъ имѣлъ круглое, мясистое морщинистое лицо, заплавышіе жиромъ глазки, большую на короткой шеѣ, откинутую назадъ голову, почти лишенную растительности, и громадный животъ. Но службѣ онъ особенно не выдавался, такъ какъ не пользовался особеннымъ благоволеніемъ корпуснаго командира, но дѣло свое исполнялъ добросовѣстно и, по возможности, облегчалъ положеніе находившихся въ крѣпостномъ острогѣ арестантовъ. Отличительными его свойствами были любовь къ охотѣ и непомѣрный аппетитъ. Онъ извѣстенъ былъ какъ хорошій охотникъ и стрѣлокъ. Что же касается аппетита, то, по свидѣтельству доктора Крупскаго, такого же, какъ онъ, мастодонта, прожоры и охотника, часто сопутствовавшего ему въ полеваныи, онъ выражался въ ужасной пропорціи. Такъ, однажды, охотясь въ степи, они съѣли за завтракомъ вдвоемъ болѣе 30-ти фунтовъ мяса, изжареннаго на вертелѣ, а вечеромъ съѣли по 30—40 яицъ, сваренныхъ въ крутую, при чемъ было выпито вина изрядное количество. Супруга его—женщина простая и скромная, сторонившаяся, по нѣкоторымъ причинамъ, отъ интимнаго сближенія съ наиболѣе выдающимися личностями омскаго бомпада, собирала вокругъ себя своей небольшою кружокъ людей, приходившихъ къ комендантской четѣ запросто поѣсть сибирскихъ незлыней или сыграть по маленькой въ картишки, и только въ дни торжественныхъ пріемовъ или базовъ она появлялась въ обществѣ, какъ говорили мѣстные остряки, «по обязанности комендантши».

Вотъ лица, которыя, совместно съ бригаднымъ и батальоннымъ командирами 4, 5 и 6 сибирскихъ линейныхъ батальоновъ и плацъ-майоромъ крѣпости Кривцовымъ, такъ мастерски очерченнымъ Ф. М. Достоевскимъ въ «Запискахъ изъ Мертваго дома»,—были: одинъ непосредственнымъ, а другіе косвеннымъ начальствомъ прибывшихъ въ Омскъ разжалованныхъ гардемариновъ. Но мы съ ними еще встрѣтимся, а теперь посмотримъ, какъ устроились юноши на мѣстѣ своей ссылки.

Принадлежа къ хорошимъ старымъ дворянскимъ фамиліямъ, гардемарины, конечно, имѣли въ Петербургѣ большія связи и знакомства, и такъ какъ они были разжалованы безъ лишенія дворянскаго достоинства и съ выслугою, то сибирское начальство, тотчасъ по прибытіи ихъ въ Омскъ, и получило много писемъ и ходатайствъ объ облегченіи ихъ участи. Люди—вездѣ люди, и въ

Сибиря живутъ хорошіе люди, нечуждые гуманныхъ чувствъ и христіанской любви къ меньшимъ заблудшимся или несчастнымъ братьямъ. Такимъ образомъ, юноши нашли себѣ дружескій пріемъ и участіе въ семьяхъ: Калугинъ—корпуснаго штабъ-доктора Залуговскаго; князь Хованскій—своего батальоннаго командира, майора фонъ-Траубенберга; Левшинъ—начальника жандармскаго управленія, генераль-майора Влахопуло; Брылкинъ—главнаго доктора военнаго госпиталя Троицкаго и баронъ фонъ-Геллесемъ—родственника своего, офицера кадетскаго корпуса, барона фонъ-Штемпеля. Одинъ только Лихаревъ, застѣнчивый и недолжный, оставался въ сторонѣ и не поддавался никакимъ приглашеніямъ и зовамъ мѣстной интеллигенціи.

На первое время юноши были помѣщены въ роты своихъ батальоновъ; но такъ какъ строевую пѣхотную службу они изучили до тонкости еще въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ, по особой заботливости о томъ директора Римскаго-Корсакова, воспитанниковъ обучали строю особо назначенные изъ образцоваго пѣхотнаго полка инструкторы, то ихъ отъ строеваго ученія освободили и дали имъ съ дороги мѣсячный отдыхъ. Съ своими новыми товарищами по службѣ они сошлись скоро, и солдатки, встрѣтя ихъ сначала недружелюбно, какъ «дворянчиковъ бѣлоручекъ», съ теченіемъ времени приглядѣлись къ нимъ и, найдя въ нихъ простыхъ симпатичныхъ людей и знатоковъ строя, что, по тогдашнему времени, цѣнилось высоко, стали относиться къ нимъ добродушнѣй и звали не иначе, какъ «наши морячки».

Между тѣмъ у двухъ-трехъ юношей были также съ собою письма отъ нѣкоторыхъ петербургскихъ вліятельныхъ дамъ къ дамамъ омскаго высшаго общества о принятіи въ нихъ участія и оказаніи имъ покровительства и защиты. Такъ у одного изъ нихъ было письмо отъ директриссы Павловскаго института баронессы Фредериксъ къ сестрѣ ея, супругѣ директора Сибирскаго кадетскаго корпуса, генеральшѣ Александрѣ Родіоновнѣ Шраммъ. Въ первый же праздничный день, послѣ прибытія въ Омскъ, онъ отправился по адресу письма, и послѣ обычныхъ, двухчасовыхъ, въ такихъ случаяхъ, переговоровъ съ прислугой, былъ допущенъ въ апартаменты ея превосходительства. Его встрѣтила дама высокаго роста, полная, стройная и величественная. Не смотря на довольно зрѣлую лѣта, она была еще захватительно хороша собою. Чѣмъ-то невыразимо-обаятельнымъ дышала вся фигура этой жен-

щины. Свѣтлая блондинка, съ овальнымъ, бѣлымъ, какъ будто вы-
сѣченнымъ изъ мрамора, классически-красивымъ лицомъ, живыми,
выразительными, ласковыми глазами и женственной, мягкой улыб-
кой, она граціозно подошла къ юношѣ, привѣтствовавшему её
почтительнымъ поклономъ, приняла изъ рукъ его письмо и, тяжело
вздохнувъ, сказала:

— Ахъ, Боже мой, такой еще ребенокъ и уже солдатъ!.. Бѣдная
мать, какъ она должна страдать за своего мальчика!..

Глубоко растроганный юноша прослезился и потупился. Генера-
льша взяла его двумя пальцами за подбородокъ, подняла его
голову, участливо посмотрѣла ему въ глаза и поспѣшила утѣ-
шить его.

— Ну, успокойтесь!—сказала она ему не безъ сожалѣнія:—
вы во мнѣ найдете вторую мать, которая сдѣлаетъ для васъ все,
что возможно... Но теперь я на нѣсколько времени оставляю васъ,
чтобы прочитать письмо сестры.... А вы пока познакомьтесь съ
моими дочерьми, онѣ вамъ будутъ сестрами. Ольга! Лена!—позвала
она стоявшихъ въ нѣкоторомъ разстояніи двухъ барышень:— позна-
комьтесь и займите вашего новаго брата. Конечно, онъ останется
у насъ обѣдать.

И она вышла.

Къ обѣду стали собираться гости. Пріѣхали двѣ другія замуж-
нія дочери генеральши Шраммъ: Алина, находившаяся въ заму-
жествѣ за пограничнымъ начальникомъ, генераль-майоромъ Клей-
стомъ, и Анна—супруга личнаго адъютанта корпуснаго коман-
дира, ротмистра князя Шаховскаго, съ ихъ мужьями, и нѣсколько
постороннихъ лицъ. Обѣ дочери были очень красивы; старшая
вполнѣ походила на свою мать, но только была нѣсколько еще
выше ея ростомъ; а вторая казалась еще лучше матери: ея про-
филь напоминалъ голову Сафо.

Передъ самымъ обѣдомъ вышелъ въ столовую и самъ хозяинъ
дома, генераль-лейтенантъ Ѳедоръ Андреевичъ Шраммъ. Это былъ
средняго роста, довольно полный, лѣтъ 50-ти брикетъ, съ правиль-
ными, довольно красивыми чертами лица, большими голубыми гла-
зами и мягкими, какъ бы заискивающими манерами. Онъ былъ
кроткій, довѣрчивый и добрый человекъ, но ума не далекаго, гово-
рилъ порусски плохо, съ своеобразнымъ акцентомъ и нѣмец-
кими оборотами рѣчи, и большимъ фаворомъ у жены-королевы
не пользовался. Во всякомъ случаѣ престижъ хозяина дома оста-

вался за нимъ. Онъ вышелъ къ обѣду въ сюртукъ съ эполетами и, но представленіи ему юноши, принявъ его подъ свое покровительство.

За столомъ генералъ посадилъ «морячка» рядомъ съ собою справа (мѣсто это такъ и осталось за нимъ) и, пока разливали и разносили супъ, онъ любезно началъ съ нимъ бесѣду:

— Ну, что, мой миленькій, вы не попробуете: у насъ въ корпусѣ такой хлѣбъ давали, какой у меня?

Юноша отломилъ кусочекъ хлѣба и положилъ его въ ротъ.

— Ну, мой миленькій,—продолжалъ генералъ,—и соль попробуйте!

Юноша взялъ солп.

— Ну, миленькій,—не отставалъ генералъ,—и квасъ попробуйте!

Юноша налилъ въ стаканъ квасу, попробовалъ и скромно отѣтилъ:

— Конечно, ваше превосходительство, у насъ все это хуже было.

Въ это время съ другого конца стола, гдѣ возсѣдала хозяйка дома, послышался ея внушительный голосъ:

— Федоръ Андреевичъ, побойся Бога, мальчугъ ничего еще не ѣлъ, а ты его хлѣбомъ потчуети!

Генералъ сконфузился и, какъ будто извиняясь, отвѣтилъ:

— Я только предложилъ мальчику попробовать, а впрочемъ пусть онъ кушаетъ себѣ на здоровье!

И генералъ притихъ. Обѣдъ прошелъ оживленно, говорили много о новостяхъ дѣла, о мѣстныхъ событіяхъ, но направленіе и тонъ разговору давала уже генеральна. Федоръ же Андреевичъ только два раза два обратился къ юношѣ и сказалъ ему:

— Кушайте, миленькій, кушайте, не стѣсняйтесь!.. я очень люблю, когда мои мальчугъ (кадеты его корпуса) кушаютъ съ аппетитомъ.

Обѣдъ кончился, и общество разошлось: кто—во внутренніе апартаменты, кто—по домамъ. «Морячка» попросили къ генеральнѣ въ гостинную, гдѣ она въ короткихъ словахъ дала ему инструкцію, гдѣ и какъ держаться въ обществѣ, и пригласила бывать у ней, какъ у матери, запросто, когда только будетъ время.

И юноша сталъ бывать часто. Зайдя какъ-то въ воскресный день отъ обѣдин часовъ въ 12-ть поутру, онъ встрѣтилъ въ пе-

редней выходившаго отъ генеральши корпуснаго командира. Необходимо замѣтить, что князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ не особенно любилъ посѣщать дома омской аристократіи, но у Александры Родіоновны бывалъ, заходя съ прогулокъ, которыя онъ обыкновенно дѣлалъ въ хорошую погоду по утрамъ отъ 11-ти часовъ до 12-ти, а иногда и до часу по полудни. Онъ зналъ ее давно, чуть ли не до замужества (она была урожденная Окулова), уважалъ ее за обширный умъ, независимость мысли и твердость характера. Но всего болѣе ему нравилось въ ней то, что она говорила ему правду въ глаза безо всякихъ стѣсненій и оспаривала его мнѣнія, не робѣя. Дружбу свою къ ней онъ распространялъ на все ея семейство. Федору Андреевичу онъ покровительствовалъ, старшаго сына Николая зачислилъ къ себѣ адъютантомъ, а обоихъ дочерей благословилъ на новый путь жизни, при выдачѣ ихъ въ замужество.

Князь Горчаковъ обратилъ вниманіе на юношу, вѣроятно, слышавъ о немъ отъ хозяйки дома, подошелъ къ нему и, назвавъ по фамиліи, спросилъ: «онъ ли это?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, погладилъ его по головѣ рукою и сказалъ ему пофранцузски:

— Старайтесь, молодой человѣкъ, заслужить расположеніе нашей новой маман, а все остальное устроится, какъ слѣдуетъ. Идите къ ней, передайте, что я сказалъ вамъ, и знайте, что я о васъ помню.

Александра Родіоновна осталась очень довольна этой встрѣчѣ и нѣсколько разъ повторила:

— Ну, и слава Богу!.. какъ я рада, что это такъ вышло.

За обѣдомъ она обратилась къ старшей своей дочери со словами:

— Аллина, сегодня князь встрѣтилъ у меня нашего мальчика и очень внимательно и ласково къ нему отнесся. Конечно, этого бы не было, если бы князь считалъ ихъ преступниками. Надѣюсь, что и все наше общество, узнавъ объ этомъ, отнесется къ нимъ, бѣднымъ, ласково и сердечно. Кстати, у тебя сегодня вечеромъ приемъ, возьми его съ собою и познакомь, съ кѣмъ найдешь нужнымъ.

И «мальчикъ» вечеромъ дебютировалъ у генеральши Клейстъ и былъ между прочимъ представленъ бригадному генералу Масловскому.

Для черезъ три «морячковъ» потребовали въ корпусный штабъ, и начальникъ штаба генералъ-маіоръ Яковлевъ объявилъ имъ, что корпусный командиръ приказалъ зачислить ихъ всѣхъ въ учебную команду, а для жительства помѣстить въ зданіе военно-то-

пографическаго отдѣленія. Затѣмъ генералъ очень любезно разговаривалъ съ ними о ихъ положеніи, нуждахъ, планахъ и надеждахъ, и, отпуская ихъ, сказалъ:

— Помните, господа, что оказанною вамъ милостію князя надо дорожить и стараться оправдать ее усердіемъ къ службѣ, а главное—хорошимъ поведеніемъ.

Полковникъ же Мартенъ, принявшій отъ генерала приказаніе, шутилъ и смѣялся надъ «морячками» въ канцеляріи, называть ихъ «птенцами омскихъ дамъ-насъдокъ» и совѣтовать имъ «стараться быть усерднѣе» и «вести себя какъ можно лучше» по отношенію своихъ патронеессъ.

Вечеромъ въ тотъ же день для помѣщенія «птенцовъ» была отведена во флигелѣ топографовъ большая, свѣтлая и чистая комната и для прислуживанія имъ назначенъ вѣстовой отъ учебной команды. Покровители ихъ обмѣлпровали это помѣщеніе, снабдивъ его столами, стульями, шкафчиками и кроватями, а также постельными принадлежностями и столовой посудой. Служба ихъ въ учебной командѣ ограничивалась нѣсколькими утренними часами, а съ 12-ти часовъ дня они могли быть свободными, и уходили, куда имъ нужно было, сообщая только, на случай спроса начальства, вѣстовому, гдѣ ихъ найти можно. Такъ прошла зима 1850—1851 годовъ, съ открытіемъ же весеннихъ занятій войскъ, когда батальоны вышли въ лагеря, юношей прикомандировали къ военнотопографическому отдѣленію штаба, и они должны были, подъ руководствомъ топографа, произвести практическую съемку части степи, прилегающей къ рѣкѣ Иртышу.

Работу эту они произвели безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ теоретическій курсъ «геодезіи» и употребленіе инструментовъ они прошли еще въ Морскомъ корпусѣ. Осенью, по возвращеніи въ крѣпость, добытые лѣтомъ матеріалы были ими приведены въ порядокъ и представлены корпусному начальству, которое отозвалось о нихъ съ похвалою и благодарило ихъ. На слѣдующую зиму молодые стали назначать на службу при батальонахъ и посылать въ караулъ за офицеровъ. Четверо «морячковыхъ», выписанныхъ на два года, были произведены въ унтеръ-офицеры и направили въ крѣпостскіе басыны, а остальные двое, выписанные на четыре года, удостоены производства въ слѣдующемъ году.

Юноши успѣли опериться, вытянулись, выровнялись и стали интересными молодыми людьми. Гостепріимныя двери омскихъ

гостинныхъ были предъ ними открыты попрежнему, но только они играли уже въ нихъ болѣе дѣятельную роль, чѣмъ прежде. Мужское общество стало относиться къ нимъ болѣе благосклонно и дружественно, а «золотая молодежь» вынуждена была считаться съ ними, какъ съ соперниками. Но мы не будемъ входить въ подробности свѣтскихъ успѣховъ юношей, такъ какъ это вывело бы насъ далеко за границу предположенной статьи. Ограничимся только общественной и служебной ихъ дѣятельностью и бѣглымъ очеркомъ современныхъ событій.

Генералъ Шрамъ относился весьма любезно къ юному протеже своей супруги. Желая оказать ему свое начальственное вниманіе, онъ сказалъ ему однажды за обѣдомъ:

— Ну, вотъ, мой миленькій, я вамъ будетъ дѣлать сюрпризъ. Приходите завтра въ 10-ть часовъ утра, я васъ возьму мой корпусъ. Мы будемъ слушать классъ, какъ мой милый ученикъ будетъ отвѣчать.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Вы мнѣ будетъ потомъ говорить, такъ ли хорошо учили вашъ корпусъ, и такой ли умный мальчики, какъ у меня.

Дѣйствительно, на другой день Федоръ Андреевичъ отправился въ корпусъ въ сопровожденіи юности. Это посѣщеніе можетъ дать самое наглядное понятіе о значеніи и направленіи тогдашняго воспитанія въ Сибирскомъ корпусѣ. Встрѣтивъ дежурнаго по классамъ офицера, генералъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ ему:

— Ну, вы не беспокойтесь, что я привелъ собой солдатъ. Онъ—очень хорошій мальчикъ, онъ также былъ корпусъ и тамъ шалилъ, его государь прислалъ Сибирь. Я его беру собой классъ. А чѣмъ теперь занимаетъ?

— У полковника Павловскаго, ваше превосходительство, теперь идетъ урокъ русскаго явьяка.

И офицеръ поторопился отворить дверь и махнулъ рукой, чтобы всѣ встали. Кадеты моментально поднялись съ мѣстъ, повернули головы и устремили на входившее неторопливо начальство взоры. Директоръ корпуса вошелъ и поздоровался съ дѣтьми.

— Ну, мой миленькій, здравствуйте.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство, — отвѣчали бойко кадеты.

— Садитесь, мальчики, садитесь!

И, пробѣда къ первой скамейкѣ, генералъ потѣснилъ сидѣвшихъ на ней воспитанниковъ, говоря:

— Ну, мальчики, подвиньтесь, дайте мѣсто вашъ директоръ, онъ будетъ сидѣть своимъ мальчикомъ. П., обратясь къ лектору, онъ любезно добавилъ:—Я привелъ вамъ мальчикъ, этотъ создатель, онъ будетъ тоже слушать... А что у васъ идетъ?

— Грамматическій разборъ, ваше превосходительство.

— Вы что—объясняетъ, или спрашиваетъ?

— Спрашиваю, ваше превосходительство. Передъ вашимъ приходомъ я спрашивалъ о глаголахъ, и мы остановились на видахъ глаголовъ.

— А!.. на видахъ глаголовъ!.. каромо!.. продолжайте!..

У доски между тѣмъ стоялъ одинъ изъ воспитанниковъ. Лекторъ обратился къ нему и напомнилъ заданный вопросъ:

— Я васъ просилъ отвѣтить: какіе виды глаголовъ бываютъ?

Воспитанникъ стоитъ, какъ приговоренный къ смерти, не смѣя ни пошевелинуться, ни дышать, и ничего не отвѣчаетъ... Лекторъ, желая вывести ученика изъ забывчивости, кротко и мягко старается навести его на отвѣтъ:

— Вы очень хорошо помните,—говоритъ онъ воспитаннику:—что есть не одинъ видъ глаголовъ, напримѣръ, есть глаголы правильные, есть и другіе виды... да?

— Да,—отвѣтилъ неуверенно кадетъ.

— Вотъ и прекрасно! Объясните же мнѣ: какіе другіе виды глаголовъ бываютъ?

Мальчикъ топчется, мнется, но молчитъ. Видимо онъ или вопроса не понимаетъ, или не знаетъ, что отвѣтить. Это непріятно подѣйствовало на директора корпуса, онъ всталъ, подошелъ къ воспитаннику и сказалъ ему:

— Ну, мой миленькій, вы не конфузьтесь вашъ директоръ. Слушайте, я вамъ будетъ неможно помогать. У меня есть жонъ, а зону мой жонъ—Сашинька, мой подчиненный говоритъ ей ваше превосходительство, а всѣ дамъ и близкій знакомый называютъ ее: Александра Родіоновна. Ну вотъ, глюпій мальчикъ, поймите теперь: Сашинька, ваше превосходительство и Александра Родіоновна, это—все одинъ человекъ и все—мой жонъ!.. Ну, что вы, мальчикъ, молчите?.. я вамъ все сказалъ... Ну, глюпенькій, вотъ вамъ другой видъ глагола!..

Но видя, что мальчикъ, не смотря на разъясненіе, ничего не

отвѣчать, директоръ повернулся къ лектору, гнѣвно взглянулъ на него и вышелъ, не сказавъ ни слова, изъ класса.

Александра Родіоновна, узнавъ объ этомъ, была возмущена до глубины души, задала генералу жестокую головоломку и строго-на-строго приказала, чтобы онъ никогда не упоминалъ ея имени въ классахъ. Когда же случай этотъ сдѣлался достояніемъ городской молвы, полковникъ Мартенъ долго изощрялъ надъ нимъ свое остроуміе и приговаривалъ: «шадате Шраммъ, по словамъ ея супруга, обрѣтается въ трехъ видахъ естества».

Вообще генералъ Шраммъ частенько заставлялъ говорить о себѣ въ обществѣ. Онъ не любилъ ходить на вечера, собранія и къ своимъ знакомымъ, только изрѣдка посѣщалъ своихъ замужнихъ дочерей, и то большей частью днемъ. Вечеромъ же выходилъ на прогулку и заходилъ иногда въ кадетскій корпусъ, гдѣ у него воспитывался младшій сынъ Константинъ, и лично наблюдалъ за порядкомъ. Объ одномъ изъ такихъ посѣщеній, онъ рассказывалъ на другой день за обѣдомъ слѣдующее:

— А знаете ли, Сашинька, обратился генералъ къ своей супругѣ, я вчера вечеромъ гулялъ и зашелъ корпусъ посмотреть, какъ мои мальчики спятъ. Я вошелъ дортуаръ, гдѣ нашъ Костинька, и дортуаръ былъ совсѣмъ темный. Я вернулъ назадъ, сыскалъ создатель, и закричалъ: «ахъ, вы негодяи, зачѣмъ у васъ нѣтъ огня?» Онъ побѣжалъ посмотреть и сталъ оправдывать: «Ваше пр—во, огонь былъ, но въ шандаль вся вода выгорѣла»... «Ахъ вы, глупіи шеховѣкъ, я сказала, нужно наливать новый вода»... ¹⁾.

На этомъ словѣ его остановила Александра Родіоновна.

— Ахъ, Боже мой, Федоръ Андреевичъ, сколько разъ я просла тебя объясняться точнѣе.

— Ну, что такое, Сашинька, я сказала непонятно, отозвался робко генералъ, я ничего не сказала.

— Какъ ничего, Федоръ Андреевичъ, наставительно замѣтила ему супруга, въ дортуарѣ, вѣроятно сгорѣла свѣча, а не вода, о чемъ вамъ и докладывали, а вы, по разсѣянности своей передали намъ объ этомъ совсѣмъ иначе.

---

¹⁾ Кадетскіе дортуары въ то время освѣщались салными свѣчами. Во избѣжаніе пожаровъ отъ недосмотра за свѣчами, изобрѣтены были высокіе, аршина въ полтора, оловянные шандалы, въ стволы которыхъ паливалась вода, а посреди воды въ розетки ставились свѣчи.

— Очень можетъ быть, душа мой, согласился генераль, я имѣю такъ много заботъ, и потому я бываетъ разсѣянъ.

Отвѣтъ вполнѣ резонный, но злые языки недруговъ тотчасъ разнесли по Омску, что генераль Шрамъ освѣщаетъ кадетскій корпусъ не огнемъ, а водою.

Когда генераль отъ инфантеріи Шлиппенбахъ, присланный по высочайшему повелѣнію для обрѣзкованія управленія краемъ, производилъ инспекторскій смотръ кадетскому корпусу въ лагерь, генераль Шрамъ, идя вслѣдъ за инспекторомъ по фронту, остановилъ его, и обращая вниманіе на стоявшаго въ рядахъ кадетъ младшаго сына своего Константина, сказалъ:

— Ваше высокопревосходительство, позвольте вамъ представить! мой сынъ Костинька, мой собственный сынъ, ваше высокопревосходительство!

— А, улынулся инспекторъ, славный, хорошій мальчикъ...

Небезынтересенъ также и «случай съ козломъ». О. М. Достоевскій, въ «Запискахъ изъ Мертваго дома», упоминаетъ объ арестанскомъ козлѣ, наученномъ бодаться и бывшимъ утѣхой заключенникамъ. Козелъ этотъ сыгралъ дурную шутку съ генераломъ Шраммомъ. Гуляя однажды вечеромъ, Федоръ Андреевичъ проходилъ мимо острога, у воротъ котораго стоялъ «козель-озорникъ». Не обращая на него вниманія, генераль обошелъ его, и пошелъ далѣе. Козель постоялъ нѣсколько минутъ, поглядѣлъ вслѣдъ прошедшаго генерала и вдругъ бросился и нанесъ ему такой сильный ударъ рогами сзади, что онъ едва удержался на ногахъ. Обернувшись назадъ и увидѣвъ козла, стоящаго въ боевой позѣ съ нагнутой головой, генераль вспылалъ и разразился гнѣвной рѣчью:

— Ахъ, ты, глупіи, ахъ, ты, мерзкій скотинъ! какъ ты смѣлъ такъ дерзко шутить! Пошелъ прочь, негодяи!

И генераль, поправивъ слѣдѣвшую съ плеча шинель, пошелъ далѣе. Но не успѣлъ онъ сдѣлать 10—15-ти шаговъ, какъ козель налетѣлъ вторично и ударилъ генерала съ такимъ азартомъ, что онъ упалъ. Вскочивъ на ноги, Федоръ Андреевичъ вышелъ изъ себя окончательно. Онъ бросился на острожную гауптвахту и приказалъ караульному офицеру арестовать козла. Козла притащили и заперли въ арестанскую камеру. Вѣсть объ этомъ моментально разнеслась по Омску и дошла до генерала губернатора. Князь Горчаковъ приказалъ коменданту: козла освободить, а генералу Шрамму написать, что гауптвахты и караулы существуютъ не для животныхъ.

«Козлу-озорнику» не прошла, однако, даромъ эта шутка. Его удалили изъ Омска въ одну изъ казачьихъ станицъ. Полковникъ Кривоноговъ—братъ извѣстной издательницы «собранія иностранныхъ романовъ» Е. Н. Ахматовой, пріютившій изгнанника козла, не упускалъ случая подтрунить надъ «случившимся событіемъ». Какъ только набѣжали къ нему гости, въ особенности изъ Омска, козель являлся на сцену и потѣшалъ гостей. «Козла-озорника» приводили предъ очы высокихъ посѣтителей, и почтенный полковникъ начиналъ представленіе такимъ къ нему обращеніемъ:

— Ну, витязь аршинныхъ роговъ и крѣпкаго, какъ у думнаго боярина, лба, расскажите намъ, какъ вы ополчались на могучихъ враговъ нашихъ?... какъ вы сокрушили славнаго соперника вашего, рыцаря Хведорстрама?

Козель, по обыкновенію, стоялъ съ опущенной внизъ головою, какъ будто прислушиваясь къ рѣчи своего патрона.

— Ну, что же вы молчите? ахъ вы, безстыдникъ этакій, продолжалъ пронизывать полковникъ, какъ вы могли рѣшиться на подобное состязаніе? Откуда вы набрались такой неслыханной дерзости? Или васъ не удовлетворяли побѣды въ средѣ великихъ гражданъ острога, что вы рѣшились вступить въ бой съ генераломъ? Что молчите? сознаете свою вину, ну, и прекрасно! мы вамъ дадимъ возможность пострадать за вашу безтактную и безобразную выходку.

И «козла озорника» сводили бодаться съ другими козлами, или выпускали на него собакъ и травили его. Слухи о подобныхъ забавахъ доходили до Омска и давали новую пищу смѣху и остроумію скучавшаго общества.

Но возвратимся къ нашимъ «морячкамъ».

Бригадный командиръ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, генералъ-майоръ Федоръ Аванасьевичъ Масловскій, по представленіи ему юношей, удостоилъ ихъ, по добротѣ своей души, или, какъ мѣстные остряки говорили, «по наптію свыше», особеннаго своего благоволенія. «Птенцы омскихъ дамъ» получили отъ него приглашеніе приходить къ нему ежедневно обѣдать по-двое. Конечно, подобное приглашеніе было бы для нихъ большой честью, если бы оно было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но не хотѣлъ ли генералъ баловать присланныхъ для исправленія «мальчишекъ», или не считалъ нужнымъ соблюдать салонную утонченную вѣжливость по отношенію къ «нижнимъ чинамъ»,—только приглашеніе прибыть

къ генералу на обѣдъ объявлялось ежедневно въ приказаніяхъ по батальонамъ. Сначала молодежь ходила исправно, генералъ былъ внимателенъ и любезенъ, кормилъ сытно и вкусно, но кто-то въ обществѣ изъ числа оставшихся у милыхъ патронессъ за штатомъ пѣсмѣлся, что «морячки» откармливаются на казенный счетъ, по наряду, и юношамъ это не понравилось. Одинъ изъ нихъ проманикировалъ приглашеніемъ разъ и другой, получилъ вопросъ: почему? на который отвѣтилъ уклончиво, и генералъ съчелъ подобный поступокъ продерзостью. Онъ распорядился, чтобы батальонный командиръ ежедневно по утрамъ присылалъ продерзостнаго «птенца» къ нему на квартиру, въ полной походной формѣ, въ качествѣ ординарца, и муштровалъ его по всѣмъ правиламъ военного артикула. Такая муштровка продолжалась болѣе двухъ недѣль, и юношѣ приходилось жутко. Но онъ терпѣлъ и таялся, не смѣя дѣлать никакихъ возраженій противъ требованій службы. Однако, ежедневное утомленіе и напряженіе не могло не повліять на разстройство его здоровья. Главный докторъ военного госпиталя Троицкій, изъ семьѣ котораго онъ былъ принятъ, какъ дома, замѣтилъ это и сталъ у него допытываться о причинахъ его нездоровья. «Птенецъ» рассказалъ все безъ утайки, и супруга доктора, прелестнѣйшая и добрейшая женщина, какихъ судьба посылаетъ на землю только по одной въ десятилѣтіе, при первой же встрѣчѣ съ генераломъ Масловскимъ, повела на него стремительную атакку, во имя справедливости и человеколюбія, и разбила его въ пухъ и прахъ. Пестязанія «мальчика» кончились, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кончилось также и откармливаніе «морячковъ» на казенный счетъ по наряду.

Самую тяжелою службой въ это время для молодежи была караульная, въ особенности при нарядѣ ее за офицеровъ въ крѣпостной острогъ. Это — тотъ знаменитый острогъ, который описалъ Ф. М. Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго дома»; въ немъ содержались въ то время изъ числа петрашевцевъ двое: Федоръ Михайловичъ Достоевскій и Сергій Федоровичъ Дуровъ. Была ли съ ними знакома молодежь въ Петербургѣ, неизвѣстно, но во время заключенія ихъ въ острогъ она принимала въ судьбѣ ихъ самое горячее участіе и дѣлала для нихъ все, что только могла.

Брайне печальное зрѣлище представляли изъ себя тогда эти когда-то блестящіе петрашевцы. Одѣтые въ общій арестантскій нарядъ, состоявшій изъ сѣрой пополамъ съ чернымъ куртки—съ желтымъ на спинѣ тузюкъ и таковой же мягкой безъ козырька

фуражки—лѣтомъ. и полушубка съ наушниками и рукавицами—зимой, закованные въ кандалы и громыхающіе ими при каждомъ движеніи, по вѣнности, они ничѣмъ не отличались отъ прочихъ арестантовъ. Только одно—это ничѣмъ и никогда нестирающіеся слѣды воспитанія и образованія, выдѣляло ихъ изъ массы заключенниковъ. *Ф. М. Достоевскій* имѣлъ видъ крѣпкаго, приземистаго, коренастаго рабочаго, хорошо выправленнаго и поставленнаго военной дисциплиной. Но сознанье безысходной, тяжелой своей доли какъ будто окаменяло его. Онъ былъ неповоротливъ, малоподвиженъ и молчаливъ. Его блѣдное, непитое, землистое лицо, испещренное темнокрасными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой а ротъ открывался только для отрывистыхъ и короткихъ отвѣтовъ по дѣлу или по службѣ. Шапку онъ нахлобучивалъ на лобъ до самыхъ бровей, взглядъ имѣлъ угрюмый, сосредоточенный, непріятный, голову склонялъ напередъ и глаза опускалъ въ землю. Каторга его не любила, но признавала нравственный его авторитетъ; мрачно, не безъ ненависти къ преносождству, смотрѣла она на него и молча сторонилась. Видя это, онъ самъ сторонился отъ всѣхъ, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда ему было тяжело или невыносимо грустно, онъ вступалъ въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ арестантовъ. *С. Ф. Дуровъ*, напротивъ, и подъ двувѣтной курткой съ тузомъ на спинѣ, казался баричемъ. Высокаго роста, статный и красивый, онъ держалъ голову высоко, его большіе, черные, на выкатѣ глаза, не смотря на ихъ близорукость, смотрѣли ласково и уста какъ бы улыбались всякому. Шапку онъ носилъ съ заломомъ на затылкѣ и имѣлъ видъ весельчака даже въ минуты тяжелыхъ невзгодъ. Съ каждымъ арестантомъ онъ обходился ласково, и арестанты любили его. Но онъ былъ изнуренъ болѣзнію и зачастую едва могъ ходить. Его ноги тряслись и съ трудомъ носили хилое, разслабленное тѣло. Не смотря на это, онъ не падалъ духомъ, старался казаться веселымъ и заглушалъ боли тѣла остроумными шутками и смѣхомъ.

Но прежде, чѣмъ коснемся мы отношеній «морячковъ» къ содержавшимся въ острогѣ петрашевцамъ, сдѣлаемъ нѣсколько поясненій къ рассказамъ о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся личностяхъ «Мертваго дома». *Ф. М. Достоевскій* говоритъ объ *Акимѣ Акимычѣ*, что онъ служилъ на Кавказѣ прапорщикомъ и былъ старшимъ начальникомъ какого-то укрѣпленія, гдѣ онъ сосѣдняго мирнаго

князька, за сдѣланное этимъ князькомъ ночное на его крѣпость нападеніе и поджогъ ея, зазававши, спустя послѣ того нѣсколько времени, въ гости, разстрѣлялъ... Это—былъ Бѣловъ, эсаулъ Кавказскаго казачьяго войска, который, по его разсказу «морякамъ», временно заведывалъ одной изъ пограничныхъ казачьихъ станицъ, вообще по тому времени укрѣпленныхъ. На станицу эту никто не нападалъ и ея не зажигалъ, но изъ-подъ стѣнъ ея горцы угнали выпущенный казаками на пастбу скотъ. Произведя подъ рукой дознание и узнавъ, что это сдѣлали мирные горцы, жившіе по со-сѣдству, онъ зазвалъ семь человѣкъ, изъ числа наиболѣе вліятель-ныхъ среди этихъ горцевъ лицъ, къ себѣ въ гости и не разстрѣ-лялъ, а повѣсилъ ихъ на гласисѣ укрѣпленія. Вотъ за это-то его судили и сослали на каторгу, а если бы онъ разстрѣлялъ князька за нападеніе и поджогъ крѣпостцы, то онъ скорѣе бы получилъ награду, а не кару въ высшей мѣрѣ. Присланный за отцеубійство дворянинъ былъ подпоручикъ Ильинъ, служившій въ Tobольскѣ въ линейномъ батальонѣ. По рѣшенію суда, за дурное поведение онъ былъ приговоренъ къ разжалованію въ рядовые, а по обвиненію въ отцеубійствѣ, за неимѣніемъ достаточныхъ доказательствъ, судъ полагалъ оставить его въ сильномъ подозрѣніи. Но императоръ Ни-колаи Павловичъ, на утвержденіе котораго восходила конфирмація военнаго суда, изволилъ положить резолюцію: «отцеубійца не дол-женъ служить въ рядахъ войскъ. Въ каторжныя работы на двад-цать лѣтъ». Художникъ, доносчикъ и другъ плацъ-майорскаго ден-щика Федьки—былъ Аристовъ, когда-то принадлежавшій къ кучкѣ золотой молодежи. Прокутивъ въ молодости состояніе и изподпи-чавшійся потомъ на добытій средствъ, онъ поступилъ въ смѣшны. Здѣсь, желая сдѣлать поскорѣе карьеру, оговорилъ до десятка не-повинныхъ людей въ противоправительственномъ заговорѣ, и когда оказалось по разслѣдованію, что это все ложь, понесъ то наказа-ніе, которое злоумышленно готовилъ другимъ. Поляки, пользовав-шіеся наибольшими снисханіями въ острогѣ, были Мальчевскій и Жукowski, сосланные въ каторгу за участіе въ польскомъ жандѣ. Первый принадлежалъ къ числу богатыхъ помѣщиковъ, владѣлъ нѣсколькими имѣніями и былъ, какъ говорили, «паномъ-маршал-комъ». Ненависть его къ русскимъ не знала границъ, но онъ былъ весьма образованный и тактичный человѣкъ, который и въ средѣ нелюбимыхъ людей имѣлъ вѣсъ и силу авторитета. Второй былъ профессоръ упраздненнаго Виленскаго университета, фанатикъ поль-

ской идеи, но, какъ человѣкъ и христіанинъ, дѣйствительно заслуживалъ полного уваженія.

Отъ караула при острогѣ требовали, по тому времени, большого вниманія, энергіи и бдительности. Онъ долженъ былъ не только сопровождать арестантовъ на работы, но и слѣдить за ними во время ихъ нахожденія въ острогѣ. Утреннія и вечернія поѣдки личнаго состава, наблюденіе за чистотой и порядкомъ въ казармахъ, за недопущеніемъ проноса вина, табаку, картъ и другихъ запрещенныхъ предметовъ, за тишиной и спокойствіемъ среди заключенныхъ, печальные осмотры у нихъ и обыски и тому подобное — дѣлали службу начальника караула весьма тяжелой и отиѣтственной. По «морячки» съ особеннымъ удовольствіемъ шли по наряду за офицеровъ въ караулъ при острогѣ, такъ какъ они имѣли возможность быть на виду у начальства и, выѣсть съ тѣмъ, облегчать, хотя нѣсколько, тяжелую участь возбуждавшихъ всеобщее сожалѣніе заточниковъ. Сверхъ наряда арестантовъ на работы по крѣпости и въ ея окрестностяхъ, нѣсколько арестантовъ назначалось еще и для работъ при острогѣ. Эти послѣдніе арестанты находились въ распоряженіи караула и оставались до послышки куда нужно — или въ кордегардіи, или въ спонсахъ камерахъ. При такихъ условіяхъ «морячки» всегда могли, для работъ при острогѣ, оставлять тѣхъ заключенныхъ, кого они хотѣли. Обыкновенно, извѣстна была очередь смѣны карауловъ; такъ, напримѣръ, караулъ отъ 4-го батальона, съ Левининымъ за начальника, долженъ былъ на другой день смѣниться карауломъ отъ 5-го батальона, съ княземъ Хованскимъ за начальника, который, въ свою очередь, имѣлъ быть смѣненъ карауломъ отъ 6-го батальона, съ Брылкинымъ за начальника. Желаніи оставить кого-либо изъ арестантовъ для работъ при острогѣ писалъ о томъ наканунѣ записку начальнику караула, котораго онъ долженъ былъ на утро смѣнить, и тотъ оставлялъ просимаго арестанта въ острогѣ. Такимъ образомъ, Ф. М. Достоевскій и С. Ф. Дуровъ часто оставались для работъ при острогѣ и, по смѣнѣ стараго караула, требовались новымъ начальникомъ въ кордегардію и находились нѣкоторое время въ комнатѣ караульнаго офицера, гдѣ имъ сообщались новости дня, передавались отъ сердобольныхъ людей пожертвованія, и дозволялось чтеніе приносимыхъ молодежью книгъ и получаемыхъ отъ родственниковъ или сотоварищей писемъ изъ Петербурга. Время вызова сообразовалось съ часами, когда посѣщеній начальства не ожидалось;

но на всякій случай въ кордегардіи всегда находился наготовѣ назначенный для сопровожденія ихъ на работы конвойный. Генераламъ Бориславскому, какъ зафѣдывавшему всѣми работами арестантовъ, и де-Граве, какъ коменданту крѣпости, было даже сообщено объ этомъ въ частномъ разговорѣ докторомъ Троицкимъ, но они только посмѣялись, посоветовавъ ему передать юнксамъ, чтобы они все-таки были осторожными.

Характеръ Ѳ. М. Достоевскаго, по рассказамъ одного изъ «морячковъ», былъ вообще несимпатиченъ, онъ смотрѣлъ полкомъ въ западнѣ; не говоря уже объ арестантахъ, которыхъ онъ вообще чуждался и съ которыми ни въ какія человѣческія соприкосновенія не входилъ, ему тяжело казались и гуманныя отношенія лицъ, интересовавшихся его участіемъ и старавшихся по возможности быть ему полезными. Всегда насупленный и нахмуренный, онъ сторонился вообще людей, предпочитая въ шумѣ и гамѣ арестантской камеры оставаться одинокимъ, дѣлаясь съ тѣмъ нибудь словомъ, какъ какой нибудь драгоценностью, только по надобности. Будучи вызванъ «морячками» въ офицерскую комнату, онъ держался съ ними болѣе, тѣмъ сдержанно, на приглашеніе пріѣхать и отдохнуть часто отказывался и уступалъ только настоятельной просьбѣ, отвѣчалъ на вопросы неохотно, а въ интимные разговоры и сердечныя изліянія почти никогда не пускался. Всякое изъясненіе сочувствія принималъ недовѣрчиво, какъ будто подозрѣвалъ скрытую въ томъ неблагопріятную для него цѣль. Онъ отказывался даже отъ чтенія приносимыхъ молодежью книгъ и только два раза заинтересовался «Давидомъ Копперфильдомъ» да «Замогильными записками Пикквикскаго клуба», Диккенса, въ переводѣ Введенскаго, и бралъ ихъ въ госпиталь для прочтенія. Докторъ Троицкій объяснялъ его нелюдимость и мнительность болѣзненнымъ состояніемъ его организма, подвергавшагося, какъ извѣстно, эпилептическимъ припадкамъ, и расшатанностью всей нервной системы, хотя на видъ онъ казался здоровымъ, бодрымъ и крѣпкимъ и на всѣ работы ходилъ наравнѣ съ другими. Но мнѣнію же «морячка», нелюдимость его происходила изъ боязни, чтобы какія нибудь отношенія къ людямъ или нелегальныя поблажки не сдѣлались извѣстными начальству и не отягчили бы, вслѣдствіе того, его положенія. С. Ѳ. Дуровъ, напротивъ, вызывалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе. Несмотря на крайне болѣзненный и изнуренный видъ, онъ всѣмъ интересовался, любилъ входить въ

соприкосновеніе съ интересовавшемъ его общю, вѣдѣстрожною, людскою жизнью и былъ сердечно благодаренъ за всякое послѣднее облегченіе или матеріальную помощь. Говорилъ онъ обо всемъ охотно, даже вступалъ въ споры и могъ увлекать своимъ живымъ и горячимъ словомъ слушателя. Въ немъ чувствовалась правдивая, искренне убѣжденная и энергичная натура, которую не могло сломить несчастіе, и за это онъ пользовался большею, чѣмъ Ф. М. Достоевскій, симпатією. Бывали, однако, случаи, когда его какое нибудь слово выбивало изъ колеи, горячность овладѣвала имъ, и онъ увлекался до самозабвенія. Стоило, напримѣръ, употребить при немъ, хотя бы невзначай, въ разговорѣ имя его родственника, генерала (впослѣдствіи графъ) Якова Ивановича Ростовцева, — и онъ забывалъ всякую мѣру сдержанности и впадалъ, по отношенію къ нему, даже въ несправедливость. Чтеніе любилъ, но съ особенною жадностію бросался на французскіе романы, какъ, напримѣръ: «Королева Марго», «Графиня Монсоро» и «Графъ Монтекристо» — А. Дюма, «Парижскія тайны» и «Вѣчный жидъ» — Е. Сю, «Сынъ дьявола» — Поля Феваля и др. Онъ запрашивалъ эти романы, проглатывалъ ихъ въ нѣсколько вечеровъ и приходилъ просить другія ¹⁾. Но просьбу его не всегда можно было исполнить, такъ какъ богатствомъ книгъ Омскъ не щеголялъ. Поражало «морячковъ» въ характерѣ этихъ двухъ петрашевцевъ то, что они ненавидѣли другъ друга всею силою души, никогда не сходились вмѣстѣ и въ теченіе всего времени нахожденія въ Омскомъ острогѣ не обмѣнялись между собой ни единымъ словомъ. Вызванные вмѣстѣ для бесѣды въ офицерскую комнату, они оба сидѣли, насупившись, въ разныхъ углахъ и даже на вопросы юношей отвѣчали односложными: «да» или «нѣтъ»; такъ что ихъ стали вызывать не иначе, какъ по одиночкѣ. С. Ф. Дуровъ, на сдѣланный ему по сему предмету вопросъ, отвѣчалъ, что ни одинъ изъ нихъ не начнетъ говорить первымъ, такъ какъ осторожная жизнь сдѣлала ихъ прагматичными. Въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Ф. М. Достоевскій распространяется обо всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ арестантахъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ острогѣ, замаскированная только нѣкоторые подъ начальными буквами ихъ фамилій; во С. Ф. Ду-

¹⁾ Онъ не дожидаясь даже вызова, но въ случаѣ надобности, возвращаясь съ работъ и узнавъ, что въ караулѣ стоитъ кто нибудь изъ «морячковъ», заходилъ самъ въ кордегардію съ конвойнымъ.

рова ни полнымъ писемъ, ни подъ инициалами фамилии, нигдѣ, какъ будто его въ острогѣ не было, не упоминаеть. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рѣшительно нельзя было умолчать о немъ, онъ отзывался такъ: «насъ, т. е. меня и другого ссыльнаго изъ дворянъ, съ которыми я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, напугали»... или: «я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой»... Большое участіе въ петрашевцахъ принималъ старшій докторъ госпиталя Тропцкій. Онъ иногда сообщалъ имъ черезъ «жорячкова», что они теперь могутъ (тотъ или другой) прійти въ госпиталь на передышку, и они отправлялись, и вылеживали тамъ по нѣскольку недѣль, получая хорошій сытный столъ, чай, вино и другіе предметы, частію съ госпитальной, частію съ докторской кухни. «Записки изъ Мертваго дома», какъ разсказывалъ одному изъ юношей И. И. Тропцкій, началъ писать Достоевскій въ госпиталѣ, съ его разрѣшенія, такъ какъ арестантамъ никакихъ письменныхъ принадлежностей, безъ разрѣшенія начальства, имѣть было нельзя, а первыя главы ихъ долгое время находились на храненіи у старшаго госпитальнаго фельдшера. Покровительствовалъ петрашевцамъ и генералъ Бориславскій, черезъ адъютанта своего управленія, подпоручика Иванова ¹⁾. Онъ разрѣшилъ назначать ихъ на самыя легкія работы (кромя тѣхъ случаевъ, когда они, какъ, напримѣръ, Достоевскій, сами хотѣли идти на работы вмѣстѣ съ прочими арестантами, въ особенности въ началѣ прібытія на каторгу), и въ крѣпости, и въ оной, къ числу которыхъ относились: малярныя работы, верченіе козель, обжиганіе алебаstra, отгребаніе снѣга и прочія. Ѳодору Михайловичу даже было позволено ходить въ канцелярію нижнернаго управленія для письменныхъ занятій, изъ которыхъ его вѣрно было, впрочемъ, скоро уволить, по докладу полковника Мартена корпусному командиру о несоотвѣтствіи подобныхъ занятій для людей, сосланныхъ въ каторжныя работы за политическія преступленія. Немалую услугу оказала

---

¹⁾ Константинъ Ивановичъ Ивановъ впоследствии служилъ въ главномъ инженерномъ управленіи. Онъ былъ женатъ на дочери декабриста Анненкова и старался сдѣлать для Достоевскаго все, что только могъ.

Ө. М. Достоевскому также и одинъ изъ «морячковъ». Оставленный однажды для работъ въ острогъ, онъ находился въ своей казармѣ и лежалъ на нарахъ. Вдругъ пріѣхалъ плацъ-майоръ Кривцовъ—этотъ описанный въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» зверь въ образѣ человека.

— Это что такое—закричалъ онъ увидя, Ѳедора Михайловича на нарахъ:—почему онъ не на работѣ?

— Боленъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ находившійся въ караулѣ за начальника «морячокъ», сопровождавшій плацъ-майора въ камеры острога:—съ нимъ былъ припадокъ надучей болѣзни.

— Вздоры!... я знаю, что вы потакаете имъ!... въ кордегардію его!... розогъ!...

Пока стацили съ наръ и отвели въ кордегарію дѣйствительно вдругъ заболѣвшаго со страху петрашевца; караульный начальникъ послалъ къ коменданту ефрейтора съ докладомъ о случившемся. Генералъ де-Граве тотчасъ пріѣхалъ и остановилъ приготовленія къ экзекуціи, а плацъ-майору Кривцову сдѣлалъ публичный выговоръ и строго подтвердилъ, чтобы больныхъ арестантовъ отнюдь не подвергать наказаніямъ.

Общественная жизнь въ Омскѣ въ то время была развита крайне слабо. Театра не существовало вовсе. Устраиваемые по временамъ баронессой Сюрвельгельмъ спектакли для высшаго общества давались на форштадтѣ въ казачьемъ манежѣ. Ни литературныхъ вечеровъ, ни ученыхъ собраній, ни лекцій никто не затѣвалъ. Были одни танцевальные вечера да балы. Давалъ ежегодно одинъ или два бала генералъ-губернаторъ, давало балы дворянское собраніе, давалъ балъ откупщикъ. На нихъ собирались по обязанности, потому что замѣчались не тѣ, кто пріѣхалъ, а тѣ, кого нѣтъ, и изслѣдовались причины ихъ отсутствія. Конечно, все, что числилось на службѣ, облакалось въ мундиры и составляло генералъ-губернаторскій хвостъ, а жены и дочери служащихъ служили живою красивой обстановкой гостинныхъ и танцевальныхъ залъ, гдѣ одна только молодежь, «не заботясь объ утрѣ», весело щебетала и съ увлеченіемъ плясала и прыгала до утра. На одномъ изъ такихъ баловъ князь Горчаковъ, какъ Парисъ, былъ судьей красоты омскихъ женщинъ. Передъ нимъ совершенно неожиданно предстали три мѣстныхъ красавицы и просили его сказать безпристрастно, которая изъ нихъ имѣетъ большое право на обладаніе Эротомъ. Князь оказался въ затрудненіи, но вышелъ изъ него, благодаря совѣту, тихо под-

сказанному полковникомъ Мартеномъ. Онъ отвѣтилъ богинямъ, что всѣ онѣ имѣютъ право на обладаніе божкомъ любви (подъ которыми подразумѣвался одинъ изъ развѣвшихся въ Аполлона «морячковъ»), но должны ловить пускаемыхъ имъ стрѣлы страсти на лету, и которая поймаетъ, той онъ и будетъ принадлежать тогда. На другомъ балу у него вышло недоразумѣніе съ супругой коменданта, которая, не понявъ особенно любезнаго обращенія къ ней князя Петра Дмитриевича, потрепавшаго ее дружески по плечу, совершенно неумѣстно отвѣтила ему: «Вы, ваше сіятельство, вѣроятно ошиблись, принявъ меня за такую особу, которая почтетъ себя счастливой, получа подобное доказательство вашего вниманія, но я, къ сожалѣнію, къ числу ихъ не принадлежу». Но балы были рѣдки, а общество разсѣяно, поэтому каждый убивалъ свое свободное время въ своемъ же тѣсномъ кружкѣ. Только какія нибудь затѣи въ родѣ поѣздокъ съ дамами въ степь на маевку, или именины, смѣбныя и крестинныя обѣды или вечера соединяли нѣкоторые кружки, и люди на нѣсколько часовъ сходились и обмѣнивались мыслями и взглядами. Будничная же обыденная жизнь тянулась ужасно вяло, и въ салонахъ самыхъ элегантныхъ женщинъ царила страшная скука, такъ что Бальбина Гавриловна всегда и вездѣ была желанной гостьей. Да и какъ было дамамъ не любить ее! Сегодня она появлялась и рассказывала, что изъ биллиардной комнаты генераль-губернаторскаго дворца адъютантъ князя Горчакова ротмистръ Глинка расправился собственноручно съ чиновникомъ особыхъ порученій Молчановымъ, позволившимъ себѣ сказать что-то оскорбительное по поводу одной особы, и что ожидается дуэль. Завтра она удостовѣряла, что дуэли не будетъ, такъ какъ приказано Глинку отчислить и выслать въ Екатеринбургъ, а Молчанова перенести куда-то въ степь. На третій день она являлась съ пикантнымъ извѣстіемъ, что адъютантъ генерала Яковлева штабъ-ротмистръ Кривскій, сажавшій на козлы своего экипажа за кучера эксцентричную свою любовницу, захватилъ съ друзьями на кладбище, приказалъ вырыть могилу, опустилъ въ нее свою даму-кучера и зарылъ ее въ ней по горло живую. Потомъ, пропѣвъ надъ ней панихиду, уѣхалъ, а женщину велѣлъ освободить только вечеромъ. Черезъ недѣлю эта живая омская газета сообщала, что полиціймейстеръ подполковникъ Шепелевъ, извѣстный любитель прекраснаго пола при возвращеніи изъ Вельямновыя рощи ночью, былъ плѣненъ женщинами имъ соперниками, переодѣвшимися для того въ кпр-

кизское платье, и отвезенъ на лодкѣ за Иртышъ, гдѣ онъ и былъ брошенъ связаннымъ въ камышахъ, и откуда его только на другой день привезли нашедшіе его тамъ случайно табунные пастухи. А спустя двѣ недѣли, Бальбина Гавриловна, покатываясь со смѣху, представляла чуть не въ лицахъ, какъ генералъ Шрамъ, вышедши вечеромъ на прогулку, велъ бой съ выбѣжавшимъ на улицу и обидѣвшимъ его арестантскимъ козломъ.

Дѣйствительно, рассказы Бальбины Гавриловны вполне типично изображали жизнь тогдашняго омскаго общества. Выше нами приведенъ уже курьезный случай ареста генераломъ Шрамомъ козла. Теперь мы остановимся на ея разсказахъ о г.г. Кривскомъ и Шепелевѣ, и постараемся обрисовать ихъ болѣе рельефно.

Штабсъ-ротмистръ Михаилъ Николаевичъ Кривскій, человекъ молодой, богатый и красивый собою, былъ переведенъ въ Омскъ за какую-то шалость въ Петербургѣ. Имѣя хорошія связи, онъ поступилъ адъютантомъ къ начальнику окружнаго штаба, былъ принятъ всѣмъ высшимъ мѣстнымъ обществомъ и вскорѣ сдѣлался любимцемъ и баловнемъ велико-свѣтскихъ омскихъ дамъ. Но жизнь въ условныхъ тѣсныхъ рамкахъ, какъ пронизировали омскіе остряки, «стенной порядочности» не особенно нравилась избалованному столицей жуиру. Типъ Печорина явился въ то время выраженіемъ высшаго общественнаго идеала и молодые люди, желавшіе выдѣлиться изъ толпы, старались подражать ему. Михаилъ Николаевичъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, ему скучно было въ чинномъ и чопорномъ омской бомондѣ и онъ старался, по возможности, изолироваться въ болѣе тѣсномъ кружкѣ избранныхъ друзей изъ числа свѣтской и городской молодежи. Квартиру свою онъ поставилъ на широкую барскую ногу, куда его друзья-пріятели частенько собирались кутнуть или перекинуться въ картишки. У него была своя дворня, были хорошіе лошади и экипажи. Хозяйствомъ его завѣдывала взятая имъ въ домъ, за особую молодецкую удаль, молодая, красивая казачка Настя. Когда онъ собирался прокатиться за городъ или выѣхать въ степь на жайвку, или къ кому нибудь изъ холостыхъ пріятелей въ гости онъ одѣвалъ ее ямичкомъ, сажалъ на козлы, и Настя заливчато справлялась и управляла бѣшеной тройкой лихихъ киргизскихъ аргамаковъ. Вотъ эту-то Настю Кривскій и зарылъ живою въ могилу. Поступокъ, конечно, возмутительный, но въ то, какъ теперь говорить, «доброе старое» время чего не сходило съ рукъ людямъ

богатыми и со связями! Случилось это такъ. Въ одинъ изъ прекрасныхъ вешнихъ дней, устроилась холостая загородная прогулка. Общество состояло изъ адъютантовъ князя Горчакова: Аримельдта, Цурикова и Сибсарева, чиновниковъ главнаго управленія Титова, Тимашева и Себастьяни, жандармскаго офицера Циглера и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Выѣхали на прогулку на двухъ или на трехъ тройкахъ. Настя, по обыкновенію, правила тройкою Кривскаго. Совершивъ условленную проскачку въ окрестностяхъ города, общество разбило бивакъ въ тѣпстой мѣстности, прилегающей къ городскому кладбищу. Прислуга вынула привезенные запасы и началась обычная холостая маёвка. Время бѣжало быстро и весело. Вино и закуски развязали языки, молодежь дурачилась и смѣялась, каждый старался сказать что нибудь остроумное или веселое. Но вотъ рѣчь зашла о любви, и Настя похвалилась своей искренней и беззаветной привязанностью къ Михаилу Николаевичу.

— Хорошо, отозвался съ скептической улыбкой развеселившійся Кривскій, мы сейчасъ испытаемъ! Можешь ты умереть за меня?

— Могу, отвѣчала ничего небоявшаяся самонадѣянная казачка.

— Эй, кто тамъ есть?—обратился Михаилъ Николаевичъ къ прислугѣ:—сходить на кладбище и позвать могильщиковъ!

Явились могильщики и Кривскій приказалъ: тотчасъ же вырыть могилу глубиною въ ростъ человѣка. Черезъ четверть часа могила была готова. Настя компанія поднесла еще стаканъ вина, дала ей послѣднее цѣлованіе и проводила ее до могилы. Тамъ ее прислуга раздѣла до бѣлья, могильщики спустили въ могилу и зарыли ее стоя. Во время закапыванія Кривскій читалъ молитвы, а хоръ пѣлъ: «со святыми упокой!» Дѣвушка все время крѣпилась и просила только оставить ей на свободѣ руки.

— Итъ, отозвался на это Кривскій, ты эдакъ пожалуй сейчасъ откопаешься и убѣдишь домою!

И Настю закопали съ руками по горло. Компанія уѣхала домой. Кладбищенскій причтъ, чтобы не быть въ отвѣтъ, тотчасъ же собралъ обо всемъ полицію, и дѣвушку безъ замедленія откопали и похоронили по мѣсту жительства. Но шутка эта не прошла ей даромъ. Она заболѣла и долго не могла поправиться. Но такъ какъ жалобы съ ея стороны заявлено не было, то дѣло замаяли, поставивъ его на точку испытанія любви, и Кривскій никакому взысканію за то не подвергся.

Подполковникъ Шенелевъ перевелся на службу въ Западную Сп-

бирь послѣ Венгерской компаніи. Это былъ человѣкъ бойкій, статный, видный и очень не глупый. Своей разносторонней услужливостью и расторопностью, онъ сумѣлъ вскорѣ послѣ прибытія въ край поправиться начальству и его сдѣлалъ омскимъ полиціймейстеромъ. Отличительной чертой его характера была любовь къ прекрасному полу, но не своего круга, а болѣе простаго и доступнаго. Онъ ни чѣмъ не брезговалъ, была бы только женщина молодая и красивая. Большой контингентъ такихъ женщинъ находился за городомъ, въ пригородныхъ поселкахъ и слободахъ, куда онъ, подъ видомъ личнаго высшаго полицейскаго надзора, и любилъ набѣжать вечерами. Въ одно изъ такихъ посѣщеній какой то городской окранный, у извѣстной въ то время молодой вдовушки-казачки, онъ столкнулся съ юнкеромъ-линейцомъ (такъ называли лицъ, служившихъ въ линейныхъ батальонахъ) Шульгинымъ. Вышло недоразумѣніе, произошелъ споръ, и когда юнкеръ, пользовавшійся благорасположеніемъ добродѣтельной хозяйки, не пожелалъ уступить занятаго имъ прежде полиціймейстера поста, его удалили сопровождавшіе всюду подполковника Шенелева конные казаки, а про дерзости его возраженій было потомъ доведено до свѣдѣній ближайшаго его начальства.

Случайъ этотъ, самый обыденный въ то, чреватое всякими недѣлостями, время, обозначалъ всю юнкерскую команду, считавшую какъ бы своимъ правомъ на завоеваніе и исключительное обладаніе любвеобильными сердцами юныхъ казачекъ и слобожанокъ. Наиболѣе мужественные юнкера, въ числѣ десяти человѣкъ, (въ томъ числѣ и два «морячка») приняли близко къ сердцу обиду товарища и рѣшились проучить ловеласа-полиціймейстера. И вотъ въ какую своеобразную форму вылилась эта отчаянная затѣя ревнивыхъ «мальчишекъ». Въ одну темную осеннюю ночь, и довольно уже поздно, возвращался подполковникъ Шенелевъ домой изъ обычной потѣшки въ мѣста значимыя. Ѣхалъ онъ на знаменитыхъ полицейскихъ дрогахъ, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ конныхъ казаковъ съ нагайками. Вдругъ на одномъ изъ поворотовъ дороги, близъ рѣки Иртыша, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, онъ подвергся нападенію шайки киргизъ. Два человѣка остановили дроги, четверо стацили полиціймейстера съ дрогъ и стали его вязать, четверо другихъ сбросили на землю конвойныхъ казаковъ и скрутили имъ руки. Струсившій не на шутку полиціймейстеръ не сталъ сопротивляться вязавшимъ его людямъ, но только спросилъ ихъ: «Кто вы такіе и что вамъ отъ меня нужно?»

— А мы, бачка-тюря, всё киргизъ, хатымъ тащить тѣбѣ къ намъ въ стѣпъ, въ гости, айда съ нами!

— Куда? зачѣмъ? пробовать было протестовать бѣдный плѣнникъ. Но на всё его возгласы, просьбы и молибы, киргизы не обращали ни малѣйшаго вниманія, положили его связаннаго по рукамъ и по ногамъ на его же дроги и отвезли на берегъ р. Иртыша, гдѣ ихъ ожидала заранѣе приготовленная лодка, посадили его въ лодку, перевезли на другой берегъ и, отвѣдя нѣсколько верстъ въ сторону, бросили въ камышахъ. Тамъ его на другой день утромъ нашли главнѣе въ Омскѣ табунъ овецъ киргизы-пастухи и доставили въ городъ. Казаки же и кучеръ со связанными назадъ руками, по увозѣ полиціи лейстера за р. Иртышъ, были отпущены и прибывъ въ городъ, сдѣлали тревогу. Но событіе это, надѣлавшее было въ началѣ много шума, было потомъ такъ же, какъ безумная выходка Кривскаго, замято. Дѣлать изъ него *casus belli*, начальство не пожелало, такъ какъ до свѣдѣнія его дошло, что все это дѣло ничто иное какъ амурные счеты г. полиціи лейстера со своими ревнивыми соперниками, переодѣвшимися въ киргизское платье. Такъ оно и кануло въ вѣчность. Но подполковникъ Шепелевъ недолго послѣ этого случая оставался въ должности омскаго полиціи лейстера, его перевели въ г. Семипалатинскъ.

Но если общественная жизнь не была развита въ Омскѣ,—доносы на дѣйствія начальства имѣли въ немъ громадное приѣніе. Не было учрежденія, на которое бы кто нибудь не доносилъ или не жаловался. Даже докторъ Троицкій и тотъ долженъ былъ испытать на себѣ всё непріятности подобной эпидеміи. Одинъ изъ его помощниковъ ординаторъ Крыжановскій, сдѣлавъ на него доносъ въ Петербургъ, что онъ оказываетъ слишкомъ большое снисхожденіе и потворство политическимъ арестантамъ. Въслѣдствіе этого было прислано особое лицо для разслѣдованія, и омскому начальству не мало стоило трудовъ, чтобы замять дѣло, сильно раздутое доносчикомъ. Но при всемъ томъ, что докторъ Троицкій не былъ признанъ виновнымъ, ему объявили строгій выговоръ, а доносчика только перевели изъ Омска въ другой госпиталь, расположенный гдѣ-то на пограничной линіи.

Разслѣдованіе это, однако-жъ, не обошлось безъ курьезовъ. Присланный изъ Tobolska для производства слѣдствія, совѣтникъ уголовной палаты баронъ Шиллингъ принялся за дѣло горячо, держалъ себя авторитетно и отъ знакомствъ съ омскими обще-

ствомъ сторонился. Это, конечно, не могло понравиться мѣстнымъ властямъ, они приняли противъ него свои мѣры, и бѣдный слѣдователь къ раскрытію истины надлежащаго содѣйствія не получилъ. Спрошенные имъ, по указанію ординатора Крыжановскаго, свидѣтели не подтверждали сдѣланныхъ доносчикомъ заявленій. Политическіе арестанты, при допросѣ ихъ, давали такіе уклончивые иносказательные отвѣты, что слѣдователь становился втупикъ и только бранился. Такъ Ѳ. М. Достоевскій, на сдѣланный ему слѣдователемъ вопросъ: не писалъ ли онъ чего либо въ острогъ, или когда находился въ госпиталѣ?—отвѣтилъ:

— Ничего не писалъ и не пишу, но матеріалы для будущихъ писаній собираю.

— Гдѣ же матеріалы эти находятся?

— У меня въ головѣ.

С. Ѳ. Дуровъ, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ писать, когда мы, поэты, можемъ пѣть!.. пѣть пріятнѣй, чѣмъ писать...

Поляки смиренничали поіезунтски, но отвѣтъ держали въ унисонъ съ русскими. Мальчевскій сказалъ:

— Нѣтъ бендзѣ похвалень Езусъ Христусъ!... якъ не писать, пишемъ, пане, пишемъ вишестѣ наши жалобы и утѣшенія, тылько пишемъ, пане, не на папирусѣ, а въ сердцѣ кровію... Венце-жъ ницъ не пишемъ.

Жуковскій же долго молчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями что-то открыть, потомъ вдругъ заплакалъ и тихо проговорилъ:

— Нѣтъ, мы нечего не пишемъ, мы только молимся, а пишутъ за насъ ангелы Божіи въ небесахъ...

Слѣдователь, видя неудачу, рѣшился на крайнюю мѣру—произвести обыскъ въ острогъ. Онъ написалъ объ этомъ коменданту, и острогъ подвергся внезапному осмотру. Но арестантовъ предупредили подъ рукою заблаговременно, и они къ посѣщенію начальства приготовились. Все запрещенное было ими удалено и припрятано внѣ острога, кромѣ нѣсколькихъ вещей, оставленныхъ подъ нарами и въ другихъ мѣстахъ, для смѣха надъ начальствомъ и потѣхи. Въ назначенное время, вмѣстѣ со слѣдователемъ, прибыли въ острогъ комендантъ, плацъ-майоръ и острожное начальство. Арестанты подъ конвоемъ были выведены изъ камеръ и поставлены во фронтъ на дворикѣ острога; всѣ же занимаемые ими помѣщенія строжайше обысканы. Трофеями обыска оказались: банка

помады, флаконъ одеслона, рваная женская юбка, чулки и дѣтскій нагрудничекъ. Но самой неожиданной находкой было нѣсколько писанныхъ листовъ почтовой бумаги. Комендантъ и слѣдователь одновременно протянули къ нимъ руки и, когда прочитали ихъ, оба расхохотались. На листкахъ написано было, въ видѣ молитвы, заклинаніе отъ сатаны, исшедшаго изъ пренеподней на землю, въ образѣ изверга—плацъ-майора Кривцова. Нужно ли говорить: какую обильную пищу далъ этотъ грозный обыскъ для смѣха омскому обществу!

Но корпусному командиру было не до смѣху: въ Омскѣ стали ходить слухи, что онъ очень измѣнился какъ въ своихъ пріемахъ, такъ и въ обращеніи. Въ немъ стали замѣчать какую-то, несвойственную ему прежде, нервность. Онъ скучалъ и хандрилъ, и почти совсѣмъ изолировался отъ мѣстнаго общества. Комендантша въ своемъ кружкѣ подъ секретомъ говорила, что князь пьетъ пофелъдфебелски, а Бальбина Гавриловна, напротивъ того, пресерьезно увѣряла, что онъ хочетъ жениться на своей фавориткѣ, но что этого ему, къ сожалѣнію, сдѣлать будто бы нельзя. Но такъ или иначе, а князю Петру Дмитриевичу дѣйствительно какъ будто не везло. То онъ имѣлъ непріятности съ командиромъ казачьихъ частей Нахомувымъ и Симоновымъ: одинъ отказался осмотрѣть подѣбды на ногахъ собственныхъ его лошадей, другой не продалъ ему понравившейся на бѣгу кобылы. То онъ, при объѣздѣ края, въ степи подвергся смертельной опасности, будучи ужасенъ тарантуломъ, отъ губельныхъ послѣдствій которой спасли его лачимъ-то киргизскимъ снадобьемъ. Бальбина Гавриловна, по секрету, передавала, что князя укусила не гадина, а его фаворитка; фаворитка же всѣмъ и каждому рассказывала, что корпуснаго командира ужалилъ смертельно не тарантулъ, а его дежурный штабъ-офицеръ. Дѣйствительно произошло что-то таинственное: князь Горчаковъ заскучалъ, заскучалъ и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ провѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и назадъ въ Омскъ не вернулся. Говорили, что его вызвали изъ края вслѣдствіе какихъ-то серьезныхъ жалобъ на его управленіе. Такъ ли это—никто не зналъ, но только новымъ корпуснымъ командиромъ и генераль-губернаторомъ Западной Сибири былъ назначенъ генералъ Гасфордъ, а для ревизіи дѣлъ управленій присланъ, по высочайшему повелѣнію, съ особыми полномочіями генералъ-отъ-инфантеріи Шлиппенбэхъ, съ цѣлою свитой чиновниковъ-законниковъ. Началась встряска, какъ всегда

бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и нѣкоторымъ омскимъ дѣтелямъ не посчастливилось: полковникъ Мартенъ, корпусный докторъ Залужовскій, генералъ Шрамъ, генералъ Клейстъ, князь Шаховской, наказной атаманъ Воробьевъ и нѣкоторые другія лица должны были оставить занимаемыя ими должности, а знаменитый «человѣкъ-звѣрь», плацъ-майоръ Кривцовъ, былъ уволенъ отъ службы и преданъ суду.

Новый корпусный командиръ не замедлилъ пожаловать въ Омскъ. Это былъ ученый генералъ, не въ смыслѣ нашихъ вообще военноученыхъ, оканчивающихъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба, но особенно ученый, учившійся у насъ и за границею въ нѣсколькихъ университетсахъ и академіяхъ и имѣвшій до пяти докторскихъ дипломовъ по разнымъ сферамъ наукъ. Человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, но, какъ студентъ, весьма гуманный, мягкій и обходительный, онъ не принадлежалъ къ типу громовержцевъ и всей своей фигурой, голосомъ и манерами походилъ скорѣе на профессора, нежели на строеваго генерала-фронтовика. Во время проѣзда изъ Петербурга въ Омскъ онъ останавливался въ Перми и тамъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Львовой. Молодая супруга его пріѣхала вмѣстѣ съ нимъ и оказалась особой очень симпатичной, милой и къ нуждамъ бѣдныхъ и обездоленныхъ классовъ внимательной. Генералъ-губернаторскій дворецъ оживился, но почтенная «молодая чета», по своей скромности и безпритязательности, представляла собою самый разительный контрастъ сибирскому правителю и вскорѣ приобрѣла всеобщую любовь и уваженіе.

Послѣ долго тянувшихся оффиціальныхъ пріемовъ служащаго персонала и знакомствъ съ лицами высшихъ сферъ города, смотрѣ войскъ и посѣщеній разныхъ учреждений, генералъ Гасфортъ потребовалъ къ себѣ и «морячковъ». Онъ принялъ ихъ запросто, участливо и сердечно, съ каждымъ говорилъ, каждого опросилъ, каждого выслушалъ и, отпуская ихъ, сказалъ, что въ Петербургѣ довольны ихъ службой и поведеніемъ, и что они могутъ разсчитывать на его покровительство, если они не будутъ терять драгоценнаго времени даромъ и не постараются дополнить своего образованія, такъ какъ оно необходимо не только въ военной службѣ, но и вездѣ, какой бы путь въ жизни они впоследствии себѣ ни избрали. Рѣчь эту онъ закончилъ словами: «прощайте, господа, помните, что каждый шагъ вашъ мнѣ будетъ извѣстенъ, и не думайте, что это—фраза, я даю вамъ въ томъ слово, и слово свое

исполню». Супруга его присутствовала при приѣмѣ, и хотя ничего не говорила, но поклономъ и улыбкой какъ будто подтвердила сказанное ея мужемъ.

На мѣсто полковника Мартена генералъ Гасфортъ привезъ съ собою майора Колычева, челоѣка молодого, простого и услужливаго. Съ нимъ приѣхала его жена и племянница, особа замѣчательно красивая и умная (вышедшая впоследствии замужъ за Львова, родственника супруги генералъ-губернатора). Но это не мѣшало новому дежурному штабъ-офицеру быть любителемъ прекраснаго пола, которымъ онъ занимался болѣе, чѣмъ дѣлами, и поэтому роли своего предшественника онъ не только не игралъ, но, въ отношеніи вліянія, значительно уступалъ нѣкоторымъ адъютантамъ, какъ напримѣръ, Колпаковскому или Соловцову, пріобрѣтшимъ у новаго корпуснаго командира большое значеніе. Иванъ Ивановичъ Троицкій былъ назначенъ корпуснымъ штабъ-докторомъ, на мѣсто Залуговскаго, и считался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ своимъ челоѣкомъ. Необходимо замѣтить, что этотъ, топоромъ срубленный и лыкомъ сшитый, челоѣкъ дѣйствительно вполнѣ достоинъ былъ порученнаго ему мѣста. Онъ началъ службу ординаторомъ въ одномъ изъ госпиталей новгородскаго военного поселенія (кажется, въ Старой Руссѣ) и во время бунта поселянъ, въ 1831 году, избѣжалъ смерти по любви къ нему подчиненныхъ солдатъ: онъ перешелъ въ солдатское платье и три дня исполнялъ, вмѣстѣ съ низшими чинами, обязанности госпитальнаго служителя. Затѣмъ, перейдя на службу въ Западную Сибирь, онъ достигъ высокаго положенія корпуснаго штабъ-доктора, благодаря своимъ заботамъ, попечительности и гуманному отношенію ко всемъ больнымъ безъ исключенія, начиная съ высшаго начальства и кончая послѣднимъ арестантомъ-преступникомъ. Доброта его доходила до того, что тѣмъ же самымъ поселянамъ, которые искали его смерти въ 1831 году и, по отбытіи наказанія, были посланы въ Сибирь, онъ платилъ при первой къ тому возможности облегченіемъ ихъ участи и посильною помощью. Директоромъ сибирскаго кадетскаго корпуса, на мѣсто генерала Шрамма, былъ назначенъ генералъ-майоръ Павловскій. Вся его прежняя служба принадлежала воспитанію дѣтей, онъ много лѣтъ инспекторствовалъ въ одномъ изъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ, но замѣнить своего предшественника, котораго и кадеты, и весь служебный персоналъ любили за доброту души, мягкій и незлобивый характеръ, къ сожалѣнію, не могъ. Недоволь-

ство существовавшими порядками и строгость съ первыхъ же дней создали ему много затрудненій, и онъ, не смотря на свою пунктуальность, опытность и педантичность, надеждащаго престижа не достигъ и продержался не долго. Говорили, что подобному пеходу будто бы много способствовала неудачная женитьба генерала на особѣ низшаго сословія. Но это было дѣло второстепенное, а вся суть заключалась въ томъ, что образъ служебныхъ дѣйствій новаго директора корпуса не соответствовалъ гуманнымъ воззрѣніямъ генерала Гасфорта.

Вмѣстѣ съ перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго управленія на омскомъ горизонтѣ совершенно неожиданно появилась «Салтанетка» (или Салтанъ-Анетка). Извѣстный кавказскій герой, генералъ Пассекъ, при разгромѣ одной изъ шамилевскихъ резиденцій, захватилъ въ плѣнъ племянницу Шамиля, маленькую дѣвочку Салтанету, которую и переслалъ къ своему брату Владиміру Пассеку, служившему въ Сибирѣ инженеромъ. Тотъ ее принялъ, крестилъ съ именемъ Анны и воспиталъ; а когда дѣвочка выросла, то и выдалъ замужъ за какого-то мелкаго чиновника. Салтанета не ужилась съ нимъ, ушла и гдѣ-то скрылась. Вернулась она въ Омскъ въ свѣтъ молодой супруги генераль-губернатора, не то лекторшей, не то камеристской, но только долго при генеральнѣхъ не продержалась, оставила службу и зажила вольной гореской жизнью. Она не была хороша собой, но въ ней было что-то дьявольское, забравшее людей въ лапы помимо ихъ воли. Не было въ Омскѣ молодца-красавца, который бы не позарился на «Салтанетку». Но она, какъ рождественница великаго имама, предпочитала старинныя и отцовъ города, людей съ положеніемъ и вѣсомъ, отъ которыхъ можно было ждать великія и богатая милости, и которые уходили отъ нея все искусанные и пещаранные до крови. Наибольшимъ вниманіемъ дарилъ ее новый дежурный штабъ-офицеръ, а ея наибольшей благосклонностью, напротивъ, пользовался одинъ изъ «морячковъ» — красавецъ, бывшій подъ особой протекціей сперва генеральши Клейстъ и княгини Шаховской, а потомъ супруги адъютанта Сибсарева. На «Салтанеткѣ» столкнулись двѣ силы: сила власти и сила юности, ловкости и красоты; но побѣда осталась за первой: юноша былъ удаленъ изъ Омска.

Изъ числа «морячковъ», по ходатайству ихъ родственниковъ въ Петербургъ, въ это время были переведены: баронъ фельд-маршалъ — въ войска кавказскаго корпуса и Калугинъ — въ войска

6-го пѣхотнаго корпуса, откуда онъ въ Крымскую войну перешелъ въ одинъ изъ черноморскихъ флотскихъ экипажей, ходилъ во время осады Севастополя на вылазки съ знаменитымъ удалцомъ, лейтенантомъ Брюлевымъ, и за отличіе награжденъ знакомъ ордена св. Георгія. Брылкинъ же перемѣщенъ изъ 6 го въ 3-й сибирскій линейный батальонъ, расположенный въ Петропавловскѣ, и зачисленъ въ роту, квартировавшую въ укр. Кокчетавѣ.

Въ зиму 1853—1854 годовъ С. О. Дуровъ и О. М. Достоевскій окончили срокъ пребыванія въ каторгѣ и выпущены рядовыми въ сибирскіе линейные батальоны: первый—въ 3-й (въ Петропавловскѣ), а послѣдній—въ 7-й (въ Семипалатинскѣ). Сергій Оеодоровичъ былъ зачисленъ въ ту же роту, гдѣ находился и Брылкинъ, и поселился съ нимъ вмѣстѣ. Это дѣйствительно былъ, какъ писалъ Достоевскій, «полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой» человекъ, или, лучше сказать, развалина, выжидавшая въ себѣ всевозможныя болѣзни и недуги. Ему не было еще и 40 лѣтъ, но онъ не могъ двигаться безъ посторонней помощи, не могъ по утрамъ достать со столбика лежащей на немъ тавлички съ табакомъ, не могъ одной рукой поднести къ носу понюшки табаку: нужно было, чтобы другая рука помогла дотянуться ей до носа. Эту рунну мѣстный врачъ, И. Ф. Зюковъ, подвергъ гидрпатическому лѣченію и, начавъ лѣчение въ маѣ и окончивъ въ августѣ, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ его пациентъ совершалъ уже нѣшеходныя прогулки на разстояніи пяти и болѣе верстъ, поднимался на гору и спускался въ ложбины, гдѣ онъ собиралъ въ свои ботаническія коллекціи разныя травы и злаки сибирской флоры. О жизни этой мы распространяться не будемъ, скажемъ только, что Сергій Оеодоровичъ, благодаря заботамъ и уходу доктора Зюкова, въ здоровьѣ поправился и, когда вышло ему прощеніе, въ іюлѣ 1856 года, выѣхалъ на жительство въ Одессу.

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», за 1892 годъ, появились «Воспоминанія» А. Иванова, который рассказываетъ, что О. М. Достоевскій, находясь въ 1855 году въ г. Семипалатинскѣ рядовымъ, написалъ на смерть государя императора Николая Павловича стихотвореніе и просилъ инспектировавшаго въ то время 7-й линейный батальонъ дивизіоннаго генерала Дометті представить его, чрезъ корпуснаго командира, въдовствующей императрицѣ Александрѣ Оеодоровнѣ. Стихи эти были представлены генералу Гасфорту (котораго г. Ивановъ обозвалъ ретроградомъ и энциклопе-

дистонъ въ смыслѣ архивнаго склада отрывочныхъ научныхъ знаній); но онъ будто бы отвѣтилъ генералу Дометти, что стихотворство—не солдатское дѣло, что не слѣдуетъ поощрять этого пустожельства, и называлъ литературу—зломъ, а литераторовъ—злѣдьями. Въ заключеніе авторъ «Воспоминаній» восклицаетъ: «были ли представлены эти стихи Гасфортомъ согласно просьбѣ автора, не извѣстно». Въ интересахъ истины, необходимо сказать нѣсколько словъ въ защиту генерала Гасфорта. Очевидно, г. Ивановъ не зналъ его лично, или не составилъ о немъ надлежащаго представленія, иначе онъ не позволилъ бы себѣ такъ отзываться о немъ. Очень можетъ быть, что онъ, какъ высшая власть въ краѣ, высказалъ генералу Дометти свой принципиальный взглядъ на значеніе солдата, находя, что стихотворство не его дѣло и что поощрять этого не слѣдуетъ. Можетъ быть, онъ высказалъ даже общій, по тому времени, руководящій взглядъ высшихъ петербургскихъ сферъ на солдатское развитіе. Это—дѣло возможное. Но договориться до того, чтобы назвать литературу—зломъ, а литераторовъ—злѣдьями, онъ уже никакъ не могъ, во-первыхъ, потому, что это былъ не ретроградъ, а передовой, высокообразованный и гуманный человѣкъ, ставившій на первомъ планѣ въ жизни науку и литературу, а, во-вторыхъ, потому, что и самъ любилъ и высоко цѣнилъ поэзію и музыку. Что же касается стиховъ Ф. М. Достоевскаго, то они, по словамъ Н. Н. Троицкаго, произвели глубокое впечатлѣніе на генералъ-губернаторскую чету и въ то же время представлены генераломъ Гасфортомъ военному министру. Говорилъ это онъ С. О. Дурову лѣтомъ 1855 года, когда прѣзжалъ въ Кокчетавъ для ревизіи госпитальной части, и упрекалъ его при этомъ: почему онъ не написалъ такихъ же стиховъ, такъ какъ онъ владѣлъ стихомъ лучше, чѣмъ Достоевскій.

Служба генерала Гасфорта, съ теченіемъ времени, становилась все болѣе и болѣе тихою. Онъ нашелъ во второмъ своемъ супружествѣ—Капую, и выхода ему изъ нея не было. Характеръ его измѣнился, онъ сдѣлался еще болѣе серьезнѣе и сосредоточенъ, и все свободное отъ дѣлъ время проводилъ съ молодой женой, которая, говорили, была недурная поэтесса и музыкантша. Онъ даже бралъ ее съ собою, когда совершалъ объѣзды войскъ, расположенныхъ въ степи, или посѣщалъ пограничныя казачьи поселенія, и она помогала ему дѣлать добро. Такъ бѣжало время. Главный начальникъ Западной Сибири не былъ грозой для войскъ и метлой

для внутренняго управленія, и нѣкоторые изъ наиболѣе рьяныхъ фронтовиковъ и дѣловиковъ генераловъ обратили на это его вниманіе, но онъ отвѣтилъ имъ: «Гасфортъ—не Горчаковъ, принципы Гасфорта—наука и добро, переучиваться ему—поздно, и потому онъ до конца своей дѣятельности останется Гасфортомъ». Такимъ образомъ, гуманитарные принципы были провозглашены, наука и добро торжествовали, но за всѣмъ тѣмъ «генераль-буршу», какъ звали Гасфорта мѣстные остряки, не долго пришлось оставаться въ Сибирѣ. Сознавая, что тихая семейная жизнь наиболѣе соответствуетъ его возрасту и основнымъ принципамъ жизни, онъ сталъ просить позволенія удалиться на покой, и просьба его была уважена.

Его смѣнилъ начальникъ 24 пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Дометти, но этой эпохи мы уже не коснемся. Въ 1856 году «морячки» произведены въ офицеры: Брылякинъ—въ 3-й, Левшинъ—въ 4-й, князь Хованскій—въ 5-й и Лихаревъ—въ 6-й Сибирскіе линейные батальоны, вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ нихъ перешелъ на службу внутрь Россіи, а другіе вышли въ отставку и возвратились въ Петербургъ.

Брылякинъ вышелъ въ отставку, и въ 1860 году лѣтомъ имѣлъ случай встрѣтиться съ его императорскимъ высочествомъ, государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Находясь на службѣ въ обществѣ «Кавказъ и Меркурій» и состоя капитаномъ одного изъ волжскихъ его пароходовъ, онъ въ концѣ іюня прѣѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ, и въ одинъ изъ праздничныхъ дней, съ родственниками своей жены, отправился въ Павловскъ послушать музыку. На Брылякинъ была надѣта русская, на выпускъ, канаусовая, бѣлаго цвѣта, съ косымъ воротомъ, рубашка, силіе канаусовые штаны, забранные въ высокіе лакированные сапоги, поверхъ рубашки черная бархатная безрукавка и на головѣ—форменная фуражка коммерческаго флота съ кокардой и металлическимъ надъ нею якоремъ. (Моду на русскій костюмъ тогда пропагандировали извѣстные дѣятели молодой Россіи: Левъ Бамбекъ, Калининскій и др.). Погулявъ въ паркѣ и проходя затѣмъ къ эстрадѣ, гдѣ играетъ музыка, Брылякинъ и компанія увидѣли стояцій на площадкѣ, запряженный парю лошадей въ шорахъ, кабріолетъ и въ немъ августѣйшаго хозяина Павловска и его супругу, окруженныхъ толпой лицъ высшаго общества, офицеровъ и моряковъ, съ которыми они изволили милостиво разговаривать.

Отдавъ ихъ высочествамъ честь по уставу, Брылкинъ и компанія пошли вправо къ фонтану, но не успѣли они сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ ихъ догналъ адъютантъ великаго князя, князь Ухтомскій, и передалъ Брылкину, что его высочество изволилъ изъяснить желаніе говорить съ нимъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился великій князь Константинъ Николаевичъ съ вопросомъ къ подошедшему, къ нему капитану коммерческаго судна:—какая на васъ форма?

— Это—русскій костюмъ, ваше императорское высочество, соединенный съ головнымъ уборомъ коммерческаго флота,—отвѣчалъ капитанъ.

— Ну, а сами вы служите?

— Такъ, точно, ваше высочество, я состою командиромъ одного изъ судовъ коммерческаго флота въ обществѣ «Кавказъ и Меркурій».

— Сколько мнѣ помнится, ему дана форма: открытый сюртукъ съ якорями на отложномъ воротникѣ, да что еще?—обратился великій князь къ адъютанту:—кажется, жгуты на плечи?

— Точно такъ, ваше высочество,—поспѣшилъ отвѣтить Брылкинъ:—вѣсто эпюлетъ—жгуты, а оружіе—кортики.

— Да, да!.. а вы изволили соригинальничать?!.. И дѣйствительно вышло красиво... а все-таки я бы вамъ совѣтовалъ: къ утвержденной формѣ относиться строже. Кстати, скажите мнѣ и фамилію вашу? Брылкинъ, ваше императорское высочество.

— Морякъ?

— Точно такъ, ваше императорское высочество.

— Отчего же во флотъ?

— Имѣлъ несчастіе, ваше высочество, потерять право на продолженіе службы во флотъ.

— Ну, я не спрашиваю: почему? все же служилъ?

— Служилъ, ваше высочество, но не въ строю флота.

— Какого вы выпуска?

— 1849—1850 годовъ, ваше императорское высочество.

— А!.. помню!.. очень радъ васъ видѣть.

И его высочество милостивымъ поклономъ отпустилъ «морячка», къ слову сказать, не безъ сердечнаго волненія отвѣчавшаго на вопросы августѣйшаго генералъ-адмирала.

ИЗЪ ЗАПАСА ПАМЯТИ.

Императоръ Николай I на пароходѣ «Камчатка».

ВЪ ОДНУ изъ поѣздокъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ Кронштадтъ, государь императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ стоявшій на рейдѣ пароходъ «Камчатку». Это было одно изъ первыхъ нашихъ паровыхъ судовъ. Пароходомъ командовалъ капитанъ 1 ранга (впослѣдствіи адмиралъ) Шанцъ. Государь осмотрѣлъ судно и состояніемъ его былъ очень доволенъ. Во время осмотра наступилъ полдень, т. е. время, когда подается сигналъ къ обѣду и питью водки, и командиръ судна обратился къ Государю съ вопросомъ.

— Не соизволите ли, ваше императорское величество, разрѣшить рыцарю бить, стеклянки ворочать, къ водкѣ свистать, — полдень наступилъ?

— Дѣлай, что нужно, отвѣчалъ Николай Павловичъ милостиво.

Дали команду, засвисталъ свистокъ, закипѣла передобѣденная работа, на палубу вынесли пробу пищи, чарку водки и хлѣбъ, Государь отвѣдалъ пищу, отломилъ кусочекъ хлѣба и скушалъ, а остатокъ ломтя бросилъ находившейся тутъ же капитанской собакѣ. Водозазъ понюхалъ хлѣбъ, но ѣсть не сталъ.

— Вишь ты, какая балованная! разсмѣялся Николай Павловичъ, потренируй собаку рукой по головѣ, хлѣба не ѣсть!..

— Мой собакъ умный, ваше императорское величество, отвѣчалъ на это капитанъ Шанцъ, желая похвалить собаку, онъ черныи хлѣбъ не кушаетъ.

Государь посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ, повернулся и пошелъ къ трапу ¹⁾).

¹⁾ Записано со словъ бывшего тогда гардемариномъ, а впослѣдствіи подпоручика Павла Александровича Брылкина.

Государь цесаревичъ Александръ Николаевичъ и кадеты I кадетскаго корпуса.

Государь императоръ Александръ Николаевичъ, въ бытность свою наслѣдникомъ цесаревичемъ, получилъ фронтовое образованіе въ строю I кадетскаго корпуса. Вотъ что разсказывали намъ полковникъ Иванъ Васильевичъ Шипиловъ, бывшій въ то время кадетомъ этого корпуса, о нахожденіи его высочества среди кадетъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ концѣ мая или началѣ юня 1831 года, всѣ военно-учебныя заведенія выступили въ кадетскій лагерь въ Петергофѣ. I кадетскій корпусъ, дойдя до Московской заставы, былъ остановленъ и чрезъ нѣсколько минутъ удостоился принять въ составъ I-ой гренадерской роты, пріѣхавшаго туда со своимъ воспитателемъ генераломъ Мердеромъ, государя наслѣдника цесаревича. Онъ былъ одѣтъ, какъ всѣ кадеты, въ походную кадетскую форму съ ружьемъ и занялъ мѣсто въ рядахъ младшаго (стрѣлковаго) отдѣленія роты. Въ походѣ онъ шолъ бодро и отвѣчалъ милостиво на вопросы оказавшихся съ нимъ въ сосѣдствѣ товарищей. На предложеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и разсказчика Шипилова, передать имъ для несенія ружье, его высочество первоначально отказывался, но пройдя нѣсколько верстъ и утомясь съ непривычки, отдалъ его сосѣднему кадету, отъ котораго, когда отдохнули плечи, и взялъ его обратно и несь до Краснаго кабачка, гдѣ корпусъ встрѣтилъ государя императора Николая Павловича и увезъ уставшаго цесаревича съ собою въ коляскѣ.

Во время лагернаго сбора въ Петергофѣ, Александръ Николаевичъ аккуратно являлся на всѣ кадетскія экзерциціи и ученья, старательно изучалъ фронтовую службу, и считался добрымъ товарищемъ и хорошимъ кадетомъ. По окончаніи ученья, его высочество постоянно обѣдалъ съ кадетами за лагернымъ столомъ, куда пріѣзжали также воспитывавшіеся вмѣстѣ съ нимъ товарищи: Мердеръ, Паткуль, графъ Віельгорскій и другіе.

Лагерная кадетская столовая была за лагерьми, на лужьѣ, подъ открытымъ небомъ. Это были длинныя ряды вырытыхъ изъ земли и прикрытыхъ дерномъ столовъ и скамеекъ. Кадетскія роты передъ обѣдомъ расчитывались на артели, каждая въ 6 человекъ. По прочтеніи молитвы, артели садились за столы въ послѣдовательномъ порядкѣ, и каждая артель ѣла изъ одной общей деревянной чашки, казенными круглыми деревянными ложками. Пища въ то время была самая простая: кислые щи съ рубленою въ крошку говядиною, горохъ, каша гречневая или пшенная съ масломъ, пироги и квасъ. Государь наследникъ цесаревичъ обѣдалъ обыкновенно съ пріѣзжавшими къ нему тѣми же артистами и тѣми кадетами, которыми, по расчету, выпадало счастье попасть въ артель его высочества. Обычное мѣсто его артели было на самомъ концѣ лѣваго фланга роты. Никакихъ особенностей ни въ обстановкѣ стола, ни въ приготовленіи пищи для царственнаго юноши дѣлаемо не было, онъ подчинялся тѣмъ же правиламъ, какъ и всѣ прочіе кадеты. Это его болѣе всего радовало, онъ съ удовольствіемъ шолъ къ кадетскому столу и ѣлъ все, что подавали, съ аппетитомъ и ничѣмъ не брезгуя. Кадеты не разъ дѣлились съ нимъ своими долями пирога и онъ никогда не отказывался раздѣлить съ ними ихъ порцію, отламывая по кусочку и съѣдая, а однажды даже одинъ пирожокъ и увезъ съ собою въ подарокъ матери. Ему понравилась кадетская тюря. Это было блюдо собственно кадетскаго приготовленія. Когда подавался вареный горохъ, кадеты крошили въ чашку съ горохомъ хлѣбъ до густоты, разминали его съ горохомъ и посылали въ кухню «помаслить», т. е. положить въ оставленное посрединѣ углубленіе масло, которое, по возвращеніи чашки изъ кухни, размѣшивалось и тюря была готова.

Однажды, во время приготовленія такой тюри для цесаревича, лагерную столовую посетилъ государь императоръ Николай Павловичъ со своей супругой, государыней императрицей Александрой Федоровной. Остановивъ экипажъ противъ стола, гдѣ обѣдалъ со своей артелью наследникъ цесаревичъ, онъ спросилъ его:

— Сама, ты что ѣшь?

— Тюрю, ваше императорское величество, отвѣчалъ Александръ Николаевичъ.

— Что это за блюдо? дай мнѣ попробовать!

— Сію минуту! и наследникъ хотѣлъ было вскочить и по-

дать чашку, но начальство корпуса предупредило его и подало его величеству пресловутое кадетское «самокроше».

Николай Павлович посмотрѣлъ въ чашку, взялъ немного тюри на ложку, откушалъ, посмаковалъ и похвалилъ, съѣлъ еще ложку и другую, и предложилъ попробовать императрицѣ. Государыня отвѣдала немного и поморщилась.

— Что, не нравится? разсѣялся государь, а по мнѣ хорошо! Кушайте, дѣти, на здоровье! обратился Николай Павловичъ къ кадетамъ и побѣжалъ далѣе.

По окончаніи обѣда кадеты вставали изъ за стола, и прочитавъ молитву, расходились по палаткамъ, а наслѣдникъ цесаревичъ уѣзжалъ въ Петергофъ.

Необходимо замѣтить, что деревянныя ложки, которыми кушалъ цесаревичъ, постоянно уносились кадетами съ собою и берегались какъ нѣчто священное. Не успѣвалъ Александръ Николаевичъ встать изъ-за стола, какъ кадеты толпою бросались за ложкой и она становилась предметомъ пререканій и ссоръ между кадетами. Увидя это однажды, цесаревичъ возвратился къ столу, взялъ другую ложку, отвѣдалъ ею оставшагося кушанья и вручилъ ее лично тому кадету, который всѣхъ сильнѣе добивался овладѣть первою ложкою.

— Ну, вотъ и тебѣ ложка! сказалъ онъ при этомъ кадету, и кадетъ переслалъ эту ложку къ родителямъ, какъ драгоценность, для храненія, и самъ впоследствии не разъ разсказывалъ товарищамъ, какъ онъ удостоенъ былъ цесаревичемъ такого дорогого подарка.

Иногда, по вечерамъ, часа за два до пробитія заря, Александръ Николаевичъ прѣзжалъ въ лагерь для игры съ кадетами. Играли, въ мячъ, въ чехарду и другія игры. Играя однажды въ чехарду, одинъ великовозрастный неловкій кадетъ не могъ перескочить чрезъ великаго князя цесаревича, когда тотъ сталъ въ свою очередь нагнувшись, и съѣлъ ему на шею.

— Какой же ты неловкій! сказалъ ему цесаревичъ, ну, становись за то, я буду скакать.

И онъ разбѣжался, прыгнувъ, но перескочить не могъ и остался у него на плечахъ.

— А, сказалъ тогда кадетъ, и вы, ваше императорское высочество, не особенно ловки. За то неудобно ли будетъ вамъ прогуляться со мною. И онъ поднялъ сидѣвшаго у него на плечахъ цесаревича и побѣжалъ съ нимъ вдоль луга. Толпа кадетъ съ кри-

комъ бросилась за ними, и Александръ Николаевичъ былъ очень доволенъ.

Въ другой разъ кадеты человекъ 6—7, сговорившись, увлекли наследника цесаревича въ сосѣднюю за лагеремъ деревню. Тамъ они лежали на сѣнѣ, пили молоко, ѣли творогъ и сметану, катались верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ. Когда пришло дѣло до расчета съ крестьянами, кадеты рѣшили заплатить въ складчину по расчету, но у цесаревича не оказалось въ карманѣ денегъ, и кадеты заплатили одни.

— Я вамъ завтра отдамъ, сказать кадетамъ Александръ Николаевичъ, но кадеты воспротивились и упростили его высочество принять все это за кадетское угощеніе.

Когда была въ кадетскомъ лагерѣ зоря съ церемонією, приѣхали государь императоръ Николай Павловичъ съ государыней и прочими членами императорской фамилии и увезли цесаревича съ собою. Въ противномъ случаѣ онъ возвращался со своимъ воспитателемъ.

Въ праздничные дни государь дѣлалъ иногда въ кадетскомъ лагерѣ разводъ съ церемонією. На одномъ изъ такихъ разводовъ появился великій князь Константинъ Николаевичъ, (имѣвшій въ то время года 4 или 5 отъ роду), въ сопровожденіи своей няни. Онъ подошелъ къ фронту кадетъ, остановился и сталъ махать тросточкой. Николай Павловичъ замѣтилъ это, подошелъ къ нему и сказалъ ему:

— Костя, какъ же ты можешь это дѣлать, когда государь находится передъ фронтомъ? И онъ взялъ его за руку, провелъ на правый флангъ къ музыкантамъ и поставилъ рядомъ съ барабанщикомъ, игравшимъ на турецкомъ барабанѣ. Стой тутъ! приказалъ ему государь, пока не кончится разводъ. И ребенокъ, заморгавшій было, чтобы заплакать, вскинулъ глазки на отца и, видя его веселымъ и смѣющимся, улыбнулся, всталъ на мѣсто и стоялъ при барабанщикѣ до конца развода.

Въ 1832 году 1 кадетскій корпусъ праздновалъ столѣтній юбилей со времени своего учрежденія. Окончившій курсъ кадеты, съ которыми наследникъ цесаревичъ проходилъ свое строгое образованіе, были произведены въ офицеры и являлись въ Анничковскій дворецъ. Александръ Николаевичъ принялъ ихъ весьма милостиво, поздравилъ съ производствомъ, многихъ удостоилъ разговора о семейномъ и имущественномъ ихъ положеніи, совѣтовалъ быть скромными и бережливыми, и въ заключеніе напутствовалъ словами:

— Помните, господа, что вы вступаете на трудный и скользкій путь жизни; будьте тверды и бодры, не падайте духомъ и блюдите строго все то, къ чему обязываетъ васъ долгъ и честь. Если же, паче чаянія, съ кѣмъ нибудь изъ васъ случится какое-либо несчастіе,—обращайтесь ко мнѣ, я васъ не забуду.

И это не были слова только: нѣкоторые кадеты совоспитанники Цесаревича, въ минуту жизни трудную, обращались къ нему за помощью и никогда отказа не было.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, государь императоръ Александръ Николаевичъ, прѣзжая какъ то по Невскому увидѣлъ отставнаго генералъ-майора Морковникова и позвалъ его:

— А, Морковниковъ!.. мой учитель!.. ²⁾ ты въ отставкѣ? почему не служишь?

— По обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить службу.

— Принеси мнѣ докладную записку, я что нибудь для тебя сдѣлаю.
Генералъ-майоръ Морковниковъ подалъ записку чрезъ военнаго министра, и его величество всемилостивѣйше удостоилъ его пожалованія своимъ портретомъ съ собственоручной надписью, и назначилъ ему въ пособіе изъ суммъ кабинета 1000 рублей.

Императоръ Александръ II въ Эмсѣ.

Во время посѣщенія государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ Эмсѣ, въ семидесятыхъ годахъ, дяди своего, Германскаго императора Вильгельма I-го, сидѣли они однажды вечеромъ въ курзалѣ и слушали музыку. Любопытные нѣмочки и нѣмцы цѣлыми семьями подходили къ скамьѣ, на которой сидѣли оба монарха и, почтительно раскланиваясь, останавливались, стояли подолгу и внимательно разсматривали своихъ царственныхъ гостей.

Такая настойчивая любознательность обратила на себя вниманіе нашего государя и онъ нутя замѣтилъ своему августѣйшему дядѣ, что не очень пріятно сидѣть подлѣ упорной наблюдательности столькихъ глазъ.

Въ это время въ вокзалѣ появился канцлеръ князь Бисмаркъ.

²⁾ Морковниковъ обучалъ Александра Николаевича въ 1 кадетскомъ корпусѣ маршировкѣ и ружейнымъ приемамъ.

Проходя мимо государей, онъ отдалъ имъ честь и направился далѣе къ оркестру.

— Ну, теперь, разсѣлся императоръ Вильгельмъ, насъ оставить въ покоѣ.

— А что? спросилъ Александръ Николаевичъ.

— Теперь все глаза у насъ Бисмаркъ отбереть, пояснилъ весело Германскій императоръ ²⁾).

На вечерѣ въ Аничковскомъ дворцѣ.

Государь императоръ Александръ Александровичъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, устраивалъ у себя въ Аничковскомъ дворцѣ вечернія собранія, на которыя были иногда приглашаемы пѣвцы, музыканты и артисты; для исполненія жорсо, пѣсь или разсказовъ. Такъ, однажды, въ семидесятыхъ годахъ, былъ приглашенъ къ его высочеству извѣстный тогда куплетистъ и разсказчикъ Н. Н. Монаховъ. Онъ исполнилъ передъ государемъ цесаревичемъ нѣсколько изъ лучшихъ своихъ разсказовъ - куплетовъ и шансонетокъ. Его высочество былъ очень веселъ и доволенъ. Въ особенности ему понравились куплеты «Смѣхъ», которые артистъ исполнялъ неподражаемо. Онъ попросилъ ихъ повторить. И такъ какъ у Монахова было въ запасѣ нѣсколько куплетовъ «Смѣха», неисполненныхъ передъ его высочествомъ, то «Смѣхъ» былъ исполненъ и въ третій разъ. За столомъ государь наслѣдникъ передалъ Ппполиту Ивановичу серебряную чару, на днѣ которой подъ виномъ оказались золотые полупимперіалы, и очень смѣялся, когда артистъ перекомфузился и не зналъ, что съ ними дѣлать. Кончилось тѣмъ, что чара эта съ полупимперіалами (которыя оказалось 86) была завернута въ бумагу и передана артисту «на память», какъ выразился при этомъ Александръ Александровичъ.

— Нѣтъ, ваше императорское высочество, обратился артистъ съ просьбой къ цесаревичу, если вы такъ милостивы нынче ко мнѣ, то позвольте васъ попросить пожаловать мнѣ «на память» одинъ

²⁾ Записано со словъ бывшаго въ Омскъ тогда фельдъегеря, штабсъ-капитана Ларіона Тимофѣевича Сосновскаго.

серебряный рубль, которые вы, какъ говорятъ, изволите пальцами рукъ скатывать въ трубочки.

— Въ трубки не скатываю, а согнуть могу, — отвѣчалъ шутливо цесаревичъ: — и, пригласивъ Монахова въ свой кабинетъ, взялъ одинъ изъ лежащихъ на столѣ рублей, за край большимъ и указательнымъ пальцами, нажалъ другимъ краемъ на лежащій на столѣ, вмѣсто прессы — напье, обрѣзокъ стального рѣльца и согнулъ этотъ рубль, какъ картонъ, на двѣ трети сгиба.

— Вотъ это «память» — такъ «память»! воскликнулъ артистъ, принимая изъ рукъ его высочества согнутый въ видѣ канавки рубль: — дорожке всего золота!

И дѣйствительно, артистъ до самой смерти своей считалъ этотъ рубль одной изъ драгоценнѣйшихъ своихъ вещей ⁴⁾.

Великій князь Николай Николаевичъ и генералъ Сковорцовъ.

Генералъ-фельдмаршалъ, великій князь Николай Николаевичъ (старшій) всегда интересовался служебными успѣхами лицъ, служившихъ въ полевомъ штабѣ, во время восточной войны 1877—78 годовъ. Узнавъ, что главный интендантъ, генералъ Сковорцовъ, представилъ государю императору Александру Александровичу, въ декабрѣ 1884 года, докладъ объ удачныхъ заготовкахъ для войскъ пропiанта и фуража, вслѣдствіе чего по интендантской смѣтѣ образовалась экономія около двухъ милліоновъ рублей, и что благостный монархъ, лично интересовавшійся состояніемъ войскового хозяйства, горячо благодарилъ за то интенданта, — его императорское высочество былъ очень доволенъ этимъ, и сказалъ: «я радъ, очень радъ, что наши забалканскіе скворцы, наконецъ, начинаютъ пѣть по соловьиному!...» ⁵⁾.

⁴⁾ Разсказъ самого актера Ипполита Ивановича Монахова.

⁵⁾ Записано со словъ правителя канцеляріи главнаго интендантскаго управленія, дѣйств. стат. совѣтника Павла Владиміровича Каблукова.

Графъ А. А. Аракчеевъ и ревизоръ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ с. Грузанѣ, Новгородской губерніи, извѣстной резиденціи графа А. А. Аракчеева находился провіантскій магазинъ, смотрителемъ котораго былъ въ то время губернской секретарь Францъ Мартыновичъ Радзиковскій. Для ездѣтельства провіанта и книгъ магазина Новгородская провіантская коммисія ежемѣсячно присылала ревизора изъ числа состоявшихъ при оной особыхъ чиновниковъ. Однажды, лѣтней порой, графъ Аракчеевъ, встававшій, какъ извѣстно, утромъ рано, выйдя въ прогулку, замѣтилъ, что чрезъ р. Волховъ переправляется пріѣхавшій въ тарантаѣ чиновникъ въ шинелѣ и фуражкѣ съ браснымъ околышемъ. Ревниво наблюдая за всѣмъ, что въ его резиденціи дѣлается, онъ тотчасъ послалъ узнать: кто такой пріѣхалъ и зачѣмъ? Посланный моментально слеталъ и доложилъ графу, что это провіантскій чиновникъ, пріѣхавшій изъ Новгорода для ревизіи провіантскаго магазина.

— Сказать ему, чтобы сейчасъ же убирался вонъ! — вспыхнулъ всемогущій временщикъ: — тамъ, гдѣ живетъ Аракчеевъ, воровства быть не можетъ.

И чиновникъ долженъ былъ возвратиться въ Новгородъ, оставивъ магазинъ не обренизованнымъ ⁶⁾).

Декабристъ Вольфъ и поручикъ Ивановъ.

Генералъ-майоръ Константинъ Ивановичъ Ивановъ, служившій въ 1870—80 годахъ въ Главномъ Инженерномъ Управленіи, имѣлъ слабость вести знакомство съ чинами, художниками, артистами и вообще съ людьми, чѣмъ либо о себѣ заявившими. Онъ былъ

⁶⁾ Рассказъ Ивана Францовича Радзиковскаго, сына Ф. М. Радзиковскаго.

женать на дочери декабриста Анненкова. Женлся онъ еще въ молодыхъ годахъ и маленькомъ чинѣ, состоя на службѣ въ Омской-крѣпости. Получивъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, онъ отправился къ ожидавшей его невѣстѣ въ г. Тобольскъ, гдѣ въ то время проживали декабристы: Муравьевъ, Басаргинъ, Завалишинъ, Вольфъ и нѣкоторые другіе. Представленный имъ, при обрученіи, будущимъ тестемъ, онъ былъ принятъ ими дружелюбно и только одинъ Вольфъ отнесся къ нему крайне сдержанно.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ онъ жениха, смотря на него сурово.

— Да ужъ болѣе четверти вѣка, отвѣчалъ развязно молодой офицеръ.

— А какъ далеко вы ушли по службѣ?

— Да вотъ уже поручикъ и состою при инженерномъ управленіи въ Омскѣ.

— Недалеко же вы, батенька, шагнули, замѣтилъ проницательно декабристъ, въ ваши годы я былъ уже дивизіоннымъ штабъ-докторомъ и стоялъ подъ вымплицей ⁷⁾.

Генераль фонъ-дербъ-Лауницъ.

Командиръ бывшаго отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генераль фонъ-дербъ-Лауницъ, отличавшійся необычайной строгостью и суровостью въ отношеніи требованія отъ подчиненныхъ ему войскъ исполненія служебныхъ обязанностей, сдѣлалъ свою карьеру весьма оригинальнымъ способомъ. Назначенный въ тридцатыхъ годахъ, въ чинѣ полковника командиромъ Одесскаго уланскаго полка, онъ тотчасъ прибылъ въ штабъ-квартиру полка, квартировавшаго тогда въ г. Вознесенскѣ, и произвелъ полку инспекторскій смотръ. Полкъ показался ему слабымъ въ строевомъ отношеніи и онъ остался очень недоволенъ дивизіонными и эскадронными командирами. Чтобы ознакомиться съ знаніемъ офицерами воинскаго устава и фронта, на другой день было назначено офицерское ученіе. Полковой коман-

⁷⁾ Записано со словъ самого Константина Ивановича Иванова.

дирь тщательно осматривалъ: посадку, выправку, ухѣны держаться въ сѣдлѣ, равненіе, шагъ, ѣзду на рысяхъ и въ карьерѣ, и все находилъ или не исполнѣ удовольствительнымъ, или искуда негоднымъ. Сперва онъ дѣлалъ замѣчанія, поправлялъ, указывалъ, потомъ началъ выговаривать, кричалъ, что это не офицеры, а бабы въ уланскихъ шапкахъ, и, наконецъ, разсвѣрѣлъ. Приостановивъ ученіе и перестроивъ проходившіе мимо ряды во фронтъ, онъ вдругъ повернулся къ стоявшему сзади штабъ-трубачу и закричалъ: «палокъ!». Нужно было видѣть какое изумленіе выразилось на лицахъ офицеровъ, ошеломленныхъ подобнымъ приказаніемъ. Старые усахи, рубашки, отбывшіе десятки сраженій, никогда не слыхивали, чтобы на офицерскихъ ученіяхъ употреблялись палки. И ихъ лица пламенѣли, глаза метали искры и усы топорщились. Но фронтъ—святое дѣло: думай, что хочешь, но все, подѣ командой «смирно!» закаливалось и молчало, ни звука, ни движенія, даже лошади стоять смирно, не шевелятся. Командиръ полка былъ доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ, и, въ ожиданіи появленія пославшаго за палками на полковой дворъ штабъ-трубача, стоялъ передъ фронтомъ, и съ загадочной улыбкой сфинкса на устахъ, разсматривалъ и изучалъ мужественныя, загорѣвшія лица старыхъ удалцевъ-эскадронеровъ и юныхъ полныхъ жизни и силъ субалтернъ-офицеровъ. Это была пытка,—говорили потомъ офицеры:—ждали чего-то необычайнаго, грознаго, страшнаго, чего-то въ родѣ надвигавшейся какъ туча, бѣды, несчастія, или катастрофы, сердца учащенно бились, губы блѣднѣли, и судорожно сжимались, но напряженіе воли сковывало всѣ мысли, и въ строю было такъ тихо, что жужжаніе мухи было слышно. Но вотъ вдали показался скачущій въ карьеръ съ пучкомъ палокъ штабъ-трубачъ, тихо онъ подлетѣлъ къ командиру, и молча вытянувшись, остановился въ ожиданіи приказаній. Всѣ взоры сосредоточились на суровомъ лицѣ новаго своего начальника.

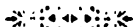
— Поручикъ X, корнетъ X, штабъ-ротмистръ X, вперед! раздалась команда полковаго командира и нѣсколько офицеровъ было вызвано изъ фронта.

— Господа, обратился къ нимъ полковникъ фонъ-диръ Лауницъ, на произведенномъ мною сегодня ученіи, я замѣтилъ, что вы много слабѣе нашихъ товарищей по фронту. Вы дурно сидите въ сѣдлѣ, горбитесь и не слышаетесь съ конемъ въ одну фигуру, головы у насъ на скаку откидываются, локти полощутся. Такъ ѣздить только

киргизы или банкиры, у себя въ стѣняхъ, но у насъ подобная бѣда не мыслима. Чтобы удостовѣриться, есть ли это простая случайность, небрежность, или прямой недостатокъ выправки и посадки—этой основы фронтоваго кавалерійскаго образованія, я считаю долгомъ теперь же подвергнуть насъ испытанію. Эй, вахмистръ, обратился онъ къ правофланговому сѣдоку-усачу, продѣнь этимъ офицерамъ между локтями и спиной по палкѣ! А вы, господа, обратился онъ къ офицерамъ, когда вахмистръ исполнилъ отданное ему приказаніе, постарайтесь, какъ инструкторы вашихъ взводовъ, пройти всѣ аллюры, не уронивъ на землю палокъ. И онъ подалъ команду для прохожденія.

Конечно, конфузъ и неловкость положенія пройти всѣ аллюры съ палкой за спиной сдѣлали свое дѣло: офицеры хотя и не уронили продѣтыхъ палъ между локтями и спиною палокъ, но отъ сильнаго нажима при прохожденіи на рысяхъ и въ карьеръ, поломали ихъ и обложки растеряли во время скачки. Во всякомъ случаѣ, командиры полка поставили это нѣтъ въ вину и прямо съ плаца отравили на гауптвахту.

Эта курьезная выходка дошла до высшаго начальства, и полковникъ фонъ-деръ-Лауницъ сдѣлался извѣстенъ какъ лихой фронтовикъ и строгій разумный начальникъ *).

Генераль, графъ Никитинъ.

Генераль отъ кавалеріи Никитинъ (инсѣдствій графъ), будучи назначенъ инспекторомъ всей резервной кавалеріи, нежелая ознакомиться съ порядкомъ исполненія служебныхъ обязанностей въ частяхъ вѣренныхъ ему войскъ, и для этого предпринимая частный обѣздъ этихъ частей и посѣщая нѣкоторые изъ полковыхъ штабъ-квартиръ безъ обычнаго заблаговременнаго предупрежденія о томъ ихъ начальства.

Приѣхавъ въ г. Кременчугъ, гдѣ стоялъ въ то время одинъ изъ подѣлственныхъ ему кирасирскихъ полковъ, онъ тотчасъ

*) Рассказъ этотъ записанъ тоже со словъ полковника Шинникова, служившаго подъ начальствомъ генерала фонъ-деръ-Лауницъ.

же отправился на главную гауптвахту. Было было лѣтомъ. Жара стояла невыносимая. Караулъ отъ кирасирскаго полка находился въ караульномъ домѣ, на платформѣ стоялъ только одинъ часовой. Генералъ въ походной шинели подошелъ къ гауптвахтѣ нѣтъ ни замѣченный, и только когда вступилъ на платформу, часовой увидѣлъ его и бросился было къ звонку. Но генералъ махнулъ рукой остановить его и направился прямо въ офицерскую комнату. Отворилъ дверь, онъ былъ пораженъ изумительнымъ зрѣлищемъ въ креслахъ раздѣтый до нижняго бѣлья спалъ караульный офицеръ, а сзади кресла стоялъ гигантъ-кирасиръ съ вѣткой черешни и отмахивалъ мухъ. Генералъ моментально сбросилъ съ плечъ шинель и задалъ грозный вопросъ:

— Кто это такой?

Разбуженный вѣстовымъ офицеръ вскочилъ и началъ было по уставу рапортовать: «вашему высокопревосходительству и пр.»...

— Позвольте, позвольте! перебить его генералъ, кто вы такой?

— Караульный начальникъ, такого то кирасирскаго полка, корнетъ, графъ XX...

— Но что это за форма на васъ?

— Я... я... и корнетъ замаялся... по случаю жары... позволилъ себѣ снять мундиръ... ужасно душно... а я теперь въ дезабилье...

— Ну-съ, а солдаты ваши тоже въ дезабилье?

— О, нѣтъ! ваше высокопревосходительство, солдаты въ порядкѣ..

— Ну, слава Богу, хотя солдаты въ порядкѣ!.. а вамъ ужасно душно, вы позволите себѣ дезабилье... очень радъ случаю убедиться, какъ у васъ исполняется служба его императорскаго вѣличества... Ну, что же, садитесь г. корнетъ, въ ваше кресло... (офицеръ попытался было попросить позволенія одѣться). Садитесь! повторилъ генералъ болѣе строго, и обратился къ стоявшему за кресломъ вѣстовому, прибавилъ: а ты, дуракъ, маши!

Офицеръ, ни живъ, ни мертвъ, опустился въ кресло. Генералъ тоже присѣлъ на стоявшій близъ стола стулъ, потребовалъ стоявшаго въ караулъ вахмистра и приказалъ ему дать знать о его прибытіи командиру полка, дежурному по карауламъ и прочему полковому начальству, которое все, въ полномъ составѣ, въ сѣрости и собралось на гауптвахтѣ. Генералъ Никитичъ представилъ ему караульнаго начальника въ томъ видѣ, въ которомъ онъ нашелъ его, и гроза, конечно, разразилась ужасная... Но виновникъ ея, ко всеобщему удивленію, отхлѣбалъ однимъ стра-

хоть. Генераль Никитинъ, узнавъ, что это былъ только что переведенный за какую-то шалость изъ гвардіи, тѣмъ-же корнетскимъ чиномъ офицеръ, отнесся къ нему крайне добродушно.

— Благодарю васъ, корнетъ, сказалъ онъ ему, вы дали мнѣ возможность убѣдиться лично, какіе существуютъ здѣсь порядки, и, конечно, я прийму мѣры къ ихъ искорененію.

И корнетъ не только не былъ подвергнутъ никакому взысканію, но при первомъ же представленіи къ наградамъ, былъ представленъ за отличіе къ слѣдующему чину ²⁾).

Генералы Тришатный и Станкевичъ.

Командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генераль-лейтенантъ Тришатный любилъ въ свободное время перекинуться въ картишки. Но онъ любилъ не только играть, но и выиграть; для чего не считалъ грѣхомъ заглянуть иногда и въ карты своего партнера. Когда онъ отправлялся инспектировать гарнизонные батальоны, командиры ихъ, по окончаніи смотровъ, устраивали въ честь своего начальника, парадные обѣды, послѣ которыхъ усаживали его за картонный столъ. При чемъ партнерами ему выбирались наиболѣе солидные лица въ городѣ. Однажды въ сороковыхъ годахъ, генераль Тришатный, произведи смотръ Казанскому гарнизонному батальону, былъ приглашенъ командиромъ его, по заведенному порядку, на обѣдъ, и затѣмъ посаженъ играть въ карты. Между партнерами еще находился отставной генераль Станкевичъ, уволенный отъ службы за какія то ошибки на высочайшемъ смотру войскъ въ Вознесенскъ въ 1837 году, и поэтому не особенно долюбивавшій «трутней службы», какъ онъ называлъ вообще вышнее военное начальство. Замѣтивъ во время игры, что генераль Тришатный не упускаетъ случая заглянуть въ его карты, онъ выждалъ моментъ, когда тотъ повернулся въ его сторону, чтобы запустить въ его карты соглядатая, и держа въ лѣвой рукѣ развернутыя

²⁾ Рассказъ этотъ записанъ со словъ капитана Александра Викторовича Дробышевскаго, отецъ котораго служилъ въ то время въ сказанномъ кирасирскомъ полку.

перомъ карты, показалъ ему подъ ними правою рукою фигу. Генераль Тришатный покраснѣлъ, насупился и, отвернувшись въ другую сторону, плюнулъ.

— Что, ваше превосходительство, засмѣялся Станкевичъ, не нравится, видно, намъ пятая-то масть у меня ¹⁰⁾.

Генераль Треповъ и купецъ Палкинъ.

Въ семидесятыхъ годахъ С.-Петербургскихъ градоначальниковъ генераломъ Треповымъ, издано было обязательное постановленіе, чтобы рестораны, гостиницы и трактиры имѣли вывески на красномъ или сине-красномъ полѣ. Въ содержатели этихъ заведеній подчинились сему распоряженію безпрекословно, только надъ рестораномъ К. П. Палкина висѣла по прежнему бѣлая вывеска съ именемъ его содержателя. Участковый приставъ неоднократно напоминалъ Константину Павловичу о перемѣнѣ вывески, онъ отвѣчалъ любезно: «хорошо, хорошо!» но вывески не снималъ. Пришлось донести градоначальнику, генераль Треповъ предписалъ обязать упрямого трактирщика подпиской о немедленномъ исполненіи обязательнаго постановленія о вывескахъ; но трактирщикъ уперся: подписки не далъ, а только на предписаніи расписался, что читалъ его. Составили протоколъ и донесли. Но положенія объ охранѣ, на основаніи котораго стали штрафовать трактирщиковъ, тогда еще не было, и Константинъ Павловичъ не унывалъ. Идетъ онъ какъ то утромъ по Невскому и встрѣчаетъ грознаго градоначальника, жва-шагося кудато стрѣлками, чуть не стоя въ экипажѣ. Увидя «упрямаго трактирщика», генераль Треповъ остановился, подозналъ его къ себѣ и началъ по обычаю усонѣцывать: «прошу и пр... явче я долженъ буду закрыть ваши рестораны»...

— Эхъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ съ низкими поклоненьемъ трактирщикъ, бросьте вы это дѣло, не все ли вамъ рано, какая у меня виситъ дощечка... а впрочемъ, какъ знаете...

---

¹⁰⁾ Записано со словъ полковника Шипилова, служившаго также и при генералѣ Тришатномъ.

не забудьте только, что у меня вотъ здѣсь—и трактирищикъ указалъ рукою на оттопырившіеся въ грудномъ карманѣ сюртука бумажники:—лежить вѣдь милліонъ!..

Генераль Треповъ расхохотался и поѣхалъ далѣе. Но бѣлая дощечка съ лаболической надписью: *К. П. Палкинъ* такъ и осталась надъ входомъ Палкинскаго ресторана ¹¹⁾).

Генераль фонъ-Кауфманъ.

Туркестанскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, именно: въ 1872 году, передъ Хивинскимъ походомъ, бесѣдовалъ какъ-то въ главномъ штабѣ съ генераль-адъютантомъ Мещериновымъ и высказалъ слѣдующій оригинальный афоризмъ: «какъ хотите, Григорій Васильевичъ, а люди силовы и краду имѣють не тѣ прозвища, которые бы имъ слѣдовало носить. У меня два помощника: человекъ съ разумной головою называется Колпаковскимъ, а сущій колпакъ зовется «Голоначевымъ».

— Ну, это—игра случая, не болѣе, отвѣтилъ генераль-адъютантъ Мещериновъ и разсмѣялся ¹²⁾.

Генераль Величко.

Помощникъ начальника главнаго штаба, генераль-майоръ (впоследствии генераль-лейтенантъ) Филаделъфъ Кирилловичъ Величко, зайдя однажды въ кабинетъ начальника I отдѣленія, полковника Скрыбина, замѣтилъ у него на столѣ какую-то частную работу, и полушутя, полусерьезно сказалъ ему:

---

¹¹⁾ Записано со словъ самого Константина Павловича Палкина.

¹²⁾ Разсказъ бывшаго при этомъ разговорѣ полковника (впоследствии генераль-майоръ) Михаила Павловича Скрыбина.

— Вотъ у васъ работы казенной лежить цѣлая груда, а вы еще частную берете!..

— Да вамъ то что, ваше превосходительство, — отвѣчалъ обидѣвшійся замѣчаніемъ полковникъ, — больно, что-ли отъ этого?.. ¹³⁾.

Купецъ Фирсановъ.

Умеръ въ Москвѣ въ восьмидесятыхъ годахъ извѣстный богатъ П. Фирсановъ. Первымъ дѣломъ его наслѣдниковъ было отыскать ключъ отъ шкатулки съ деньгами и бумагами, находившейся въ спальнѣ умершаго купчины. Но ключа, не смотря на всевозможныя поиски, найти не могли. Говорили, что ключъ былъ въ тѣ рукахъ покойнаго не задолго до смерти, но куда онъ дѣлся — никто не зналъ. Послали за слесаремъ и заказали сдѣлать новый ключъ. Между тѣмъ, когда обмытое тѣло полагали на столъ, кто то изъ родственниковъ замѣтилъ, что одна щека у умершаго сплывъ вдулась. Посмотрѣли — и за щекой у него оказался искомый ключъ отъ шкатулки. Переходя въ другую жизнь, онъ хотѣлъ унести съ собою хотя ключъ отъ нажитыхъ имъ богатствъ ¹⁴⁾.

Генералъ Ванновскій.

I.

Генералъ-адъютантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, вскорѣ послѣ назначенія своего на должность военнаго министра, узналъ, что чиновники главныхъ управленій военнаго министерства приходять поздно на службу, и задумавъ повѣрить это лично, однажды неожиданно-негаданно явился въ главное артиллерійское управленіе часу въ десятомъ утра, и сдѣлалъ ревизію.

¹³⁾ Разсказъ тоже Михаила Павловича Скрыбина.

¹⁴⁾ Разсказъ редактора «Русскаго Архива» Петра Ивановича Ва.

Но управленіе, вѣроятно, освѣдомилось о посѣщеніи министра заблаговременно, и приготовилось. Генералъ нашелъ всѣхъ чиновниковъ на мѣстахъ и дѣлопроизводство въ порядкѣ, сдѣлался веселъ и разговорчивъ. Войдя въ переписочную часть (гдѣ писаря переписываютъ на бѣло бумаги), онъ поздоровался съ писарями, посмотрѣлъ на ихъ работу и, обратясь къ заведенному имъ чиновнику Бетхеру, спросилъ: а что, понимаютъ-ли они, что пишутъ?

— Очень не многіе, ваше превосходительство, отвѣчалъ Бетхеръ, писаря большею частью пишутъ машинально.

— Ма...ши...нально!.. растянулъ генералъ, а впрочемъ, вѣдь это хорошо, что они не понимаютъ, что пишутъ, присовокупилъ онъ, улыбаясь ¹⁵⁾.

II.

Его высокопревосходительство, Петръ Семеновичъ, осенью 1893 г. испросилъ высочайшее разрѣшеніе воспользоваться отпускомъ для леченія отъ болѣзни и уѣзжалъ за границу. На дебаркадерѣ Варшавской желѣзной дороги собрались проводить его ближайшіе сотрудники, начальники главныхъ управленій, члены военнаго совѣта, генеральный штабъ и др. Прощаясь съ ними, онъ сказалъ имъ:

— Ну, господа, вы теперь мѣсяца два отдохнете: шпора ваша уѣзжаетъ ¹⁶⁾.

Юнкера Дурново и Кривошеинъ.

Бывшіе министры: внутреннихъ дѣлъ — Иванъ Николаевичъ Дурново и путей сообщенія Аполлонъ Константиновичъ Кривошеинъ воспитывались въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, они были уже въ старшемъ классѣ. Между воспитан-

¹⁵⁾ Записано со словъ Бетхера.

¹⁶⁾ Разсказъ правителя канцеляріи главнаго штаба дѣйств. стат. совѣтника Николая Ивановича Витѣйкинскаго.

